

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного
федерального округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (9) 2006

Хабаровск, 2006

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.
Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.
Технический секретарь: Миронова-Тихомирова А.С.

Отдел философии и культурологии:

Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:

секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),
Невструева Т.Х., Ясман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:

Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:

Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:

Лебедько М.Г., Модина Г.И., Первушина Е.А., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

В рецензировании материалов принимали участие научные консультанты:

Нехаев В.И., Пишун В.К.

*Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средств массовой информации:

ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47, оф. 3235,
тел./факс: (4212) 35-52-93, [E-mail:journal@festu.khv.ru](mailto:journal@festu.khv.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Давыдов В.В.</i> Психофизическая проблема в методологии когнитивизма	4
<i>Докучаев И.И.</i> Кризис культуры XX века как проекция кризиса важнейших ценностей креативной культуры	14
<i>Гуныкин И.В.</i> Становление и развитие философско-онтологической традиции в Московской духовной академии XIX в.	19

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Калита В.В., Долгова М.В.</i> Процедура построения и апробации частного семантического дифференциала «представление о живых объектах»	29
<i>Долганов Д.Н.</i> Система личностных конструкторов как компонент системы субъективного опыта	33
<i>Кригер Г.Н.</i> О некоторых этнопсихологических особенностях телеутов	41
<i>Яницкий М.С.</i> Политическая корректность: ценностно-смысловой аспект	45
<i>Невструева Т.Х., Гнедина Т.Г.</i> Динамика карьерных ориентаций личности руководителя	51

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Герасименко А.П., Умрихин А.В., Чердаков С.В.</i> Типологическая идентификация правовых систем дальневосточных стран	60
<i>Губарев А.Б.</i> Россия как участник международных информационных конфликтов	66
<i>Лымарь С.И.</i> Общественно-политическое наследие сменовеховства в поиске современной модели развития России	73
<i>Ткачёв С.В.</i> Об определении понятия «империя»	79
<i>Безотецкая И.П.</i> Институциональные основы механизма административно-правового управления	87
<i>Климова О.В., Якунин Д.В.</i> Право граждан на жильё как элемент конституционного статуса личности	96
<i>Ханько А.В.</i> Модели механизмов преступлений, совершаемых должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, и их значение в расследовании	106

ИСТОРИЯ

<i>Спасский Е.Н.</i> Общегерманские выборы 2 декабря 1990 года	111
<i>Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н.</i> Дальневосточная республика на международных переговорах и конференциях (1920–1922 гг.)	117
<i>Кит Т.В.</i> Правовые основы ярмарочной торговли в России в XVII–начале XX вв.	132

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Глущенко О.А.</i> Опыт семантической типологии наречий образа действия в русском языке	141
<i>Олесова Н.Г.</i> Названия орудий лова в говорах камчадалов	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защищенные диссертации	166
Информация о конференциях	172
<i>Рыбальченко Т.Л., Янушкевич А.С.</i> Штрихи к портрету	174
Памяти С.Ф. Крившенко	178
Памяти Учителя	179
К сведению авторов	181
К сведению подписчиков	182

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В МЕТОДОЛОГИИ КОГНИТИВИЗМА

В.В. Давыдов

Давыдов Всеволод Викторович – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Камчатского государственного университета.

В статье рассматриваются перспективы создания натуралистической теории сознания на основе союза философии и когнитивных наук. Автор обращает внимание на трудности, с которыми сталкиваются когнитивистские интерпретации психофизического взаимодействия. Утверждение позиций натуралистической теории сознания автор связывает с требованием пересмотра лингвистических оснований анализа психофизической проблемы.

The author of the article explores the outlook of naturalistic philosophy of mind, treating philosophical investigation as allied with cognitive science. The author takes into consideration the difficulties of cognitive interpretation of mind-body interaction and asserts the idea that the future of it is demanded revision metaphoric approach in natural sciences.

Рост общего числа и появление новых направлений специальных исследований психики и сознания человека поставили философию перед выбором: либо, сохраняя верность гуманитарной парадигме, определять сознание по характеру его данности субъекту в рефлексивных, либо социальных практиках, либо, ориентируясь на натуралистическую парадигму, осмыслить сознание как естественный (природный) феномен. Одним из самых влиятельных натуралистических подходов, а, может быть, и единственным вариантом реализованной натуралистической теории сознания является когнитивный подход к психофизической проблеме. Определяя сущность и обоснование когнитивистской методологии в качестве пути решения проблемы связи психического и физического, можно выделить два варианта конкретизации этого проекта: когнитивно-информационный и когнитивно-эволюционный подходы к феномену сознания. Разделение производится на основании того, что сознание может быть натурализовано как эмерджентное свойство материи мозга, во-первых, и как функциональное состояние сложной биологической системы, во-вторых¹. В одном случае обосновывается *принципиальная возможность* рассмотрения феномена сознания как результата психофизического взаимодействия², определяется онтологи-

ческий статус сознания, а в другом – *необходимость* феномена сознания в процессе естественного развития более примитивных форм допсихического и психического отражения мира, определяется его гносеологический статус. В обоих случаях осуществление задачи натурализации сознания зависит от успешной интеграции философии сознания и когнитивных наук.

Обращаясь к актуальным определениям когнитивизма можно выделить его определения в качестве парадигмы современной философии и методологии исследования сознания. В первом значении понятие «когнитивизм» «употребляется как название и вместе с тем как характеристика (обычно – негативная) тех *концепций*, в которых *преувеличивается* роль и место «когнитивной» (фактически же – рациональной) составляющей духа, и тех *подходов*, в рамках которых абсолютизируются «когнитивные» (рационально-научные) методы исследования сознания»³. Если не прибегать к оценочным определениям, то когнитивизм как парадигма – это «взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека»⁴. Широкое определение понятия «когнитивизм» вызывает трудности при его использовании.

¹ Ср.: И.П. Меркулов как направления в рамках натуралистической эпистемологии выделяет эволюционную и компьютерную эпистемологии. Первая «своим возникновением обязана...достижениям эволюционной биологии и широко применяет модели естественного отбора для объяснения эволюции когнитивной системы живых существ и развития знания», а вторая «для решения эпистемологических проблем...привлекает различные модели переработки информации» (Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 1. СПб.: РХГИ, 2003. С. 9).

² Слово «взаимодействие» здесь употребляется, скорее, как дань традиции: эмерджентный подход к сознанию не предполагает

рассмотрения отношения сознания к мозгу в принципе интеракции двух субстанций. В качестве альтернативы интеракции предлагается отношение «супервентности» (следования).

³ Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003. С. 4.

⁴ «Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач» (Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17).

В частности, «этим именем одновременно называются» и «программа исследований человеческого «мыслительного механизма», и «стиль наблюдений над явлениями ментальной природы человека (в этом когнитивизм близок феноменологии)», и «исходная гипотеза о том, что субъект – источник, инициатор своих действий», и «демаркация области исследования, когда когниции – восприятие, языковая деятельность, память, представления – противопоставляются аффектам, не входящим, тем самым, в число первичных объектов исследования»⁵. В каком значении когнитивистскую методологическую установку должна с пользой для себя востребовать философия – вопрос открытый.

В философии сознания термин «когнитивизм» можно использовать для обозначения «концепций, редуцирующих сознание к знанию, т. е. трактующих все компоненты сознания (включая и ценностно-интенциональные) как когнитивные феномены»⁶. Когнитивизм здесь – это методологический принцип, согласно которому сознание в целом и в таких частных проявлениях, как эмоции, ценностные и целевые (интенциональные) установки, может быть сведено к знанию и познанию. В данном смысле это редукционистский принцип (хотя он противопоставляется *физикалистскому* редукционизму). Центральным когнитивистским тезисом, востребованным для решения психофизической проблемы, является положение о том, что феноменология субъективного опыта сознания редуцируется к когнициям субъекта, репрезентированным в организации его мозга и данным ему как информация о состоянии внешней среды, собственном состоянии. Объяснение всех аспектов функциональной организации когнитивной системы человека должно привести к решению загадки существования сознания в мире естественных явлений и процессов. Ожидания здесь связаны прежде всего с моделью, представляющей сознание как эмерджентное свойство сложных изменяющихся целостных систем. Это свойство возникает в процессе информационной саморегуляции (устранения состояния неопределённости) организмов, связано с функцией управления и представляет собой новое системное свойство организма, качественно отличное от других, определяемых его естественными, непосредственно включающими в среду когнициями.

В широком понимании (отступая от узкого определения Л.В. Максимова) когнитивизм как методологическая установка в философии сознания – это определение сознания с помощью понятий когнитивных наук и в пределах их эмпирического поля. В результате такого определения сознание можно рассматривать как представленный в мозге сложный процесс отбора, анализа и преобразования информации о внешней среде и состоянии самого обладателя мозга в ней. Это когнитивный процесс в том смысле, что его основанием и предпосылкой является некий общий порядок вещей, отражение которого позволяет существу, имеющему определенный набор когниций, выживать (или избегать вовлечения в иные «порядки вещей») и считаться существом разумным. Таким образом, когнитивизм с одной стороны, актуализирует в философии сознания так называемую *вычислительно-репрезентативную* модель мозга сознательного существа, уподобляющую «мозг компьютеру», а сознание – компьютерной программе. Это дает возможность, во-первых, понимать сознательное существо источником своих собственных действий (т. е. избегать постулирования независимой духовной субстанции, управляющей телом). А во-вторых, не уподоблять действия сознательного существа действию бездушной машины, либо любой другой сложной системы, функционирующей в силу необходимости действия физических законов (т. е. избегать утверждения тождества мозга и сознания и элиминации при рассмотрении сознания его субъективно опосредствованного ментального аспекта).

С другой стороны, когнитивизм, апеллируя к объективной представленности ментального в когнитивной системе человека, стремится дать такое описание сознания, которое было бы независимым от фактора данности сознания субъекту в определенном качестве состояний. При всем том, что когнитивизм не противоречит ментализму и дистанцируется от теории тождества, для понимания специфики этой методологии надо учитывать то, что репрезентация ментального в мозге обеспечивается за счет когнитивных структур, функционально организованных *совершенно независимо от фактора субъективной данности сознания*.

Рассматривая перспективы решения психофизической проблемы с учётом актуальных интерпретаций феномена сознания, предложенных когнитивными науками, нельзя не отметить ряд существенных трудностей, возникающих перед так называемой натуралистической теорией сознания.

⁵ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17.

⁶ Максимов Л.В. Указ. соч. С. 5.

Главная трудность, препятствующая реализации этого проекта, связана с натурализацией такой сущностной характеристики феноменологии сознания, как субъективность. Субъективный опыт сознания представляет собой только часть информационной организации когнитивной системы человека. Потому функциональность сознания как такового определить затруднительно. Прослеженная зависимость уникального опыта субъективности от когнитивной специализации сознательно или бессознательно задействованных субъектом «подсистем» мозга способствовала бы определению его (опыта) функциональности. Но даже в этом пока не имеющем места случае возникнет проблема с редукцией таких свойств сознания, как данность от первого лица и рефлексивность. К тому же эти свойства не могут быть приписаны принципиально не осознаваемому объективному уровню его организации, так как считается, что они имеют отношение только к субъективному опыту сознания. Вопросы вызывает критерий применимости менталистских терминов при описании определённой сложной системы, предположительно осуществляющей процессы «внутренней переработки» внешних стимулов. Как определить, имеет ли информация, которой оперирует система, смысл для неё самой?⁷ Без решения этой проблемы любая попытка антиредукционистской интерпретации психофизического взаимодействия будет только реализацией метафор, с помощью которых сторонний наблюдатель приписывает ментальные состояния некому физическому объекту. Оправдание такого способа представления сознания может быть связано только с желанием когнитивистов избежать грубой редукции, но сам он так же, как и другие существующие способы, – несовершенен.

Задача определения когнитивного формата (или ответа на вопрос: *что* в объективной характеристике ментальных образов позволяет считать их *именно когнициями*?) доступных субъекту ментальных образов и вообще самой возможности объективной представленности ментальных образов в организации мозга существенно затрудняет когнитивистскую редукцию сознания. Её пытаются решить сторонники вычислительно-репрезентативной модели мозга

человека как функциональной системы⁸. Главная проблема здесь: отсутствие ясных представлений об организации и онтологической характеристике уровня сознания, где объективные когниции и их субъективная данность как ментальных образов и интенций взаимодействуют. Единственная возможность представить его – прибегнуть к редукции, применив тезис тождества, или поместить на этом уровне гомункулуса.

Попытка функционалистов натурализовать сознание, прибегая не к редукции ментальных образов и интенциональных установок сознания, а к их элиминации, представлена моделью «метафизического функционализма». Она предполагает, что функциональная система «мозг» обеспечивает ментальные состояния, опосредованные субъективным опытом сознания, который сам по себе некогнитивен (или когнитивен для субъекта, т. е. – уже условно), но свидетельствует об объективном состоянии всей определённым образом (функционально) мобилизованной когнитивной системы. Опыт сознания, следовательно, не может быть тождественен чему-либо в организации когнитивной системы, а последняя, в сущности, ничем не заявляет себя как принадлежащая некому носителю уникальной субъективности или, используя любимый образ критиков реалистической интерпретации ментального, объективно принадлежит «зомби». Проблемой такого подхода к психофизическому взаимодействию является то, что здесь остаётся не прояснённой связь функционального описания ментальных состояний человека, нейтрального по отношению к характеру их данности носителю и свойствам поддерживающего их субстрата, с психологическими и, далее, нейрофизиологическими характеристиками этих состояний. Интерпретация поведения, семантика ментальных⁹ состояний, образы, составляющие опыт переживания определённого ментального состояния, – всё это необходимо нуждается в психологических характеристиках, а последние, в свою очередь, – в физиологических механизмах. Если эта связь случайна, то психофизическая проблема вообще лишается смысла: психологические сущности и характеристики элиминируются, физическая организация мозга «демифологизируется» в качестве обеспечивающей структуры «самости», интенциональности. Соответст-

⁷ Здесь можно вспомнить аргумент «китайской комнаты» Д. Сёрла. Его суть, коротко говоря, заключается в указании на возможность такой ситуации, когда некий субъект, владея на определённом уровне грамматикой языка (некоторыми формальными принципами его организации), не владеет, тем не менее, языком (не может выражать на нём свои мысли), хотя у окружающих создаётся иллюзия того, что перед ними полноценный носитель языка.

⁸ Используемая нами классификация направлений в функционализме дана в: Block N. What is Functionalism? // *Readings in Philosophy of Psychology* / Ed. by N. Block. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1980. (Vol. 1). P. 171–186.

⁹ Представленных в качестве функциональных.

венно когнитивистские интерпретации функциональной связи субъективной реальности и её «нейрокода» становятся беспочвенными: никакого психофизического взаимодействия в мозге попросту нет, есть экстраполяция субъективности на функциональные состояния некоего физического объекта (в частности – мозга человека)¹⁰. Если же эта связь не случайна и ментальное принципиальным образом зависит от его психологических и нейрофизиологических характеристик, то функционалистская интерпретация сознания также становится излишней: становится очень трудно отличить её от бихевиористской и физикалистской¹¹.

Решение психофизической проблемы при учёте эволюционных моделей развития когнитивной системы человека предполагает, что сознание как уникальная, но, тем не менее, генетически связанная с раздражимостью, психикой других живых существ «когниция» возникло в результате естественного процесса адаптации человека к природе. Когнитивный характер процесса адаптации живого существа к внешней среде можно считать объективным. Набор естественных когниций организма – залог его адаптации к среде; естественный процесс адаптации организма к среде представлен его когнициями. Но субъективная данность сознания налагает ограничения на возможность их связи с намерениями, стремлениями, ожиданиями и потребностями человека как уникального по природе существа. Кроме того, есть основания для рассмотрения становления когнитивной системы человека безотносительно процесса адаптации. Когнитивный характер процесса социализации человека или его «экологических» практик¹² можно считать условным, так как они опосредствованы субъективно. И здесь мы опять сталкиваемся с проблемой связи естественных когниций с интенциями сознательного существа. В том случае,

когда есть возможность заявить объективность социальных когниций (например, объективность языка), мы сталкиваемся с проблемой обоснования связи структур языка, а далее – интенций социального существа со структурной и функциональной организацией эволюционирующей, способной к психическому отражению материи (в частности, мозга человека)¹³. Поскольку вычислительно-репрезентативная модель только условно пригодна для натурализации субъективного опыта сознания, функционализм предпринимает попытку натурализации когнитивных структур сознания социального существа за счёт утверждений существования объективизированного в функциональной организации мозга «языка мысли». Этот «язык мысли» якобы имеет врождённую общую для всех людей структуру. Его характер, повторим, столь же объективен как и характер когниций, непосредственно направленных на физическую среду. А складывается «язык мысли» в процессе эволюции когнитивной системы человека в связи с усложнением информационной среды, в которой последний находится, или в связи с переходом к новой адаптационной стратегии. Так устанавливается когнитивный формат сознания *на семантическом уровне*¹⁴. Признание объективно когнитивного характера социальных, а не адаптационных практик как будто позволяет компенсировать недостаточность эволюционного подхода к проблеме репрезентации субъективности в материи мозга. Заметим, что, кроме субъективных ментальных образов, когнитивный формат которых может определяться как свойствами физического мира, так и значениями мира идеального, в качестве объективных когниций в мозге могут быть представлены даже интенциональные установки человека (что подтверждают психогенетические исследо-

¹⁰ Яркой иллюстрацией такого подхода к психофизической проблеме является позиция Д. Деннета (её обсуждение см.: Юлина Н.С. Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 104–121; Юлина Н.С. Дэниел Деннет: концепция сознания и личностного // История философии № 5. М.: ИФРАН, 2000. С. 192–199; Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004).

¹¹ См.: Marbach E. Mental Representation and Consciousness: Towards a Phenomenological Theory of Representation and Reference. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 1–18.

¹² См.: Клягин Н.В. От доистории к истории. (Палеосоциология и социальная философия). М.: Наука, 1992. С. 89, 90, 94, 95 и др.

¹³ Мозг отражает объективные свойства физической реальности, но он не может отражать объективные значения идеального мира культуры (их отражает субъект познавательной деятельности). Культурный знак (слово, к примеру) не имеет значимых для его восприятия физических параметров: он должен быть *в принципе воспринимаем*, но его информативность не определяется его физической природой.

¹⁴ Таким образом когнитивисты надеются согласовать семантический и кибернетический аспекты, актуализируемые в определениях понятия информация. Напомним, как мотивируются эти ожидания в связи с решением психофизической проблемы: «описание информации позволяет логически корректно включать свойства интенциональности, ценности, смысла, а её кодовая воплощённость предполагает пространственное описание и физические характеристики» (Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. С. 267).

вания). Но так как семантический уровень организации языка и интенциональные установки сознания актуализируются только социальными практиками, мы не можем приписывать сознание никаким организмам, в том числе далёким предкам человека, не удостоверив их поведение и язык как сознательные в отношении нашего поведения и языка. Никаких объективных оснований для этого удостоверения нет¹⁵. Попытки обосновать представленность в материи организма феноменов субъективной реальности с помощью гипотез о «языке мысли», «культургенах», в принципе, бесперспективны, поскольку информация, заключённая в этих когнитивистских новообразованиях, может быть востребована *только* субъективностью наблюдателя (интерпретатора) когнитивной реакции (поведения). Если же определить их как эволюционное завоевание *вида* Homo Sapiens, то возникает проблема выяснения связи этих *объективных ментальных структур* с субъективным опытом *отдельного представителя вида*.

Проблематичность приписывания эволюционирующему существу сознания как особого рода «внутреннего» знания, подкреплённого объективными когнициями и информационной организацией субстрата, очевидна также при учёте относительности «реалистических» интерпретаций когниций и информационной саморегуляции существ некоторого биологического вида. Объективность эволюционного процесса несомненна, и в этом смысле нет никакой необходимости считать реализм эволюционистов несостоятельным. Но открытым остаётся вопрос о том, как возможно заявить *объективный характер знания* среды тем или иным организмом и соответственно объективизировать субъективный опыт сознания. Конструктивистская альтернатива реализму (или нонадапционистская – адапционизму)¹⁶ построена на утверждении, что природа не есть поставщик «обстоятельств»

и «положения дел», которые должен учитывать, приспособливаясь, организм. При учёте того, что варианты актуализации определённых необходимых для сохранения вида связей со средой представителями разных видов не имеют никаких объективных критериев для их сопоставления¹⁷, можно сказать, что сама данность человеку его отношений со средой как «знания» является условной (по крайней мере, *если её рассматривать в эволюционной перспективе*). Это делает перспективу развития когнитивных наук с их объективистским пафосом неоднозначной. Объективизм и реализм могут легко обернуться релятивизмом.

Анализируя перспективы решения психофизической проблемы с учётом достижений когнитивной нейробиологии¹⁸, можно отметить, что и здесь перед натуралистической теорией сознания возникают существенные трудности. Они обусловлены неопределённым отношением онтологических тезисов и методологических установок современной философии сознания к интерпретациям данных специальных исследований структурной и функциональной организации мозга человека как физиологических условий психических феноменов.

Сами по себе попытки решения психофизической проблемы и проблемы тождества сознания и мозга путём их логико-семантического анализа уже вызывают вопросы. В первую очередь, они связаны с определением отношения философской психофизической и специальной психофизиологической проблем. Можно обозначить следующие его варианты: разграничение этих проблем, рассмотрение в единстве (вторая является аспектом первой), некритическое смешение. Каждый из них предполагает употребление термина «сознание» в определённом категори-

¹⁵ В этой связи мы обращаемся к позиции Д. Деннета по проблеме происхождения языка и сознания, изложенную на страницах его книги «Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meanings of Life» (London etc.: Penguin Books, 1995). Он рассматривает сознание и его когнитивные механизмы (язык, в частности) как особый случай «природного Дизайна», представляющего отношение организм-среда, и исключает при этом возможность объективно описать «внутреннюю среду» опыта организма как таковую.

¹⁶ См.: Wuketits F. Functional realism // Functional models of cognition. Self-organizing dynamics and semantic structures in cognitive systems. Ed. by A. Carsetty. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 28–31.

¹⁷ Предлагаются только самые общие, но опять-таки, в сущности, субъективные, вроде рациоморфности поведения, уменьшения неопределённости состояния и т. п. Ср.: «Только сторонний наблюдатель, который вводит совершенно другие критерии в дополнение к просто выживанию – нечто вроде экономичности, простоты, либо изящества жизни – мог бы на основании такой добавочной оценочной шкалы говорить о «лучшем» или «худшем» выживании» (Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 2001. № 4. С. 47).

¹⁸ «Центральной догмой» нейробиологии является «предположение, что все нормальные функции здорового мозга и все их патологические нарушения...можно в конечном счёте объяснить исходя из свойств основных структурных компонентов мозга» (Блум Ф., Лейзерсон Ф., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир, 1988. С. 32).

альном или терминологическом контексте, а также соответствующую методологию исследования феномена сознания.

Методологические аспекты решения психофизической проблемы можно рассматривать в связи с обсуждением терминов «психофизическая проблема» и «проблема тождества мозга и сознания». Эти термины с равными основаниями могут быть востребованы как в рамках аналитической философии, так и в рамках, ориентированных на когнитивные науки сциентистских философских проектов. Логико-семантический анализ предшествовал во времени попыткам когнитивистских решений психофизической проблемы и проблемы тождества сознания и мозга. В рамках, собственно, аналитической философии выделяют две методологические установки: редукционизм и антиредукционизм. Редукционистские теории сводят решение вопроса об отношении психического и физического либо к утверждению тождества сознания и мозга, либо к необходимости элиминации всех нефизических понятий и сущностей. И в том, и в другом случае для определения феномена сознания первостепенное значение имеют специальные исследования мозга человека. Потому редукционистские теории с их акцентом на онтологическом и гносеологическом тезисах физикализма могут служить основанием для проекта решения психофизической проблемы в рамках специальных исследований и только в них. В антиредукционистских теориях положения о тождестве сознания мозгу или необходимости элиминации понятия «сознание» рассматриваются критически. Таким образом, во-первых, обосновывается независимый характер философских исследований психофизической проблемы, а во-вторых, предлагаются альтернативные тождеству или элиминации варианты определения онтологического статуса сознания в отношении к мозгу. Последние связаны с исследованием когнитивных, информационных, языковых, личностно-интенциональных и других не тождественных физическим моделям субъективного опыта сознания; моделей, включающих мозг человека в природу, но не включающих в неё сознание на тех же основаниях, что и мозг. Антиредукционизм совместим со сциентизмом и в таком случае может быть рассмотрен как методологическая установка нового витка развития философии научного материализма, натурализирующего феномен сознания на иных, нежели физикалистский материализм, основаниях. Значение антиредукционистских теорий заключается в детальном рассмотрении уни-

кальной сущности сознания. Это позволяет избежать примитивной трактовки физической организации мозга человека и искать возможности объяснить отношение физического и психического в ином принципе, нежели интеракция. Но, с другой стороны, антиредукционисты увлекаются возможностью представить организацию субъективного опыта сознания без обращения к исследованиям организации мозга. Это ведёт к бессмысленным и неоправданным мысленным экспериментам, которые, в конечном итоге, оказываются крайне далеки от актуальной в условиях когнитивной революции задачи натурализации сознания. Хотя значение логико-семантического анализа психофизической проблемы и проблемы тождества сознания и мозга в условиях методологических проблем современных когнитивистских исследований отношения психического и физического по-прежнему сохраняется.

С изменением задач аналитической философии в условиях бурного развития когнитивистских исследований психофизической проблемы в аспектах, доступных эмпирическим методам, методологический характер противопоставления редукционизма и антиредукционизма становится очевидным. Онтологическая проблематика, заявленная аналитической философией сознания, уже не значима сама по себе: онтологии физикализма, функционализма и других теорий должны пройти эмпирическую проверку. Именно поэтому первостепенное значение для решения философской психофизической проблемы приобретают методологические вопросы. Редукция психофизической проблемы к проблеме тождества сознания и мозга в рамках аналитического подхода может осуществляться, во-первых, как утверждение онтологии научного материализма за счёт специальных методов исследования отношения сознания к мозгу. Во-вторых, она производится как обоснование логической возможности тождества сознания и мозга, а соответственно – психического и физического, ментального и материального. Философы-аналитики, даже в случае успеха хотя бы одного из этих редукционистских проектов¹⁹, оставляют без ответа вопрос о теоретико-методологических основаниях редукции условий субъективного опыта сознания к объективным физиологическим условиям (или

¹⁹ Подчеркнём, что редукционизм в материалистической философии сознания не предполагает задачи обоснования и, тем более, исследования физической основы субъективного опыта сознания; этим должна заниматься наука о мозге.

вопрос о том, *как*²⁰ возможно утверждать взаимодействие психического и физического при многочисленных эмпирических его свидетельствах). Это в ситуации когнитивного поворота материалистической философии значительно ослабляет позицию аналитической философии. Антиредукционистские решения психофизической проблемы философами-аналитиками, во-первых, связаны с утверждением независимости философских исследований проблемы онтологических условий сознания от специальных исследований физиологических условий психических феноменов. Во-вторых, они указывают на логическую несостоятельность теории тождества применительно к отношению сознания и мозга, свойств психического и физического, либо предлагают различные «мягкие» варианты теории тождества. Антиредукционизм в аналитической философии сознания оказывается гораздо ближе, чем физикалистски ориентированный редукционизм, к актуальным философским аспектам когнитивистских исследований психофизического взаимодействия. Успехи когнитивных наук внушают иллюзию, что антиредукционистская онтология философии сознания может быть прямо подтверждена результатами специальных исследований когнитивной системы человека. Но здесь и философы, и представители когнитивных наук сталкиваются с проблемой согласования языка антиредукционистских теорий онтологических условий психофизического взаимодействия с языком специальных когнитивистских исследований различных аспектов психофизической проблемы. Во-первых, ущербной оказалась антиредукционистская онтология сознания: её основное положение²¹ в условиях когнитивного поворота философии сознания ведёт к релятивизму при решении вопроса о необходимом отношении онтологических условий сознания и

эмпирически очевидных условий его феноменов. Во-вторых, язык когнитивистики оказался достаточно противоречив и тёмным в метафизическом отношении. Он изобилует метафорами, описывающими физические по определению процессы и явления за счёт менталистского словаря. Вследствие некритического смешения когнитивистами менталистского и физического словарей, онтологическая природа многих предметов исследования когнитивных наук (нейробиологии, в частности) попросту становится не ясна.

Но и, собственно, натуралистический подход к решению психофизической проблемы, мотивированный впечатляющими результатами специальных исследований связи организации мозга с организацией когнитивной системы человека, так же, как аналитический – проблематичен. Более того, здесь наиболее очевидно обнаруживают себя все проблемные моменты процесса сближения философии сознания и когнитивных наук²².

Существуют многочисленные свидетельства того, что психические феномены определяются активностью мозга. Но характер этой связи в метафизическом отношении не ясен, а в специальных исследованиях нет четкого представления о том, как относятся к психофизиологическим феноменам традиционный философский словарь с его «контр-определениями» ментального и физического. При этих затруднениях сознание может определяться в актуальных *эмпирических моделях* организации мозга. Существуют факторы, которые делают приемлемой метафору «сознательного мозга», кооперирующего активность множества функциональных единиц, и непосредственно влияют на субъективное качество опыта сознания и бессознательную психическую активность субъекта. Именно эти факторы являются основанием для оптимистических заявлений относительно возможности решения психофизической проблемы когнитивными науками. Опыт сознания может быть связан с активностью функциональных единиц мозга, с принципами их взаимодействия при условии убедительного представления значимости для их активизации факторов филогенетической и онтогенетической

²⁰ Именно к этому вопросу сводится сегодня проблемный характер философских исследований психофизического взаимодействия. Автор одной из самых обсуждаемых и интересных философских концепций сознания последних лет, Д. Чалмерс, определяет специальные исследования феномена сознания как направленные на «лёгкие проблемы сознания»: они не дают ответа на вопрос, «как может физическая система такая, как мозг, быть ещё и *опытом*»: «Мы имеем хорошие основания полагать, что сознание происходит из физической системы такой, как мозг, но мы имеем мало идей, как оно происходит и почему оно существует вообще» (Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 12).

²¹ Согласно которому сознание не тождественно мозгу (не может быть описано в физических понятиях), но находится к нему (материи) в отношении композиции, эмерджентности, супервентности и пр.

²² Повторим, что, по мнению когнитивистов, современная философия сознания, решая проблему отношения к мозгу субъективной реальности, «должна опираться ... на новейшие достижения науки, прежде всего психологии, нейрофизиологии и в особенности тех областей знания, предметом которых служат информационные процессы, компьютерная технология, кибернетические устройства, теоретические вопросы функционирования самоорганизующихся систем» (Дубровский Д.И. Указ. соч. С. 243).

относительности когнитивной системы и сознания человека, факторов пола, индивидуального профиля латерализации, факторов, определяющих изменение состояний сознания, экспрессию генов, а также факторов условий предъявления, характера решаемой субъектом задачи и других. Понятно, что зависимость активизации когнитивной системы субъекта от указанных факторов будет определена только эмпирически, поскольку нет общих теорий филогенеза, онтогенеза, функциональных асимметрий человека, генетического фактора в индивидуальном развитии, изменённых состояний сознания, нет общей методики проведения психологических, психофизиологических экспериментов. Фактически, в первую очередь, становится значимым *полное и непротиворечивое описание этой масштабной эмпирической модели.*

В качестве яркого примера эмпирической модели физиологических условий психического можно привести чрезвычайно востребованную модель организации мозга в принципе межполушарной функциональной асимметрии. Мы рассматриваем варианты интерпретации этой модели и феноменов, связанных с её объяснительным потенциалом («правополушарного» и «левополушарного сознания», «расщеплённого сознания»).

Наглядный характер связи феноменов сознания, когний субъекта с определёнными физиологическими условиями в экспериментах с расщеплённым мозгом вселяет надежды на скорый успех редукционистского проекта, направленного на поиск физиологических механизмов субъективного опыта сознания. Но методологические проблемы нейронаук не позволяют утверждать состоятельность отношения тождества или корреляции физиологических механизмов и психических феноменов применительно к существующей аналитической разработке психофизической проблемы. Ни методы выявления когнитивных феноменов, ни методология их исследования не могут претендовать на объективность — когнии с равными основаниями определяются в отношении структурной и функциональной организации мозга, в отношении субъективных ментальных состояний испытуемого, в отношении условий констатирующего эксперимента. Потому их теоретическое осмысление ещё не сложилось. Более того, онтологическая перспектива этого теоретического осмысления — неопределённая, так как эмпирические данные допускают диаметрально противоположные интерпретации. Рассмотренные нами направления в редукционистских интерпретациях сознания в расщеплённом парном мозге предполагают решение

психофизической проблемы путём исследования механизмов межполушарных взаимодействий, определения материального субстрата (полушарной локализации) базового для сознания когнитивного модуля, определения материального субстрата (полушарной локализации) необходимых условий личностного бытия. Ни на одном из этих направлений определение феномена сознания в отношении к физиологическим единицам или к конкретным когнитивным структурам, на наш взгляд, не является достаточно обоснованным²³. Прежде всего, нейробиология и сциентистская философия испытывают большие трудности с редукцией сознания к естественным процессам в мозге ещё и по причине отсутствия ясного представления об онтологии субъективной реальности²⁴. Последняя же обсуждается сегодня главным образом философами-антиредукционистами, причём совершенно независимо от специальных исследований психофизического взаимодействия.

Рассматривая методологические трудности антиредукционистских интерпретаций физиологических условий феноменов сознания, можно заметить, что для антиредукционистов (или философов, решающих главным образом философскую психофизическую проблему) результаты экспериментов с расщеплённым мозгом значимы в контексте аналитики, направленной на определение онтологических условий субъективного опыта сознания. Антиредукционистские теории сознания допускают довольно широкие толкования феномена двух потоков сознания при расщеплении мозга. Прежде всего надо заметить, что они связывают феноменологию сознания с личностным бытием, языковой картиной мира. Условия личностного бытия и языковой картины мира не являются постоянными, не тождественны физическим и не состоят из каких-либо физических условий. Релятивизм антиредукционистских теорий сознания здесь, тем не менее, ограничен эволюционно определёнными условиями

²³ В этом смысле показательны дискуссии, где обсуждается число сознаний в расщеплённом парном мозге, во-первых, и полушарная латерализация когний, во-вторых. Обзор решений проблемы сознания в парном мозге см.: Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983. С. 199–219; Nebes R. Direct Examination of Cognitive Function in the Right and Left Hemispheres // *Asymmetrical Function of the Brain* / Ed. by M. Kinsbourne. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1978. P. 129–131; Gazzaniga M. *Cognitive Neuroscience: The Biology of the Mind*. P. 527–549; Zangwill O.L. *Consciousness and the Cerebral Hemispheres* // *Hemisphere Function in the Human Brain* / Ed. by S. J. Diamond and J. G. Beaumont. London: Elek-Science, 1974. P. 264–278.

²⁴ Вопрос: что же всё-таки натурализует когнитивистика?

когнитивного опыта, во-первых, актуальными в определённом языке возможностями приписывания ментальных состояний, во-вторых. Таким образом, вопрос о числе сознаний в расщеплённом мозге, будучи частью актуальной в нередуктивном материализме проблемы критического пересмотра отношения тождества условий личностного бытия определённым физическим условиям или условиям психического, решается в зависимости от того, насколько убедительно удастся представить связь физиологических механизмов расщеплённого парного мозга с онтологическими условиями личностного бытия. И представители аналитической философии сознания, активно, но с разной степенью доверия, интерпретирующие результаты когнитивистских исследований отношения психических феноменов к мозгу (такие, как Д. Деннет, Д. Марголис²⁵), и представители феноменологической философии сознания, либо философы, исследующие психические феномены по характеру их данности субъекту (такие, как Ж. Рэй, К. МакГинн, Б. Дайнтон²⁶) не испытывают иллюзий по поводу возможности отождествления структуры сознания и какой-либо физиологической или когнитивной структуры. Ни к физиологической единице, ни к когнитивному модулю, локализованному в одном или обоих полушариях, редуцировать когниции личности, идентифицирующей себя в языке и культуре, онтологические условия субъективного опыта сознания нельзя. Но последние в отношении к эмпирически очевидным физиологическим условиям психических феноменов теряют свою определённость и приобретают релятивный или парадоксальный характер. Продуктивная интерпретация данных о физиологических условиях психических феноменов предполагает обеспечение связи когнитивистских исследований организации мозга человека с актуальными проблемами современной философии сознания посредством мо-

дернизации языка, метафорически представляющего психофизическое взаимодействие и используемого для описаний эмпирически доступных психофизиологических феноменов. Она должна быть связана с расширением сферы применения ментального словаря, с расширением возможности приписывания свойств психического без обязательной их связи с некой феноменологически опосредованной целостностью опыта. Это позволит продолжить исследования психофизического взаимодействия когнитивными науками без давно исчерпавших свой объяснительный потенциал редукционистских и антиредукционистских метафор. Последние уже не пригодны для учёта эмпирии современной когнитивистики. Их дальнейшее использование в условиях сближения когнитивистики и философии ведёт философов к релятивизму, а представителей когнитивных наук – к убеждению, что, несмотря на интенсивные исследования психофизических связей, нет качественного сдвига в осмыслении феномена сознания. При их сохранении исследуемые наукой о мозге человека объекты и отношения требуют либо решительной физикалистской редукции, либо вынуждают признать справедливость той или иной формы дуализма. Что касается возможности натурализации сознания путём согласования языка антиредукционистских теорий онтологических условий сознания (как ориентированных на функционализм и информационный подход, так и на лингвистические, культурные условия личностного бытия) с языком специальных когнитивистских исследований различных аспектов психофизической проблемы, то её утверждение является, скорее, тактическим ходом современного материализма. Ни тот, ни другой язык не имеет преимущества для описания результатов редукции субъективного опыта сознания к некому объективному состоянию когнитивной системы человека. Двойственность методологического самоопределения антиредукционизма опасна ещё и тем, что допускает непродуктивный критицизм в отношении данных нейронаук, т. е. не имеет критерия для установления их значимости, либо, наоборот, легко принимает на веру эти данные, обосновывая или иллюстрируя свой онтологический тезис, т. е. не имеют критерия для определения их логической и концептуальной состоятельности.

Ответом редукционистским и антиредукционистским теориям сознания, противопоставляющим ментальное и физическое как субъективный опыт сознания и физиологию мозга, может быть предположение о том, что проблема «сознательного мозга», конкретизируемая как

²⁵ Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121–131; Деннет Д. Условия личностного // История философии № 5. М.: ИФРАН, 2000. С. 199–224; Марголис Д. Личность и сознание. Перспективы нередуктивного материализма. М.: Прогресс, 1986. С. 160–171.

²⁶ McGinn C. The Subjective View. Secondary Qualities and Indexical Thoughts. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 28–31, 39–41; Rey G. Survival // The Identities of Person / Ed. by A. O. Rorty. Berkeley etc.: University of California Press, 1976. P. 41–61; Dainton B. Stream of Consciousness: Unity and Continuity in Conscious Experience. London, New-York: Routledge, 2000. P. 97–103.

²⁷ В одном мозге может быть несколько (сколько угодно много) личностей, одна личность может быть воплощена в двух и более мозгах и т. п. (см. указанные выше работы Д. Деннета и Ж. Рэя).

проблема «диалога» полушарий, «мозга в ванне», «гомункулуса», не решается открытием «мозгового кода мышления», либо отрицанием этой возможности (при сохранении методологического дуализма). Суть альтернативного решения в утверждении того, что мозг «сознателен» ещё каким-то образом, помимо того, что он опосредствует сознание субъекта. Можно сказать, что мозг не является «бессознательным», а человек не является «зомби», т. е. сознание не определяется только в отношении языка и культуры, а тело и мозг не «бездушны». С этим решением связано требование пересмотра статуса эмпирических данных, предоставляемых нейронауками в распоряжение философии сознания. Во-первых, эмпирия наук о мозге не есть основа для создания «собственно философской» теории сознания. То есть она не может рассматриваться в качестве «объективных данных», необходимых для состоятельности философии в условиях когнитивной революции. Во-вторых (и это определяет первое), эмпирию нейронаук надо признать сложившейся под давлением языка философии сознания, в котором имманентно присутствует установка на альтернативу физикализма и психофизического дуализма. Это существенно ограничивает возможности интерпретации результатов экспериментальных когнитивистских исследований психофизического взаимодействия. В-третьих, надо признать, что эмпирически засвидетельствованные феномены психофизического взаимодействия можно интерпретировать только при помощи метафорического языка или условных как аналогии и идеализации моделей. При этом заметим, что, несмотря на такой характер описания эмпирии нейронаук, она заявляет реальные сущности. Следуя за Т. Нагелем²⁸, мы предполагаем, что функциональные единицы мозга не могут быть поняты философией сознания непосредственно как чисто физиологические или опосредствованные как отвечающие за некие целостности субъективного опыта. Необходимо допустить воплощение сознания не только в опыте субъекта, личности, языке, не только в общей активности когнитивно специализированных подсистем мозга, но и в мозге, который организован безотносительно к опыту сознания субъекта. Это позволит философам учесть эмпирические модели когнитивной

нейробиологии, не определяя их как онтологически парадоксальные или методологически условные. То есть позволит представить вполне естественный союз философии и когнитивистики, который даст возможность в перспективе выстроить убедительную материалистическую теорию сознания. Поиск третьего понятия, в отношении которого физические и ментальные состояния могут быть представлены как тождественные, естественно, кажется предприятием сомнительным и опасным, возможно, даже – невыполнимым²⁹. «Такое понятие, – пишет Т. Нагель, – надо создать – мы не можем просто найти его валяющимся на дороге. Все великие успешные редукции в истории науки опирались не на естественные, а на теоретические понятия – на понятия, все оправдание которых состоит в том, что они позволяют нам заменить «сырые» корреляции редуктивными объяснениями. В настоящее время такое решение проблемы духа и тела в буквальном смысле невообразимо, но оно может быть не невозможным»³⁰. Таким образом, перспективы создания натуралистической теории сознания, видимо, связаны не столько с развитием когнитивных наук, сколько с верой философов в то, что их сегодняшние спекулятивные и непроверяемые представления психофизического взаимодействия могут оказаться основой будущей теоретической редукции. Подобного рода вера довольно распространена среди представителей современной аналитической философии сознания. О необходимости создания новых метафор, представляющих психофизическое взаимодействие, неоднократно высказывался Д. Деннет. Д. Чалмерс практически буквально повторяет приведенную выше реплику Т. Нагеля о кажущейся с позиций сегодняшних «модальных интуиций» невозможности появления снимающих психофизический дуализм теорий, хотя такие теории не невозможны³¹. Все это вселяет оптимизм по поводу перспективы когнитивистской натурализации сознания и позволяет надеяться на то, что фундаментальная критика когнитивизма в философии сознания (так же, как и сегодняшние «сырые» аргументы в пользу эффективности данного подхода) имеет относительный, исторически обусловленный характер.

²⁸ Nagel T. Brain Bisection and the Unity of Consciousness // Personal Identity / Ed. by J. Perry. Berkeley: California Univ. Press, 1975. P. 227–245; Nagel T. Concealment and Exposure and Other Essays. New-York: Oxford Univ. Press, 2002. Chapter 18; Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.

²⁹ Как говорит Т. Нагель, «...трудность здесь в том, что такую точку зрения нельзя сконструировать просто конъюнкцией ментального и физического – она должна быть чем-то действительно новым, в противном случае она не будет обладать необходимым единством» (Нагель Т. Указ. соч. С. 112).

³⁰ Там же.

³¹ Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. P. 310.

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА КАК ПРОЕКЦИЯ КРИЗИСА ВАЖНЕЙШИХ ЦЕННОСТЕЙ КРЕАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

И.И. Докучаев

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социально-гуманитарных наук Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Важнейшими историческими типами культуры можно назвать два – традиционный и креативный. Основными ценностями традиционной культуры являются религия, общество и традиция. Ценностями креативной культуры являются наука, личность и творчество. В XX в. все ценности креативной культуры переживают кризис. Кризис ценности общества выражается в распаде социальных институтов, проблеме одиночества, социальной идентификации и гендерных проблемах. Кризис ценности науки и разума выражается в глобальных экологических проблемах, демографических кризисах, угрозе мировых войн и уничтожения человечества, угрозе тоталитаризма, политического и религиозного экстремизма. Кризис творчества выражается в росте влияния нивелирующих человеческую личность технологий массовой культуры, выхолащивании содержания и чрезмерном его усложнении в формах элитарной культуры.

Main historic culture types are traditional and creative. Main values of traditional culture are religion, society and tradition. Main values of creative culture are science, personality and creation. In XX age all of major values of creative culture experience a sharp crisis. A society value Crisis expresses in disintegration of major social institutions, solitude problem, social authentication. A science value Crisis and reason expresses in global ecological problems, demographic crises, threat of world wars and annihilation of humanity, totalitarianism threat, political and religious extremism. A creation Crisis expresses in dominance growth of technologies of mass culture, emasculation of maintenance and excessive his complication in forms of establishments culture.

Ценности, ценностное отношение и культура

Ценность – ключевое понятие теории и истории культуры. Вся человеческая деятельность в самых важных своих аспектах, т. е. в сущностном и историческом измерении, не может быть объяснена без привлечения к ее анализу изучения ценностного отношения. Это положение дел объясняется рядом причин. Начнем с определений¹. Ценностное отношение есть не что иное, как способ бытия человека, способ ориентации человека в окружающих его обстоятельствах. Элементарная структура этого отношения включает самого человека (инициатора отношения), оцениваемый объект, акт оценивания и ценность, т. е. исходную установку отношения, шкалу измерения соответствий между моделью объекта и его реальным состоянием.

Каждый аспект ценностного отношения, выделенный только что, нуждается в подробном теоретическом и историографическом уточнении. Отметим сначала следующее. Ценностное отношение – один из видов отношения человека

к миру². Человек может познавать мир, причем не только теоретически, но и праксеологически, то есть стремиться обрести понимание специфики и структуры мира, а также возможностей его изменения и использования в своих целях. Человек может изменять мир, т. е. преобразовывать его специфику и структуру. Это преобразование может иметь как утилитарный, так и художественный характер. Утилитарное изменение приводит мир в соответствие с потребностями человека в самосохранении, а художественное – придает миру человеческое содержание, целостность, которая позволяет считать чужое своим. Человек может общаться с миром, видеть в нем равного себе партнера, приобщение к которому создает адекватную среду существования человеческой субъективности, а именно уникальности, смысловой бесконечности и свободы. Что же такое ценностное отношение? Это, прежде всего, ключевой аспект любого из только что описанных отношений. Специфика его природы заключена именно в его субъективности, т. е. в историчности, социокультурной изменчивости и уникальности человека³. Познание, преобразование и художественное творчество определены

¹ Этих определений очень много. Даже характеристика словарей и энциклопедий, содержащих списки литературы по данной проблеме, составила бы отдельную большую работу. Укажем из этих изданий самые обширные. Albert E.M., Kluckhohn C.A. Selected Bibliography on Values, Ethics and Esthetics in the Behavioral Sciences and Philosophy. 1920. 1958, Illinois, 1959; Rokeach M. The Nature of Human Values. New-York, London, 1973; Eisenberg N., Reykowski G., Staub E. Social and moral Values: Individual and societal perspectives. Hillsdale, 1989.

² Концепция ценностно-ориентационной деятельности и ее места в системе человеческой культуры, изложенная здесь опирается на работы Кагана М.С. См.: Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 188 с.

³ Теория субъективности как важнейшего структурообразующего элемента человеческой деятельности в ее историческом измерении изложена нами в монографии: Докучаев И.И. Введение в историю общения. Владивосток: Дальнаука, 2005. 342 с.

объективными свойствами того типа реальности, с которым они имеют дело, а общение – попросту лишено какой-либо ориентации. Ценностное отношение ориентировано и определено ожиданиями человека.

Совершенно очевидно, что любой тип отношения человека к миру в чистом виде не существует, указанная типология есть способ, технология познания человеческого бытия, без которой оно было бы невозможным. Каждый тип отношения содержится в каждом. Субъективное и объективное крайне сложно отличить в ходе конкретного исторического исследования. Причины человеческого поведения всегда имеют синтетический или даже синкретический характер, они одновременно и субъективны и объективны. Так, познание ориентировано всегда некоторой исходной гипотезой, значительная часть содержания которой всегда имеет ценностный характер, то же самое следует сказать и о преобразовании, поскольку объективную пользу и субъективную ценность человек вообще редко когда стремился разделять. Вся структура художественного произведения пронизана различными художественными, эстетическими, экзистенциальными, социально-политическими, личными и иными ценностями. Древнейшая триада ценностей «истина, добро и красота» может быть отброшена в силу создаваемого ею объединения явлений разного антропологического статуса. Кажется, что и истина, и добро, и красота – имеют различное отношение к ценностям. Я полагаю, что ценность – компонент каждого из этих явлений.

Анализ многочисленных морфологий культуры показывает, что в основе ее строения лежит ряд фундаментальных антропологических характеристик, таких, как свобода, разум, уникальность человека, т. е. человеческая субъективность. Человек сам определяет свое отношение к миру, природа (речь идет как о природе, окружающей человека, так и о природе самого человека как биологического организма) лишь помогает ему в этом или противоречит его ожиданиям. Эта самоопределяемость с необходимостью предполагает ряд вопросов, на которые необходимо ответить. Эти вопросы неизбежно воспроизводятся в истории культуры и организуют ее строение. Любая ориентация человека в мире предполагает ответ на следующие вопросы: «Что такое мир, в котором я оказался?», «Каково мое место в этом мире?», «Как сделать мир соответствующим моим ожиданиям?», «Как найти общий язык с другими людьми?». На первый во-

прос отвечает наука, на второй – искусство, на третий – материальная практика, на четвертый – мир intersubjectных отношений. Вопросы эти можно отнести к разряду вечных, т. е. формальных, их можно уточнять, и каждая историческая эпоха, каждая культура корректирует их и дает свой ответ. Более того, каждая эпоха имеет свою логику вопроса, т. е. его предпосылку. Именно в этой предпосылке и можно обнаружить ценностное отношение.

В строении культуры в целом и каждой ее формы в отдельности присутствуют ценности⁴. Совершенно очевидно, что предложенный список форм культуры с очевидностью нельзя признать исчерпывающим. Существуют и другие формы самого разного логического статуса. Например, переходные. Так, игра может быть охарактеризована как форма, обладающая чертами и общения, и искусства. Существуют синкретические и синтетические формы культуры. Так, религия на ранних этапах становления всех локальных вариантов культуры представляла собой всю эту культуру в целом, отдельные формы которой выступали аспектами единой религиозной жизни, и их будущее самостоятельное существование на следующем этапе становления можно было только предполагать, уже имея представление о возможностях этого становления. Религиозный этап существования культуры концентрировал все ее формы вокруг определенной системы ценностей, хотя не всегда эти ценности осознавались в качестве эксплицитно выраженного списка. Строение современной культуры показывает, что религия из синкретической формы культуры превратилась в одну из взаимодополняющих ее форм, по сути дела в такую, которая находится в сложных отношениях конкуренции и коммуникации с другими. И во многом, именно ценностный аспект религиозной жизни позволяет говорить о коммуникативном, диалогическом характере взаимодействия между религией и другими формами культуры, такими, например, как наука и социально-политическая жизнь.

Совершенно очевидно, что, несмотря на присутствие ценностного отношения в любом из возможных отношений человека и мира, это присутствие неодинаково. В ряде отношений оно проявляется более значительно. Так, религия, художественное творчество и общение прониза-

⁴ Концепцию ценностей как важнейшего компонента культуры, позволяющего изучать ее историческую сущность, создали Г. Риккерт и В. Виндельбанд. См.: Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.

ны ценностным отношением более определенно, чем наука и практическая деятельность, а практическая деятельность, в свою очередь, более определенно, чем наука. На разных этапах истории культуры и в разных локальных вариантах культуры это преобладание могло изменяться и приобретать специфические черты.

Ценности и история

Вопрос о существовании исторического бытия может решаться по-разному. Важнейшим аспектом этого вопроса является проблема причин исторической динамики и специфики каждого исторического этапа. Как показывает анализ истории культуры, это не одна проблема, а две отдельных, хотя и самым тесным образом объединенных. Причины исторической динамики очень часто могут противоречить ряду самых существенных свойств того или иного типа или этапа становления культуры. Это даже необходимо. Один этап истории сменяется другим, поэтому какие-то черты нового этапа будут противоречить каким-то чертам прежнего, и это ни в коей мере не препятствует существованию исторической преемственности даже в случае самых радикальных исторических переворотов.

В самом общем виде история каждого локального варианта культуры и мировая история развивается по следующему сценарию. Изменяется принцип культурогенеза. На смену воспроизведению приходит творчество. Мы никогда не имеем дело только с традицией или с творчеством, всякая традиция сопровождается творчеством и всякое творчество невозможно без традиции. Однако преобладание того или иного принципа культурогенеза тоже очевидно для большинства исторических и локальных вариантов культуры. Культуры с преобладанием традиции как принципа культурогенеза мы будем называть традиционными, а культуры с преобладанием творчества – креативными. Процессы изменения этого преобладания от традиционности к креативности наблюдаются далеко не в каждом случае. В европейском Ренессансе эти процессы впервые приобретают необратимый характер. В течение всего Нового времени они распространяются, благодаря самой Европе и благодаря заимствованиям по всему миру, и это распространение продолжается по сей день. Его перспективы пока не очень ясны.

В традиционной культуре существовал особый тип ценностного отношения. Каждый его аспект имел собственную специфику. Так ини-

циатором отношения был коллективный субъект, он имел все атрибуты субъективности прежде всего созданную собственной историей уникальность. Социальный характер ценностного отношения оказывался и одним из аспектов самой системы ценностей, т. е. к числу важнейших установок ценностного сознания относилась сама социальность, ценным было то, что имело социальную принадлежность, определялось всеми участниками социальной группы, к которой принадлежал тот или иной человек, выступавший одновременно субъектом и представителем ценностных отношений своей социальной группы. В креативной культуре эта одновременность перестала быть сущностным единством. Представляя ценностное отношение своей группы, его субъект мог и не разделять соответствующих установок. Между личными и социальными ценностями возникло различие и даже противоречие. Субъект перестал быть только коллективным, возникла социально значимая индивидуальность, то есть такая ценность, как личность, а значит, возникли личные и социальные ценности.

В традиционной культуре существовал стабильный и определенный состав ценностей, который по мере ее рационализации дифференцировался и уточнялся в отношении собственного применения. Поэтому к числу важнейших ценностей относилась сама традиционность того или иного аспекта человеческого бытия. В креативной культуре этот состав теряет свою определенность, возникают конкурирующие ценности, одни ценности постоянно сменяются другими, сама новизна ценностей, творчество становится важнейшей ценностью.

В традиционной культуре не существовало дифференциации форм, то есть религия определяла все аспекты человеческой деятельности, ее авторитет был непререкаемым и она сама оказывалась важнейшей ценностью. В креативной культуре таким авторитетом пользовалась наука, или, точнее, лежащий в ее основе тип рациональности, предполагающий учет логического и эмпирического опыта потенциально каждого человека, именно она оказалась способной объединить людей вокруг нового представления об истине и способах ее получения. Таким образом, система ценностей традиционной культуры получает ряд ключевых определений. Ее ценности были социальными, традиционными и религиозными. У системы ценностей креативной культуры иные определения. Они – персональные, креативные и научные.

Ценностное отношение всегда оказывалось причиной как специфики, так и динамики культуры⁵. Динамика традиционной культуры чрезвычайно медленна, это и понятно, ибо она противопоставлена традиционности. В числе важнейших ценностных установок традиционной культуры были такие, которые сильнее всего сопротивлялись ее изменениям. Но изменения – неизбежная форма существования культуры. В условиях традиционной культуры такие изменения оказывались следствием медленного технического и технологического совершенствования, то есть причиной исторической динамики оказывалась преобразовательная деятельность человека, а причиной исторической специфики – религиозная деятельность. Динамика креативной культуры, напротив, чрезвычайно быстра. Оказавшись в числе важнейших ценностей, наука придала техническому прогрессу лавинообразный характер. Теперь причины, определяющие специфику и динамику культуры больше не противоречили друг другу, не ослабляли влияние друг друга, а наоборот, умножали его. Динамичность креативной культуры стала аспектом ее специфики.

Ценности и культура XX в.

XX в. явился временем первого универсального кризиса ценностей креативной культуры. Кризис пережили все важнейшие ценности, и наука (научный тип рациональности), и творчество, и личность. Этот кризис имел общемировой характер, хотя в различных локальных вариантах креативной культуры он и имел свою специфику⁶.

⁵ Ключевая роль ценностей в истории культуры особенно подчеркивалась такими крупными социологами и историками, как Фернан Бродель, Макс Вебер и Питирим Сорокин, чьи концепции мы использовали в настоящей работе. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 60, 644–645.; Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 614.

⁶ Трактровку культуры XX в. как переходной и кризисной по отношению к классической креативной культуре поддерживают многие отечественные и зарубежные ученые. Определение креативности, рациональности и персональности как важнейших ценностей креативной культуры, переживающих в XX в. кризис, можно найти в следующих работах: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. Введение, С. 94, 116; Основная часть, С. 511.; Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 69.; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пб.: Алетеия, 1998. С. 29.; Раков В.М.

Кризис научного типа рациональности имеет целый ряд выражений. К концу XX в. он привел к своего рода недоверию науке. Это недоверие проявилось, во-первых, в отрицании всемогущества науки, а именно: ее претензий на окончательное разрешение стоящих перед ней проблем, во-вторых, в отрицании универсальности науки, в признании ее одной из возможных, но никак не единственной, стратегий организации человеческого бытия, наконец, в осознании непредсказуемости и опасности науки, обладающей непрекращаемым авторитетом. Подобное отношение к научному типу рациональности в XX в. сформировалось комплексом событий, имеющим прямое или косвенное происхождение, связанное с наукой. В первую очередь, XX в. ознаменовался возникновением научных социальных экспериментов. Все эти эксперименты старались опираться на авторитет науки, хотя, в конце концов, продемонстрировали полное отрицание ее важнейших принципов. Речь идет о тоталитаризме во всех его разновидностях таких, как фашизм, коммунизм, исламский фундаментализм. Все это попытки придать креативной культуре традиционный характер, опираясь на насилие. Далее, в XX в. в результате научно-технического прогресса возникли так называемые глобальные проблемы человечества. Речь идет о демографическом, экологическом кризисе, угрозе технических и военных мировых катастроф. Наука превратилась не только в способ решать проблемы, но и в способ их создавать. Стало понятно, что не только наука призвана справляться с проблемами, но ей на помощь должны прийти другие формы культуры.

Кризис личности также приобрел многочисленные формы выражения. Во-первых, речь идет о непрекращающемся распаде всех существовавших когда-либо социальных институтов, или, по крайней мере, о росте недоверия и безразличия к ним. Между тем, очевидно, что социальные институты – необходимый способ человеческого бытия, его организации и сохранения. Кризис семьи, образования, государства не есть просто неизбежная стадия в их распаде, но он должен быть преодолен в той или иной форме. Одиночество становится все более острой проблемой человека в течение всего XX в. Гендерные проблемы, бесконечный рост нарциссических социальных объединений, претендующих на собственную исключительность, социальная апатия и

"Европейское чудо" (Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. С. 23, 24.

ощущение бессмысленности существования – таковы одни из многочисленных последствий кризиса личности. Во-вторых, кризис личности выразился в опустошении самой личности. Рост самоутверждения каждого человека привел к отрицанию какого-либо социального фона, на котором можно было бы оценить человеческую личность. Самоутверждение утратило почву, на которой оно только и было возможным, оно привело к отрицанию самого себя и сильно измельчало. Человеческая личность, пройдя в своем развитии такие этапы, как ренессансный универсальный гений, новоевропейская индивидуальность, утверждающая перед обществом свои права на автономию и самоидентификацию, превратилась в одномерного и массового человека уже не по личностным качествам, а только нумерически отличающегося от себе подобного.

Кризис творчества имеет очень сходные с кризисом личности особенности. Только если в первом случае мы говорим о выхолащивании, опустошении содержания человека-творца, в данном случае приходится свидетельствовать об опустошении содержания его творений. Наиболее показательным проявлением кризиса творчества оказалось раздвоение культуры XX в. на элитарную и массовую. Элитарная культура – следствие перенапряжения творческих возможностей человека. Это следствие погони за новизной и оригинальностью, неизбежно приведшей к творчеству ради творчества, к усложненности, бессмысленности, исчезновению из искусства его коммуникативных характеристик. Возникает даже совершенно особая форма творчества – стыд творчества, выразившийся в стремлении к коллажам, эклектике, отказе от завершенности произведения, его смысловой конкретности. Самым выдающимся примером этого явления стал роман Джеймса Джойса «Улисс», стилистическое разнообразие которого не раз ставит под сомнение единство художественного замысла.

Другая сторона кризиса творчества – массовая культура. Эта культура есть фактически гибель творчества и возвращение к принципам традиционной культуры. Однако содержание массовой культуры существенно отлично от содержания традиционной. Массовая культура ни на что не претендует и вместе с тем оказывается в состоянии заменить любую другую форму культуры. Она не несет больше ни истины, ни добра, ни красоты, она только формирует спрос и предложение. В ее задачу входит порождение такого спроса у наибольшего числа людей и его удовлетворение наименьшими средствами. Ничего сложного, ничего оригинального при этом она просто не в состоянии создать. Она ориентирует на то, что у всех одинаково. А такова, конечно, только физиология. Сама система жанров массовой культуры есть следствие системы базовых инстинктов животного. Так, боевик эксплуатирует инстинкт агрессии, ужастик – инстинкт самосохранения, эротика – инстинкт репродукции, реклама – инстинкт потребления.

Отметим, что все описанные типы кризиса отнюдь не свидетельствуют о необходимости отказа от личности, творчества или научного типа рациональности, они свидетельствуют об определенной исчерпанности соответствующей системы ценностей, возникновении условий и потребностей для выработки новой системы, на пороге которой оказалось человечество к началу XXI в. Какой будет эта система сейчас сложно сказать с определенностью. Совершенно очевидно, что она будет иметь интегративный и гибкий характер. Развитие ценностных отношений никогда не было чем-то сродни эволюции в природе, оно всегда зависело от воли человека и в нем нельзя увидеть проявление слепого закона. Очевидно, что концентрация этой воли в наши дни только возрастает и надежда на преодоление кризиса кажется вполне обоснованной.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ XIX В.

И.В. Гуныкин

Гуныкин Игорь Валентинович – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Уссурийского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

В статье рассматривается вопрос развития философско-онтологической традиции в Московской духовной академии. Исследуется оригинальный вклад в онтологию духовно-академического теизма профессоров академии Федора Александровича Голубинского и Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова. Отмечается влияние европейской философии на процесс формирования онтологической концепции в Московской духовной академии.

This article deals with the problem of development of ontologic tradition in the Moscow spiritual academy. The author investigates the original contribution to ontology of spiritually-academic theism of such professors as Fedor Aleksandrovich Golubinskiy and Victor Dmitrievich Kudryavtsev-Platonov. Influence of European philosophy on the process of forming of the ontologic conception in the Moscow spiritual academy is mentioned (noted).

Весомое значение для русской культуры имело философское творчество в стенах Московской духовной академии. Основанная в 1814 г., взамен просуществовавшей около 130 лет (с 1685 г.) Славяно-греко-латинской академии, она сыграла важнейшую роль в истории Государства Российского и развитии отечественной православно-теистической традиции. Первые лекционные курсы, в стенах вновь воссозданной академии, читались её первым бакалавром Иваном Константиновичем Носовым. Основу вышеуказанных курсов составляли философские взгляды немецкого мыслителя Хр. Вольфа и его последователей¹. По истечении двух лет преподавание курса философии переходит к талантливому ученику немецкого философа-мистика Игнатия Фесслера, выпускнику Санкт-Петербургской духовной академии Василию Ивановичу Кутневичу. Личность В.И. Кутневича замечательна ещё и тем, что он единственный из русских философов кончил сразу две духовные академии – старую Александровскую (1808) и вновь открывшуюся Санкт-Петербургскую (1814)². Базовые положения классического идеализма, позаимствованные им у Платона и Плотина, были положены в основу философского курса. Уделяя много внимания представителям современной для него немецкой философии И. Канту, И.Г. Фихте, Г. Якоби, Фр. Шеллингу, по мнению историка Московской академии С.К. Смирнова, Кутневич в своих лекциях «дал понять своим слушателям высокое значение науки, способствовал развитию в них строгого и основательного мышления и сообщил доброе направление их умственной дея-

тельности»³. В определении «системы познаний о бытии существ на основании понятий и идей, направленной к последним целям человеческого разума»⁴, видел новый лектор главную задачу философии. Со временем вокруг него сформировался круг способных учеников (в частности, Василий Николаевич Воскресенский (архим. Гавриил) (1795–1868) – впоследствии автор 6-томника «История философии», сочинений «Основания опытной психологии» и «Философия правды», Моисей Егорович Молчанов, читавший в Московской духовной академии с 1822 по 1828 гг. курс истории философии, Дмитрий Петрович Новский, читавший там же логику и опытную психологию и др. с 1824 по 1830 гг., которым он прививал любовь к умозрительным наукам⁵. Уже нами упомянутый историк Московской духовной академии С.К. Смирнов отмечал, философское мировоззрение Кутневича отличалось «строго-логической последовательностью, ясностью и твёрдым нравственно-религиозным направлением»⁶. Данное обстоятельство естественным образом отражалось на содержании его лекционного курса.

Генерируя вокруг себя наиболее талантливых студентов, В.И. Кутневич настраивал последних на отыскание истины, давая им «в дорогу» основополагающее знание. В этой связи неслучаен тот факт, что именно ученику В.И. Кутневича Фёдору Александровичу Голубинскому удалось первому в стенах Московской духовной

¹ Пишун С.В. Православная персонология XIX в. в России. – Уссурийск, 1996. С. 206.

² Там же. С. 443–444.

³ Смирнов С.К. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский. Биографический очерк. – М., 1855. С. 46.

⁴ Кутневич В.И. Вступительная философская лекция // Прибавления к творениям святых отцов. 1864. Кн. 23, С. 643.

⁵ Пишун С.В. Православная персонология XIX в. в России. – Уссурийск, 1996. С. 205.

⁶ Смирнов С.К. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский. Биографический очерк. – М., 1855. С. 47.

академии создать собственную оригинальную метафизическую систему.

Ф.А. Голубинский родился в 1797 г., окончил Костромскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. В 1822 г. по завершению учебы в духовной академии, молодой выпускник был оставлен бакалавром философии. Уже через два года в возрасте 27 лет, бывший выпускник духовной академии Федор Голубинский становится ординарным профессором. Тогда же ему поручили читать курс «Введение в философию». Приняв в 1828 г. сан священника, он становится, и остается на протяжении многих лет, членом цензурного комитета и активным издателем творений отцов церкви. В 1830 г. по поручению Комиссии духовных училищ Голубинский составил программу по истории философии и сам начал преподавать курс «истории систем философских». Его прошение об отставке и последующий уход из академии был вызван тяжелыми жизненными потрясениями (тяжелая болезнь невесты, ранняя смерть жены, смерть в начале 1852 г. сразу двух сыновей) и существенно подорвали здоровье Ф.А. Голубинского⁷, оправиться от которых выдающийся русский философ-теист уже не смог.

Стремление привить своим студентам тягу к философскому творчеству досталось Ф.А. Голубинскому от его предшественника и учителя. Под руководством Голубинского студенты читали основные сочинения представителей немецкой классической философии, готовили переводы их трактатов. Особенно серьезно в кружке Голубинского изучались книги Канта. По словам С.К. Смирнова, под руководством Голубинского студенты «философствовали, спорили, помогали друг другу в понимании Кантова учения, трудились над переводом технических слов его языка и разбирали системы его учеников»⁸. Творчество выдающего представителя московской духовно-академической философии не ограничивалось только простым изучением трудов великих немцев. Известно, что Ф.А. Голубинский вел активную переписку с Фр. Шеллингом, причём немецкий философ считал Голубинского одним из лучших и талантливых мыслителей своего времени⁹.

Многочисленные свидетельства М.П. Погодина, С.П. Шевырёва, гр. М.В. Толстого говорят о большом уважении и популярности Голубин-

ского как в среде студентов, так и среди преподавателей. По словам русского православного исследователя А. Никольского, «слава о нём (Ф.А. Голубинском – И. Г.) как великом мыслителе традиционно переходила и среди профессоров от поколения к поколению, и среди студентов от курса до курса, и в восьмидесятые, и даже девяностые годы, среди студентов традиционно передавались рассказы о протоиерее Голубинском, рисующие его, как великого мыслителя»¹⁰.

Крайне гипертрофированная скромность русского ученого-теиста не позволяла ему публиковать свои сочинения, несмотря на настойчивые просьбы. Лишь в 1867 г. (после смерти философа) его бывший студент, протоиерей В. Назаревский по имевшимся у него конспектам отпечатал «Лекции по умозрительному богословию», а в 1871 он же опубликовал «Умозрительную психологию» Голубинского. После смерти В. Назаревского его наследниками было предпринято печатание в 1884 г. в московском православном журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» ещё четырёх курсов лекций Голубинского, которые в том же году вышли отдельным изданием.

Глубокое знание сути философских проблем, их анализ и осмысление подвигли выдающегося русского мыслителя-теиста на создание собственной оригинальной православно-теистической метафизики.

Выстраивая свою философию, Ф.А. Голубинский различает в ней два смысла, а именно: «состояние духа в его стремлении к познанию» и «ведение или знание»¹¹. При этом в первом смысле – философия есть лишь «любовь к мудрости»¹² и соответственно её цель в данном контексте – «возбудить, воспитать и направить в человеке любовь к мудрости Божией, человеку предназначенной»¹³, а во втором – она предстаёт исследованием «главных, основных сил, законов и целей существ»¹⁴ с целью «возбудить, направить и питать в человеке любовь к идеям истины, красоты, добра или к осуществлению сих идей, т.е. к уравниванию своих познаний с идеей истины, своих ощущений с идеею красоты, своих действий с идеею добра»¹⁵. При кажущемся различии

⁷ Пишун С.В. Православная персонология XIX в. в России. – Уссурийск, 1996. С. 416.

⁸ Смирнов С.К. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский. Биографический очерк. – М., 1855. С. 177.

⁹ См. Церковный вестник. 1875. № 7. С. 12.

¹⁰ Никольский А. Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России // Вера и разум. 1907. № 9. С. 359.

¹¹ Голубинский Ф.А. Лекции философии. – М., 1884. С. 27.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 36.

и противопоставлении двух типов философии в системе Голубинского они напротив органично связаны и взаимообусловлены. По мнению видного православного мыслителя, первым для философа должно стать стремление пробудить в себе свободную, отчасти животную, самодеятельную тягу к мудрости, выработать способность к философскому отношению ко всему окружающему. И только после того как сделан первый шаг, следует делать второй, а именно: начинать построение собственной философской системы, которая неизбежно будет носить синтетический характер, являться, по словам мыслителя, «ведением». Сопоставив все представленные выше умозрительные выводы, Голубинский дает определение философии как «системы познаний, приобретённых разумом (*intellectus*), под управлением ума (*Rationis*) и при способствовании опыта как внешнего, так и внутреннего, о всеобщих, главнейших, существеннейших силах, законах и целях природы внешней и внутренней, равно и о свойствах Бога, – система, направленная к тому, чтобы возбудить в духе человеческого, воспитать и направить любовь к премудрости Божественной и человеку предназначенной»¹⁶. В своей дефиниции, подобно великому греческому философу-идеалисту Платону, Ф. А. Голубинский признаёт целью философских размышлений человека реализацию им в жизни идеи истины, красоты и добра в том смысле, что философия должна рассмотреть то, «как познавательная способность должна проявляться по идее истины, воля – по идее добра нравственного, и чувство – по идее красоты»¹⁷. Опершись на сформулированное определение, Голубинский разделяет философию на теоретическую (основная цель, которой «показать разуму путь, по которому он должен стремиться к истине»), практическую (её цель – «воле предписать законы») и эстетическую (её назначение – «чувству дать истинное направление»). В то же время, по мнению русского философа-теиста, значение представленных частей не одинаково: первые два – являются ведущими, а третье – вспомогательным.

Метафизика, признаётся Голубинским «ядром» теоретической философии, она, по мнению ученого-теиста, есть «система познаний, которые умствующий закон через разрешение идеи бесконечного и через применение к ней наблюдений опыта внешнего и внутреннего, необходимо собирает о Существе Бесконечном и Его

свойствах, равно как и о том, какое сходство или соотношение с ним существенно принадлежит существам конечным, как материальным, так и духовным»¹⁸. Данное определение метафизики Голубинский объявляет предметом исследований Существо Бесконечное, Божество. Основная трудность заключается в том, что Существо Бесконечное может быть представлено в метафизике по-разному: во-первых, само по себе, в своём Абсолютном бытии, и, во-вторых, в Его отношении к миру духовному (к существу свободно-сознательному, человеку) и миру материальному, чувственно воспринимаемому. Подобная неоднозначность позволила Голубинскому разделить метафизику на богословие (учение о Существе Бесконечном, Его бытии и свойствах), умственную психологию или душесловие (учение о внутреннем мире человека, его сознании), и космологию или мирословие (учение о мире материальном). Представленная структура метафизики не может считаться окончательной, по убеждению Голубинского в неё должен входить ещё один обязательный элемент – онтология, выступающая учением о коренных и всеобщих основаниях бытия конечного и учение о бытии бесконечном. Указав элементы метафизики, Голубинский располагает их в следующем порядке: 1) онтология; 2) богословие; 3) умозрительная психология; 4) космология¹⁹. Все они, органически переплетаясь, находятся в постоянном взаимодействии, их связь, по мнению мыслителя, образуют метафизику как единую науку, ценность которой заключается уже в самом факте её существования, т.е. «метафизика драгоценна сама по себе», ибо «долг её утвердить всеобщие и необходимые истины – бытие Бога, Его совершенства, образ Божий в душе, её бессмертие, сообщить правильный и ясный взор на природу её, устройство и порядок, на цель всего существующего»²⁰.

Определив структурные элементы метафизики, говоря о её пользе для интеллектуально-нравственного развития человечества, Ф. А. Голубинский переходит к доскональному изучению её составных элементов, среди которых наиболее важной частью выделил онтологию. Предложив подходить к истолкованию её сути с позиции историко-критического метода, Голубинский показывает, как в различные периоды развития философии решался вопрос о её определении. Изучив всё разнообразие позиций

¹⁶ Голубинский Ф.А. Лекции философии. – М., 1884. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 77–79.

²⁰ Там же. С. 79.

и подходов к проблеме, при всём несхождении многочисленных философских интерпретаций сути онтологии, Голубинский видит в них и общий смысл, а именно: онтология признаётся всеми философскими школами и течениями исследованием того, «почему и для чего в опыте существует то, что существует, какие коренные законы, силы и цели, на которых всё держится и где, наконец, средоточие или неточное начало всякого бытия», и потому сущность онтологии определяется русским теистом «в том, чтобы сообщить понятие о всеобщих коренных свойствах вещей и о необходимых основаниях бытия их»²¹. Разделив онтологию на два составных элемента – «отделения», православный мыслитель, определяет круг задач и проблем для каждого из «отделений». При этом первое из них занимается исследованием того, подлинно ли и с какими коренными свойствами существует то, что мы познаём посредством чувств внешних и внутренних; второй элемент связан с исследованием того, что выходит за пределы опытного познания, выше его, с определением его коренных свойств, т. е. речь в данном случае идёт о Существо Бесконечном в Его идее²². Исходя из вышеизложенного, православный философ формулирует основную онтологическую проблему так: «an aliquid existit» или «существует ли что-нибудь?». Данное положение позволяет Голубинскому сформулировать и основную задачу онтологии – «оградить твёрдыми основаниями уверенность всеобщего чувства в действительном бытии существующего от всех сомнений и возражений»²³.

Сложность с однозначной трактовкой понятия о бытии приводит Голубинского к необходимости вновь воспользоваться историко-критическим методом. Последовательно разбирая подходы к проблеме бытия европейских мыслителей XVII–XVIII вв. – Хр. Вольфа, Дж. Локка, Швейблера, А. Баумгартена, И. Канта, И. Лоссия; подробнее изучив имевшийся мировой опыт, проанализировав его, в поисках наиболее общего признака бытия Ф. А. Голубинский останавливается на понятии «действия» как «признаке бытия, который ближе других признаков»²⁴. Далее, критически проанализировав положения скептицизма и фидеизма, Голубинский обосновывает достоверность чувственных представлений познающего субъекта, и доказывает, что «внешние предметы

в отношении к нам суть не только причины, но и первообразы наших представлений, отражающихся в сих последних, т. е. что точно есть в предметах свойства, которые соответствуют чувственным нашим представлениям»²⁵. Не стремясь расширять до бесконечности предмет онтологии, русский теист, ограничивает его лишь областью доказательств, действительно ли существуют внешние предметы, а также определением коренных свойств этих предметов²⁶. Руководством к познанию общих свойств предметов будут являться, по Голубинскому, наблюдения над первоначальными формами чувственного восприятия. Свойства этих предметов (доступных чувственному пониманию) можно подразделить на частные и случайные, и на постоянные, неподверженные изменениям по причине изменения вектора чувственного познания.

Практически полностью воспроизведя кантовскую трактовку пространства и времени, русский теист, соглашаясь с Кантом, тесно связывает присутствие у чувственно познаваемых предметов постоянных свойств с пространством и временем, являющиеся, по мнению Голубинского, первоначальными свойствами и законами нашей чувственности: «обращаясь к действию чувств внешних, примечаем, что мы можем опустить из внимания различные случайные и изменяющиеся свойства внешних предметов, например, цвет, запах и пр., однако всё ещё деятельность чувственной нашей способности от того не пресечётся; вообще в ней останется стремление отыскивать что-то простёртое, положенное одно подле другого, т. е. остаётся форма пространства», «наблюдая над деятельностью чувства внутреннего, примечаем также, что различные качества, подлежащие его наблюдению, как-то: изящество, приятность, доброту и пр. мы можем опустить, но никак не можем изгладить в явлениях души того свойства, по которому оно следует за другим, или последование различных ощущений, одно за другим, т. е. форму времени». При этом «форма пространства есть не что иное, как необходимое стремление, направление души нашей искать предметов одного подле другого положенных», а форма времени – «такое направление души, по которому оно ищет предметов одних после других»²⁷. В то же время, Голубинский допускает, что пространство и время не могут быть, во-первых, действительными

²¹ Голубинский Ф. А. Лекции философии. – М., 1884. С. 9.

²² Там же. С. 9–10.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 15–29.

²⁶ Там же. С. 31.

²⁷ Там же. С. 32.

предметами, вне нас существующими, во-вторых, свойствами или отношениями вещей, не могут они быть и общими абстрактными категориями и, наконец, в-третьих, они не могут быть продуктом воображения и фантазии²⁸. Одновременно русский православный мыслитель обогащает концепцию Канта тезисом Лейбница о том, что «пространство и время суть отношения вещей – ибо одним предметам мы приписываем совокупно – бытие одного подле другого (*simultaneitas*), т.е. пространство, а другим – преемственность – бытие одного подле другого (*successio*), т.е. время»²⁹. Закономерным итогом данного синтеза стало следующее определение пространства и времени: 1) пространство и время суть чувственные воззрения, данные прежде опыта, а *priori*, но не произведённые или порождённые душой (как полагает Кант), а прирождённые ей через Бога-Творца; 2) пространство и время суть представления чувственной познавательной силы прежде опыта, как представления неопределённые; 3) пространство и время имеют всеобщее и необходимое значение³⁰.

Существование первоначальных форм пространства и времени не только в наших чувствах, но и в бытии окружающих нас вещей, позволило русскому теисту допустить возможность существования пространственных измерений таких, как длина, ширина и высота или глубина, растяжение, очертание или фигура, место и движение и временное продолжение.

В то же время Голубинский живо интересуется вопросом о возможности расширения пространства и времени до бесконечности.

Открытие русским теистом фундаментальных свойств в самих вещах, сделанного им на основании глубокого изучения известных в то время законов чувственного восприятия, подвигло Голубинского проанализировать высшую способность человеческого разума.

Пристальное внимание ученого привлекает то, как разум обнаруживает себя в категориях, выражающих потребность разума искать единство, именуемыми «частными формами». Находясь между изменчивым миром и неизменным, вечным бытием, разум стремится к приведению в единство ума и чувственности, дающие различные, а порой противоречивые данные о мире. Усматривая данное единство в применении кате-

горий, Голубинский формулирует задачу онтологии в том, чтобы «решить, точно ли категориям разума соответствуют действительные свойства вещей, точно ли им принадлежит *valor constitutionis*, истинность подлежательная, или только *valor regulativus*, т.е. они имеют силу, как законы познания, когда силы представительные по первоначальному необходимому и всеобщему закону обязаны так, а не иначе вещи представлять для того, чтобы целая система нашего познания могла иметь связь и единство»³¹. Постановка данной цели потребовала от православного мыслителя тщательного анализа учения о категориях Канта.

Завершив исследование о бытии конечном, его всеобщих и коренных свойствах, Голубинский во втором отделе своей «Онтологии» обращается к поиску феноменов, иллюстрирующих трансцендентальное бытие, не познаваемое при помощи опыта и рассудка. Новый контекст видоизменяет задачу онтологии как отрасли философии и православный философ видит её в том, чтобы «показать, действительно ли есть в уме нашем идея о Бесконечном, какое она имеет свойство, какие её действия или последствия и на какие определённые понятия она разрешается». Далее, как он полагает, следует определить, «откуда в нас идея о Бесконечном, соответствует ли ей предмет действительно существующий, и где искать его в мире ли материальном, в мире ли духовном, или выше той и другой области бытия» и после этого «показать, какое отношение Существа Бесконечного к существам конечным, и в какой зависимости от Него они поставлены»³². Указанные выше посылы позволили Голубинскому вывести основополагающую онтологическую формулу: «духу человеческому существенно принадлежит идея о Бесконечном по бытию и совершенствам, и вследствие сего первоначальный закон ума состоит в том, чтобы для всего ограниченного по бытию и совершенствам искать первоначала, первообраза и конца в Бесконечном»³³.

Таким образом, Ф.А. Голубинский выводит идею о Бесконечном из духовной деятельности человека, причём эта идея изначально укоренена в человеке, делая его отличным от всех остальных «неразумных» живых существ. По словам Голубинского, «идея о Бесконечном не приобретает человеком во времени, но первоначально и существенно, вместе с его природою, дана Су-

²⁸ Голубинский Ф.А. Лекции философии. – М., 1884. С. 33–35; С. 38–39.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ Там же. С. 35–36; С. 46–47.

³¹ Там же. С. 59.

³² Там же. С. 65.

³³ Там же. С. 67.

ществом Бесконечным, соответствующим ей»³⁴. Обосновывая данное положение, Ф.А. Голубинский разбирает два возможных варианта: идея Бесконечного или приобретается во времени, или первоначально прирождена человеку. Первый из представленных случаев сразу объявляется русским учёным теистом невозможным, в силу того, что если бы эта идея была дана человеку во времени, то человек с некоторого только времени стал бы тем, чем он прежде не был, т.е. начал бы иметь другую природу. Одновременно, как полагает Голубинский, трудно предположить, что эта идея существенно принадлежала человеку без отношения его к Существо Бесконечному. Человек, будучи ограниченным существом, другому такому же ограниченному существу сообщить в полной мере об идее Бесконечного не может, и тогда остаётся предположить, что идея о Бесконечном может быть сообщена человеку только лишь самим Бесконечным Существом и потому прирождена изначально³⁵.

Представленная взаимосвязь бытия конечно-го или условного и Бесконечного и безусловного бытия, делает теоцентричной всю философскую концепцию русского православного мыслителя. Подобная онтологическая «привязка» выдвигает на первый план метафизический анализ сферы Бесконечного Существа и феноменов, связывающих бесконечное и конечное бытие. Это обстоятельство позволило православному Голубинскому сформировать иерархическую структуру в своей метафизике, во-первых, «умозрительное богословие», являющееся у него частью метафизики, во-вторых, умозрительную психологию и, наконец, в-третьих, космологию³⁶. Представим краткое изложение основных положений каждой части метафизики Ф.А. Голубинского.

Создавая собственную оригинальную модель умозрительного богословия, русский православный мыслитель, формулирует и основную задачу, которую ей предстоит решить, а именно, «показать, как в бытии и свойствах вещей, наблюдаемых опытом, открываются следы бытия и совершенств Божиих»³⁷. Решить данную задачу русский философ-теист стремится тремя путями: 1) путём причинности, идя от конечного к бесконечному; 2) путём отрицания, отделяя в существах конечных всё несовершенное, противоположное идее о Бесконечном Существо и, наконец, 3) путём превос-

ходства, отделяя в существах конечных всё однородное с идеей Бесконечного. В соответствии с данными тремя моделями построения умозрительного богословия Ф.А. Голубинский делит данную область метафизики на три части: 1) на доказательства бытия Божия; 2) на исследование божественных совершенств; 3) на обозрение божественной активности, «действий Божиих» или проявления божественных совершенств в бытии конечном и бесконечном.

Применив в очередной раз исторический метод исследования, в первой части умозрительного богословия Голубинский представляет наиболее удачные, с его точки зрения, модели обоснования бытия Сверхсущего. Сразу указав на тот факт, что «непосредственная, неизгладимо присущая разумным существам уверенность в бытии Бога, заключающаяся в идее о Существо Бесконечном, есть *principium indemonstrabile* (начало, которое нельзя доказывать), *axioma consciencia* (аксиома сознания)»³⁸. Однако полностью отказываться от приведения подобных доказательств в пользу бытия Сверхсущего Голубинский не собирается. Он допускает, что идеи истины, добра и красоты не представляются нашему сознанию со всей своей полнотой и очевидностью, а обнаруживают себя базирующимися на идее Сверхсущего Блага, посредством некоторых частных действий как бы побуждающих человека самому получить уверенность в их бытии. Как замечает сам Ф.А. Голубинский, в раскрытии идеи бытия Сверхсущего мы не можем игнорировать некоторые собственные устремления человеческого духа, чтобы «через рассмотрение их восходить к коренному началу, т. е. идее, на которой они основываются»³⁹.

И всё же главными условными доказательствами бытия Сверхсущего Голубинский называет онтологическое, космологическое, физико-теологическое, историческое (от согласия всех народов), психологическое (от рассмотрения высших потребностей человеческой души), этическое или нравственное (кантовское) доказательства. Впоследствии все эти доказательства были концептуально упорядочены и систематизированы в метафизической системе ученика и преемника Ф.А. Голубинского – В.Д. Кудрявцева-Платонова.

После приведения аргументов в пользу бытия Совершенного Существа, следующим шагом Голубинский во второй части своего умозрительного богословия ставит себе задачу по воз-

³⁴ Голубинский Ф.А. Лекции философии. – М., 1884. С. 79.

³⁵ Там же. С. 81–83.

³⁶ Там же. С. 82–95.

³⁷ Голубинский, Ф.А. Лекции по умозрительному богословию. – М., 1868. С. 11.

³⁸ Там же. С. 21.

³⁹ Там же. С. 23.

возможности определить: «1) что есть Бог и какие Его свойства по бытию и силе и 2) какие Его совершенства духовные?»⁴⁰. Для решения подобной задачи, по мнению Голубинского, прежде всего составляет общее понятие о Боге и анализирует следующие из данного понятия частные свойства Божества. В то же время русский теист оставляет попытки дать какое бы то ни было определение Бога, так как Существо такого рода неопределимо как таковое. Его формулировка общих понятий о Боге («*generalem Dei conceptum*») в чём-то повторяет аналогичные попытки западно-европейских схоластов. Поэтому, используя данные внутреннего и внешнего опыта, Голубинский говорит, что Бог есть «Существо бесконечное по бытию и духовным совершенствам, Виновник и Правитель мира физического и духовного»⁴¹.

Сформулировав наиболее общее определение Совершенного Существа, Ф.А. Голубинский, различая свойства, относящиеся к «отрешённому бытию» ("*ad to esse Dei absolutum*") и сущности Бога и свойства, принадлежащие Богу как духу всесовершенному. К первому классу частных свойств Божества Голубинский относит: а) отрешённую необходимость бытия Божия; б) независимость; в) вечность и неизменность; г) неизмеримость и вездесущие; д) всемогущество; е) совокупность всех совершенств в высочайшей степени; ж) простоту их и абсолютную свободу; з) единство. Ко второму классу частных свойств Божества Голубинский относит: а) всеведение и премудрость; б) тотальную свободу, святость, благодать, правосудие и в) блаженство⁴². Далее Ф.А. Голубинский подвергает тщательному анализу каждое из этих свойств.

Приступая к третьему этапу изучения Совершенного Существа, в третьей части умозрительного богословия православный мыслитель исследует внешние проявления божественного вмешательства, к главным из которых он относит акт творения и божественный промысел.

Для упрощения понимания сущности творения, Ф. А. Голубинский предлагает решить ряд вопросов: 1) точно ли в Боге заключена исходная причина мира? 2) воля творящего Бога свободна или действует по необходимости? 3) мир был сотворен из вечной материи или из ничего? 4) мир творится Богом вечно или в каком-то еди-

новременном акте? 5) есть ли у творения мира определённая цель?⁴³. В это же время Голубинский даёт ясные ответы на поставленные фундаментальные вопросы: 1) неточная причина мира действительно заключена в Боге-Творце; 2) мир был произведён не в силу какой-либо необходимости, а абсолютно свободно; 3) мир был произведён из ничего, а не из какой-то первородной материи, как утверждали платоники; 4) мир сотворен Богом во времени; 5) цель творения мира действительно существует и заключается она в первую очередь в том, что Бог даёт возможность проявить сам себя и свои совершенства в вещах разумно-свободных. На основании вышеизложенных положений Голубинский далее определяет творение мира, как «действие Божие внешнее, по которому Бог, соответственно Своей первообразной идее, свободно, в определённое время привёл из небытия в бытие и материю, и форму, и силы, и начала мира, с той целью, чтобы открыть себя, свои совершенства и блаженство в существах нравственных»⁴⁴.

После формулировки вышеуказанного философско-богословского определения существа творения мира Ф.А. Голубинский подходит к определению и пониманию сути божественного промысла. При этом, по мнению ученого священника, суть Божией заботы о мире состоит, во-первых, в непрестанном попечении о сохранении бытия сотворенных Им существ и их сил в мире физическом и духовном, во-вторых, направление всех этих существ к благим целям. При том Божья забота о человеке вызывает у русского теиста особенно большой интерес, в силу того обстоятельства, что в мире органических существ у человека проявляется наличие духовной и бессмертной души. Этим обстоятельством Голубинский перебрасывает мостик и подходит к антропологической части своего метафизического учения, которая предстает перед нами в виде «умозрительной психологии».

Стремление Ф. А. Голубинского всячески подчеркнуть превосходство высших свойств души человека над чувственностью, подвигает его на исследование вопроса о происхождение души, а также разные периоды её существования как-то, её первоначальное, настоящее и загробное состояние⁴⁵. Главное, что интересует Голубинского в решении этого вопроса, это насколько приближается душа человека к Абсолюту в раз-

⁴⁰ Голубинский, Ф.А. Лекции по умозрительному богословию. – М., 1868. С. 91–92.

⁴¹ Там же. С. 92.

⁴² Там же. С. 96–97.

⁴³ Там же. С. 155.

⁴⁴ Там же. С. 190–191.

⁴⁵ Там же. С. 101.

ные периоды её бытия. После последовательного разбора и тщательного анализа существовавших гипотез о происхождении души в каждом человеке в отдельности его внимание привлекло учение традиционизма, утверждающее, что и душа, и тело рождены от родителей. Собственное подтверждение традиционизму он находит в том обстоятельстве, что дети наследуют от родителей не только физические черты, но и многие душевные качества родителей⁴⁶.

Известен факт, что в свой курс метафизики видным русским философом-теистом был включён и курс лекций по космологии, однако, метафизическая психология стала последним из опубликованных элементов метафизической системы Ф. А. Голубинского⁴⁷.

Таким образом, у Ф. А. Голубинского нами усматривается цельная и стройная метафизическая система, в которой рассматриваются конечные основания бытия и познания. Особенностью данной концепции явилось её тяготение к мистике. Не случайно православный исследователь Александр Даниловский называл его философско-метафизическую систему «теософической», сравнивая её с соответствующим учением Баадера (и одновременно замечая и различия между ними)⁴⁸. О мистицизме Ф. А. Голубинского писал и профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев⁴⁹. Но умозрительный мистицизм Голубинского был «синтетическим», русский теист отнюдь не отказывался от интеллектуализма, логических методов постижения истины.

Преемником Ф.А. Голубинского на кафедре метафизики Московской духовной академии являлся Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828–1892).

Его мировоззрение не выходило за рамки религии. Указывая на существование внешнего мира, который можно познать чувствами и рассудком, он одновременно отстаивал бессмертие души человека, верил в бытие Бога и по возможности пытался его логически обосновать и т.д. Окончательную цель человеческой жизни он видел в нравственном совершенствовании и приближении к Богу. Собственно, вся его философ-

ская система связана, как он полагал, с религиозным спасением человека. Путь к спасению виделся Кудрявцеву-Платонову в гармонизации и примирении веры и разума. Свои религиозные убеждения русский профессор-теист моделировал в стройную и продуманную систему «трансцендентального монизма». Разбору её религиозно-онтологического аспекта и будет посвящена последняя часть статьи.

Определяющая цель для Кудрявцева-Платонова – представить всё сущее как Откровение Совершенного Существа, Личного Абсолюта. Достижению именно этой цели была посвящена его метафизика. Он был убеждён, что Совершенное Существо есть не только верховная причина двух атрибутов – духа и материи, а сам высший, примиряющий их принцип, есть то, «из чего всё произошло, и к чему всё возвратится»⁵⁰. Явный теоцентризм Кудрявцева-Платонова придаёт своеобразный характер всей его системе.

К идее реального существования мира духовного, физического Кудрявцев-Платонов проводил анализ философской формулы абсолютно-го скептицизма. Выявляя, подобно картезианцам, реалистические составляющие в положении «я сомневаюсь во всём», московский профессор-теист обнаруживает, что из достоверности моего сомнения как одной из функций нашей духовной сущности, логически неизбежно вытекают истина бытия духовного (наше «я» и его психические состояния), истина бытия физического («не-я») и истина бытия абсолютного, Совершенного Существа, производящего «ex nihilo» и объединяющего первые два вида сущего⁵¹. Но, как полагает Кудрявцев-Платонов, если выходить и за рамки дедуктивных спекуляций, эмпирическое познание, наблюдение, анализ фактов реальности точно также вынуждает нас к признанию дуализма реальности явлений, в основе которых лежат две онтологически разнородные субстанции – дух и материя⁵². Вместе с тем внешний опыт совершенно однозначно демонстрирует нам, что указанные выше две основные онтологические субстанции находятся друг с другом в самой тесной связи и взаимодействии. Причём их связь настолько прочна, что мы невольно приходим к мысли об их относительной субстанциальности, самобытности и противоположности. По мысли русского теиста, получается, что в их основе

⁴⁶ Голубинский, Ф.А. Лекции по умозрительному богословию. – М., 1868. С. 111.

⁴⁷ Введенский А.И. Протоиерей Ф.А. Голубинский как профессор философии. Сергиев Посад, 1897. С. 69.

⁴⁸ Данилевский А. История преподавания философских наук в духовно-учебных заведениях России. – М., 1912 // ОР РГБ. Ф.172. Карт. 232. № 10. С. 145.

⁴⁹ Глаголев С. С. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский как православно-христианский философ // Богословский вестник. 1898. № 3. С. 19–21.

⁵⁰ Кудрявцев-Платонов В. Д. Собрание сочинений. – Сергиев Посад, 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 147.

⁵¹ Там же. С. 45, 47–49, 51–52, 54–57, 64–65.

⁵² Там же. С. 265; С. 378.

должно находиться некое общее, связывающее и примиряющее Неточное Существо⁵³. Вслед за Ф.А. Голубинским, его ученик настаивает на том, что требование общемирового начала бытия есть обязательная черта всякого человеческого ума⁵⁴, так как абсолютная противоположность духа и материи, допускаемая поверхностным рассудком, не выдерживает испытания более глубоким философским разумом, противоречит его положениям⁵⁵. Мыслящий ум человека неизбежно стремится к единству мироздания, намереваясь свести всю сумму явлений к общей сущности, закономерности, или к одному началу в мире, в котором примирялись бы дуализм духа и материи⁵⁶. Собственно, материализм и идеализм, считает Кудрявцев-Платонов, выражают стремление к однозначному, одностороннему решению вопроса о принципиальном единстве материи и духа⁵⁷. Впрочем, сам философ-теист подвергает системной критике и находит несостоятельными оба данных направления⁵⁸. Попытки материалистов и идеалистов окончательно преодолеть дуализм оказываются, как считает Кудрявцев-Платонов, неудачными по той причине, что те и другие стремятся пожертвовать одной сферой бытия за счёт другой сферы, в то время как жертвы эти совершенно напрасны. Два мировых начала – дух и материя субстанциально устойчивы, самостоятельны. Разрешение данной антиномии философ-теист видит в признании подчинённости духа и материи некоему супранатуральному существу, возвышающемуся над миром⁵⁹. Как писал исследователь творчества московского профессора-теиста Ив. Марухняк, «удовлетворяя требованию единства мироздания, Кудрявцев даёт монизм трансцендентальный, где начало, примиряющее и объединяющее дуализм духа и материи, возвышается над областью бытия условного и ограниченного»⁶⁰. Статус данного начала выходит за границы субстанции, и связан, скорее, с творческой причиной мира, создавшей два более низших начала бытия (материальное и духовное). Происходя от Сверхсущего, эти два начала тем самым едины в своём

генезисе, их противоположность весьма относительна (хотя и актуальна)⁶¹.

Космогонически-креативная концепция Кудрявцева-Платонова выходит за пределы, собственно, философии, ибо последняя, по его мнению, в силу своего внутреннего характера не способна дать окончательное и определённое решение вопроса о порядке осуществления Абсолютом творческих актов. Если поступательный процесс восхождения от несовершенного к совершенному, проходящий в реальной природе (её эволюция), может быть наблюдаем учёными-натуралистами и философами, то обратное движение, характерное для духовной сферы, процесс исхождения божественного света и незримых энергий для философии и науки в целом остаётся "terra incognita". Здесь В.Д. Кудрявцев-Платонов останавливался в своём метафизическом познании, предпочитая не использовать философский дискурс в обсуждении проблем божественных энергий, божественного света и т.п. Он полагал, что в противном случае существует опасность увлечься либо крайними фантастическими измышлениями, подобно восточным мистикам-эманативистам, либо не менее произвольными, хотя и с более философским содержанием, представлениями гностиков и неоплатоников.

Гораздо более уверенно Кудрявцев-Платонов судит о характере мирового целого. Он занимает умеренную позицию при выборе между лейбницеvским оптимистическим и шопенгауэровским пессимистическим представлениями о мире. Реальный мир русский теист не считает ни самым лучшим, ни самым худшим из возможных⁶². Кудрявцев-Платонов полагает, что не следует ожидать от мирового бытия абсолютного совершенства, относительность совершенства бытия вытекает уже из самой конечности и ограниченности мира. Востребованное понятием об Абсолюте совершенство реального мира заключается отнюдь не в его превосходстве над всеми мыслимыми мирами, а в его соответствии своему предназначению, и способности отражать в себе совершенства Творца до той степени, до которой это вообще возможно⁶³.

Для Кудрявцева-Платонова неоспоримым эмпирическим фактом является существование как зла, так и добра. Но зло имеет особый статус,

⁵³ Кудрявцев-Платонов В. Д. Собрание сочинений. – Сергиев Посад, 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 184.

⁵⁴ Там же. С. 2–3.

⁵⁵ Там же. С. 183.

⁵⁶ Там же. С. 183.

⁵⁷ Там же. С. 98, 99, 183.

⁵⁸ Там же. С. 118–128, 157–159, 177–179, 182.

⁵⁹ Там же. С. 185.

⁶⁰ Марухняк И. Религиозно-философское мировоззрение В.Д. Кудрявцева (канд. дис.) // Отд. рукоп. РНБ. Ф. 574. Оп.2. Е.х.129, Л.18.

⁶¹ Кудрявцев-Платонов В. Д. Собрание сочинений. Сергиев Посад, 1893. Т.1. Вып. 1, С. 284, 377.

⁶² Кудрявцев-Платонов В.Д. Начальные основания философии. М., Вып. 2. 1890. С. 105.

⁶³ Там же. С. 100.

оно не есть *изначальное* явление в бытии, и не есть обратная сторона добра. Существовая, как бы *присутствуя*, зло остаётся явлением онтологически неполноценным, причина его наличия заключается в уклонении разумно-свободных существ от их первоначальной нормы⁶⁴. Всякого рода волнения и катастрофы в мире являются, по убеждению Кудрявцева-Платонова, вполне закономерным следствием злоупотребления человеком своей относительной свободой. Негативные последствия человеческого самоуправства порождают не только нравственное зло, но и чисто физические неустойства в природе⁶⁵. Подобный взгляд Кудрявцева-Платонова на природу зла в мире весьма близок моральной метафизике неоконфуцианцев⁶⁶, и представляет собой один из моментов его собственной морально-метафизической концепции, с претензией дать картину связи морального сознания человечества в целом и отдельного субъекта, в частности, с развитием всего мирового сущего.

Говоря о человеческом «следе» в существовании зла, Кудрявцев-Платонов, тем не менее указывает, что добро имеет в мире превосходство над злом, что подтверждается фактами из человеческой жизни и всей мировой истории⁶⁷. Онтологическое основание победы добра над злом Кудрявцев-Платонов видел в телеологической идее божественного Промысла, всё направляющего в мире к единой благой цели⁶⁸. Находясь на теистических позициях, Кудрявцев-Платонов даёт философское обоснование и оправдание промыслительному отношению Совершенного Существа к миру. Причину искажения идеи божественного промысла пантеистами и дуалистами он находит в их неверном понимании природы мира и Абсолюта, и их связи между собой⁶⁹, что выражается в двух крайностях – абсолютном разведении Бога и мира непроницаемой стеной, или, напротив, тотальном

слиянии их до безразличия. Теистическая философия Кудрявцева-Платонова предполагала сочетание трансцендентализма и имманентизма, идей внешне-положенности Абсолюта к миру и Его внутри-присутствия в мире через Его силы и действия⁷⁰.

Телеологическая концепция Кудрявцева-Платонова развивается в его учении о божественном промысле⁷¹. Бог для него не только основа бытия, но и направляющая для мира сила. Личностная природа Абсолюта – источник его неиссякаемого творческого потенциала. При этом, как полагает русский теист, соучастие Абсолюта в творении не приводит к истощению его творческого потенциала⁷². Для подтверждения своих восторженных слов об Абсолюте Кудрявцев-Платонов предлагает обратить внимание на красоту самой природы, на которой, по его мнению, «отпечатлевается десница верховного Мироправителя»⁷³. О разумности и целесообразности организации бытия говорит нам, по мнению Кудрявцева-Платонова, и ход исторического развития, деятельность сознательных и свободных индивидов⁷⁴. Утверждая, что «род человеческий медленно, но движется вперёд по пути к совершенству»⁷⁵, московский профессор выдаёт себя типичным для сер. XIX в. историческим и этическим оптимистом, наивно верившим в поступательность развития человека и всего общества в целом.

⁶⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Начальные основания философии. М., Вып. 2. 1890. С. 101, 105.

⁶⁵ Кудрявцев-Платонов В. Д. Собрание сочинений. Сергиев Посад, 1893. Т. 1. Вып. 1, 220.

⁶⁶ Пишун, С.В. Православная персонология XIX века в России. – Уссурийск, 1996. С. 43–45, 293.

⁶⁷ Кудрявцев-Платонов В.Д. Начальные основания философии. – М., Вып. 2. 1890, С. 104–105.

⁶⁸ Кудрявцев-Платонов В. Д. Собрание сочинений. – Сергиев Посад, 1893. Т. 1. Вып. 1. С. 160–161, 154–156. См. также: Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. – М., 1892. Т. 2. Вып. 1. С. 35–36, 50–52.

⁶⁹ Кудрявцев-Платонов, В.Д. Сочинения. – М., 1892. Т. 2. Вып. 1. С. 36.

⁷⁰ Там же. С. 133.

⁷¹ Там же. С. 45–46, 47–51.

⁷² Там же. С. 38.

⁷³ Там же. С. 52.

⁷⁴ Там же. С. 161–163.

⁷⁵ Марухняк И. Религиозно-философское мировоззрение В.Д. Кудрявцева (канд. дис.) // Отд. рукоп. РНБ. Ф.574. Оп. 2. Е.х. 129. Л.42.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ПРОЦЕДУРА ПОСТРОЕНИЯ И АПРОБАЦИИ ЧАСТНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖИВЫХ ОБЪЕКТАХ»

В.В. Калита, М.В. Долгова

Калита Виталий Владимирович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и психологии труда в особых условиях факультета психологии Гуманитарного института Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского (Владивосток).

Долгова Мария Викторовна – аспирант кафедры психофизиологии и психологии труда в особых условиях, младший научный сотрудник лаборатории культурной антропологии Центра международных исследований Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского (Владивосток).

В статье описана процедура построения специализированного диагностического инструмента – частного семантического дифференциала, предназначенного для оценки представлений о живых объектах. Апробация методики осуществлялась в процессе проверки эффективности учебно-воспитательной программы, направленной на изменение отношения подростков к Черному грифу. Полученный инструмент может быть использован в качестве диагностической методики в исследованиях, направленных на идентификацию причин истребления животных, проверки эффективности экологических образовательных и воспитательных программ и при прогнозировании эффективности природоохранной деятельности.

Authors dwell upon the specific procedures for a semantic differential dedicated to thorough examination of individual perception of living objects. Method was tested during an evaluation procedure for an educational programs, targeted to change the perception of a rare bird – black buzzard by schoolchildren. Final version of a test might be useful in the sphere of evaluating educational ecological programs, researches of reasons behind exterminating rare animals and plants. It might also be useful for analysis of effectiveness of nature preservation activities.

Каждый элемент природной среды, наряду с физическими и химическими характеристиками, обладает также и социальным значением, в котором зафиксирован общественный опыт взаимодействия с природой. Эти социальные значения усваиваются человеком в процессе взросления и социализации, и в дальнейшем во многом определяют восприятие им природной среды¹.

Проблема отношения личности к природе была впервые поставлена в отечественной психологии А.Ф. Лазурским, которым в ряде работ рассматривалась совокупность субъективных отношений личности². Затем эти идеи получили развитие в работах В.Н. Мясищева³. Необходимость психологического анализа взаимодействий человека с природой в системных исследованиях механизмов функционирования ноосферы особо подчеркивалась и Б.Г. Ананьевым⁴. Субъектив-

ные отношения выступают в роли своеобразной основы субъективного мира личности. Являясь отражением реальных, объективных отношений личности с миром, они обуславливают характер ее предпочтений в различных сферах и через них влияют на все поведение в целом⁵.

Описание процедуры построения частного специализированного семантического дифференциала

Для описания особенностей восприятия различных животных нами был построен 40-шкальный частный (специализированный) семантический дифференциал (ЧСД). Процедура построения методики была выполнена в два этапа и включала в себя: а) получение набора наиболее часто отвергаемых и выбираемых животных; б) выявление совокупности наиболее значимых характеристик, пригодных для оценки живых существ методом репертуарных решеток.

На первом этапе для получения набора наиболее часто выбираемых и отвергаемых животных были опрошены студенты 3-го курса ДВГУ и 3-го и 4-го курсов ДВГМА факультетов пси-

¹ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 106–139.

² Лазурский А.Ф. Программа исследования личности в ее отношениях к среде. Пг., 1912.

³ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Природа: объект или субъект отношений личности. Школа здоровья. М., 1995. Т. 2. 1. С. 81–92.

⁴ Ясвин В.А. Особенности личностного отношения к природе в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 19.

⁵ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Природа: объект или субъект отношений личности. Школа здоровья. М., 1995. Т. 2. 1. С. 81–92.

хологии. Возраст 19–21 год, пол в 97 % – женский. Всего – 70 человек (по 22, 36 и 12 испытуемых соответственно). Студентам выдавались чистые бланки. Инструкция была следующей: «Представьте, что Вы Ной. Вам с собой на ковчег можно взять только 12 живых существ. Кого бы Вы взяли с собой? На обратной стороне бланка напишите 12 живых существ, которых Вы не хотели бы с собой брать». На задание отводилось в среднем по 10–15 мин.

В анкетах было подсчитано общее количество разных живых существ, а также проведен частотный анализ наиболее "популярных" животных. Полученный список насчитывал 79 живых существ, оцениваемых положительно и 91 – отрицательно. Полный список живых существ был сгруппирован в 3 категории: положительные, отрицательные и амбивалентные по оценке.

На втором этапе для получения совокупности наиболее важных характеристик, по которым оцениваются различные животные, был использован метод репертуарных решеток. Согласно предположению Дж. Келли математические зависимости между суждениями человека отражают психологические процессы, лежащие в основе этих суждений. Репертуарные решетки применяются в качестве эффективного инструмента в экспертной оценке, где они позволяют не только классифицировать объекты оценки или получать шкалы предпочтений, но и реконструировать систему субъективных шкал⁶.

Для экспликации значимых свойств объектов – живых существ был использован технический прием, предложенный Дж. Келли и широко используемый в методе репертуарных решеток. В отличие от списка ролей, применяемых в «классических» репертуарных решетках Дж. Келли, в нашей работе для сравнения испытуемым были предложены различные животные. В решетки были включены наиболее часто встречающиеся живые существа из всех трех групп (положительные, отрицательные и амбивалентные) в соотношении 40 %, 40 % и 20 % соответственно (всего 16 существ). Было опрошено 60 студентов ДВГМА 3 и 4 курсов. Респондентам предлагалось сравнить 15 триад.

Инструкция, аналогичная той, которая описана Ф. Франселла и Д. Баннистер⁷, предлагалась исследователем в письменном виде и дополнительно зачитывалась устно: "Посмотрите на пер-

вую строку таблицы и подумайте чем два из трех, отмеченных серым цветом, живых существ сходны между собой и тем самым отличаются от третьего. Поставьте крестики в отмеченные серым клетки, соответствующие тем живым существам, которые сходны между собой. Клетка, соответствующая третьему, отличному от них животному, остается пустой. Затем, напишите в графе «конструкты: выявленный полюс» слово, разъясняющее, чем именно эти живые существа сходны между собой. Противоположная по смыслу характеристика записывается под заголовком «противоположный полюс». После этого отметьте галочкой все живые существа, обладающие этой характеристикой (по выявленному полюсу). Подобным образом заполняются и остальные строки решетки".

Полученные пары характеристик (выделенный конструкт – противоположный контраст) были сгруппированы по смыслу в 47 пар; в свою очередь, в полном списке антонимов нами были выделены 4 смысловые категории-фактора, три из которых соответствовали по содержанию трем классическим факторам Ч. Осгуда – «оценка», «активность» и «сила».

Группируя полученные характеристики по смыслу – частотности, мы сформировали ЧСД, включающий 40 шкал:

большой	3 2 1 0 1 2 3	маленький
плохой	3 2 1 0 1 2 3	хороший
активный	3 2 1 0 1 2 3	инертный
мягкий	3 2 1 0 1 2 3	жесткий
страшный	3 2 1 0 1 2 3	безвредный
домашний	3 2 1 0 1 2 3	дикий
неуклюжий	3 2 1 0 1 2 3	проворный
умный	3 2 1 0 1 2 3	глупый
жестокый	3 2 1 0 1 2 3	справедливый
заботливый	3 2 1 0 1 2 3	беззаботный
подлый	3 2 1 0 1 2 3	благородный
тихий	3 2 1 0 1 2 3	шумный
мощный	3 2 1 0 1 2 3	хилый
уродливый	3 2 1 0 1 2 3	красивый
суетливый	3 2 1 0 1 2 3	медлительный
друг	3 2 1 0 1 2 3	враг
холодный	3 2 1 0 1 2 3	теплый
ласковый	3 2 1 0 1 2 3	грубый
вредный	3 2 1 0 1 2 3	полезный
свободный	3 2 1 0 1 2 3	зависимый

⁶ Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М. : Прогресс, 1987. 157 с.

⁷ Там же.

грязный	3 2 1 0 1 2 3	чистый
смешной	3 2 1 0 1 2 3	серьезный
хищник	3 2 1 0 1 2 3	жертва
мохнатый	3 2 1 0 1 2 3	лысый
одинок	3 2 1 0 1 2 3	стайный
униженный	3 2 1 0 1 2 3	гордые
быстрый	3 2 1 0 1 2 3	медленный
злой	3 2 1 0 1 2 3	добрый
редкий	3 2 1 0 1 2 3	распространенный
мерзкий	3 2 1 0 1 2 3	милый
сильный	3 2 1 0 1 2 3	слабый
миролюбивый	3 2 1 0 1 2 3	кровожадный
скользкий	3 2 1 0 1 2 3	шершавый
спокойный	3 2 1 0 1 2 3	нервный
хитрый	3 2 1 0 1 2 3	простодушный
смелый	3 2 1 0 1 2 3	трусливый
преданный	3 2 1 0 1 2 3	неверный
замкнутый	3 2 1 0 1 2 3	открытый
противный	3 2 1 0 1 2 3	приятный
агрессивный	3 2 1 0 1 2 3	безобидный

Применение ЧСД

Апробация ЧСД проводилась на примере измерения отношения к редкому исчезающему виду животных (а именно, Черному грифу) на подростковой группе.

Черный гриф – редкий, экзотический и малоизученный вид, занесенный в международную Красную книгу, II приложение CITES, Красную книгу птиц Азии и Красную книгу Российской Федерации. Грифы, прилетающие на зимовку в Южное Приморье, стали гибнуть из-за сокращения кормовой базы и необычайно суровых для этих мест морозов и снегопадов. Птицы, теперь зачастую питающиеся на свалках, перестали бояться человека, что привело к дополнительной их смертности от рук человека. Фонд «Феникс» (коллективная программа по сохранению биологического разнообразия) разработал программу для школьников, проживающих в районах зимовки этих птиц.

Учебная программа для школьников была составлена с привлечением психологических реллизеров когнитивного канала – специфической вербальной информацией экологического характера, определяющей направление и характер изменения субъективного отношения к природному объекту; действие такой информации обусловлено ее возможностью оказывать лабализи-

рующее воздействие на систему представлений личности о мире вообще и о данном живом объекте, в частности⁸.

В качестве объекта нашего исследования были привлечены школьники старших классов из трех разных школ Хасанского района Приморского края (всего 88 чел.). Респондентам было предложено оценить свое отношение к черному грифу, заполнив ЧСД до и после курса занятий, проведенных фондом "Феникс" в этих школах, и через 3 месяца после программы, а так же "Первичную анкету", включающую основные данные о респонденте (возраст, пол, оседлость и др.). В контрольной группе были школьники старших классов школы г. Владивостока, где занятия не проводились (46 чел.). Обе группы испытуемых были выровнены по возрастному и половому признакам.

Данные о респондентах:

- Возраст: 15–18 лет – 134 чел. (9 и 10 классы).
- Национальность – 98 % – считают себя русскими.
- Пол – женский – 52 %, мужской – 48 %.

Анализ и интерпретация результатов

Данные, собранные с помощью бланка ЧСД, обрабатывались методом семантических универсалий Е.Ю. Артемьевой⁹. Как отмечает В.П. Серкин, модель (описание объекта исследования), построенная методом семантических универсалий всегда шире, информативнее и валиднее любой факторной модели, так как более свободна от ограничений, накладываемых процедурами математического моделирования¹⁰. Индивидуальные протоколы испытуемых суммировались в общегрупповые цифровые матрицы данных, где столбцами являются шкалы (переменные), а строками – испытуемые. Значение каждой клетки матрицы интерпретируется как отметка определенного испытуемого по определенной трехбалльной (-3 -2 -1 0 1 2 3) шкале.

Школьникам было предложено оценить свое отношение к черному грифу, заполнив специализированную анкету (основанную на методе семантического дифференциала). Всего было три измерения: до начала программы, сразу после ее завершения (на последних занятиях) и через не-

⁸Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 106–139.

⁹Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 128 с.

¹⁰Серкин В.П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. М., 2000. № 2. С. 74.

которое время после ее окончания (через два – три месяца). Подобная схема измерений позволяет оценить эффективность программы и устойчивость воздействия.

Во всех трех измерениях были обнаружены устойчивые черты, приписываемые грифу, которые не меняются с течением времени и имеют высокий уровень встречаемости. Как отмечает Е.Ю. Артемьева, большая частота свидетельствует о значимости (неслучайности) репрезентации данного признака в сознании испытуемых¹¹:

<i>Черты, приписываемые грифу во всех трех срезах</i>	<i>Уровень встречаемости, %</i>
<i>большой</i>	<i>90</i>
<i>дикий</i>	<i>80</i>
<i>могучий</i>	<i>80</i>
<i>сильный</i>	<i>80</i>
<i>умный</i>	<i>80</i>

Все эти черты не несут негативной окраски, тем не менее характеризуют большое и потенциально опасное животное. **В первом срезе** эти черты сочетаются с нижепредставленными характеристиками:

<i>Приписываемые черты</i>	<i>Уровень встречаемости, %</i>
<i>хищник</i>	<i>80</i>
<i>активный</i>	<i>75</i>
<i>свободный</i>	<i>75</i>
<i>быстрый</i>	<i>75</i>
<i>хитрый</i>	<i>75</i>

После проведения программы портрет грифа стал более ярким, красочным и приобрел явную положительную окраску. **Во втором срезе** появилось много других разнообразных черт:

<i>Приписываемые черты</i>	<i>Уровень встречаемости, %</i>
<i>гордый</i>	<i>80</i>
<i>смелый</i>	<i>80</i>
<i>хороший</i>	<i>75</i>
<i>теплый</i>	<i>75</i>
<i>полезный</i>	<i>75</i>
<i>свободный</i>	<i>75</i>
<i>редкий</i>	<i>75</i>
<i>серьезный</i>	<i>80</i>
<i>проворный</i>	<i>75</i>
<i>быстрый</i>	<i>75</i>

На третьем этапе исследования (через два месяца после завершения программы) портрет грифа не претерпел значительных изменений по сравнению со вторым срезом: количество черт, выделяемых большинством школьников, осталось также велико и полученный портрет носит явную позитивную окраску. Помимо черт, общих для всех трех срезов, грифа оценивают как:

<i>Приписываемые черты</i>	<i>Уровень встречаемости, %</i>
<i>смелый</i>	<i>80</i>
<i>активный</i>	<i>75</i>
<i>безвредный</i>	<i>75</i>
<i>теплый</i>	<i>75</i>
<i>полезный</i>	<i>75</i>
<i>гордый</i>	<i>75</i>
<i>быстрый</i>	<i>75</i>
<i>миролюбивый</i>	<i>75</i>

Результаты, полученные в контрольной группе, сравнивались с оценками, данными испытуемыми в основной группе на первом этапе (т.е. до начала проведения занятий). Портрет животного, описанный контрольной группой, практически полностью совпадает с описанием, данным основной группой испытуемых до начала занятий: по 10 из 11 шкал соответственно, 8 из которых совпадают.

Выводы

Полученный ЧСД – простой и удобный в обработке инструмент, позволяющий оценить отношение группы людей к определенному животному. Полученный инструмент можно использовать в качестве диагностической методики в исследованиях, направленных на идентификацию причин истребления некоторых видов животных, проверки эффективности экологических образовательных и воспитательных программ и при прогнозировании эффективности природоохранной деятельности. Исследования отношений развивающейся личности к миру природы представляются актуальными как для разработки психолого-педагогических основ экологического воспитания, так и для углубления представлений возрастной психологии о своеобразии психологических особенностей каждого возраста.

¹¹ Серкин В.П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. М., 2000. № 2. С. 74.

СИСТЕМА ЛИЧНОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА

Д.Н. Долганов

Долганов Дмитрий Николаевич – ассистент кафедры общественных наук Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета (Белово).

В статье обсуждаются некоторые аспекты функционирования системы личностных конструкторов. Вводится понятие система субъективного опыта и анализируются ее компоненты: система конструкторов, система значений, система смыслов, мышление. Система конструкторов рассматривается в качестве операционального уровня системы субъективного опыта, посредством которой осуществляется взаимодействие субъекта с окружающей действительностью. Дается краткая характеристика основных сфер жизнедеятельности субъекта: межличностные отношения, психологическое время, цели и средства, достижения и неудачи.

In article, some aspects of functioning of system personal конструкторов are discussed. The concept system of subjective experience is entered and its components are analyzed: system of construct, system of values, system of senses, thinking. The system of construct is considered as an operational level of system of subjective experience by means of which interaction of the subject with the surrounding validity is carried out. The brief characteristic of the basic spheres of ability to live of the subject is given: interpersonal attitudes, psychological time, the purposes and means, achievements and failures.

Личностный конструктор – это термин, применяющийся для обозначения любого из способов, которым индивид пытается воспринимать, предсказывать мир и управлять им; каждый из конструкторов индивида функционирует как гипотеза, возможный способ конструирования физического и социального окружения¹.

Можно выделить два основных подхода в описании системы личностных конструкторов. Первый подход предложен американским психологом Дж. А. Келли. Человек представляет собой активный организм, находящийся в развитии, все мысли и поступки которого направлены на прогнозирование событий посредством оперирования системой конструкторов. Человек уподобляется ученому и пытается объяснить действительность таким образом, чтобы это знание в последующем помогло ему предвосхищать события. В основе познания лежит система конструкторов, которая постулируется как когнитивная сфера личности, т.е. на первый план при описании личности человека выходят когнитивные процессы, и подчеркивается важная роль познания.

Другое сходное, но более широкое понимание личности в контексте субъективной парадигмы представлено в отечественной психологии, развивающееся в рамках психосемантики. Хотя в данном русле развиваются в чем-то сходные взгляды и наблюдается заимствование методов, тем не менее по определению В.Ф. Петренко,

ко, методологической основой, определившей становление психосемантики, является школа Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии. Таким образом, лежащие в основе разные методологические посылки отражаются в содержательной трактовке личности. Если для Дж. Келли личностные особенности – это преимущественно когнитивные процессы, то в рамках психосемантики на первый план выступает значение – как превращенная форма деятельности и представленное как «...совокупность признаков, служащих для классификации объектов действительности»².

Таким образом, систему личностных конструкторов можно рассматривать, с одной стороны, как компонент структуры сознания – с другой – как компонент когнитивной сферы личности.

В русле психосемантики субъективная репрезентация действительности связывается с категориальными структурами индивидуального сознания, которые формируются как зафиксированное отношение к предметам, объектам, явлениям и ситуациям действительности. То есть, как справедливо замечает С.С. Смагина, «на модальном языке психосемантики система конструкторов практически отождествляется с категориальной структурой индивидуального сознания»³.

Особенности субъективной репрезентации действительности, приписывание определенных значений тем или иным событиям, объектам, явлениям мира лежат в основе формирования

¹ Келли Дж.А. теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб. : 2000. 249 с.; Лурия, А.Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 320 с.; Первин Л. Психология личности. Теория и исследования. М., 2000. 606 с.; Петренко, В.Ф. Основы психосемантики. М. : Изд-во Московского ун-та, 1997. 340 с.

² Первин Л. Психология личности. Теория и исследования. М., 2000. 606 с.

³ Смагина С.С. Опыт критического анализа теории и метода Дж. Келли // Интегральная индивидуальность. Теория и практика. Кемерово, 2000. С. 75.

субъективного опыта личности, структур, организующих и хранящих историю индивидуальных деятельностей. Е.Ю. Артемьева описывает следующие структуры субъективного опыта⁴.

1. Поверхностные структуры – представляют собой чувственно оформленное представление о мире. Это первый уровень восприятия действительности, где основной особенностью является жесткая модальность, т. е. значение, приписываемое объекту действительности, прямо отражает его принадлежность к определенному классу (животные, природа, продукты питания и т. д.). Данный уровень восприятия связывается с наглядно-образным мышлением.

2. Ядерные структуры – это уже отторгнутые от чувственности знаковые системы, которые отражают мир в целом. Данная структура субъективного опыта формируется на основе абстрактно-логического мышления и характеризуется отторжением от конкретных модальностей, т.е. уже формируется обобщенное представление о действительности.

В основе приведенной классификации структур субъективного опыта лежит допущение о том, что представления об определенном объекте формируются при многократном его восприятии. На этой основе происходит отбор, интеграция и трансформация содержательных признаков объекта. Фиксируются наиболее характерные, информативные признаки, а случайные отсеиваются.

Другим основанием для выделения структур субъективного опыта является спецификация по форме фиксации следов деятельности.

1. Поверхностный слой (перцептивный мир) соотносится с поверхностными структурами образа мира, который «задается как множество упорядоченных друг относительно друга объектов»⁵. Данные объекты образуют пространство, где, кроме координат «время–пространство», существенной характеристикой выступают значение и смысл.

2. Семантический слой (картина мира) представляет следы взаимодействия с объектами, зафиксированные в виде многомерных отношений. В данном слое субъективного опыта категориальная система значений еще сохраняет связь с модальностями объектов, но уже достаточно слабую, и таким образом семантический уровень восприятия формируется как обобщенное представление о действительности.

⁴ Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М. : Смысл, 1999. 350 с.

⁵ Там же. С. 19.

3. Образ мира – это самый глубокий слой. Слой амодальных структур формируется при обработке семантического слоя. Здесь в первую очередь разделение элементов идет относительно адаптационных координат (опасный–неопасный). Разделение второй очереди связано с делением элементов на объекты, ситуации, явления. Данный слой статичен и в меньшей степени подвержен изменениям.

Описанные выше структуры соотносятся с описанием системной организации индивидуального сознания: чувственная ткань, значение, личностный смысл, которое дает А.Н. Леонтьев⁶.

Все представленные способы описания структурной организации сознания синонимичны системной организации значения, которое, по мнению Л.С. Выготского, является единицей, связующим звеном между общением и обобщением. Значения, таким образом, отражая совокупность существенных признаков, служащих для классификации объектов репрезентируют структуру сознания. «Значения имеют двойственный характер: они общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов»⁷. То есть, значения не формируются самим субъектом, а усваиваются им в процессе развития. Еще одной особенностью значения является то, что «поскольку в значении фиксируются свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности»⁸. Следовательно, изменение характера доминирующей деятельности находит свое отражение в особенностях системы значений, отражающей эту деятельность и трансформация значений выступает механизмом трансформации сознания (категориальных структур сознания).

Значение как структурообразующий элемент сознания существует в языке, в знаковом материале. Именно язык создает дополнительный план отражения и позволяет манипулировать предметами даже в их отсутствии⁹. Языковой знак и значение не различные явления, а суть одного процесса. Л.С. Выготский справедливо замечает, значение – это то, что оживляет звук,

⁶ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.

⁷ Первин Л. Психология личности. Теория и исследования. М., 2000. С. 57.

⁸ Первин Л. Психология личности. Теория и исследования. М., 2000. 606 с.; Серый, А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.

⁹ Леонтьев Д.А. Психология смысла. М. : Смысл, 1999. 486 с.

придает ему осмысленность. Слово есть внешнее проявление, внутреннее содержание представлено в сознании в форме значения¹⁰.

По сути, знаки «наиндивидуальны», индивид не формирует их, а усваивает в ходе своего развития. Только после интериоризации знаковых систем они становятся содержанием сознания¹¹. Но сам по себе знак, не имеющий значения, малоинформативен, значения существуют в языке, который является только его носителем.

Особенности связи знака и значения описывает Ф.Де Соссюр¹². Данная связь характеризуется произвольностью. То есть, означающее с означаемым не имеют жесткой связи, так как понятие, находящее отражение в определенном знаке, не зависит от фактической структуры и последовательности звуков, совокупность которых является словом. Поэтому одно и то же слово в принципе может отражать различные понятия. Другой характеристикой знака является линейный характер означающего, протяженность во времени и линейность структуры слова.

Однако анализ категориальной системы значений не исчерпывается описанием специфики связи между знаками и значениями. Есть еще ряд вопросов, ответ на которые необходим для полноценного представления о функционировании категориальных структур сознания.

Е.Ю. Артемьева говорит, что значение, фиксирующее отношение к объектам, явлениям, ситуациям, может быть названо смыслом (объекта, явления, ситуации)¹³. Смыслы, образующие семантический слой, можно классифицировать на основании их вклада в целостный смысл предмета. След взаимодействия, представленный в заданной модальности – «частичный модальный смысл»; после синтеза модальных смыслов формируется «полный смысл».

Еще одним основанием для классификации служат ступени генеза формирования смысла. «Предсмыслы» – образные следы, соотносимые с «перцептивным миром». «Смыслы» – следы, зафиксированные в семантическом слое субъективного опыта. «Личностные смыслы» – составляют образ мира и являются элементами ядерных структур. Таким образом, система смыслов может

рассматриваться как трехуровневая система, соотносимая со структурой индивидуального сознания. Но правомерно ли отождествление смыслов и значений объектов, явлений и ситуаций?

Д.А. Леонтьев определяет личностный смысл следующим образом: «это составляющая образов восприятия и представления соответствующих объектов и явлений, отражающая их жизненный смысл для субъекта»¹⁴. Личностный смысл является одним из проявлений «смыслового конструкта». В свою очередь, смысловой конструкт определяется как устойчивая категориальная шкала, представленная в «психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира, выражающая значимость для субъекта определенной характеристики, и выполняющая функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру»¹⁵. Следовательно, система смыслов и система значений не идентичны. Система значений есть отражение субъектом существенных характеристик объектов действительности, а смысл – это отношение между субъектом и объектом. Значение это в большей степени когнитивный элемент, тогда как смысл – это более сложное и системное образование. А.В. Серый справедливо замечает, что система смыслов «располагаясь на пересечении мотивационно-потребностной, эмоциональной и когнитивной сфер, обуславливает целостность самой личности и опосредует жизнедеятельность человека в целом»¹⁶.

Мы считаем, что если с одной стороны, категориальная система сознания находит отражение в системе смыслов, то с другой – закономерно предположить, что непосредственное свое воплощение она находит в тех конструктах, которыми оперирует субъект.

Личные конструкты как непосредственное выражение категориальных структур сознания также имеют определенные закономерности формирования и функционирования.

Любой конструкт – это дихотомическое образование, конструкт всегда имеет полюс сходства, который содержит характеристику, объединяющую различные объекты, а также полюс контраста, роль которого заключается в дифференциации объектов. Даже если в результате исследования мы получаем конструкт с отсутствующим

¹⁰ Выготский Л.С. Психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.

¹¹ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М. : Смысл, 2001. 263 с.

¹² Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.

¹³ Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М. : Смысл, 1999. 350 с.

¹⁴ Леонтьев А.А. Деятельный ум (деятельность, знак, личность). М. : Смысл, 2001. С. 181.

¹⁵ Там же. С. 217.

¹⁶ Серый А.В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 167.

щим полюсом, то это ни в коей мере не свидетельствует об отсутствии такового. Все конструкты автор классифицирует следующим образом.

1. Довербальные – конструкты используются, но не могут быть выражены словами (как правило, наблюдается у детей).

2. Вербальные – это конструкты, которыми субъект непосредственно оперирует.

3. «Подводные конструкты» – где один из полюсов не доступен для вербализации.

4. Центральные (ядерные) конструкты – наиболее существенные для человеческой деятельности, и могут быть изменены, вызывая серьезные изменения во всей структуре.

5. Периферические – конструкты, которые в меньшей степени отражают основы человеческой деятельности и могут быть изменены без существенной модификации ядерной системы.

Сам термин «система» подразумевает наличие организованности и упорядоченности конструктов, составляющих данную систему. Дж. Келли, описывая иерархическое строение системы конструктов выделяет:

1) главенствующий конструкт – включает другие конструкты в свой контекст;

2) подчиненный конструкт – включен в контекст другого.

А.Г. Шмелев описывает развитие системы конструктов, связывая динамику с особенностями мышления в разные возрастные периоды. Дети по мере взросления начинают использовать более абстрактные конструкты для описания событий, явлений и объектов.

Таким образом, основная логика развития системы конструктов заключается в переходе от конкретных описаний к обобщенным представлениям и в усложнении системной организации имеющихся конструктов. Однако, по нашему убеждению, данная модель является несколько упрощенной, потому как даже у взрослых людей выявляются довербальные конструкты, подводные конструкты и конкретные конструкты. Данные факты трудно объяснить с позиции возрастной динамики усложнения системы конструктов. На наш взгляд, целесообразно при рассмотрении специфики развития системы личностных конструктов, связывать ее не только с особенностями мышления, но и структурами сознания.

На низших ступенях генеза система конструктов характеризуется преобладанием дескрипторов развернутого характера, т. е. отношение к объектам действительности выражается через подробное описание частных характеристик в заданной модальности. Данные конструкты мо-

гут быть сопоставлены с уровнем «перцептивный мир», когда отношение к объектам, явлениям и ситуациям формируется только за счет непосредственного чувственного восприятия. С семантическим уровнем структуры сознания могут быть сопоставлены «конкретные» конструкты, несмотря на то, что они выражают отношение субъекта все еще в определенной модальности, прослеживается определенный уровень обобщения значимых характеристик и распространение их на сходные ситуации, явления и объекты. И глубинному, ядерному слою соответствуют «абстрактные» конструкты, которые уже функционируют в качестве статичных категорий, отражая основные мировоззренческие тенденции восприятия окружающей действительности субъектом.

Таким образом, прослеживается закономерность функционирования различных структур, которые могут быть упорядочены, как показано в таблице.

Таблица

Уровневые структуры субъективного опыта

Уровни смыслов	Уровни структуры сознания	Уровни конструктов
Предсмыслы	Перцептивный мир	Частные модальные конструкты, представленные в виде развернутых дескрипторов («он съел все конфеты»)
Смыслы	Семантический слой	Конкретные конструкты. Отражают более обобщенное представление, но связываются с еще отдельными проявлениями внутри модальности («любит конфеты»)
Личностные смыслы	Образ мира	Абстрактные конструкты, как генерализация отдельных характеристик. Отражает интегрированное и отторгнутое от модальности представление («сластена»)

Следовательно, можно расширить понимание субъективного опыта и выделить его уровневые структуры. Первый уровень – система личностных конструктов, которая лежит в основе взаимодействия субъекта с действительностью. Второй уровень – структуры сознания, которые фиксируют следы взаимодействия с миром. Третий – система смыслов, интегрирующая отношение субъекта к действительности.

Рассмотрев функционирование системы личностных конструктов в качестве компонента системы субъективного опыта, необходимо отметить еще один аспект – система конструктов функционирует в структуре когнитивной сферы, о чем речь пойдет ниже.

Связь системы личностных конструктов с когнитивной сферой личности (в частности, с мышлением) проявляется во взаимосвязи значений и мышления. Л.С. Выготский рассматривает значение как единицу речевого мышления. Он утверждает, что слово относится не к отдельному предмету действительности, но к целому классу предметов. Таким образом, слово уже обобщает «...и с психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение. Но обобщение, как это легко видеть, есть чрезвычайный словесный акт мысли, отражающий действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях»¹⁷. То есть посредством речи происходит не только познание окружающей действительности, но и создание дополнительного плана отражения (субъективный образ действительности). Но в любом случае (даже при разных субъективных образах действительности) слово и обозначаемая им вещь образуют единую структуру. Л.С. Выготский замечает, что «обобщение и значение слова суть синонимичны», и поскольку образование любого понятия есть несомненный акт мышления, постольку правомерно рассматривать значение слова как феномен мышления¹⁸. Таким образом, система личностных конструктов как операциональная сторона системы значений может рассматриваться нами, как феномен мышления в равной степени, как и феномен сознания.

О когнитивной функции языка говорили не только психологи, но и лингвисты. В. Фон Гумбольдт говорит, что язык – это своего рода особый мир, который выступает посредником между телом и духом. Восприятие, мысль и язык выступают как неразрывное единство, позволяющее преобразовать субъективное в объективное и обратно. Данные процессы осуществляются посредством языка. Слово реализует когнитивную функцию, поскольку слово есть не просто отпечаток предмета действительности, но его образ создаваемый данным предметом¹⁹.

Еще одним примером, иллюстрирующим связь языка и мышления, являются исследования, проведенные Б. Уорфом. Он полагает, что структура языка взаимосвязана со структурой мышления и способом познания мира в зависимости от культурной принадлежности. То есть человек говорящий на одном языке воспринимает мир иначе, чем человек, принадлежащий к другой языковой культуре. Однако абсолютизировать данное положение не стоит. Дж. Р. Андерсон по этому поводу справедливо замечает, «хотя язык, несомненно, влияет на мышление, похоже, что он не определяет типы понятий, над которыми мы размышляем»²⁰. Данное положение справедливо в том смысле, что знак и значение имеют произвольную взаимосвязь, поэтому даже при различном звучании слова на разных языках значение будет достаточно устойчивым. Например, значение слов «яблоко» и «apple» будет одинаково таким образом, значение (понятие) в меньшей степени зависит от структуры языка. Хотя следует помнить и то, что «структура языка различными способами отражает структуру того, как наш разум обрабатывает информацию об окружающем мире»²¹. Следовательно, язык, находясь во взаимосвязи с процессами мышления, не является универсальным содержанием мыслительных процессов. «С мыслительной деятельностью связаны (в ней участвуют) все виды эмоциональных явлений – и аффекты, и собственно эмоции, и чувства»²². Мышление – это комплексный психологический процесс, который включает в себя (в качестве содержания) разнообразный материал, полученный индивидом в ходе взаимодействия и познания объективной действительности.

Рассматривая слово (знаковый материал) как содержание мышления, можно согласиться с Б. Уорфом, что именно структура языка определяет особенности построения когнитивного образа мира, однако, этот подход к объяснению процессов мышления, на взгляд автора, является слишком упрощенным. Ведь кроме самого слова есть еще и значение, которое часто скрыто от непосредственного наблюдения. Значение, присваиваемое индивидом слову, и является подлинным содержанием мышления. Актуальное значение, которое выбирается субъектом из существующих вариантов, О.К. Тихомиров называет «контексту-

¹⁷ Выготский Л.С. Психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 269.

¹⁸ Там же. С. 464.

¹⁹ Леонтьев А.А. Деятельный ум (деятельность, знак, личность). М. : Смысл, 2001. 392 с.

²⁰ Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2002. С. 355.

²¹ Там же. С. 356.

²² Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М. : Смысл, 2001. С. 88.

альный смысл»²³. Понять, как происходит выбор одного значения из множества других – это актуальная задача исследования мышления.

Выбор актуального значения, которое используется индивидом в данный момент для объяснения наличной ситуации можно рассмотреть с точки зрения теории когнитивного диссонанса. Понятие когнитивного диссонанса в психологию введено Л. Фестингером для объяснения изменения когний как способа устранения смысловых конфликтных ситуаций²⁴. Состояние когнитивного диссонанса характеризуется осознанием того, что деятельность, выполняемая субъектом, не имеет достаточных оснований, то есть смысл деятельности и поступков неясен или же неприемлем. Ответом на существующее противоречие является стремление переинтерпретации события, выбора такого способа объяснения и оценки ситуации, который вызывает меньше беспокойства и делает ситуацию удобной для восприятия. Когнитивный диссонанс может возникать и в результате несоответствия реализуемого человеком поведения и новых фактов деструктивности данного поведения. Например, человек, злоупотребляющий алкоголем, узнает о деструктивности такой формы поведения, ведущей к личностному распаду и деградации, на этой основе возникает диссонанс, но поскольку любая жизненная ситуация достаточно многозначна, то существуют различные варианты устранения существующего противоречия: во-первых, причисление себя к категории умеренно пьющих, во-вторых, объяснение своего поведения внешними причинами. Таким образом, формируется приемлемое для субъекта объяснение ситуации, т. е. по сути, субъект выстраивает определенный когнитивный образ действительности, оперируя значениями. Когнитивный образ действительности – это своеобразная схема, сквозь призму которой субъект воспринимает мир.

Понятие «схема» в психологию вводит Ж. Пиаже и в дальнейшем данное положение дополняется, конкретизируется в работах А. Бека, А. Эллиса, Б. Шо, Г. Эмери, А. Фримена²⁵. Схема – это центральное понятие когнитивной психологии, через нее человек воспринимает и интерпре-

тирует окружающий мир. Любая схема представлена когнициями, которые отражают отношение человека к событиям, явлениям и ситуациям действительности. Операциональной стороной когний является саморазговор. «Саморазговор – это то, что люди говорят себе, когда сталкиваются с каким-либо явлением, это то, как они представляют себе это явление, чего ожидают от него, как оценивают его, какие возможные действия по отношению к нему планируют»²⁶. В определенной мере можно провести аналогию между схемой и системой значений. Во-первых, схема – это структура, сходная с системой личностных конструкторов, упорядоченная система операциональных категорий, глубинное содержание которой представлено в виде значений ситуаций, явлений и событий. Во-вторых, саморазговор как операциональное определение когний – это, по сути, непосредственное использование значений, выраженное в определенном знаковом материале. Отличие саморазговора от конструкторов, вероятно, заключается в том, что конструктор может быть представлен одним словом, тогда как саморазговор – это комплекс развернутых дескрипторов. Однако отсюда не следует, что саморазговор – это низший уровень восприятия действительности, жестко фиксированный на определенных модальностях – это комплексный феномен, содержанием которого являются модальные, конкретные и абстрактные конструкторы.

В отдельных случаях человек, описывая свое отношение к событиям, может использовать или отдельный конструктор (выразить отношение одним словом), или развернутое описание события. Качество и количество используемых субъектом параметров оценки находят отражение в такой характеристике системы конструкторов, как когнитивная сложность.

Дж. Келли говорит, что когнитивная сложность-простота системы конструкторов выражается в степени ее расчлененности²⁷. Когнитивная сложность – это наличие множества факторов в системе, что обеспечивает значительную дифференциацию в восприятии явлений действительности. Для когнитивно-упрощенной системы характерно малое количество факторов, что предопределяет слабую дифференциацию восприятия. То есть когнитивно-сложный индивид имеет широкую и гибкую систему конструкторов, а ког-

²³ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М. : Смысл, 2001. С. 88.

²⁴ Большой психологический словарь / Под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. 672 с.

²⁵ Франкл В. О смысле жизни // Хрестоматия по психологии личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: «Бахрах-М», 2000. С. 417–442; Eshkol Rafaeli-Mor, Steinberg J. Self-complexity and well-being: a review and research synthesis // Personality and social psychology review. 2002. Vol. 6. № 1. P. 31–58.

²⁶ Франкл В. О смысле жизни // Хрестоматия по психологии личности / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: «Бахрах-М», 2000. С. 202.

²⁷ Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб., 2000. 249 с.

нитивно-упрощенный – узкую и ригидную. Д. Биери предложил рассматривать когнитивную сложность как обобщенный параметр личности, характеризующий процесс переработки информации, возможность оценить событие по множеству параметров²⁸.

Рассматривать когнитивную сложность как факторную размерность системы конструкторов не совсем удачно, так как «если низкая размерность факторного пространства (особенно когда все сводится к одному фактору «оценки») действительно говорит о «когнитивной простоте», то высокая размерность не может интерпретироваться однозначно»²⁹. Высокая размерность может свидетельствовать и о действительной когнитивной сложности, и о «диффузности» системы конструкторов. Д. Баннистер в своих исследованиях показал, что высокая факторная размерность системы конструкторов есть характерная черта людей больных шизофренией. Этот факт следует понимать не как высокую когнитивную сложность больных шизофренией, а как «диффузность» системы конструкторов вследствие разорванности, противоречивости понятийного базиса мышления³⁰.

В дальнейшем вместо понятия «когнитивная сложность» было предложено понятие «артикулированность системы конструкторов», которое понимается как иерархическое соподчинение на категориальном макроуровне. То есть когнитивно-сложный субъект должен иметь не только большое количество конструкторов для описания действительности, не только большое количество факторов в системе обеспечивающих гибкую дифференциацию явлений и событий мира, но, в первую очередь, соподчиненность конструкторов. «Только тогда система конструкторов обретает необходимую «связанность» и «стройность», оказывается достаточно гибкой и одновременно достаточно устойчивой»³¹. По мере связанности конструкторов можно выделить следующие типы

систем: монолитная система конструкторов характеризуется жесткой связанностью и подчиненностью конструкторов³². Диффузная система конструкторов является противоположностью «монолитности» и характеризуется наличием множества оценочных кластеров не связанных между собой. Артикулированная система конструкторов выступает промежуточным вариантом. Характерной особенностью данного типа системы является наличие множества оценочных кластеров, имеющих взаимосвязи. Таким образом, когнитивная сложность имеет два основных аспекта проявления: во-первых, факторная размерность системы конструкторов, обеспечивающая гибкое реагирование на происходящие события и, во-вторых, артикулированность, связанность оценочных кластеров, что обеспечивает не хаотичное, а структурированное восприятие действительности.

Показатель когнитивной сложности – явление не изолированное, в разнообразных исследованиях показана взаимосвязь когнитивной сложности субъекта с различными психологическими особенностями. Е. Рафаэль-Мор, Дж. Штейнберг, И. Готлиб, В. Ревели дополняют понимание когнитивной сложности тем, что когнитивно-сложный человек реагирует на происходящие с ним события более положительно и это, в конечном итоге, отражается в состоянии психического благополучия, по сравнению с когнитивно-упрощенными индивидами, которые имеют малый спектр реагирования, вследствие чего чаще находятся в состоянии напряжения, что неблагоприятно сказывается на психическом благополучии субъекта в целом³³. А.Г. Шмелев приводит результаты исследования, которые демонстрируют наличие криволинейной зависимости между когнитивной сложностью субъекта и степенью адаптированности. При чрезмерной сложности, равно как и при недостаточной, происходит снижение уровня адаптивности. Другими словами, субъект, имеющий очень высокую когнитивную дифференцированность, является слабо приспособляемым к условиям окружающего мира за счет невозможности сформулировать конкретное отношение к происходящему. В противоположность ему субъект, имеющий низкую дифференцированность, также является мало адаптированным в среде, но уже за счет невозможности осознать ситуацию с разнообразных позиций.

²⁸ Первин Л. Психология личности. Теория и исследования. М., 2000. 606 с.

²⁹ Beck, A.T. Cognitive therapy of depression. New York: Guilford Press, 1979. p. 84.

³⁰ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Изд-во Похилько, В.И. Когнитивная дифференцированность / В.И. Похилько // Общая психодиагностика / под редакцией А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 238–240; Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.; Хьелл Л. Теории личности. СПб., 1999. 606 с.; Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.; Beck, A.T. Cognitive therapy of depression. New-York: Guilford Press, 1979. 432 с.

³¹ Beck A.T. Cognitive therapy of depression. New-York: Guilford Press, 1979. P. 84.

³² Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.

³³ Eshkol Rafaeli-Mor, Ian H. Gotlib, Revelle W. The meaning and measurement of self-complexity // Personality and individual differences. 27, 1999. P. 341–356.

А.В. Серый, исследуя особенности системы личностных смыслов, приходит к заключению, что когнитивная сложность, отражающая дифференцированность индивидуального смыслового поля является структурным компонентом системы смыслов³⁴. Действительно, данный вывод не случаен, так как когнитивная сложность, по сути, является функциональной характеристикой системы конструкторов. Сама категориальная структура, как мы ранее уже убедились, является структурным компонентом субъективного опыта личности, который образуют и конструкты, и значения, и система смыслов, сюда также можно отнести в качестве еще одного компонента структуры мышление, которое, находясь в тесной взаимосвязи с системой значений, определяет характер восприятия действительности.

Таким образом, данные компоненты организованы в систему (рисунок), где когнитивная сложность, выступая функциональной характеристикой, определяет особенности динамики формирования субъективного опыта в данной системе. Рассматривать особенности функционирования данной системы следует лишь в контексте отдельной содержательной сферы, так как ошибочно утверждать, что субъективный опыт, накопленный в одной сфере деятельности (например, в сфере труда) поможет разрешить существующие противоречия и сформировать отношения в другой (например, семейная жизнь). В равной степени данное положение можно отнести и к понятию когнитивной сложности. В связи с этим В.Ф. Петренко справедливо замечает, что «сознание человека гетерономно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной сфере и низкую – в другой»³⁵.

Фактически мы приходим к следующему заключению: субъективный опыт – это комплексное, интегральное образование, формирующееся на базе опыта в каждой содержательной сфере. Однако не следует понимать субъективный опыт личности как просто арифметическую сумму опыта из разных сфер – это сложная и многоуровневая система, где выпадение одной из сфер приводит к возникновению другой системы, качественно отличной от прежней.

Таким образом, рассматривая систему личностных конструкторов в качестве структурного

компонента субъективного опыта, мы имеем возможность более детально проанализировать особенности функционирования системы конструкторов как в норме, так и при различных аномалиях поведения и личности. Среди всего многообразия сфер жизнедеятельности можно выделить несколько из них, которые, по нашему убеждению, являются основополагающими.

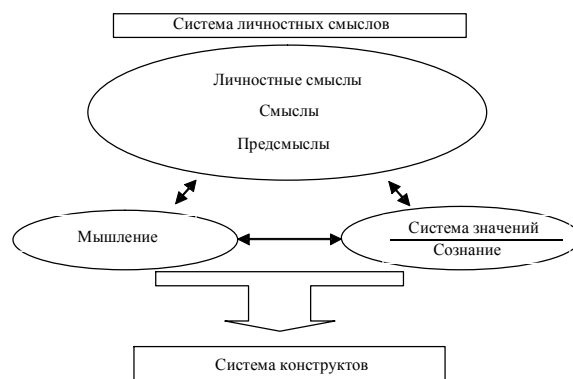

Рисунок. Структурная организация системы субъективного опыта

Сфера межличностных отношений – формируется в контексте взаимодействия с социальным окружением; частота, характер и сферы взаимодействия лежат в основе формирования отношения субъекта к социальному миру и к самому себе. Система межличностных отношений является границей между субъективным (внутренним) и объективным (внешним) миром. Межличностные отношения находятся в основе всех социально-психологических процессов.

Психологическое время – данная система задается самой физической реальностью, в плане психологической реальности обозначенная система проявляется в осмысленности и синхронизации субъективного опыта, сформированного в различные отрезки времени. Рассогласование и несвязанность субъективного опыта лишает человека полноценности бытия.

Цели и средства – эта система формируется как проявление активности субъекта и характеризует личность в ее динамике. Различная целевая заданность и инструментальный аппарат лежат в основе формирования личностных характеристик и вариантов поведения.

Достижения и неудачи – данная система субъективного опыта, по сути, является продолжением динамического аспекта личности и способствует осмыслению адекватности поставленных целей и средств их достижений. От характера сформированного отношения к достижениям и неудачам зависит интенсивность активности и ее характер.

³⁴ Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.; Смагина С.С. Семантические особенности ментального конструирования межличностных отношений студентов // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. тр. Кемерово, 2002. С. 167–173.

³⁵ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 103.

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕЛЕУТОВ

Г.Н. Кригер

Кригер Галина Николаевна – старший преподаватель Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета (Белово).

В статье раскрываются особенности телеутского этноса. Телеуты – коренные малочисленные народы Сибири. Этнопсихологические особенности телеутов обусловлены этнообразующими, культурно-историческими, социально-психологическими факторами.

In the article are opened the features of tartar ethnos. Tartars are radical small peoples of Siberia. Ethnopsychological originality of tartars is determined by set of influence ethnical, cultural – historical, social – psychological factors.

Особенности телеутского этноса рассматривались в ряде исследований в области истории, этнографии, антропологии, лингвистики. Уникальные описания телеутов были сделаны в XVIII и XIX вв. (И.Г. Гмелин, И.Г. Георги, И.П. Фальк, В.В. Радлов, С.П. Крашенинников, Г.И. Спасский, В.И. Вербицкий). В XX столетии вопросы изучения особенностей этнической культуры телеутов рассматривались этнографами, историками А.В. Анохиным, А.Г. Данилиным, Н.П. Дыренковой, Л.П. Потаповым, Д.А. Функ. В литературе названных авторов описывается происхождение телеутов, их историческое прошлое, место проживания, жилище, одежда, язык, религиозные представления, свадебные обряды.

Наиболее активно проблема этнического своеобразия телеутов начала разрабатываться с конца 80-х гг. XX в. В основном это исследования в контексте изучения культурно-исторических процессов (Д.В. Кацюба, Р.В. Николаев, В.В. Стрик, А.В. Кимеев, В.В. Туев, А.Р. Ким, Г.Г. Фисакова, А.Н. Садовой). Собственно, психологических исследований особенностей этнического самосознания телеутов до настоящего времени не проводилось.

Телеуты – древние аборигены Сибири. Эта народность тюркского происхождения. В научной литературе телеутов относят к этнографической группе южных алтайцев на основании их общего с южными алтайцами происхождения, но новейшие исследования по истории, этнографии, антропологии и языку опровергают такое утверждение и показывают непрерывное самостоятельное этническое развитие телеутской народности, а не утрату ею основных этнических характеристик.

Этнопсихологическое своеобразие телеутов как коренного малочисленного народа определяется совокупностью влияния многих факторов.

Этнообразующий фактор (географический). На территории юга Западной Сибири сформирова-

лись несколько телеутских групп: тарская группа – около г. Тара (ассимилированы в XIX в. сибирскими татарами и русскими); яйская группа – на притоках р. Чулым – Яя и Тисуль (ассимилированы аналогичным способом); томская группа – в низовьях Томи и около г. Томска (большей частью сблизились с томскими татарами – чатами и эуштинцами, некоторые обрусели, в настоящее время потомки томских телеутов – калмаки – живут на севере Кемеровской области); кузнецкая группа – около г. Новокузнецка, по реке Томь, в низовьях Кондомы и по реке Ускат (единственные телеуты, сохранившие свои этнографические особенности и самоназвание; большая часть кузнецких телеутов в XIX в. жили по рекам Большой и Малой Бачат, они сформировали группу бачатских телеутов)¹. Телеутские группы отличаются особенностями родового состава, диалектов, а также хозяйственного и культурного развития. Наиболее самобытной в этническом отношении остается бачатская группа.

По происхождению телеуты относятся к кочевым скотоводческим племенам «теле», входившим в состав большого военно-административного объединения кочевников восточной части Центральной Азии, известного под названием тюркского каганата в VI–VIII вв.².

Сведения о племенах «теле» содержатся еще в древнетюркских, древнемонгольских, древнекитайских и других восточных письменных памятниках.

Этнический состав и происхождение телеутов достаточно полно освещены в историко-этнографической литературе.

После окончания Джунгаро-Китайской войны (1756–1758) начинается массовый переход телеутов в состав Российского государства, который происходил постепенно в течение полутора сто-

¹ Агеева Р.А. «Какого мы роду-племени?» Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 1997. С. 423.

² Кацюба Д.В. Этнография народов Сибири. Кемерово, 1994. 202 с.

летия. Первыми приняли российское подданство так называемые окраинные телеутские роды ачкыштымов, тагапцев, тогулов, керетцев, проживавших на границах «Телеутской земли» и порубежных сибирских уездов к западу от Кузнецка и представлявших, по-видимому, потомков тюркизированных самодийцев и кетов. На протяжении XVII в. отдельные группировки телеутов (мелкие улусы, части улусов и родов) отъезжали из мест своих исконных кочевий в российские пределы «государево имя» и расселялись в Кузнецком и Томском уездах на правах служилого или ясачного сословия, постепенно переходя к оседлости. В русских документах XVII–XVIII вв. они именовались «выезжими телеутами» или «выезжими белыми калмыками». Последней крупной группой телеутов, принявших российское подданство, были так называемые джунгарские беглецы, прикочевывавшие к границам России после захвата Джунгарии войсками Цинского государства в 1750-х гг. «Окраинные телеутские роды», «выезжие телеуты», «джунгарские беглецы», распределившиеся в разных соотношениях, и явились главными этногенетическими компонентами четырех основных этнотерриториальных групп телеутов XIX – начало XX в.: бачатской, томской, чумышской и алтайской³.

В результате сложных исторических процессов телеуты в настоящее время живут как на территории Горно-Алтайской автономной области, так и за ее пределами.

Основная масса телеутов проживает по рекам Большой и Малый Бачат в Беловском районе Кемеровской области в селах Беково (телеутское название Кресту), Челухоево (Ары Байат «по другую сторону р. Бачат»), Верховская (Сас), Шанда (Шаанды), Новобачаты (Таш Кбмир), Черта, Большой Улус. Отдельная группа телеутов живет в поселке Телеут (Том), в черте г. Новокузнецка. Такой же поселок имеется в черте г. Белова. В Горном Алтае они населяют долину рек Маймы, Иши и правый берег реки Катунь Майминского района (в настоящее время большая часть телеутов живет за пределами Горно-Алтайской автономной области, в селах Беловского района Кемеровской области). В Алтайском крае телеуты живут в Заринском (бывшем Сорокинском), Кытмановском и Чулышманском районах⁴.

К этнообразующему фактору также следует отнести *популяционно-демографический*. По некоторым данным в Кемеровской области к концу 90-х гг. XX в. насчитывалось 2594 телеутов как коренного малочисленного народа Сибири. Сами себя телеуты называют, в зависимости от ситуации, по-разному: теленгит при встрече с представителями других тюркоязычных народов и общении с ними на «общетюркском» языке, телеуты – при ответе на вопрос о своей национальности на русском языке, тадар – для обозначения себя и своего языка при общении между собой на родном языке. Большая часть саяно-алтайских тюрков знает телеутов под именем Пайат–Бачат.

Знание структуры современной этнической идентификации телеутов, позволяет глубже понять причины и скрытые возможности трансформаций этнического самосознания этого народа. Можно выделить, по меньшей мере, шесть уровней/видов самоидентификаций телеутов:

1. Название себя по патронимии (тел. *кезек*) или роду (тел. *сеок*) широко распространено в быту, в обыденных ситуациях, в речи как среднего и старшего, так и младшего поколений: *Тьярсым!* (представители одной из патронимий фамилии Чебельковых), *Покош!* (Тыдыковых), *Пачай!* (Челуховых). Наименование себя по роду сейчас малоупотребительно — традиционный ранее первый при встрече незнакомых людей вопрос: «Из какого ты рода?» потерял актуальность и исчез из активной фразеологии, но процент знания телеутами своей родовой принадлежности весьма высок во всех возрастных группах. По названию рода телеуты обозначают не только людей, но и отдельные улицы, районы населенного пункта или близлежащей местности. В д. Телеуты (Том) известна улица сеока Очу – Очу *ором*, в д. Челухоево – улица Чештановых – *Чаштандар* и большие огороды с культурными кустарниками – *Пачай сазы*, *Пабель сазы*, *Пушкар сазы*, названные по именам их первых устроителей и владельцев.

2. Самоназвания по месту жительства, обозначающие крупные коллективы людей, часто с «этническим» оттенком. Телеутов д. Телеуты (б. улус Средне-Телеутский называют (и они сами себя называют) *томдор*, жителей д. Беково – *крестулер*, телеутов д. Шанда – *шандинские*, д. Семенушкина – *чеби*, д. Бабанаква – *полманак*, д. Старо-Бачаты – *чарапан* (последние три названия устарели) и т. п.

3. Основное самоназвание, используемое в общении с представителями других тюркских

³ Кацюба Д.В. Этнография народов Сибири. Кемерово, 1994. 202 с.

⁴ Агеева Р.А. «Какого мы роду-племени?» Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 1997. С. 423.

народов, иногда между собой, а также в шаманских текстах, исторических песнях, в зачинах бытовых сказок и рассказов – *теленгет* (мн.ч. *теленгеттер*). Помимо этого долгое время, до конца 80-х гг. XX в., продолжали существовать самоназвания потомков групп ач-кыштымов, (*ашкыштым*) и тюльберов (*тулбер*), ассимилированных телеутами; оба самоназвания телеуты использовали в быту, как правило, с оттенком пренебрежения.

4. При общении на русском языке телеуты, как правило, называют себя «телеут/телеутка». Термин этот происходит от западно-монгольского *теленгут*; основа его – *теленг* – был официально закреплён царскими властями в названиях телеутских волостей, просуществовавших с конца XVIII до середины 20-х гг. XX в.

5. После длительного проживания на Алтае, «осознав», благодаря ненавязчивому прессингу свое историческое и культурно-языковое единство с алтайским народом, отдельные телеуты называют и считают себя алтайцами (*алтай-кижи*).

6. *Тадар-кижилери* (татары, татарские люди): а) основной до 1991 г. этноним («татарин/татарка»), записанный у большинства бачатских и у всех заринских телеутов в паспортах; б) «*тадар*» («татарин»), «*тадар-кижи*» («татарский человек»), «*тадар тили*» («татарский язык») – основное обозначение себя и своего языка в общении между собой на телеутском языке, а также некоторых окружающих тюркоязычных народов (шорцев – *шор тадарларь* наряду с *шорлор* и *абалар*; кумандинцев – *куманды тадарлары*; хакасов – *кахас-тадарлары*), которые, как и телеуты, пользуются этим же этнонимом. Последний вариант близок по значению к «тюрк», «южносибирский тюрк».

Такова достаточно сложная картина многоуровневого самосознания телеутов⁵.

Культурно-исторический фактор объясняет совокупность специфичных компонентов материальной, духовной и социально-нормативной культуры данного этноса. Телеуты говорят на телеутском диалекте, входящем в южную (киргизо-кыпчакскую) группу диалектов алтайского языка (тюркская языковая семья). Общий язык поддерживает сплоченность данной этнической группы. В языке находят отражение общие знания о традициях, сложившихся в данной культу-

ре, в нем опосредованно материализуется историческая память. Телеуты живут в условиях иноэтнического окружения уже несколько веков, но при этом сохранены важнейшие этнодифференцирующие факторы, лежащие в основе их этнической идентичности: национальная письменность, разговорный язык, единая религия и общность территории проживания⁶.

Материальная культура телеутов характеризуется особенностями орудий труда и жилища; предметов домашней утвари и пищи; одежды и украшений; средств передвижений и хозяйственной деятельности.

Общественным укладом телеутов до их вхождения в состав России служила кочевая улусная организация. Улусы XVII–XVIII в. представляли объединения родов (сеоков). Власть в улусе наследовалась в рамках одного «княжеского» рода, при котором существовали особые привилегированные кланы (укту – «лучшие люди»), отличавшиеся от различных категорий населения. Основным институтом общественного устройства в XIX – начале XX вв. считался сеок – «кость», патрилинейное экзогамное объединение, включавшее генеалогические подразделения различных уровней. В XIX–XX вв. поселения имели линейную планировку, представители одного юрта – фамилии или одного сеока селились поблизости друг от друга. Особая роль в общинном самоуправлении принадлежала паштыкам (башлыкам, старостам) – волостным управителям, которые, отвечая за сбор податей, имели приоритетное право общения с властями. В этот же период преобладала малая моногамная семья, хотя имелись и большие патриархальные семьи. Различалось родство по отцу (карындаш) и по матери (тай). Средняя численность семьи составляла шесть-семь человек, глава ее распоряжался семейным состоянием⁷.

Ведущая форма религии у телеутов – шаманизм. Телеуты по своим религиозным убеждениям обожествляли землю, солнце, горы, реки и т.д., верили в добрых и злых духов, которым приносили в жертву домашних животных. У телеутов есть ритуальное сооружение из высохших молоденьких березок (сом) в честь родовых духов-покровителей (языческий культ). Предметами культа телеутов являются эмегендер (культовые изображения в виде деревянных и тряпич-

⁵ Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е первой половине 1990-х гг. //Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 109–113.

⁶ Кашуба Д.В. Духовная культура телеутов. Кемерово, 1993. 192 с.

⁷ Кашуба Д.В. Этнография народов Сибири. Кемерово, 1994. 202 с.

ных кукол), маленький деревянный лук со стрелами и др. В приобщении народа к христианству большую роль сыграла Алтайская духовная миссия. В конце XIX в. миссионеры открыли в телеутских селениях первые школы, а в начале XX в. сформировалась национальная интеллигенция: священники, учителя, краеведы⁸.

Социально-психологический фактор объясняет особенности социализации этнической группы, специфику формирования этнического самосознания, обусловленные механизмом культурной трансмиссии.

К формам передачи социального опыта телеутского этноса относятся: семейно-бытовые традиции, обычаи, народные обряды, предметно-вещная культура. Одним из главных признаков существования телеутского этноса является историческая память, наличие чувства единородства.

В структуре национального сознания центральным компонентом является этническое самосознание. Историческими и культурными детерминантами этнического самосознания выступают историческое прошлое и традиции телеутов, их сложившиеся обычаи и нормы поведения, предания, зафиксированные в фольклоре.

Этнические «начала» проявляются в символах и мифах и сохраняются благодаря традициям (памяти). Мифы как бы прямо отвечают на вопрос «Кто мы?», а символы помогают народу осознать свои исконные цели, ценности, идеалы как отличные от чуждых, выражая архетипы памяти и ценностей данной этнической культуры (какие мы?). Среди национальных обычаев интересны две формы брака – сговор (сватовство) и умыкание (похищение)⁹.

В основе этнических интересов телеутов лежат ценности народа, специфику которым придают этнические вкусы, проявляющиеся в поведении, домашнем убранстве, одежде, в искусстве, танцах, музыке, народном фольклоре.

В настоящее время для телеутских детей создан букварь (2004), в библиотеке собрана литература о телеутском народе, есть фольклорная группа, работает историко-этнографический музей «Чолкой».

В большей степени телеуты убеждены в значимости и ценности своей нации и переносят эту значимость на уровень своего самоуважения, национального достоинства, самобытности: с уважением относятся к обычаям и традициям;

родному краю; почитают в качестве непреложных образцов культуры, фольклорных, изобразительных, музыкальных произведений; гордятся духовным богатством своих предков.

К социально-психологическим особенностям телеутов следует отнести: особое чувство осознания своей национальной принадлежности; открытость с представителями своей и других этнических общностей, стремление к равноправным отношениям; неприхотливость и непритязательность в быту; упорство при выполнении любых видов деятельности; национальное самолюбие; этническая и родовая сплоченность. Считается, что процент знания телеутами своего «сеока» («кости», род) довольно высок во всех возрастных группах. Тем не менее исследования, проведенные в последние годы, говорят о низком знании телеутами своей родовой идентификации. Важный момент заключается в том, что роль межпоколенной передачи информации как фактора формирования знания о своем роде постепенно уступает место другим источникам, почерпнутым извне¹⁰.

Таким образом, этнопсихологическое своеобразие телеутов как коренного малочисленного народа определяется совокупностью влияния этнообразующих, популяционно-демографических, культурно-исторических, социально-психологических факторов. Телеутов отличает достаточная приверженность к национальной культуре, традициям, быту, стремление к сохранению кровно-родственных связей.

⁸ Кацюба Д.В. Духовная культура телеутов. Кемерово, 1993. 192 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е первой половине 1990-х годов // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 109–113.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЙ АСПЕКТ

М.С. Яницкий

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и социальных психотехнологий Кемеровского государственного университета

В статье анализируется проблема политкорректности, которая рассматривается как лингвокультуральная форма выражения толерантного сознания. Приводятся результаты исследования особенностей проявления политической корректности по отношению к различным группам в зависимости от типа индивидуальной ценностной иерархии.

The problem of political correctness is analyzed which is seen as a linguocultural form of expression of tolerant consciousness. The article cites results of investigation of specific features of manifestation of political correctness with respect to different groups depending on the type of individual value hierarchy.

На современном этапе развития цивилизации, который характеризуется глобализацией в экономике и культуре, человечество становится все более единым и взаимозависимым. В противоположность прежним эпохам, развитие общества определяется не борьбой за существование между большими социальными группами и общностями, а готовностью к компромиссу между ними, сосуществованию, условием чего выступает их взаимная терпимость. Терпимость, толерантность тем самым предстает и как фактор сохранения своеобразия, уникальности тех или иных групп, и как условие выживания человечества в целом. Формирование толерантных установок имеет особое значение и для будущего России как демократического государства. Россия как страна исключительно разнообразная по своему национальному, религиозному, социальному составу просто не сможет существовать как единое государство, если не добиться существенного повышения уровня толерантности в российском обществе.

Согласно общему определению, данному в Декларации принципов толерантности, толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»¹. Такое определение подразумевает терпимое отношение к иным национальностям и расам, языку, религии, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, политическим или иным мнениям, социальному происхождению, собственности и пр.

Конкретной формой выражения толерантного сознания является осознанное использование таких языковых средств, которые направлены на формирование и поддержание объективного и

благоприятного образа групп, характеризующихся «инаковостью» по какому-либо признаку.

Достаточно очевидно, что сознание и язык взаимодетерминированы. Согласно известной теории Э. Сепира–Б. Уорфа, язык и языковые конструкции оказывают существенное воздействие на структуру мышления человека, на способ восприятия им мира². Субъективный смысл, значение используемых человеком понятий определяют границы его реальности, «системой координат» в которой являются употребляемые им языковые конструкты. В этой связи возможность изменения массового сознания посредством воздействия на язык всегда представлялась весьма заманчивой. В своей известной антиутопии «1984» Дж. Оруэлл описывает специально созданный тоталитарным обществом будущего искусственный язык – «новояз», целью которого было «сделать невозможным все иные способы мышления»³. Однако такого рода попытки предпринимались и в действительности, для достижения вполне благородных целей.

Так, для того чтобы найти новые подходы к решению проблемы сохраняющегося неравенства полов, западное феминистское движение в середине прошлого века предложило избегать «сексистских» слов, так или иначе принижающих статус женщины (например, «businessman», «chairman», «man-made» и т.п.). Очевидно, что это требование предполагало нечто иное, чем соблюдение норм этикета по отношению к женщине или обычную тактичность. Такая доктрина была обозначена президентом американской Национальной организации женщин К. Декроу как «политическая корректность» (political correctness), под которой подразумевалось построение речевого поведения

¹ Риэрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. М.: Бонфи, 2001. С. 262.

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

³ Оруэлл Дж. Принципы новояза // Проза отчаяния и надежды. Л.: Лениздат, 1990. С. 237.

таким образом, чтобы избежать любых форм половой дискриминации⁴.

Как отмечает П. Черноморский, само понятие политической корректности имеет «левацкое» происхождение. Оно было занесено в лексикон левыми интеллектуалами «в качестве полшутки такого маоистского сувенира», как напоминание о кампании Мао Цзэдуна по борьбе с «политически неправильным поведением»⁵. Многими авторами справедливо отмечается, что термин «политическая корректность» является весьма неудачным, так как он подчеркивает рациональный выбор именно по политическим (следовательно, не вполне искренним) мотивам в противоположность искренней заботе о других людях. Однако попытки заменить его такими близкими понятиями, как «коммуникативная корректность», «языковой такт», «культурная чуткость» и т. п. не имели особого успеха, поскольку движение политкорректности достигло мирового размаха, термин стал привычным и был заимствован другими языками.

Сегодня под «политкорректностью» понимается особый язык, построенный на запрещении употребления стереотипной, особенно негативно оценочной, лексики в отношении каких бы то ни было групп населения. Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения, взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.⁶

Общая цель движения политкорректности может быть обозначена как достижение изменения общественного мнения, преодоление необъективности, негативных социальных стереотипов и предрассудков, снобизма и невежества в отношении групп, которые обладают каким-либо признаком, по которому их можно отнести к меньшинству и/или считающихся «угнетаемыми». В качестве объектов политкорректности сегодня выступают самые различные группы: женщины; расовые, национальные и конфессиональные меньшинства; сексуальные меньшинства; умственно отсталые и психически больные;

имеющие физические недостатки (инвалиды); имеющие «особую» внешность (некрасивые, толстые, лысые и т. п.); «крайние» возрастные группы (старики, дети); бедные; антисоциальные и асоциальные элементы (правонарушители, проститутки, наркоманы, бродяги и т. п.); «непрестижные» профессиональные группы (уборщицы, посудомойки и т. п.); и, наконец, даже животные и растения.

Реальная практика политкорректности, однако, вызвала огромное количество негативных откликов и протестов. В отечественных публикациях, почти исключительно критических, политкорректность к тому же в большинстве случаев подается как некий забавный казус из американской жизни, в виде анекдотов вроде того, что лучшим кандидатом на пост президента США теперь является пожилая испаноязычная афроамериканка нетрадиционной сексуальной ориентации, больная СПИДом. Такие публикации явно дискредитируют саму идею, описывая лишь внешнюю сторону явления и вовсе игнорируя гуманистические цели идеологов политкорректности. По словам П. Черноморского, «конечно, эти люди смогли добиться очень многого. Смешки над ними выглядят бессмысленно и позорят не принцип терпимости, а самого смеющегося»⁷.

Однако проблема серьезнее – негативно воспринимается не только форма выражения политкорректности, зачастую действительно нелепая или уродливая, но и сами принципы, лежащие в ее основе. Так, Д.А. Леонтьев, отстаивая приоритет личности и ее прав перед обществом и государством, утверждает, что идеология политкорректности, напротив, «подразумевает полное игнорирование личности», никак, впрочем, не аргументируя это категоричное заявление⁸. В общем, как пишет А. Тимофеевский, «матерые остроумцы ... патетически восклицают, что культ меньшинств, воцарившийся на Западе, привел к унижению большинства, что попрано само понятие нормы, что изгоем сделался здоровый белый гетеросексуальный мужчина с университетским дипломом и что все это – фашизм. Те, кто поумнее, признают в политической корректности, так сказать, содержание, но сетуют на форму: все, конечно, правильно, говорят они, но уж очень лицемерно и к тому же громко, навяз-

⁴ Черноморский П. Игрушка для кампуса // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

⁵ Там же.

⁶ Political Correctness в теории // Еженедельные путешествия в мир, который говорит по-английски // <http://www.ora.com/people/staff/sierra/flum/>

⁷ Черноморский П. Игрушка для кампуса // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

⁸ Леонтьев Д.А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнетворчества. Кемерово, Графика, 2002. С. 11.

чиво, истерично, в общем – безвкусно. Наконец, редкие и самые умные замечают, что политическая корректность игнорирует промысел Божий, подменяя откровение механическими правилами добра, заведомо безблагодатными»⁹.

Таким образом, «претензии» к политкорректности (ПК) касаются и целей, и средств, и результатов этого явления. По нашему мнению, высказываемые разными авторами критические аргументы могут быть сгруппированы следующим образом:

1. «Комичность». ПК обвиняется в «насилии над языком», противоестественности, нелепости, доходящей до смешного. Внимание фокусируется на таких «перлах» политкорректности, как «меланинодостаточный» (т. е. негр), «вагинальное лицо» (женщина), «переработанный скелет дерева» (книга) и т. п.¹⁰

2. «Лицемерность». Акцент делается на том, что ПК – это лишь внешняя корректность, никак не связанная с изменением действительного отношения. Как пишет А. Тимофеевский, «это только правила поведения – как и положено, насквозь фальшивые и лицемерные... Можно все что угодно думать про черных, на то есть ваша добрая воля, но называть их негативами, шоколадками или угольками не надо»¹¹.

3. «Средство сохранения неравенства». Утверждается, что ПК на самом деле нацелена на «утаивание», сокрытие неравенства¹². Если называть бедного «экономически неподготовленным» это может лишь замаскировать реальную проблему. По словам Г. Маркузе, такие «добродетели дискурса» на самом деле лишь помогают сохранению статус-кво¹³.

4. «Контрпродуктивность». Отмечается, что ПК фактически порождает неравноправие. Из-за предпочтений представителям меньшинств, спекулирующих на своей «особости», относящиеся к большинству оказываются ущемленными в праве на получение работы, образования и т. п. Так, чтобы предотвратить обвинения в дискриминации, черным студентам завышаются оценки, предприятия не могут отказать относящимся к меньшинствам при конкурсном отборе и т. д.

5. «Большевизм». Подчеркивается, что идея политической корректности предполагает чрезвычайно нормативный тип социальной практики. При этом такая жесткая социальная практика агрессивно навязывается другим, посредством диктата принуждения. Показательно, что американские правые говорят о «марксистском» происхождении ПК¹⁴.

Обширность критической библиографии, однако, свидетельствует о признании того, что движение политкорректности достигло определенных (пусть и негативно воспринимаемых) результатов: как минимум, изменилась на уважительную форма взаимодействия с меньшинствами. Политкорректность добилась утверждения новых норм коммуникации, одновременно и языковых, и этических. В итоге политкорректность способствовала реальному уменьшению повседневной дискриминации ранее подверженных ей групп и одновременно преодолению «комплекса вины» доминировавшего на протяжении длительного времени большинства.

Таким образом, роль политкорректности, подобно религии, парадоксальна: она уничтожает неравенство и предрассудки и одновременно создает их. Г. Оллпорт, говоря о религии, объясняет подобный парадокс (декларируемую терпимость и реальную нетерпимость) неоднородностью верующих, характеризующихся внутренней («духовной») или же напротив внешней («социальной») религиозностью, сопряженной со склонностью к предрассудкам¹⁵. Очевидно, что политкорректность, как и любое другое «единственно верное и всепобеждающее учение», также не является однородным в психологическом смысле явлением. У одних она представляет интернализированную систему убеждений и ценностей, ставшую действенным внутренним регулятором социального поведения, для других она служит лишь социокультурной нормой поведения, определяющей только его внешнюю форму.

В предложенной нами ранее типологической модели¹⁶ в зависимости от субъективной значимости терпимости и других либеральных ценностей в индивидуальной иерархии, уровня их осознанности и интернализированности, их «внешнего» или «внутреннего» характера выделяется три типа личности, ориентирующихся соответственно на ценности адаптации (выживание и

⁹ Тимофеевский А. Милость к падшим и суд Линча // <http://www.russ.ru/politics/20020116-tim.html>

¹⁰ Белах В. Уроки культурно-чуткого // Коммерсант-Власть, 2002. № 13. С. 60-64.

¹¹ Тимофеевский А. Милость к падшим и суд Линча // <http://www.russ.ru/politics/20020116-tim.html>

¹² Бренер А. Искусство ведения войны против одной институции // <http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2301.htm>

¹³ Черноморский П. Игрушка для кампуса // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Оллпорт Г. Личность в психологии. М. : КСП+, СПб. : Ювента, 1998. 345 с.

¹⁶ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие).

Мы предположили, что частота и характер проявления политической корректности определяются уровнем развития индивидуальной ценностной системы. В данной работе нами исследовались особенности проявления политической корректности по отношению к различным группам в зависимости от типа индивидуальной ценностной иерархии.

В исследовании приняли участие 96 студентов старших курсов Кемеровского государственного университета, обучающихся по специальности «Социальная работа», объектом будущей профессиональной деятельности которых должны стать приведенные выше категории населения. Данная группа исследуемых представляла для нас наибольший интерес, поскольку специалисты по социальной работе являются представителями профессии, для которой этические нормы взаимодействия имеют особую значимость.

Исследование политической корректности в индивидуальном смысловом и языковом пространстве осуществлялось с использованием теста репертуарных решеток Дж. Келли. Репертуарная решетка в качестве элементов включала в себя 12 объектов (шесть к шести – полярные) политической корректности:

- 1) женщина – мужчина;
- 2) лица пожилого возраста – молодые;
- 3) лица с ограниченными возможностями – лица, не имеющие ограничений в возможностях;
- 4) правонарушители – законопослушные;
- 5) национальные меньшинства – национальное большинство;
- 6) лица, страдающие психическими заболеваниями – лица, не страдающие психическими заболеваниями.

Испытуемым предлагалось записать понятия, характеризующие различия полярных элементов в каждой паре. В результате мы получили список значимых операциональных понятий (конструктов), имплицитно используемых каждым испытуемым. Как политически корректные расценивались положительные или же нейтральные дифференцирующие характеристики (например, «потребность в посторонней помощи»), как политически некорректные – негативно оценочные и/или дискриминирующие (например, «неполноценность»).

В результате исследования общее количество конструктов по всей экспериментальной

группе, интерпретированных нами как политически корректные, составило 40 % (в том числе у юношей 36 %, девушек – 41 %). При этом «уровень политкорректности» оказался существенно различным как в отношении конкретных объектов (категорий), так и в сознании ее субъектов (отдельных ценностных типов) (таблица).

Таблица

Частота политически корректных конструктов в исследуемых группах, %

Объект политкорректности	Тип ценностных ориентаций				Все типы
	Адаптирующий	Социализирующий	Индивидуализирующий	Промежуточный	
Женщины	75	67	67	50	67
Лица пожилого возраста	50	29	33	50	40
Лица, с ограниченными возможностями	31	33	0	38	31
Правонарушители	44	38	0	38	38
Национальные меньшинства	38	57	100	13	46
Лица, страдающие психическими заболеваниями	13	24	0	25	19
Все категории	42	41	33	36	40

«Женщины» в нашем исследовании являются категорией, для характеристики которой политически корректные конструкты используются наиболее часто (67 % от общего числа конструктов, в том числе у женщин – 71 %, у мужчин – 54 %). Тем не менее треть выявленных конструктов представляют собой субъективно значимые негативные отличительные признаки данной категории такие, как «отсутствие логики», «тупость», «стервозность». Ряд исследуемых женщины характеризуются как «вредные», «капризные», и даже как «дуры».

«Лица пожилого возраста», как и все другие последующие рассматриваемые категории, в отличие от женщин дифференцируются преимущественно с использованием негативно оценоч-

ной лексики – только 40 % употребляемых в отношении них конструкторов являются политкорректными. Эту категорию, в представлении исследуемых, от молодежи отличает «консерватизм», «упрямство», «ворчливость». Наиболее часто лица пожилого возраста характеризуются как «злые», «слабые», «скучные», «суеверные», «дементные», «тугодумы».

«Лица с ограниченными возможностями» только менее чем в трети случаев определяются нейтральными отличительными качествами (31 % конструкторов). Наиболее значимыми отличиями этой категории в сознании исследуемых являются «озлобленность», «обида на общество, на весь мир», «неполноценность», «недееспособность», «беспомощность», «иждивенчество», «манипулирование своими увечьями».

«Правонарушители» (38 % политкорректных конструкторов) также наделяются в основном негативными оценочными характеристиками, в том числе такими, как «жестокость», «безнравственность», «дерзость». В отличие от «законопослушных», они воспринимаются исследуемыми как «обиженные жизнью», «злые», «отходы общества», «моральные уроды». При этом мужчины отличаются большей корректностью в отношении данной категории (46 %, против 34 % у женщин).

«Национальные меньшинства» несколько чаще определяются корректными отличительными характеристиками (44 % конструкторов). Однако чаще используемая при их дифференцировке непolitкорректная лексика является и наиболее оскорбительной и ущемляющей достоинство: «уроды», «чурки», «чужаки», «наглые», «нахальные», «навязчивые», «грубые».

«Лица, страдающие психическими заболеваниями», являются категорией, в отношении которой негативные стереотипы доминируют наиболее отчетливо – только 19 % выявленных конструкторов могут быть отнесены к политически корректным. Наиболее же часто они характеризуются как «непригодные для жизни», «неполноценные», «опасные для себя и других», приносящие «вред окружающей среде и людям», «изгои», «странные», «малопригодные для общения».

Приведенные общие результаты свидетельствуют о том, что представленные в сознании исследуемых языковые средства, используемые для обозначения рассматриваемых категорий, в большинстве случаев основаны на негативных социальных стереотипах.

Для отнесения испытуемых к тому или иному ценностному типу использовалась модифи-

цированная нами методика Р. Инглхарта¹⁷, основанная на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на описанные выше группы ценностей. Испытуемые на основании большинства сделанных ими выборов были отнесены к одному из трех основных ценностных типов:

– «адаптирующихся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) – 33 % исследуемых;

– «социализирующихся» (семья, карьера, общественное признание) – 44 %;

– «индивидуализирующихся» (самореализация, свобода, терпимость) – 6 %.

Остальные исследуемые (17 %) были отнесены к промежуточному типу.

Адаптирующийся тип, ценностная система которого формируется преимущественно психологическими защитными механизмами, характеризовался наиболее частым использованием политкорректной лексики (42 % конструкторов). Политкорректность, таким образом, выступает здесь одним из средств и условий успешного приспособления к требованиям общества. При этом наиболее корректно определяются женщины, пожилые и правонарушители, наименее – психически больные, лица с ограниченными возможностями и национальные меньшинства (38 % политкорректных конструкторов в отношении последней категории).

Социализирующийся тип, в наибольшей степени ориентирующийся на принятые в обществе нормы и ценности, употребляет корректные характеристики практически с той же частотой, что и адаптирующийся тип (41 % конструкторов, интерпретированных как политкорректные). Однако в данном случае наиболее толерантно обозначаются женщины и национальные меньшинства (последние – в 57 % случаев), наименее – лица пожилого возраста («непонимание современной ситуации», «стремление учить, как надо жить»), что может определяться тем, что референтной группой для исследуемых являются сверстники.

Индивидуализирующийся тип, отличающийся независимостью оценок и суждений, наличием «автономной» морали, существенно реже, чем остальные исследуемые, использует политкор-

¹⁷ Яницкий М.С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания // Сибирская психология сегодня: Сб. науч. тр. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2002. С.189–195.

ректные конструкты (29 %). Особенно это проявляется при характеристике лиц с ограниченными возможностями, психически больных и правонарушителей – в отношении всех этих категорий не выявлено ни одного конструкта, который можно было бы интерпретировать как политически корректный. Характеристики, которые употребляются при дифференцировании данных групп, отличаются прямолинейной «бестактностью» формулировок: «иждивенцы», «непригодные для жизни», «моральные уроды» и т.п. В то же время, по сравнению с исследуемыми, отнесенными к другим типам, они наиболее часто употребляют корректные конструкты при характеристике национальных меньшинств (100 %).

Промежуточный тип (36 % политкорректных конструктов), в отличие от индивидуализирующегося, характеризуется наименьшей терпимостью по отношению к национальным меньшинствам (только 13 % конструктов), используя откровенно расистские определения («чурки», «уроды» и т.п.). То есть не определившиеся, «маргинальные» в ценностном отношении испытуемые обретают позитивную самоидентичность через противопоставление себя уничижительно характеризуемым национальным меньшинствам.

Полученные в ходе нашего исследования результаты в целом свидетельствуют о том, что чем выше уровень развития ценностной системы исследуемых, тем реже они употребляют политически корректные конструкты для характеристики большинства рассматриваемых категорий.

Явным исключением является отношение к национальным меньшинствам: чем выше уровень развития индивидуальной системы ценностей, тем чаще по отношению к национальным меньшинствам используются политкорректные конструкты. При этом отношение к национальным меньшинствам является более откровенным и независимым – или открытая неприязнь и враждебность, или искреннее уважение. Упрощенно говоря, отношение исследуемых к большинству изучаемых категорий определяется скорее социальными стереотипами (как позитивными, так и негативными), а отношение к национальным меньшинствам может быть интернализированным, являясь индикатором уровня развития ценностной системы личности.

Последнее позволяет надеяться, что явно доминирующая сегодня «внешняя политкорректность» все же может стать «внутренней» в процессе личностного роста и развития. Средством достижения такого изменения может стать современное образование, ставящее своей целью формирование внутренне свободной и гуманистически ориентированной личности. При этом образование, наряду со СМИ и другими институтами формирования массового сознания, должно стать эффективным инструментом осознания и внутреннего принятия установок на политкорректное поведение не только в отношении различных этнических групп, но и других проявлений «инаковости».

ДИНАМИКА КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Т.Х. Невструева, Т.Г. Гнедина

Невструева Тамара Хасьямовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Гнедина Татьяна Георгиевна – психолог службы управления персоналом Забайкальской железной дороги, аспирантка кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Чита).

В статье рассмотрены проблемы карьерного роста руководителя (на примере железнодорожной отрасли). Дан теоретический анализ понятий «карьера» и «карьерные ориентации». Представлены результаты эмпирического исследования карьерных ориентаций руководителей, показаны особенности структуры карьерных ориентаций и их взаимосвязь с личностными характеристиками.

The problems of the chief's career growth are considered based on the example of the railway system. The theoretical analysis of the terms "career", "career orientation" is given. The results of the empirical chief's career orientation research are shown, the peculiarities of career orientation structures and their connection with personal peculiarities are given.

В современных акмеологических исследованиях рассматривается широкий спектр психологических проблем профессионального и личностного развития. Можно выделить две основные составляющие развития личности в профессиональном плане: рост компетентности, профессионального статуса в конкретной сфере деятельности и движение в системе управления, достижения должностного статуса. Взаимосвязь этих составляющих не исключает возможность их самостоятельного изучения, определения особенностей этих двух статусов в профессиональном и жизненном пути. Одной из стратегий достижения статуса является карьерный рост как процесс успешного движения к более высокому социально-профессиональному статусу (научному, производственному, административному, экономическому). Карьера отражает как объективные параметры жизненного пути личности, так и субъективный пласт смысла карьеры – представления личности о своих способностях, систему ценностей, целей и стремления.

Описание карьеры включает понятия, отражающие междисциплинарный характер проблемы: статуса, роли, власти, престижа, превосходства, лидерства, руководства, успеха, самоопределения, саморазвития, перспективы, цели, стремления, ориентации, установки, мотивации, достижений, компетентности, эффективности, уверенности, самоуважения, уровня притязаний, «Я-концепции», самооценки и др. Социальные, профессиональные, социально-психологические, психологические, акмеологические, возрастные аспекты этих понятий позволяют подойти к проблеме карьеры в интегративном ключе категории «личность» и связанных с ней понятий. В контексте исследуемой проблемы это – «развитие»

(профессиональное и саморазвитие), «самоопределение» (профессиональное определение и самоопределение), «жизненный путь» (зрелость, временная перспектива).

В работах по проблемам карьеры ссылаются прежде всего на зарубежные исследования, проводимые в 60-е и 70-е гг. Среди них автор влиятельной книги «Psychology of Careers» (1957) и теории профессионального самоопределения Д. Сьюпер, автор концепции персонального развития (Д. Тидман), типологии профессиональных интересов – Д. Холланд и создатель классификации профессий с психологической точки зрения – Э. Роу. Активно используются работы Э. Шейна, автора одного из первых учебников организационной психологии и идеи «якорей карьеры».

В нашей стране карьеру стали исследовать уже в 90-е гг. при изучении проблемы руководства (А. Л. Журавлев, А. Д. Кибанов, Е. Г. Молл, А. К. Маркова, Г. И. Терехов, А. Н. Толстая, А. В. Филиппов, И. С. Слепцов); личностных факторов профессиональной карьеры государственных служащих, становления и развития личности в ходе карьерного продвижения (А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, В. М. Дьячков, Л. И. Катаева, Е. А. Могилевкин, М. В. Сафонова и др.); мотивации карьеры, карьерных целей, механизмов карьерного роста (А. Д. Кибанов, А. С. Гусева, И. Д. Ладанов и др.).

В современных исследованиях можно выделить три основных подхода к пониманию карьеры:

– в широком контексте жизненного пути и профессионализации (профориентация, выбор профессии, карьеры);

– как этап восхождения человека к профессионализму и достижение высокого профессионального статуса;

– как продвижение в организационной иерархии, результат которого – определенный должностной и социальный статус.

Связи различных значений карьеры (жизненный путь – выбор карьеры (профессии) – профессиональный статус – должностной статус) в реальности носят дискретный характер. Жизненный путь представляет сложную взаимосвязь трех основных составляющих: личностной активности, ситуаций возникающих в контексте воздействия среды и историко-культурных детерминант. Профессиональный путь может быть стабильно успешным или сопровождаться кризисами. Личность может не состояться как профессионал, однако профессионал часто не делает служебно-должностную карьеру, и наоборот, человек на высоких должностях не всегда достигает высокого профессионализма.

Д. Сьюпер определяет карьеру как последовательность профессий, работ и позиций, достигаемых и занимаемых человеком в течение жизни и рассматривает карьеру с экономической, социологической и психологической точек зрения. Экономический аспект отражает последовательность позиций в имущественной иерархии, социологический – последовательность ролей, отражающих социальную мобильность человека, с психологической точки зрения карьера также серия исполняемых личностью ролей. Д. Сьюпер подчеркивает, что выбор этих ролей, и успех личности в этих ролях детерминированы двумя взаимосвязанными составляющими: установками, ценностями, потребностями, с одной стороны, предшествующим опытом и ожиданиями в будущем – с другой¹.

Рассмотрение многочисленных определений карьеры позволило выделить основные характеристики карьеры. Наиболее часто используемыми дескрипторами в дефинициях карьеры является: «последовательность» (профессий, видов работ, установок, поведения, позиций) и ее синонимы (непрерывность, поступательное движение, преемственность) и «изменение» (навыков, способностей, ролей, взглядов, позиций, видов работ, квалификационных возможностей, размеров вознаграждений, имущественного положения и др.).

Представление о карьере как «последовательности изменений» является базовым для многих исследователей при анализе проблемы, в

частности при построении «стадийных» моделей индивидуального карьерного движения. Так, в концепции С.Н. Паркинсона выделено 10 стадий (готовности, благоразумия, выдвижения, ответственности, авторитета, достижения, наград, мудрости, тупика), каждой из которых соответствует определенный возрастной период. Последовательность стадий карьеры связана с наличием или отсутствием «плато». Понятие «плато» карьеры отражает барьеры в карьерном росте. Организационное «плато» имеет место в ситуации наличия личностного и профессионального потенциала, но невозможности достижения более высоких позиций в силу объективных и не зависящих от личности причин. Личностное «плато» отражает нехватку потенциала или желания работать на более высоком уровне. По мнению Паркинсона «зажимаемый», не продвигаемый по службе сотрудник, вместо стадий достижений, наград, важности, мудрости и тупика, проходит иные фазы (краха, зависти, смирения)².

В исследованиях Д. Сьюпера, Дж. Л. Холланда и А. Роу обозначены периоды трудовой жизни (начальный, испытательный, стабильный), предложена ступенчатая модель профессионального развития (стадии пробуждения, исследования, консолидации, сохранения, спада). Позднее Д. Сьюпер предложил более подробную схему профессионального цикла, выделив следующие стадии: кристаллизации (или оформления) – от 14 до 18 лет; спецификации (или конкретизации) – 18–21 год; стабилизации – 25–35 лет; консолидации – от 35 лет и далее³.

В русле феноменологического подхода к проблеме развития профессиональной карьеры Д. Сьюпер и другие исследователи применили теорию «Я-концепции» (подход к индивидууму, как субъекту принятия решения, учитывающего ситуацию выбора) и теорию конгруэнтности (выбор карьеры представляется как процесс согласования личностных черт с чертами, требуемыми для конкретной профессии). Теория «Я-концепции» не избежала критики, так как постулирует свободу выбора карьеры и не учитывает особенности положения малоимущих групп, которые в полной мере учитывают структурные подходы.

Подходы на основе «Я-концепции» и конгруэнтности представлены в теории персональ-

¹ Super D. E. The psychology of careers. New-York : Harper Pow, 1957.

² Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. СПб. : Речь, 2001.

³ Super D. E. The psychology of careers. New-York : Harper Pow, 1957.

ного развития Д. Тидмана. Процесс развития карьеры рассмотрен как поиск своеобразного баланса между идеальным профессиональным образом «Я» человека и ролевыми ожиданиями, предъявляемыми к нему профессиональной средой. Д. Тидман выделяет три фазы достижения успеха на этом пути: вхождение в должность, адаптация в профессиональной среде, сопоставление индивидуальных целей с задачами организации; преобразование – приобретение определенного опыта, компетентности и уверенности и попытки «приспособить» цели организации к собственным целям и возможностям, профессиональной «Я-концепции»; интеграция – стадия, которая означает достижение соответствия между устремлениями человека и организационными целями и условиями⁴.

Проблемы управления карьерой активизировали изучение факторов, определяющих карьерный процесс. Темпы, виды, длительность этапов карьерного движения связана с суммой объективных и субъективных факторов. В современных исследованиях в целом сохраняется традиционная модель взаимосвязи трех групп факторов: общественных и экономических, социальных и психологических. Первая группа факторов влияет на характер индивидуальной карьеры через рынок труда, социальные – связаны со стартовыми возможностями личности, группа психологических факторов включает личностные особенности, мотивацию и др.

Акцент делают также на таких факторах, как знакомство с работой, соответствие между характеристиками человека и среды; хорошие профессиональные ролевые модели, стимулирующие, но не угрожающие требования работы и связанные с ней ожидания, пониженная забота о престиже, соответствие личных и профессиональных ценностей, контекст рабочей среды (карьерная среда и карьерное пространство). В качестве фактора, определяющего особенность карьеры, изучены доминирование направленности на работу или на заработок.

Следует отметить, что понятие «карьера» не относится, собственно, к психологическому словарно-закрепленному термину. Психологический смысл карьеры проявляется в контексте категории «развитие» и ее производных и конкретизирует (обозначает) определенные цели,

которые относятся к этапам, событиям жизненного пути личности.

Анализ исследований позволил выделить основные подходы отечественных и зарубежных авторов к профессиональному становлению личности и соответственно к его карьерному движению, и сделать следующие выводы:

- с позиций деятельностного подхода, достижение личностью профессионального «акме» есть факт и фактор личностной самореализации. Карьера в этом позитивном отношении «профессиональный рост – личностный рост» может быть определена с позиций профессиональных достижений и должностного статуса как критерий оптимального взаимодействия личностного и профессионального в жизненном пути человека;

- при рассмотрении профессионального развития в современных отечественных исследованиях значительный акцент делается на проблеме профессионального самоопределения как основы продуктивной модели жизненного пути. Карьера в структуре самоопределения может быть представлена как система целей, ориентаций, мотива, стратегий, временных перспектив в реализации жизненной концепции и ее профессиональной составляющей;

- проблему достижения профессионального «акме» возможно рассмотреть с позиций оптимального функционирования (М. Ягода), достижение которого в разных теориях имеет свою модель: самоактуализации (А. Маслоу); полноценно функционирующего человека (К. Роджерс); учение Юнга об индивидуации; психологии оптимального человека (Д. Келли); концепция целесообразного человека (Г. Олпорт); концепция формирования социального интереса (А. Адлер); концепция заботы и компетентности (Р. Уайта) и др. Проблема карьеры с позиций оптимального функционирования может быть представлена как соответствие внутреннего «Я» и его внешней (ролевой, статусной) самопрезентации;

- профессиональные достижения традиционно связываются с общей оценкой эффективности личности и реализации ее потенциала. Однако, учитывая, что жизненный, в том числе профессиональный путь человека состоит не только из пиков, взлетов, но и неудач, кризисов, следует признать, что личностный аспект развития не всегда совпадает с уровнем профессиональных успехов или неудач;

- следует отметить, что нет определения карьеры, которое отражает междисциплинарный статус этого понятия. Тем не менее анализ раз-

⁴ Tiedman D.V., O' Hara R.P. Career development: Choice and adjustment. New-York : College Entrance Examination Board, 1963.

личных концепций карьеры позволяет выделить общие точки соприкосновения. В большинстве определений карьера:

- рассматривается как динамическое явление, последовательность изменений профессий, статусов, ролей, видов работ и т. д.;
- включена в профессиональное пространство развития личности и рассматривается как одна из форм самореализации;
- детерминирована суммой внешних и внутренних факторов, включая биологическую predisposition к определенной деятельности, личностные особенности, социальные стартовые условия и динамическую социальную среду;
- относится к критериям социальной адаптивности и успешности жизненного пути;
- носит индивидуальный характер, однако, существуют базовые характеристики, которые можно использовать для описания, измерения и оценки карьеры;
- является более или менее структурированным и осознанным жизненным и профессиональным проектом.

Таким образом, карьеру можно описать как трехкомпонентную структуру:

- а) целевой компонент (цели, проекты, ориентации, задачи, притязания, мотивы, аттитюды, желания, потребности, стремления, ценности, смыслы);
- б) процессуальный (способы, стратегии, тактики, темпы, этапы, периоды, фазы);
- в) результативный (достижения, смена ролей и позиций, профессиональная компетентность и эффективность, профессиональный и должностной рост).

Необходимо также подчеркнуть, что в начале карьеры наиболее значим ее целевой компонент, в середине – успешность определяется стратегиями и темпом карьеры (наиболее продуктивный период), а в конце – важна оценка степени успеха.

Эмпирическое изучение карьеры определяет необходимость выделения ее операциональных элементов. В качестве такого элемента могут выступать карьерные ориентации, отражающие динамический аспект карьеры. Карьерные ориентации не были предметом специального анализа, это понятие не имеет словарного, терминологического статуса не только в психологии, но и в других областях знания, изучающих карьеру и профессиональную деятельность.

В психологии для обозначения, описания и исследования динамической системы используется широкий спектр понятий, которые часто

представлены в текстах как синонимы. Соотношение этих понятий является специальной научной задачей, решение которой остается пока открытой проблемой. Попытки в этом направлении ограничиваются определением некоторых границ между понятиями, которые, как правило, определяются контекстом их использования.

В результате анализа терминологического статуса понятия «ориентация» было выявлено, что в большинстве текстов ориентация:

- рассматривается в контексте с понятиями знание, осведомленность, отношение, направленность, аттитюд, установка, цель, точка зрения;
- используется как синоним понятий установка или аттитюд;
- имеет целевую направленность, ориентация на цель – общая тенденция направляться к цели;
- включена в описание мотивационной системы, наряду с другими понятиями;
- используется наиболее часто в отечественных текстах вместе с понятием ценность (ценностные ориентации);

При определении терминологического статуса понятия важно установить его «специализацию», какую функцию оно выполняет в сравнении с другими, имеющими сходный смысл. На наш взгляд, в психологии понятие «ориентация» занимает промежуточное положение между категориями «аттитюд» (социальная установка) и «цель». Ориентация как психологический механизм регуляции поведения базируется на двух переменных – социальная установка и цель, и фиксирует predisposition двигаться в направлении определенной цели, ориентироваться в ситуациях соответственно установкам, целям и ситуации.

В соответствии с таким пониманием ориентаций, карьерные ориентации отражают в психологической структуре карьеры ее **целевой** компонент и могут быть описаны как элемент системы мотиваций. Мотивация относится к наиболее обобщенной характеристике динамики психологической системы, а цель как единица анализа динамической структуры личности.

Для описания карьерных ориентаций как целевого компонента карьеры может быть использована модель Д. МакАдамс, в которой личность описывается на трех уровнях: 1 – сопоставимые диспозиционные черты; 2 – личные интересы и устремления в соответствующем им контексте и 3 – интегративные истории жизни⁵.

⁵ См.: Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности : пер. с англ. / Под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004.

В последние годы наблюдается все более активная разработка и обсуждение конструктов на II уровне, актуализация интереса к механизмам саморегуляции и структурам, которые организуют поведение для достижения целей. По мнению Р. Эммонса, за последние 20 лет в психологии произошла целевая революция, наблюдается рост интереса к использованию конструкта цели для освещения проблем человеческой мотивации⁶.

В конструкты целевого уровня исследователи включают личные проекты (personal projects), жизненные задачи (life tasks) и личные стремления (personal strivings). Понятие «личный проект» было разработано и введено В. Литтлом как единица взаимодействия, которая связывает индивида с его социальным контекстом. Он выделяет три типа контекстов, которые необходимы для понимания личного проекта: интенциональный контекст, в котором различают цели, лежащие в основе проекта; системный контекст, т. е. отношение проектов друг к другу в рамках системы проектов, и экологический контекст, т. е. окружение и историческая обстановка, в которых происходит действие⁷.

Таким образом, целевой аспект карьерных ориентаций определяет возможность рассмотрения карьеры как личного проекта. Карьерная ориентация в структуре личного проекта выступает как регулятивный механизм, базирующийся на системе социальных установок и личных целей.

Ж. Нюттен считает, что мотивационный процесс нельзя понимать только в терминах потребностей, в исследовании мотивационного функционирования человека наиболее важным аспектом является процесс формирования целей и планирование. В исследовании карьерных ориентаций возможен подход с позиций активно разрабатываемой в отечественной психологии концепции ценностных ориентаций. Авторы используют уровневую структуру В.Я. Ядова и относят ценностные ориентации к диспозициям высшего уровня. В работах М.С. Яницкого, ценностные ориентации связаны с определяющими жизненными целями человека. Карьерные ориентации являются целями профессионального и должностного развития, цели предполагают определение их значимости (ценности) для личности⁸.

Нами проведено эмпирическое исследование динамики карьерных ориентаций руководителей. Выборку составили руководители высшего и среднего звена Забайкальской железной дороги и молодые специалисты. Всего в исследовании приняли участие 170 респондентов.

Для сбора эмпирического материала была разработана анкета, которая позволила получить данные о представлениях руководителей о месте и роли карьеры в их жизни, возможностях реализации жизненных и профессиональных планов. В результате анализа полученных данных сделаны следующие выводы:

– у большинства опрошенных есть цель в жизни (76 %) и уверенность в ее реализации (71 %), причем «телеономические тенденции» (Ф. Олпорт) и надежды на их выполнение более выражены у руководителей среднего звена (мужчин) и менее – у руководителей высшего звена;

– к наиболее значимым факторам, затрудняющим реализацию карьерных целей, опрошенные отнесли здоровье (особенно значим этот фактор у руководителей женщин – 71,5 %), отсутствие благоприятных условий (у руководителей среднего звена – мужчин). Учитывая, что средний возраст руководителей железнодорожного транспорта 46 лет, фактор «страха потери трудоспособности» отражает не возрастную, а скорее – социальные аспекты современной действительности и психологический аспект тревожности в отношении здоровья. Реализацию целевых проектов у руководителей – женщин затрудняет семья (28,5 %). Этот фактор не отмечен у руководителей высшего звена и не имеет существенного значения для руководителей среднего звена – мужчин. Выявленный гендерный аспект подтверждает специфику женской карьеры – сочетание карьеры с не менее важными ролями матери, жены, что служит источником «ролевого напряжения»;

– значительная часть опрошенных (71,2 %) не ставили своей целью карьеру руководителя, 12,5 % ставили целью профессиональный рост, 15,4 % – должностную карьеру. Однако через 4–6 лет такие цели появились у 69 %. Это соответствует стадиям карьеры. В исследовании С.Н. Паркинсона с 24 до 31 года человек вступает в стадию выдвижения, у Сьюпера с 21 до 35 человек проходит стадию стабилизации и более активного самоопределения в профессиональной сфере. При этом в настоящее время 58,8 % руководителей высшего звена не стремятся к служебному

⁶ Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности : пер. с англ. / Под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004.

⁷ Там же.

⁸ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000.

продвижению, а лишь 5,8 % не исключают стремлений к карьерному росту, 35,4 % – не ответили на этот вопрос. В группе руководителей среднего звена стремятся к служебному продвижению – 48 % мужчин (не стремятся 25,9 %) и 42 % женщин (не стремятся столько же);

– следует отметить достаточно высокий уровень удовлетворенности работой по всем группам, что может отражать как высокий уровень социальной желательности, связанной с организационной культурой железнодорожной отрасли, так и отражение субъективного благополучия в профессиональной деятельности. Наиболее позитивные аспекты работы – общественная значимость, возможность проявить инициативу, самостоятельность, хорошая заработная плата (особенно важна для женской выборки – 40 %). Перспектива роста отмечена только у руководителей среднего звена – мужчин;

– субъективная оценка целей карьеры имеет большой разброс, сильно доминирующей тенденции не выявлено, выделены следующие стремления: профессиональный рост, независимость и самостоятельность, самореализация, самоутверждение, уверенность в будущем, необходимость заботиться о тех, кто рядом. Гендерные различия: более выражено у женщин стремление к самореализации, забота о тех, кто рядом, стремление к профессиональному росту и к значимому положению в обществе входит в личные проекты только у 6 %.

– уровень активности для продвижения по служебной лестнице и выбираемые для этого стратегии: руководители высшего звена готовы более интенсивно работать (35,3 %), повысить ответственность (29,4 %), но в меньшей степени обучаться (23,5); руководители среднего звена готовы выполнять работу с большей ответственностью и обучаться (соответственно 39,2 % и 36,5 % мужчин и 47,6 и 38 % женщин);

– наиболее важные личностные характеристики для карьерного роста – профессиональная компетентность, ответственность и организаторские способности. Дисциплинированность и исполнительность отмечены только руководителями среднего звена (8,6 %), несмотря на организационные особенности железнодорожной отрасли;

– ради карьеры опрошенные могли пожертвовать только привычным образом жизни и отдыхом, семьей и друзьями – руководители среднего звена мужчины (соответственно 3,8 и 7,7 %). 30 % руководителей высшего звена не стали бы жертвовать ничем. Большинство (56 %) не по-

ступились бы ради карьеры семьей, друзьями – 11 %, принципами и убеждениями – 16 %; 66,7 % женщин не поступились бы семьей и для них более чем для других групп важен привычный образ жизни;

– на различных этапах карьеры помощь в профессиональном продвижении в более значительной степени чем родители (8,2 %), друзья – 12 %, семья – 23 %, оказывали коллеги 44 %. Наиболее значима была поддержка семьи у руководителя среднего звена – мужчин. Помощь влиятельных знакомых отметили 11 % руководителей высшего звена, 4,5 – среднего мужчины и 9,3 – женщины;

– следует отметить, что 62 % отметили, что занимают более высокую ступень, чем в начале трудового пути, незначительно продвинулись по служебной лестнице, но приобрели вес и влияние в организации 20–30, 8 – 30,7.

Таким образом, анкета позволила выявить следующие параметры карьерного пути у руководителей железнодорожной отрасли: довольно динамичный процесс карьерного роста, соответствие осознанного планирования карьеры стадиям карьеры, влияние возрастных, статусных и гендерных факторов на оценку различных параметров карьеры.

В качестве основного метода сбора информации о карьерных ориентациях был использован опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна (адаптация В.А. Чикер и В.Э. Винокур). Э. Шейн выделяет восемь карьерных ориентаций («якорей»): профессиональная компетентность, менеджмент, автономия (независимость), стабильность (места работы и места жительства), служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство). Опросник создан Э. Шейном в рамках идеи развития профессиональной «Я-концепции» и отражает наличие осознанных профессиональных потребностей в структуре личности. Э. Шейн считает, что «якорь карьеры» возникает в процессе социализации на основе и в результате научения в начальные годы развития карьеры он устойчив и может оставаться стабильным длительное время. Следует заметить, что авторы адаптации теста используют при описании шкал понятие «установка» как синоним понятия «ориентация».

Шкалы карьерных ориентации включают в себя социальные установки, сформированные в процессе социализации и личностные проекты профессионального развития.

На рисунке отражена частота выборов карьерных ориентаций руководителей всех исследованных групп.

Сравнение результатов тестирования руководителей железнодорожной отрасли с американскими данными, собранными Э. Шейном, и данными, полученными на российской выборке (Л.Г. Почебут, В.А. Чикер), показало существенные различия в карьерных ориентациях. В американской выборке карьерные ориентации более выражены и ведущими являются профессиональная компетентность и менеджмент (30,2 и 27), далее автономия (11,1) и стабильность (9,1), служение (5,5), предпринимательство (4,6), вызов (2) и интеграция стилей жизни (1,9). В российской выборке в целом равномерное распределение по всем карьерным ориентациям: автономия (14,4), служение (14), стабильность (14), интеграция стилей (13,7) профессиональная компетентность (10,9), менеджмент (10,9), предпринимательство (10,8).

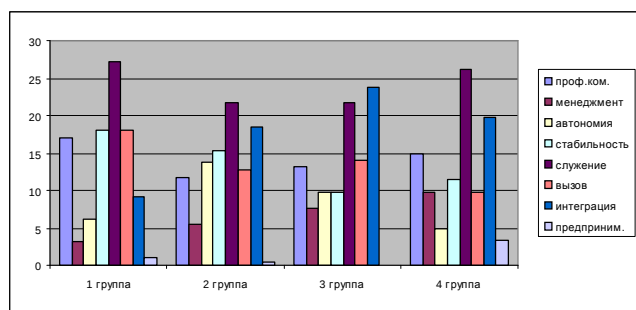

Рисунок. Частота выборов карьерных ориентаций в исследуемых группах

В нашем исследовании карьерные ориентации более выражены и распределились следующим образом: служение (24,2), интеграция стилей жизни (17,8), профессиональная компетентность (14,2), стабильность (13,7), вызов (13,7), автономия (8,7), менеджмент (6,5), предпринимательство (1,2).

Служение является ведущей карьерной ориентацией в целом по выборке руководителей железнодорожного транспорта (основными целями и ценностями является «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т. д. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, и откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит реализовать главные ценности в жизни). В структуре мотивов целевая направленность служения отражает мотив принадлежности, что связано и со

спецификой корпоративной культуры железнодорожной отрасли.

Сравнение этой карьерной ориентации по группам в зависимости от статуса показало следующее распределение: частота выбора в группе руководителей высшего звена (РВ) – 27, 2 и в группе молодых специалистов (МС) – 26,2; в группе руководителей среднего звена мужчин (РС (м) – 21,8; руководителей среднего звена – женщин (РС(ж) – 21,7.

Интеграция стилей жизни – вторая по частоте выборов карьерная ориентация у руководителей (17,8), отражающая потребность в сбалансированности различных аспектов жизни, человек ориентирован на интеграцию различных сторон образа жизни, не хочет чтобы в его жизни доминировали только семья или только карьера или только самореализация. Сравнение результатов по выборкам: РС(ж) – 23,9; МС – 19,7; РС(м) – 18,5; РВ – 9,1

Профессиональная компетентность – третья по частоте выборов карьерная ориентация (14,2) и связана с талантами и способностями в определенной области стремлением их реализовать, стать мастерами своего дела, достичь профессионального статуса. Управление рассматривается как необходимое условие для продвижения в своей профессиональной сфере. Данная ориентация отражает мотив достижения и ценности индивидуализации (самореализации). Сравнение результатов по выборкам: РВ – 17,1; МС – 14,8; РС (ж) – 13,1; РС (м) – 11,8.

Стабильность – частота выбора 13,7. Эта карьерная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Различают два типа стабильности – стабильность места работы и стабильность места жительства. Сравнение результатов по выборкам: РВ – 18,1; РС (м) – 15,3; МС – 11,5; РС (ж) – 9,8.

Вызов – частота выборов 13,7. Основные ценности – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человек ориентирован на то, чтобы бросить «вызов». Новизна и разнообразие имеет наибольшую ценность.

Автономия (независимость) – частота выборов – 8,7. Для личности с этой ориентацией главное освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений, если такая ориентация сильно выражена, то личность готова отказаться от продвижения по служебной лестнице и от других возможностей ради сохранения

своей независимости. Может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы. Сравнение результатов по выборке: РС(м) – 13,8; РС (ж) – 9,8; МС – 4,9; РВ – 6,2.

Менеджмент – частота выборов – 6,5. Ориентация на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за результат и соединение различных функций организации. Понимание этой карьерной ориентации связано с возрастом и опытом работы, требует наряду с аналитическими, навыков межличностного общения, эмоциональной уравновешенности. Цель – должность, на которой можно будет управлять различными сторонами деятельности предприятия. Сравнение результатов в зависимости от статуса: МС – 9,8; РС (ж) – 7,6; РС(м) – 56, РВ – 3,1.

Предпринимательство – частота выборов 1,2. Стремление создавать и предпринимать что-то новое, преодолевать препятствия, быть готовым к риску. Личность с такой ориентацией не желает работать на других, но хочет создавать свое дело, финансовое богатство. Отражает мотивы достижения и власти. Сравнение по выборкам: МС – 3,3; РВ – 1,1; РС (м) – 0,4; РС (ж) – 0.

Таким образом, структура карьерных ориентаций руководителей железнодорожного транспорта обладает особенностями, связанными с профессиональной и управленческой средой в системе железной дороги. Ведущими являются служение, интеграция стилей жизни, профессиональная компетентность, стабильность и вызов. Это соответствует ценностям социализации, самореализации и адаптации, мотивам достижения, аффилиации и власти.

Сравнение карьерных ориентаций в группах с различным социальным статусом – руководителей среднего и высшего звена, молодых специалистов выявило определенную динамику карьерных ориентаций:

- с повышением статуса карьерные ориентации становятся более выраженными и стабильными;

- наиболее устойчивая карьерная ориентация – «служение», особенно выражена у молодых специалистов и руководителей высшего звена и имеет тенденцию стабилизироваться с повышением должностного статуса;

- наблюдается тенденция в усилении карьерной ориентации «стабильность и вызов с повышением статуса, уменьшение выборов карьерной ориентации интеграция стилей жизни, и повышения профессиональной компетентности. Наиболее значимой карьерной ориентацией для руководителей среднего звена является интеграция стилей жизни;

- гендерный аспект: наиболее значимыми карьерными ориентациями для женщин является интеграция стилей жизни, служение и вызов.

Сравнение динамики карьерного статуса в зависимости от возраста:

- во всех возрастных группах РС высокие показатели по карьерным ориентациям служение и стабильность, особенно стабильность места работы; с возрастом усиливается значение карьерных ориентаций – служение, профессиональная компетентность, стабильность, интеграция стилей жизни, вызов; уменьшается менеджмент (особенно сильно в группе 31–40 лет);

- в группе РС (м) во всех возрастных группах выражена карьерная ориентация – стабильность в целом, стабильность места работы и места жительства, служение, интеграция стилей жизни; тенденция уменьшения карьерной ориентации – менеджмент; в мужской выборке до 30 лет более выражен менеджмент, вызов и предпринимательство;

- в группе РС (ж) во всех возрастных группах стабильной карьерной ориентацией является интеграция стилей жизни.

Таким образом, в динамике карьерных ориентаций в зависимости от возраста и статуса прослеживаются следующие зависимости: с повышением статуса и возрастом становятся все более устойчивыми карьерные ориентации – служение, профессиональная компетентность, стабильность (особенно места работы). С возрастом уменьшаются выборы карьерных ориентаций – менеджмент, вызов и предпринимательство. Наиболее устойчивой карьерной ориентацией для выборки женщин является интеграция стилей жизни.

Корреляционный анализ (по критерию Пирсона) позволил выявить взаимосвязи карьерных ориентаций во всех исследованных группах.

Во всех группах руководителей выявлена положительная значимая корреляция между автономией и стабильностью (1-я группа $r = 0,486$ $p < 0,01$; 2-я группа $r = 0,405$ $p < 0,01$; 3-я группа $r = 0,655$ $p < 0,01$), автономией и стабильностью места работы (1-я группа $r = 0,381$ $p < 0,05$; 2-я группа $r = 0,283$ $p < 0,05$; 3-я группа $r = 0,584$ $p < 0,01$), автономией и стабильностью места жительства (1-я группа $r = 0,418$ $p < 0,05$; 2-я группа $r = 0,392$ $p < 0,05$; 3-я группа $r = 0,589$ $p < 0,01$).

Для определения взаимосвязи карьерных ориентаций с личностными особенностями были использованы следующие методики: уровня

субъективного контроля Дж. Роттера; «Определение уровня мотивации достижения успеха» А. Мехрабиана; удовлетворенности основных потребностей методом парных сравнений; личностного дифференциала (ЛД).

В результате анализа полученных данных выявлены значимые положительные корреляции между удовлетворенностью потребности в признании и карьерными ориентациями менеджмент, служение, вызов и отрицательные корреляции этой потребности с автономией и стабильностью; установлено, что существует положительная корреляция между карьерными ориентациями профессиональная компетенция, вызов, служение и мотивацией достижения. Определены отрицательные корреляционные связи между мотивом избегания неудач и карьерными ориентациями – автономия, стабильность, стабильность места жительства, интеграция стилей жизни, предпринимательство.

Управление карьерой персонала представляет одну из сложнейших кадровых технологий, в которой должна учитываться сумма факторов, определяющих активность личности в реализации личностного карьерного проекта. Изучение карьерных ориентаций позволяет учитывать наличие устойчивых тенденций в отношении карьерного роста.

С другой стороны, карьерные ориентации, как показало исследование, имеют определенную динамику, связанную с возрастными, статусными и гендерными параметрами. Поэтому исследования в сфере профессиональной карьеры должны учитывать переходные, критические периоды карьерного роста, когда ситуационный контекст реализации проекта становится барьером или стимулом для реализации профессионального и личностного потенциала.

Перспективными направлениями исследований представляется проведение лонгитюдных исследований карьерных ориентаций специалистов и руководителей железно-дорожной отрасли в сравнении с результатами, полученными на выборках других социальных групп. Существует потребность в исследованиях, касающихся динамических связей между чертами, личными интересами, целями и особенностями жизненного пути. Накопление исследовательского материала на примере разных отраслей и сфер деятельности даст возможность подойти к теоретическим обобщениям и сравнительному анализу, разработке прикладных программ в отношении психологических проблем карьеры.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СТРАН

А.П. Герасименко, А.В. Умрихин, С.В. Чердаков

Герасименко Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор, декан юридического факультета Амурского государственного университета (Благовещенск).

Умрихин Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Амурского государственного университета (Благовещенск).

Чердаков Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Амурского государственного университета (Благовещенск).

Теоретическое исследование государственно-правовых процессов и институтов с целью разработки оригинальной типологии правовых систем на основе собственной дихотомной типологии политико-правовых явлений позволяет обосновать познавательные возможности различения правовых систем юридического и идеологического типов. Применяемая типология является универсальной в исследованиях по истории и теории государства и права, социологии и философии права, что демонстрируется на материалах государства и права дальневосточных стран.

The application of dichotomic typology law systems as juridical and ideological on interpretation of political and law events in Far Eastern states.

Вопросы типологии государственно-правовых процессов и институтов относятся в юриспруденции к основополагающим при разработке истории и теории государства и права, социологии и философии права. Эти вопросы как в отечественной, так и зарубежной правовой науке ставятся и решаются на различных теоретических основаниях. Разрабатывая оригинальную типологию правовых систем, авторы статьи положили в ее основу собственную дихотомную типологию политико-правовых явлений¹.

Считая наиболее приемлемой ту классификацию правовых систем, которая получила название макроклассификации (укрупненной типологии)², мы подвергли критическому анализу представления об открытых и закрытых, нерелигиозных и религиозных, западных и незападных

правовых системах. У названной типологии есть свои детерминанты. Отнесение правовых систем к открытым, нерелигиозным, западным питается европоцентристским стремлением выдать их за развитые и совершенные, превосходящие по уровню развития закрытые, религиозные, незападные правовые системы. Эмпирически такой подход несостоятелен как по историческим основаниям, позволяющим обнаружить системы западного типа лишь в XVII–XVIII вв., так и по географическим, в силу невозможности установить точное местонахождение этих систем. Очевидная обусловленность западных правовых систем христианским вероучением, а ряда незападных коммунистическим (тоже христианским по происхождению), дискредитирует возможности секулярно-сакральной дихотомии. Применение в юриспруденции общесистемной терминологии, по которой различаются закрытые и открытые системы, оказывается непродуктивным из-за сопротивления самого юридического материала³.

Исходная и определяющая принадлежность права к управляющей обществом подсистеме (каковой является политическая система) выступает для нас смысловым контекстом. Правовая действительность достаточно сложна и много-

¹ См.: Герасименко А.П. Юридические и идеологические правовые системы. Благовещенск, 1996. Там же. Очерки дихотомной типологии политических явлений. Благовещенск, 1997.

² Исследование показало, что распространенными типологиями правовых систем к настоящему времени являются: во-первых, политико-экономическая, согласно которой различаются правовые системы рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического типов; во-вторых, сравнительно-правоведческая теория семей национальных правовых систем, сводящая их к системам романо-германского, англо-американского (общего права), религиозного, социалистического типов; в-третьих, укрупненная систематизация (макроклассификация) правовых систем на открытые и закрытые, нерелигиозные и религиозные, западные и незападные; в-четвертых, классификация правовых систем по политическим режимам на системы тоталитарного, авторитарного, демократического типов.

³ См.: Герасименко А.П. Вопросы методологии истории политических и правовых учений // Политика и право. Ученые записки. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 8–25. Там же. Периодизация истории политических и правовых учений // Политика и право. Ученые записки. Вып. 5. Благовещенск, 2005. С. 9–43.

гранна, она сама может рассматриваться как подсистема общества – правовая система⁴. Обладая своим элементарным составом и своей структурой, что не отменяет ее обусловленности политической системой, правовая система дает возможность рассмотрения самой себя через категории системности и системы права. Правовая система, не совпадая с политическими институтами, не сводясь к политическому или правовому сознанию или к политическим отношениям, испытывает на себе определяющее влияние и государства, и правосознания, и политических отношений, она просто неотторжима от них как часть политической системы общества.

В определяющей степени правовая система зависит от государства. Именно государство, подкрепляя нормы поведения только ему присущими средствами, делает их нормами права, оно же играет решающую роль на стадии правотворчества как определяющей фазе процесса правообразования. Поэтому и генетически, и субстанционально связь государства и права, гарантированная политической системой общества, позволяет понимать государство и право как стороны политической власти. Государственная власть переплавляет политическое в правовое, а право обеспечивает политику. Правотворчество – это всегда компетенция государства. Государство играет центральную роль в юридической практике, прежде всего – судебной. Любой суд принимает решения именем государства. Наконец, государство может принимать в качестве своей собственной одну из многих реально существующих светских или религиозных правовых идеологий. По нашему мнению, идеологический спектр в его светском варианте исчерпывается анархизмом, альтернативизмом, коммунизмом, социализмом, либерализмом, консерватизмом, фашизмом. В религиозном – иудаизмом, конфуцианством, буддизмом, христианством, исламом,

конгломератом национальных и нетрадиционных культов.

Согласившись с тем, что правовые системы целесообразно различать в зависимости от того, какие элементы их состава играют в них определяющую роль – нормативные юридические акты, судебная практика, правовая идеология, – нужно согласиться и с тем, что судебная практика невозможна без нормативных юридических актов, точно так же, как нормативные юридические акты мертвы без судебной практики. Поэтому в предельном основании различимы юридические правовые системы, которые отличаются от тех, где на ключевых позициях находится правовая идеология (религиозная или светская), работающая сама на себя и пронизывающая правотворчество и правоприменение, т. е. различия между типами систем заключаются в способах соотношения государственной власти и власти духовной.

В свою очередь, типологически государство может трактоваться либо как государство правового типа, либо как государство партийного типа, различия между которыми усматриваются в различном соотношении политической власти и государственной власти. Политической является общественная власть, выраженная в любых публичных институтах. Государственная власть – это политическая власть, воплощенная только в официальных инстанциях и распространяющаяся на все население. Когда эти инстанции превращаются в орудия частных объединений (партий), тогда государство становится партийным. В правовом государстве правовая система становится юридической, поскольку право исходит здесь от всего общества. В партийном государстве правовая система становится идеологической, потому что право воплощает здесь определенное вероучение. Государство правового типа гарантирует юридичность правовой системы, а государство партийного типа – ее идеологичность. В правовом государстве правовая система является системой юридического типа, что отличает ее от правовой системы идеологического типа, присущей партийному государству. К числу основных свойств правовой системы юридического типа следует отнести: отчетливую оформленность таких структурных элементов, как система права, судебная система, правовая идеология; относительную обособленность источников и детерминант каждой из названных подсистем; главенство писаных юридических норм, высокую степень кодифицированности законодатель-

⁴ В теории государства и права применяется три концепции правовых систем. Согласно первой, правовая система – это система права, его внутреннее строение, которое выражается в единстве и согласованности правовых норм, правовых институтов и отраслей права, действующих в данном государстве. Согласно второй, правовая система – это комплексное образование, включающее в себя систему права и систему законодательства, которые выражают право как с внутренней, так и внешней стороны. Согласно третьей, правовая система – это вся совокупность правовых феноменов, правовой уклад в единстве нормативных юридических актов, юридической практики, правовой идеологии. В целях построения оригинальной типологии правовых систем мы используем третью концепцию.

ства, безусловную легитимность его источников; независимость, иерархичность, дифференцированность судебной системы, главенство ее роли в правовых коллизиях; идеологическую независимость и внепартийность законодательства и судов; высокую степень дифференцированности правового сознания; идеологическое многообразие; юридичность центристски ориентированного ядра правовых идеологий.

В партийном государстве правовая система является системой идеологического типа. Такая правовая система существенно отличается от правовой системы юридического типа, характерной для правового государства. Среди основных свойств правовой системы идеологического типа необходимо назвать следующие: вся правовая система построена так, чтобы реализовать через правотворчество и правоприменение определенную светскую или религиозную правовую идеологию; правовая система органично состыкована с партийно-государственным аппаратом, ее работники рекрутируются из партийного актива; правоприменение служит дополнением внеправовых средств партийного контроля всех сторон общественной жизни; нормативные юридические акты либо отождествляются с партийной программой, либо питаются ею как основным источником, воплощая вероучение и утрачивая собственно юридическое содержание; правовая идеология создается и функционирует как незначительная часть всеобъемлющего вероучения, носит по отношению к нему подчиненный характер, лишается самооценности; по ориентации господствующая правовая идеология является либо активистской, либо эскапистской, что соответствует ее антиправовому содержанию.

Разработанная теоретически дихотомная типология правовых систем была апробирована нами на материалах истории государства и права дальневосточных стран. Правовые системы юридического и идеологического типов обнаруживаются историко-правовыми исследованиями на всем протяжении известного науке политико-правового пространства в любых цивилизациях. Согласно дихотомной типологии, следует относить на Дальнем Востоке правовые системы России, Японии, Южной Кореи и Тайваня к системам юридического типа, а к правовым системам идеологического типа – правовые системы Китая и Северной Кореи. В том виде, котором мы обнаруживаем их сегодня, генетически эти системы связаны с непосредственным влиянием

СССР. Это влияние оказалось особенно сильным, начиная с 1945 г., благодаря решающей роли СССР в освобождении Китая и Кореи от японских оккупантов и обрело коммунистическую форму. Вместе с тем более основательное изучение истории государства и права в Китае и Корее приводит к заключению, что правовая система Кореи сложилась под определяющим влиянием конфуцианской правовой системы Китая, которая, возникнув во II в. до н.э., не претерпевала существенных изменений до середины XX в. Идеологическая по типу, эта правовая система лишь сменила конфуцианскую форму на коммунистическую. Сегодня правовые системы Китая и Кореи построены таким образом, что служат реализации через правотворчество и правоприменение коммунистической идеологии. Коммунистическая правовая идеология развивается в русле всеобъемлющего коммунистического учения, носит по отношению к нему служебно-подчиненный характер, является антиправовой по направленности. Предпринимаемые в последние годы преобразования в правовой системе Китая ориентированы на конфуцианское наследие и не влекут появления черт правовой системы юридического типа точно так же, как не выводит из пределов идеологической правовой системы курс «чучхе» в Корее⁵.

Юридичность правовых систем в странах Дальнего Востока (Россия, Япония, Южная Корея, Тайвань) до сих пор во многом является больше целью, чем реальностью. При этом нацеленность на создание в этих странах правовых систем юридического типа носит явно выраженную антикоммунистическую направленность. Общим знаменателем политико-правовых процессов во всех названных странах является усвоение европейской юридической традиции. Юридичность правовых систем России, Японии, Южной Кореи, Тайваня в начале XXI в. выражается во всех основных элементах этих систем. Так, нормативные юридические акты принимаются представительными органами власти, сформированными путем всеобщих выборов на многопартийной основе, а подзаконные акты принимаются легитимными органами исполнительной власти. Судебная система независима от законодательной и исполнительной власти, выстраивается как сеть автономных, структуриро-

⁵ См.: Герасименко А.П. О развитии политико-правовой мысли на Дальнем Востоке // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. Благовещенск, 2001. С. 353–354.

ванных по вертикали судов общей юрисдикции, арбитражных, конституционных. Правовая идеология носит черты юридического мировоззрения в пределах идейно-политического плюрализма, на окраины которого вытеснены радикалистские ориентации правого и левого толка. При этом отчетливо прослеживается стремление придать юридическому мировоззрению черты христианско-православной, синтоистской, конфуцианской национальной самобытности.

Основным эмпирическим материалом для нас являлись политико-правовые процессы в Российской Федерации, Республике Корея, Китайской республике (Тайвань), Японии. Различаемые теоретически, все компоненты правовой системы юридического типа в действительности обнаруживаются как совокупность правотворчества, правоприменения, правосудия, правосознания. Хотя каждый из названных компонентов структурирован институционально и процессуально, имеет относительно обособленные источники и детерминанты, доминантой каждого остается его правовая природа. Так, легитимность писанных юридических норм обеспечивается парламентарным способом их принятия. При этом в парламенте представлены действительно различные политические партии, часть из которых образует оппозицию. Правоохранительные органы внепартийны, неизменно сохраняют устойчивость строения даже при заметных переменах в идейно-политических предпочтениях регулярно сменяющихся глав государств и правительств. Судебная система дифференцирована, независима от правительства и партий, играет главную роль в правовых коллизиях. Правосознание разнородно и многослойно, но в нем преобладают центристски или традиционалистски ориентированные правовые идеологии, а система юридического образования и науки дистанцируется от любой идеологии. Следует признать, что юридичность правовых систем Российской Федерации, Республики Корея, Китайской Республики (Тайвань) и, в меньшей степени, Японии во многом носит становящийся характер. К числу главных функций правовой системы юридического типа мы относим: нормативно-юридическое закрепление международных норм о правах человека, государственная защита этих прав; упрочение представительного характера правотворчества, его нацеленность на кодификацию основных отраслей права; превращение независимого правосудия в основной регулятор общественных от-

ношений; формирование и распространение национально окрашенной либеральной правовой идеологии; повышение уровня правовой культуры граждан с учетом национальной самобытности.

Не все компоненты рассматриваемых правовых систем обрели устойчивую юридичность, а некоторые из них (особенно институты юридической практики) во многом сохраняют переходный характер. Динамика правовых систем названных стран предопределяется тем, что в них юридичность до сих пор во многом является больше целью, чем реальностью. Поэтому определяющую роль в упрочении юридичности здесь начинает играть дальнейшая дифференциация правового сознания, рост идеологического многообразия, усиление юридичности центристски ориентированного ядра правовых идеологий. Названные процессы способствуют идеологической независимости и внепартийности законодательства и судов. Решающее значение в перспективе будет иметь нарастание независимости, иерархичности, дифференцированности судебной системы, обретение ею главенства в правовых коллизиях.

Раскрывая строение правовой системы идеологического типа, мы обращаемся к континентальному Китаю и Северной Корее. Для понимания структуры правовых систем этих стран определяющее значение приобретает осознание ключевой роли в правотворчестве и правоприменении правовой идеологии. Правовые системы КНР и КНДР идеологичны, потому что само право в них воплощает коммунистическое вероучение. Коммунистическая правовая идеология как часть целого учения носит здесь служебно-подчиненный характер, является антиправовой и активистской по направленности. Субъектом коммунистической правовой идеологии выступают правящие партии, монопольно реализующие свою политику через правотворчество и правоприменение. Сама правовая система органично состыкована с партийно-государственным аппаратом, ее работники рекрутируются из партийной среды. Правотворчество сосредоточено в руках партийного руководства, нормативные юридические акты проистекают из партийных программ и, утрачивая, собственно, юридическое содержание, превращаются в средство реализации партийной политики. Высшей правотворческой инстанцией являются партийные форумы, а в институциональном смысле – партийные комитеты всех уровней. Правоприменительные органы

и органы правосудия служат формальным дополнением внеправовых средств партийного управления и контроля всех сторон общественной жизни.

Исследуя функции правовой системы идеологического типа, мы пытаемся выйти из рамок современности и обратиться к историко-правовому опыту дальневосточных стран. Для понимания сущности правовых систем шести государств, фактически существующих в дальневосточном регионе, ключевым является то обстоятельство, что генетически все они, кроме России, связаны с Китаем. Именно конфуцианско-даосистско-буддийская политико-правовая традиция определяет базовые правовые реалии в пяти государствах из шести названных. Следует отметить, что разделенность Китая и Кореи на два государства основана на политике коммунистических партий, созданных и приведенных к власти московским Коммунистическим интернационалом. Несомненным фактом является также определяющее влияние на политико-правовую жизнь России и Японии европейской юридической традиции.

На протяжении многих веков правовая система России была системой идеологического типа. Эта система зарождалась как православно-самодержавная и в таком виде существовала до первой половины XX в.⁶ Преобразование в эти годы русской правовой системы в коммунистическую не изменило ее типологической принадлежности⁷. Основы правовой системы юридического типа складываются в нашей стране в 90-е гг. XX в. К началу XXI в. правовая система России все отчетливее обретает юридические свойства, сближаясь по качествам с правовыми системами европейских государств и все более интегрируясь в общеевропейскую правовую сис-

тему⁸. То же самое происходит с правовыми системами Китайской Республики (Тайвань) и Республики Корея (Южная), обретающими юридические свойства под существенным североамериканским влиянием, юридическим по типу.

К числу главных функций правовой системы идеологического типа мы относим: нормативно-юридическое закрепление ведущей роли собственной государственности в международных отношениях, игнорирование международных норм о правах человека; усиление партийного влияния на правотворчество, развитие декоративно-показного характера всенародного участия в правотворчестве; реализация монопольной роли правящих партий через правосудие, наряду с которым широко применяются меры внеправового регулирования; сохранение монопольной роли национально окрашенной коммунистической идеологии; тотальное внедрение коммунистической правовой идеологии в сознание граждан.

Следует отметить, что за последние годы в правовых системах КНР и КНДР стали наблюдаться определенные различия, связанные с переменами представлений об их собственной роли в мировом развитии. Раскрытие динамики правовой системы идеологического типа предполагает генетико-сравнительный анализ политико-

⁶ См.: Умрихин А.В. Организация управления в Приморской области России в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск, 2002. С. 38–41. Там же. Из истории Владивостокского военного губернаторства // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 6. Благовещенск, 2003. С. 3–7. Там же. Из истории реформ государственного управления на Дальнем Востоке России в 80-е гг. XX в. // Вестник АмГУ. Вып. 26. Благовещенск, 2004. С. 53–56. Там же. Мировые суды в России: страницы истории // Проблемы и задачи мировой юстиции в Дальневосточном федеральном округе: материалы совещания. Благовещенск, 2004. С. 88–95.

⁷ См.: Герасименко А.П. Основные этапы развития русской юриспруденции в XX веке // Политика и право. Ученые записки. Вып. 2. Благовещенск, 2001. С. 23–34.

⁸ Чердаков С.В. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации (на примере Амурской области). Автореферат дис. канд. юр. наук. М., 2001. 28 с. Там же. Законодательство об органах государственной власти Амурской области: федеральный уровень // Политика и право. Ученые записки. Вып. 2. Благовещенск, 2001. С. 10–14. Там же. Конституционные принципы организации и деятельности законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск, 2002. С. 411–414. Чердаков С.В., Петрова Н.А. К вопросу о закреплении в федеральном законе общих принципов организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник АмГУ. Вып. 16. Благовещенск, 2002. С. 10–15. Чердаков С.В. К вопросу о равноправии субъектов Российской Федерации // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 6. Благовещенск, 2003. С. 60–66. Чердаков С.В., Петрова Н.А. Государственная власть в Амурской области как региональный компонент российского конституционного права // Качество высшего образования и рынок труда. Благовещенск, АмГУ, 2004. С. 116–117. Там же. Правовые проблемы института отзыва депутата Амурского областного Совета народных депутатов // Региональное законодательство: опыт, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конф. Благовещенск, 2004. С. 58–62. Чердаков С.В. К вопросу о конституционном регулировании организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Конституция как символ эпохи. М.: Изд-во МГУ, 2004. Т. 2. С. 79–83.

правовых процессов в КНР и КНДР. Однотипность правовых систем этих партийных государств проявляется в схожих тенденциях развития. По мере ускорения перемен в правовых системах сопредельных государств укрепляются механизмы самосохранения Компартии Китая и Трудовой партии Кореи. Это выражается в стремлении облечь коммунистическую идеологию в национально-традиционалистские конфуцианские формы. Живучесть конфуцианства, доказанная многими столетиями истории, его авторитет в Северо-Восточной Азии воспринимаются как гарантия устойчивости в нестабильном окружении. Это влечет консервацию институтов правотворчества и правосудия. В контексте повсеместного возрождения культурно-самобытных оснований политико-правовая стабильность КНР и КНДР обретает свойства эталонности, а во внутреннем развитии – бесспорной адекватности.

Дихотомная типология правовых систем позволяет идентифицировать правовые системы дальневосточных государств как юридические в Российской Федерации, Японии, Республике Корея, Китайской Республике (Тайвань) и как идеологические в Китайской Народной Респуб-

лике, Корейской Народной Демократической Республике. Анализ структуры правовых систем, их функций и динамики свидетельствует о потенциальной вариативности правовой системы как таковой. Обретение правовыми системами дальневосточных стран диаметрально противоположных качеств подрывает классические политико-правовые представления о восточно-западной природе их несовместимости. Это тем более очевидно в случаях синхронной противоположности устройств КНР и КР (Тайвань), КНДР и РК. Несводимость тенденций развития названных правовых систем, обусловленная типологическими различиями, требует более подробного изучения историко-функциональных характеристик политико-правовой действительности. Прделанная работа подтверждает плодотворность дихотомной типологии правовых систем. Вместе с тем стало понятным, что дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на прояснении сущности правосознания, которое, как мы предполагаем, играет ключевую роль в обретении правовой системой той или иной качественной определенности.

РОССИЯ КАК УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

А.Б. Губарев

Губарев Алексей Борисович – кандидат политических наук, оперуполномоченный по особо важным делам Дальневосточной оперативной таможни.

В статье приводится оценка положения России в глобальном информационном пространстве. Дается краткий анализ основных угроз массовому сознанию населения страны. В качестве примера рассматриваются подходы различных государств к ведению информационных войн. В заключение даются рекомендации по усилению статуса России как субъекта информационных отношений.

Article contains an estimation of Russia's place in a global information space. It includes brief analysis of basic threats to mass conscious of population of the country. Author adduces examples of conduct of information war by several states. As a result was made some recommendations how to make status of Russian Federation as participant of information relationship more powerful.

Стремительное развитие и повсеместное применение информационных технологий, превращение информации в ценнейший ресурс жизнедеятельности обуславливает движение человечества к информационному обществу. Это нашло отражение в принятой странами «Большой восьмерки» Окинавской хартии глобального информационного общества, в соответствии с которой Россия становится полноправным членом мирового информационного сообщества. Вместе с тем ее положение в этом сообществе будет зависеть от того, что она привнесет в него и насколько сможет обеспечить защиту собственных интересов, в том числе в области информационной безопасности.

Сегодня информация как никогда стала инструментом власти. Уже достаточно много писалось о том, что переход в середине 80-х гг. информации в разряд важнейших ресурсов государства вызвал к жизни и проблему обладания этим ресурсом.

Информационное оружие может применяться задолго до начала боевых действий, а Российская Федерация, обладающая значительным военным и экономическим потенциалом и представляющая для стран Запада серьезное препятствие на пути к мировому господству, является объектом пристального внимания спецслужб иностранных государств, занимающихся вопросами информационного противоборства.

Как отмечается некоторыми специалистами, среди наиболее серьезных по своим последствиям задач, которые решаются с помощью информационного оружия, можно выделить следующие:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных

групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;

- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции, провокация взаимоуничтожения;

- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;

- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;

- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;

- инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;

- затруднение принятия органами управления важных решений;

- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;

- нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и в других сферах.

Вместе с тем следует отметить, что сегодня в России, как ни в одной другой стране мира получили широкое и бесконтрольное со стороны власти распространение всевозможные агентства по связям с общественностью (PR-агентства), имиджмейкерские фирмы и пр., которые на поверку зачастую оказываются хорошо подготовленными «подразделениями информационного фронта». Так, в одном из докладов на конференции представителей подобных структур, состоявшейся в Москве в 2003 г., подчеркивалось, что при планировании, проведении и оценке эффек-

тивности любой PR-кампании, которую, как правило, можно сравнивать с информационной операцией, основным является информационное поле, образуемое средствами массовой информации.

В качестве главной цели анализа информационного поля определялось выявление и описание наиболее благоприятных тематических, временных, территориальных и других сегментов для построения наиболее успешной стратегии целенаправленного коммуникативного воздействия на аудиторию. Особенно важно подчеркнуть, что при подготовке PR-кампании определенная цель первичного информационного анализа – выяснение основных характеристик информационного поля.

При реализации PR-кампании целью анализа информационного поля является постоянный мониторинг ситуации для корректировки и усиления эффективности работы PR-кампании, а также для более качественной оценки предпринятых усилий. При работе в условиях кризиса (чужой PR-кампании) анализ проводится с целью выявления первых признаков контркампании, для ее предупреждения, выставления защиты и поиска возможных точек контрудара.

Многие отечественные эксперты в области PR-технологий отмечают, что разработанные сегодня методики экспертной оценки политической ситуации весьма эффективны, при этом современный уровень теоретической и практической подготовки политтехнологов достаточно высок для проведения информационных акций любого масштаба и направленности, о чем наглядно свидетельствует российская действительность. Наличие столь мощного и хорошо оплачиваемого контингента политтехнологов при одновременном отсутствии четкой информационной политики у государства порождает серьезную угрозу как внутренней, так и внешней безопасности России.

У границ бывшего СССР и далеко за их пределами возникли реальные и потенциальные очаги малых и больших войн. Новая угроза в условиях распространения высоких военных и информационных технологий приобрела большой размах. Ослабев до критического уровня, Россия утратила роль сдерживающей силы в былом геополитическом пространстве и ответственность за международную стабильность. Это нарушило равновесие «Восток–Запад», вызвало глобальные геополитические перестановки, стимулировало губительные для междуна-

родной безопасности тенденции. К прежней опасности мировой войны добавились новые угрозы информационной экспансии и культурной деградации более слабых стран.

Мир объективно продвигается к более тесному и всестороннему единству – процесс, который проходит крайне противоречиво. Однако тенденции процесса глобализации можно заметить не только в укреплении международного сотрудничества, но и в навязывании мировому сообществу однополярного мира и стремление к социокультурной монополии. И объективность процесса ничуть не обуславливает его позитивность: бомбардировки в Югославии, Ираке, Афганистане, возникновение конфликтогенных ситуаций на Кавказе и в Средней Азии – факты глобального масштаба, которые также характеризуют процесс глобализации. В новой натовской стратегической концепции, например, нет ни слова об «общечеловеческих интересах» или равной безопасности для всех стран. Теперь она ориентируется не на оборону, а на превентивные действия за пределами зоны ответственности НАТО. Главный упор в политике делается на военную силу. Многие нации и государства справедливо обнаружили в процессах глобализации явную угрозу своему развитию и даже существованию. На месте двухполюсной системы возникла пирамида, основанная на могуществе одного центра силы и единственной сверхдержавы в лице США. В геометрии этой пирамиды происходит расширение НАТО, что дает импульсы блоковой конфронтации. Данная тенденция глобализации означает формирование небывалой в истории военно-политической гегемонии одной державы. Что же касается России, то для государства, являющегося крупнейшим структурно-организующим и стабилизирующим фактором на огромном евразийском пространстве, активное участие в мировых делах является условием выживания. В противном случае важные решения, так или иначе затрагивающие его интересы, будут приниматься без него, за него и с большей долей вероятности не в его пользу. Конечно, сама Россия призвана вносить значительный вклад в международную стабильность и развитие. А это возможно осуществлять только политикой, адекватной ее должному объективному положению в мире как великой державы.

Россия подвергается широкомасштабному непосредственному идеологическому воздействию со стороны Запада, которое можно охарактеризовать как культурно-духовную агрессию.

Типичным примером беззастенчивого давления на Россию стали обращения Конгресса и Президента США и Папы Римского к Президенту России в связи с принятием Федеральным Собранием РФ Закона о религиозных организациях. Суть давления на Президента России заключается не столько в законе, который на практике не ущемляет ничьих интересов и ничего не запрещает, а в самой попытке законодателей и традиционных религий ограничить духовную экспансию в Россию, снизить культурно-духовную агрессию Запада и США. Сама попытка защитить культурную и духовную самобытность встретила жесткую реакцию. Это и понятно: ведь для того, чтобы подчинить нацию, необходимо лишить ее национальных ценностей. Это прекрасно понимают в США и Ватикане. Там не только не делается из этого секрета, но, напротив, всячески публично обосновывается необходимость стратегии насаждения американских ценностей и приоритетов в мире как главного гаранта усиления влияния США как главного условия, обеспечивающего национальную безопасность и «свободу распространения товаров и услуг».

Надо понимать, что идеологическая, культурная, духовная и «гуманитарная» экспансия Запада имеет сегодня и более прикладной характер: создаются подсистемы влияния, откровенно лоббистские организации, ведется сбор информации, а в целом – устанавливается контроль над ситуацией в нашей стране. На сегодняшний день только учтенных, известных зарубежных организаций в России более двухсот, деятельность которых, ввиду отсутствия современного законодательства и слабости исполнительной власти, очень часто находится за пределами допустимого в суверенной стране. Плоды же их культурной и духовной экспансии в России известны – телепрограммы, учебники, назойливое навязывание товаров, которые активно формируют чужой и «чуждый» образ жизни.

Современная оценка состояния общественного сознания населения России сводится к тому, что оно было парализовано информационно-психологическими ударами и во многом опиралось на набор мифов, однако, уже сегодня намечаются определенные изменения. Осознание населением страны того, что наше историческое существование как нации поставлено под угрозу может служить стимулом и сигналом к организации систематического противодействия манипулированию и обретению статуса сильного самостоятельного субъекта информационных, по-

литических, экономических и иных отношений. Возрождение самосознания общества – процесс, безусловно, положительный и в настоящее время необходимый. Это инстинктивная реакция общества на угрозу национальной десубъективизации.

Как считают некоторые отечественные политики, одержать победу в информационной войне внутри страны «очень просто»: достаточно призвать к порядку распоясавшиеся средства массовой информации. Именно они виноваты в том, что одна треть нашей молодежи жалеет, что родилась в России. Они приучили многих наших граждан к мысли, что цивилизованным решением международных проблем является их решение за счет России и ее ресурсов¹.

Однако с помощью одного лишь регламентирования поведения СМИ в информационном противоборстве победить невозможно. Желаемый результат зависит от гораздо большего количества факторов. И чтобы не быть побежденными окончательно, представители государственной власти должны организовать систему информационного реагирования, которая бы учитывала весь диапазон таких факторов.

Можно констатировать, что население нашей страны оказалось незащищенным и дезорганизованным в информационной войне. С целью предотвращения попыток манипулирования массовым сознанием граждан РФ необходимо раскрыть механизмы формирования мифов, внедряемых СМИ в общественное сознание, их подлинную сущность, направленную на подавление психологического здоровья населения.

С учетом изложенного следует дать краткую характеристику основным субъектам глобального информационного пространства, выделив подходы каждого из них к проведению информационных операций.

В 1998 г. Центральное разведывательное управление упоминало только Россию и Китай в качестве основных источников угрозы из киберпространства. Сегодня американские эксперты отмечают, что уже более 20 стран планируют и осуществляют различные виды информационных операций, направленных против Соединенных Штатов. ЦРУ отмечает, что ряд противостоящих США государств включают информационную войну как часть их новых военных доктрин.

Рассекреченная оценка угрозы, проведенная Военно-морским флотом США, выделяет Россию, Китай, Индию и Кубу в качестве стран, ко-

¹ Абельцев С. Д. На два фронта // Завтра. № 36. 1998.

которые открыто подтвердили политику подготовки к информационной войне и которые быстро развивают свои способности в этом направлении. Северная Корея, Ливия, Иран, Ирак и Сирия, по сообщениям, имеют некоторую способность к движению в этом направлении, а Франция, Япония и Германия уже весьма активны в данной области.

Деятельность американской администрации в области защиты критической инфраструктуры берет свое начало с формирования Президентской комиссии по защите критической инфраструктуры (President's Commission for Critical Infrastructure Protection) в 1996 г. Отчетный доклад этой комиссии выявил уязвимости национальной безопасности США в информационной сфере. Итоги работы комиссии были положены в основу правительственной политики в области обеспечения информационной безопасности критической инфраструктуры, сформулированной в Директиве президента № 63, подписанной в июне 1998 г.

В феврале 2001 г. Конгрессу США был представлен отчет о ходе реализации PDD-63. Одной из наиболее важных выполненных Министерством обороны США работ в этом направлении является существенное продвижение по пути совершенствования приемов и методов работы с доказательствами компьютерных преступлений, что имеет большое значение при проведении расследований любых инцидентов, связанных с применением вычислительной техники². Так, 24 сентября 1999 г. была открыта Компьютерная судебная лаборатория Министерства обороны (Defense Computer Forensics Laboratory, DCFL). Это – одна из наиболее современных структур, предназначенная для обработки компьютерных доказательств в преступлениях и мошенничествах, а также при проведении контрразведывательных мероприятий для всех организаций, проводящих криминальные и контрразведывательные исследования. Управление специальных исследований Военно-воздушных сил США определено в качестве Исполнительного агентства для DCFL. В настоящее время DCFL имеет 42 позиции для исследователей и судебных приставов, позволяющие обрабатывать компьютерные доказательства наряду со звуковой и видео

информацией в судебных делах в самом широком диапазоне: от детской порнографии до вторжений в компьютеры и шпионажа. Эта лаборатория министерства обеспечивает поддержку ФБР по вопросам расследования компьютерных преступлений. Специалисты DCFL уже накопили определенный потенциал и навык работы с инструментальными средствами анализа информации в ходе ряда успешных мероприятий по идентификации групп хакеров, а также при нейтрализации уязвимости в нескольких контрразведывательных операциях, связанных с деятельностью по защите национальных сетей ЭВМ. Среди последних – такие нашумевшие мероприятия, как «Солнечный восход», «Цифровой демон» и «Лабиринт лунного света» («Solar Sunrise», «Digital Demon», «Moonlight Maze»).

Согласно ряду заявлений сотрудников администрации США, созданная национальная система информационной безопасности оказалась слишком тяжеловесной и неповоротливой³. В ряде случаев процесс доведения информации тормозился в силу бюрократических проволочек, что приводило к неприятным последствиям. Во многих случаях при появлении нового вида компьютерных вирусов противодействие не было своевременно найдено ни сотрудниками CERT, ни JTF-CND.

Существенным препятствием в достижении поставленных целей остается нехватка квалифицированного персонала для работы в сфере обеспечения информационной безопасности, о чем свидетельствуют попытки привлечения студентов-компьютерщиков на работу в федеральные ведомства по контрактам в обмен на оплату их обучения в институтах.

Китай неуклонно движется к формированию единой доктрины информационной войны. Фактически, если революция в военном деле определяется как существенное изменение в технологии, дающее преимущество в военном обучении, организации, стратегии и тактике военных действий, то, возможно, Китай из всех стран сегодня испытывает истинную революцию в киберпространстве.

Китайская концепция информационной войны включает уникальные китайские представления о войне вообще, основанные на современной концепции «народной войны», 36 стратегемах Сунь Цзы, а также местных представлениях о том, как воевать на стратегическом, оперативном

² Гриняев С. Планы и перепланировки. Проблемы информационной безопасности США в центре внимания двух последних хозяев Белого дома // Независимое военное обозрение. 2001. 17 августа. С. 5.

³ Гриняев С. Указ. соч. С. 6.

и тактическом уровне. Многое из его подхода имеет отношение к акценту на обмане, войне знаний и поиске асимметричных преимуществ над противником. Китай развивает концепцию Сетевых сил (воинские подразделения численностью до батальона), которые состояли бы из высококлассных компьютерных экспертов, обученных в множестве государственных университетов, академий и учебных центров. Основной акцент делается на привлечение активной молодежи. На сегодняшний момент было проведено уже несколько крупномасштабных учений этих сил по отработке концепции информационной войны.

Британское официальное отношение к информационной войне подобно таковому в Соединенных Штатах. Это определение информационной войны как действий, воздействующих на информационные системы противника, при одновременной защите собственных систем. Кроме того, Великобритания использует юридическую структуру, основанную на существующих законах, которая в значительной степени может применяться к действиям в киберпространстве – Regulation of Investigatory Powers Act (RIP), принятый в 2000 году. Он предлагает, что нападения на информационные системы может рассматриваться как обычное уголовное преступление со всеми вытекающими последствиями. Данный акт позволяет британскому правительству перехватывать и читать электронную почту, а также требовать расшифровки личных файлов по требованию государственных чиновников.

Немецкое представление информационной войны по большей части совпадает с таковым в США и Великобритании. Оно включает ведение наступательной и оборонительной информационной войны для достижения национальных целей. Вместе с тем Германия имеет тенденцию быть несколько более систематичной, чем Соединенные Штаты, что свойственно немецкой педантичности. При определении угроз и возможных ответов, иностранные государства рассматриваются отдельно от негосударственных объединений (типа политических партий, международных организаций и средств массовой информации), преступные сообщества (организованные преступные группы, хакеры и т.д.) и индивидуумы. В двух случаях, однако, немецкое представление об информационной войне не может отличаться от американского. Так, Германия рассматривает управление средствами массовой информации как элемент информационной войны. Кроме того, вводится отдельное определение для экономической информационной войны,

подобной французам. Это является следствием двух причин: Германия оценила потенциал возможного экономического ущерба, который может быть нанесен немецкому бизнесу и экономике; Германия, возможно, испытала существенные экономические потери от Франции в операциях индустриального шпионажа в киберпространстве; также Германия может искать пути смягчения последствий потенциальных вторжений.

Французы рассматривают концепцию информационной войны, состоящей из двух главных элементов: военной и экономической (или гражданской). Военная концепция предполагает несколько ограниченную роль информационных операций. Их военная концепция видит место информационным действиям, имеющим место в значительной степени в контексте конфликтов малой интенсивности или в миротворческих операциях. В этом контексте союзники не рассматриваются противниками. Напротив, экономическая или гражданская концепция включает более широкий диапазон потенциального применения информационных операций. Французское представление принимает намного более широкое и более глубокое представление для конфликта в экономической сфере. В этом случае французы не видят себя связанными рамками НАТО, ООН или согласием США. Их подход к экономическому конфликту учитывает то, чтобы быть и союзником и противником одновременно. Французы даже имеют экономическую школу для информационной войны.

Франция активно формирует структуры по контролю ее граждан в киберпространстве. Есть информация о том, что французы создали собственную версию системы «Эшелон» (по сообщениям американской прессы система направлена на перехват фактически всех частных глобальных коммуникаций). Frenchelon, так некоторые называли эту систему, по сообщениям, используется для контроля и анализа французских коммуникаций, особенно в районе Парижа.

По сообщениям в прессе, существует секретное натовское определение информационной войны, но оно не доступно в открытой печати. На проведенной объединенным штабом НАТО в начале 2000 г. конференции по проблемам информационной войны все участники пользовались определениями, разработанными в их странах. Вместе с тем известно, что натовское определение во многом схоже с аналогичным американским определением.

До последнего времени в России практиче-

ски не существовало ясной государственной позиции по этой проблеме, что, собственно, и привело к поражению в «холодной войне». Только в сентябре 2000 г. Президентом РФ была подписана Доктрина информационной безопасности России. В отличие от подхода, обозначенного США, в российской Доктрине на первое место ставится обеспечение информационной безопасности индивидуального, группового и общественного сознания.

Для реализации основных положений Доктрины и обеспечения информационной безопасности России было создано Управление информационной безопасности в Совете безопасности РФ.

Россия продолжает активно вытесняться с международного рынка спутникового телевидения и уже в среднесрочной перспективе контроль за использованием космического сегмента телевидения может быть нами полностью утрачен.

За 1991–1998 г. доля группировки телевизионных вещательных спутников России сократилась с 30 % до 16 % от общемирового уровня. Доля США составляет 43 %, стран Западной Европы – 39 %. Участие России в мировом рынке спутниковой связи за этот же период сократилось до 2,4 %⁴.

Другим фактором, оказывающим определяющее влияние на развитие телевидения в нашей стране, являются процессы коммерциализации и связанный с этим рост влияния зарубежного капитала. Очевидно, что чем сильнее влияние зарубежного капитала, тем труднее ожидать от российского телевидения проявления информационной независимости.

Многие страны мира сейчас создают у себя системы защиты от информационной агрессии, американской культурной экспансии. Во Франции, к примеру, по телевидению разрешается показывать не более 50 % иностранных фильмов, абсолютное большинство которых, как известно, американские. Наше государство пока не приняло никаких существенных мер по идеологической защите своих граждан.

Учитывая сложность и специфичность информационного воздействия, для обеспечения безопасности Российской Федерации стране жизненно необходимо формирование Федерального научно-координационного центра исследований по тематике информационной безопасности. Можно

также рассмотреть и вопрос создания Федеральной службы информационной безопасности.

Не обойтись в решении этой проблемы и без грамотной юридической базы в сфере обеспечения информационной безопасности, без четкого распределения полномочий между федеральными ведомствами, согласованной программы их действий в сфере информационной безопасности.

К сожалению, и это надо признать, Россия пока остается, практически единственной страной, которая последовательно добивается на международном уровне подобной постановки вопроса. Уже проделана определенная работа, подготовлены и доложены материалы по вопросам информационной безопасности на 53 и 55 сессиях Генеральной ассамблеи ООН. Однако этого явно недостаточно. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы в XXI в. достижения в области информационных технологий служили исключительно на благо человечества. Упустив момент сегодня, завтра мы рискуем встать на порог очередного витка гонки вооружений. В этом случае опасность развязывания глобальной информационной войны, объектом воздействия в которой станет самое тонкое достижение эволюции – сознание человека, станет реальностью.

Можно согласиться с мнением многих отечественных исследователей информационных войн о том, что в настоящее время происходит резкое усиление влияния информационно-психологического противоборства на обеспечение национальной безопасности государства. Именно российская политическая элита находится в эпицентре информационно-психологического противоборства. Поэтому представителям государственной власти необходимо приступить к разработке концепции психологической безопасности политической элиты России в условиях ведения глобального информационно-психологического противоборства между ведущими политическими элитами мира.

При разработке понятийного аппарата данной концепции следует учитывать, что некоторые ее категории (психологическая операция, информационная безопасность и др.) устоялись и не потребуют существенных уточнений. В то же время часть терминов (информационная экспансия, информационная война и т.д.) не имеют еще четкого определения и по-разному трактуются представителями различных научных школ.

В ходе разработки концепции потребуется также проанализировать влияние информационно-психологической борьбы (противоборства) на ход и исход вооруженных конфликтов, психиче-

⁴ Цирлин И. С. Системы непосредственного спутникового ТВ вещания в России // Материалы международного конгресса «Прогресс технологий телерадиовещания». 1999.

ское состояние политической элиты России в ходе боевых действий. В последующем, в контексте реализации концепции психологической безопасности политической элиты России в условиях глобального информационно-психологического противоборства, предстоит большая работа по совершенствованию управленческой деятельности всех звеньев органов государственного и военного управления.

Учитывая сложность и специфичность информационного воздействия, мы имеем основания полагать, что для обеспечения безопасности Российской Федерации стране необходим специальный координационный управляющий орган по контролю за созданием и применением информационного оружия. Необходимо также создание межведомственного аналитического центра по разработке новейших информационно-психологических технологий на базе ФСБ и МВД при возможном патронаже Совета безопасности РФ. Следует задуматься о формировании мощного государственного холдинга масс-медиа, работающего в тесном контакте со специалистами из аналитического центра.

Для решения встающих проблем требуется объединение усилий в научных исследованиях проблем информационной войны, обеспечения информационной безопасности, а также подготовке кадров как исследователей, так и журналистов «нового типа».

Россия пока остается практически единственной страной, которая последовательно добивается на международном уровне подобной постановки вопроса. По мнению автора, именно в этом заключена роль России в сфере международного информационного обмена: служить инициатором и проводником регламентации информационных отношений для соблюдения баланса международных сил. В дальнейшем, после обретения более прочной позиции, Россия сможет служить гарантом созидательного развития глобального информационного пространства в противовес конфронтационным тенденциям, развивающимся в настоящее время.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СМЕНОВЕХОВСТВА В ПОИСКЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

С.И. Лымарь

Лымарь Сергей Иванович – старший преподаватель кафедры философии и социально-экономических наук Института гуманитарного образования Приморской государственной сельскохозяйственной академии, аспирант кафедры политологии, культурологии и истории Уссурийского государственного педагогического института.

В статье рассматривается общественно-политическое наследие сменовеховства в контексте поиска современной модели развития российского общества. Подчеркивается, что Россия принадлежит к особой «евразийской» цивилизации и поэтому стремление следовать западной модели развития не соответствует особенностям российского государства. Автор полагает, что обращение к наследию сменовеховства является наглядным примером объективного понимания вопроса консолидации всех общественно-политических сил и граждан России. Значение сменовеховства в принятии и оправдании русской революции, в правильном понимании советского периода как эпохи по-настоящему самобытной, когда Россия впервые сделала дерзкую попытку предложить миру свой цивилизованный проект, альтернативный западному.

This article deals with the social and political heritage of Smenovekhovstvo within a wider context of search for a modern model of development of the Russian society. It is underlined that Russia belongs to a special Eurasian civilization. That is why the trend to follow the Western model of development is not in accordance with the peculiarities of the Russian state. The author thinks that the using of the Smenovekhovstvo heritage is a a vivid example of objectively understanding the question of consolidating all social and political forces and citizens of Russia. The importance of Smenovekhovstvo for acceptance and justification of the Russian revolution, for an adequate understanding of the Soviet period as a really unique epoch, when Russia made its first brave attempt at offering the world its own civilization project being alternative to that of the West.

В конце XX в. кризисное состояние взаимоотношений в обществе проявилось в исчерпанности прежних путей конкретных моделей общественно-го развития, в существенных разрывах и противопоставлении внутренне взаимосвязанных между собой сторон общественного развития, односторонности и абсолютизации отдельных сторон из системной целостности. Вместо обеспечения развития общества как целостной и единой качественной системы, включающей экономическую, социальную, национальную, политическую, духовную стороны в силу внутренних сущностных направлений и внутренних ограничений конкретных этапов их состояния, упор делался на одни определенные стороны общественного развития в ущерб другим.

Основные черты кризиса используемых в XX в. конкретных моделей общественного развития выразились в следующих диспропорциях развития.

1. Между экономикой и социальной жизнью, социальной справедливостью, социальным равенством, что явилось результатом упора или преимущественно на экономику, или на социальную сферу.

2. Между приоритетной ориентацией на рыночные механизмы или на государственное регулирование, государственное централизованное управление и планирование.

3. Между упором в производственной деятельности на материально-потребительские товары и ценности или на материально-культурные и духовные ценности и достижения.

4. Между упором в общественных отношениях на индивидуализм, на индивидуальные способности и таланты, которые всегда неравны, или упором в основном на коллективизм, совместность, сообщество людей в труде и быту.

5. Между ориентацией в образе жизни на узкое, часто примитивное, бытовое, преимущественно материальное потребление или ориентацией в нем на духовно-нравственные качества труда и жизни и на ценности социальности.

Для истории западных социально-философских, политических, экономических, социологических учений характерно последовательное, поэтапное развитие. Это связано с тем, что, вступая на путь модернизации, западное общество стремилось преодолеть присущее традиционному обществу отчуждение личности как производителя от собственности на средства производства и как субъекта политики от власти. Однако для успешной модернизации требуется не всякая, а ответственная свобода. Вследствие чего просветительский индивидуализм был подвержен критике социализма, позитивизма и марксизма. История русской общественно-политической мысли такого последовательного, поэтапного развития не знает. Она как бы стремилась наверстать упущенное – в сжатый срок повторить все этапы западной мысли. Россия не пережила периода Просвещения. А отсутствия его, как полагают А. А. Кара-Мурза, А. С. Панарин, И. К. Пантин, было главной причиной неопределенности специфического типа

мышления россиян, «с его бессознательным отношением к государственному вмешательству в жизни граждан, с его культом «простого народа» каким бы тот ни был, с его уравнилельным пониманием справедливости и т. п.». ¹

Россия принадлежит к числу стран вторичной модернизации, где главным организатором общественных усилий является государство. В условиях кризиса политической культуры начала XX в. интеллигентская самоидентификация препятствовала общенациональному объединению, и движение России между традиционализмом и модернизмом приобрело конфликтный характер, выражающийся в феномене раскола.

С поиском новой своей идентичности связана революционность интеллигенции. По мнению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, общественно-политическая активность и революционная настроенность русской интеллигенции связаны с ее неспособностью «обосноваться на прочном базисе разнообразного и плодотворного культурного труда, на который был бы спрос, без которого страна не только не смогла бы обойтись, но и создала бы это» ².

На очередном этапе модернизации российского общества, таким образом, кризис государственного управления связан с поиском социальной идентичности русской интеллигенции. Для современной России характерна догматичность мышления. Мы стремимся к цивилизованному миру, не до конца осознавая, что конкретно подразумеваем под этим понятием. Термин «цивилизованное общество» заменил россиянам конкретное представление о типе общества, которое существует в реальности и которое возможно создать в российских условиях. Реально же под современными «цивилизационными» обществами мы представляем образцы либерально-капиталистической модели развития. Это явление связано с тем, что сам термин «цивилизация» как описание современного общества появился в рамках западной модели развития, отражая характеристики именно этого общественного уклада. В основном модель цивилизационного мироустройства проецируется на весь остальной мир западными странами. В операционной основе модели лежит постоянная модернизация всех сфер общественной жизни и преодоление давления традиций. Для нашего наполовину западного, наполовину восточного государства важно

осознать образ цивилизации как культурного типа общества со своими законами, стандартами развития.

Западные общества задают схемы современного развития. Они являются сущностно внутренними для этого типа цивилизации. Ранее, в эпоху расцвета индустриализма они способствовали процветанию государств, относящихся к самому этому цивилизационному типу и стран, перенимающих этот тип общественного существования. Эти образы были современными и своевременными, характеристики их внутреннего простраивания способствовали усилению обществ среди других государств мира. В основе лежал диктат прямого производства и экстенсивного развития. Государства западного типа имели преимущества перед остальными, так как их базовые основания выставлялись как единственно верные, все общества измерялись по соответствию именно тем ценностям, которые свойственны индустриальной ступени общественного развития. Они были в основном сориентированы на развитие технических и производственных показателей, прямого контроля над производителями и наращиванию показателей.

Современный этап общественного развития полагает основным совершенно иной образ существования социума, новые правила экономического и культурного бытия. Главный акцент делается на развитие человеческого потенциала. Человеческий фактор становится решающей силой совершенствования производства и развития общества. Появляется представление о производстве как высокоинтеллектуализированном процессе. К выявленной К. Марксом трудовой составляющей продукта добавилась в наше время интеллектуальная составляющая. Современная цивилизационная система полагает постоянное самообразование основным принципом соответствия должному уровню знаний. Большинство отраслей производства постоянно снижает долю физического труда, появляется представление не только о творческой интеллигенции, но и производственной, технической. В то же время в принципе построения стран западного мира нет изначальной ориентации на развитие человеческого фактора, и поэтому они не могут поддерживать имидж универсальной модели современного этапа развития. Только традиционные установки как носители духовной и производственной культуры, ориентация на развитие человеческого фактора предопределяют успех общественного развития.

¹ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. 1996. № 5. С.156.

² Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. Т.VII. СПб., 1913. С.5.

На фоне этих процессов стремление России следовать западной модели развития не соответствует современному вектору развития мирового сообщества. Многие годы подавлялись коренные традиции творческого отношения к производству, и снижалась высокая степень интеллектуальности страны, дающие в современных условиях возможность реального и быстрого роста государства. Основными направлениями последнего этапа были взяты ориентиры на совершенствование добывающей и обрабатывающей отраслей. Обречен на уничтожение высокий интеллектуальный ресурс страны и получившие распространение до конца 80-х гг. инновационные технологии. Ориентация на устои западного варианта развития не отражает современных мировых тенденций и несет потерю самостоятельного развития для нашего государства.

Некоторые данные убедительно указывают, что население страны хорошо осознает культурные отличия российского общества от западного. Так, в декабре 2001 г., согласно опросу ВЦИОМ, 71 % россиян были согласны с утверждением о том, что «Россия принадлежит к особой «евразийской» православной цивилизации и поэтому не может следовать по западному пути развития»³.

Крушение тоталитарной системы в России, нахождение страны в условиях стратегической нестабильности и крушения очередного – на этот раз антикоммунистического, либерально-демократического социального мифа, свидетельствует о кризисе политической культуры. А. А. Кара-Мурза, А. С. Панарин, И. К. Пантин считают, что духовно-идеологическая ориентация... «обладает громадной направляющей, регулятивной силой», так как «новая историческая реальность возникает вначале в головах людей как нравственное веление, как духовное обновление и только потом становится культурным движением, идеологией, убеждением, способным вызвать к жизни практическую деятельность и волю»⁴.

Современное российское общество переживает глубокий духовно-идеологический кризис, суть которого заключается в «невписанности» любой возможной нравственно-осознанной деятельности в какой-либо реально существующей

или проектируемый строй исторического бытия.⁵ Авторы полагают, кризис ценностей не ведет к полному политическому параличу. Но его последствия скажутся на функционировании общества: распад сферы представлений о высших целях грозит разложением «самой социальной ткани, уничтожением поля смыслообразования, невозможностью для индивида руководствоваться в своей деятельности целями и ценностями общественной жизни»⁶.

Кризис политической культуры выражается, таким образом, в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации; в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей. Согласно точке зрения А.Г. Дугина, статус «региональной державы», предложенный (навязываемый) сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству и отказу от идентичности России, имперской в своей основе. Потеря империи для Дугина и стоящих за ним сил означает провал участия России в мире, поражение ее духовной и культурной системы ценностей, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод⁷.

В этой связи является актуальным обращение к историософскому наследию, содержащему ценностные ориентиры нормативно-регуляционной системы. Преодоление глубокого кризиса ценностей и определение мотивационной базы политической деятельности, на наш взгляд, и послужило возрастанию интереса историков, философов, политологов к духовному наследию русского зарубежья, в том числе к исследованию сменовеховства.

Итак, сменовеховством называют движение в среде первой русской «белой эмиграции», провозгласившее тактический союз с большевиками на платформе русского патриотизма. Сменовеховцы были убеждены, что власть большевиков рано или поздно выродится в какой-нибудь режим национально-консервативного толка. Вливаясь в число строителей новой России, считали сменовеховцы, они способствовали возрождению и укреплению Российского государства. С удовлетворением сменовеховцы наблюдали, как большевики все больше отказываются от экстремизма первых лет ре-

³ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Советский марксизм и наследие российской самоидентичности / Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А. П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005. С. 25.

⁴ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. № 5. 1996. С. 155.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Там же.

⁷ Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1998. С. 193–213.

волюции и становятся созидателями российского имперского государства, пусть и под другим названием. Причем будущие сменевеховцы стояли на стороне «белых» пока большевики были сторонниками военного коммунизма. Возникает же движение на волне «красного патриотизма»,⁸ порожденного советско-польской войной и нападением Антанты на Россию, а усилилось после НЭПа – поворота к реалистической, а не доктринальной экономической политике.

В конце XX в. история будто бы повторилась. В 1991 году после распада СССР к власти пришли крайние либералы-западники, ориентированные на западную политическую и экономическую модели развития России. Тотальному разрушению подверглись основы советского жизнеустройства. Внедрение рыночных методов управления экономикой, однако, вызвало усиление авторитарных тенденций в политическом управлении. Началась дезинтеграция демократической идеологии и возникает разрыв между изменениями в общественных отношениях и системой ценностей, на которой базируется легитимность власти.

Распад СССР и формирование новой российской идентичности совпали по времени с всемирным процессом глобализации, который не мог не сказаться на национальной безопасности России, считает А.А. Сергунин⁹. Глобализация сделала все страны мира более уязвимыми в таких сферах, как экономика и финансы, экология, международный терроризм, наркобизнес, нелегальная миграция, эпидемии, информационная безопасность, национально-культурная самобытность и пр. Характерная для эпохи глобализации тенденция к универсализации и унификации не могла не породить вызов национальным традициям и ценностям, а также суверенитету различных государств, в том числе России.

Значение сменевеховства, считает исследователь творчества Н.В. Устрялова, С. Сергеев, в принятии и оправдании Великой русской революции, в правильном понимании сути советского периода как эпохи по-настоящему самобытной, когда Россия впервые сделала дерзкую попытку предложить миру свой цивилизованный

проект, альтернативный западному¹⁰. Зададимся вопросом об актуальности и необходимости сегодняшней «смены вех». На наш взгляд, точкой опорой для развития страны должна и будет служить советская система, многие геополитические и геоэкономические особенности которой заслуживают положительной оценки в виду достаточного соответствия параметрам русской ментальности. С социально-экономической точки зрения советский строй оказался вполне легитимен в контексте народной традиции, отстаивании интересов самобытной евразийской цивилизации.

Основными чертами конструктивного наследия советской эпохи назовем:

1. В области государственного строительства – гармоничное сочетание принципов унитаризма и федерализма. Именно такое сочетание позволило нашей стране уцелеть в качестве независимого суверенного государства посреди социальных катастроф и военных катаклизмов XX в. Особенную актуальность эти идеи приобретают сейчас, когда национал-сепаратисты ставят Россию на грань государственного распада.

2. В области геополитики – это органичное соединение державной и славянской идей. Такой синтез предполагает восстановление русского контроля над евразийским «сердцем мира» и гарантирует всей славяно-православной цивилизации необходимый уровень военной, политической и идеологической безопасности. Необоснованный отход от этой геополитической модели в годы «оттепели» и «застоя» предопределил геополитическую катастрофу «перестройки» и нынешнее положение России, теряющей геополитический вес.

3. В экономической области – это эффективная модель народного хозяйства, сочетающая централизм управления и многоукладность экономики, свободу хозяйственной инициативы с мощным государственным сектором и опорой на собственные силы.

4. В национальной политике – это сочетание трех основополагающих принципов: борьбы с проявлениями национал-сепаратизма, идеи равенства наций и признания особой роли русского народа в становлении и развитии государства¹¹.

Опыт дореволюционной отечественной истории, как и советская политическая практика

⁸ Вахитов Р.Р. Неосменевеховство // Восток. № 3 (27) март 2005.

⁹ Сергунин А.А. Изучение проблем безопасности в России // Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005. С. 238.

¹⁰ Сергеев С. Страстотерпец великодержавия // Национал-большевизм. М., 2003. С. 46.

¹¹ Зюганов Г. Строитель державы // Наш современник, 2005. № 6. С. 187.

должны быть заново переосмыслены и в своей созидательной части приняты на вооружение. Использование огромного опыта должно послужить базой для решительного движения вперед и опорой для строительства современной России. В укреплении государственности, геополитической мощи державы, по сути, главное положение национал-большевизма Устрялова: «Политика вообще не знает вечных истин. В ней по гераклитовски «все течет», все зависит от наличной «обстановки», «конъюнктуры», «реального соотношения сил». Лишь самая общая, верховная цель ее может претендовать на устойчивость... Для патриота эта общая цель... благо государства – высший закон». ... Быть верным себе для патриота – значит быть верным этому принципу и только. Что же касается путей конкретного проведения его в жизнь, то они всецело обусловлены окружающей изменчивой обстановкой»¹².

Несомненно, в условиях кризиса политической культуры, помимо курса на последовательную федерализацию российского государства необходима мобилизация интеллигенции с целью открыть, по-новому интерпретировать и актуализировать в массовом сознании важнейшие универсалии нашей общей культуры, образующие единую историческую общность, политическую нацию на протяжении сотен лет. Эти универсалии носят надэтнический и надконфессиональный характер – не случайно они способствовали консолидации гигантского суперэтнуса, называемого многонациональной Россией.

Ценность историографических наблюдений сменовеховцев в том, что они впервые начали преодолевать замкнутый круг спора между социалистической и консервативной идеологиями. Общеизвестна критика «беспочвенности» и антиэтатизма российской интеллигенции в «Смене вех». Но мало кто из комментаторов пражского сборника решает довести цепь рассуждений до вывода: спасение интеллигенции – в том, чтобы творчески обновить православную цивилизационную традицию и сделать ее действенной в прагматическом смысле. Это не означает готовность оправдать любой строй и режим в случае его эффективности. Основываясь на уверенности в силе русской традиции, сменовеховцы в традициях русского консерватизма наметили пути анализа стихийной самоорганизации общества в условиях авторитарного режима. Устрялов, Ключников и другие создатели данного движе-

ния исходили из приоритета долгосрочных «деидеологизированных» функций государства над функциями преходящими, обусловленными коммунистической доктриной.

Сменовеховцы участвовали в движении, предусматривающем использование результатов революции в политической стратегии и оставили богатое теоретическое наследие, актуальность использования которого становится очевидной на современном этапе в России.

Идея сохранения Великой России, недопущения распада огромной империи, продолжение существования и развития России как великой державы перекликается с идеями евразийской социокультурной традиции – соборности, солидаризма, приверженности сильной государственности. В сменовеховстве мы видим наличие глубокой связи между политикой и идеологией с одной стороны, и историй – с другой.

В идеологии национал-большевизма, имевшей в своем составе ряд адаптированных к национальным условиям России марксистских идей, были отражены вековые народные представления о добре и зле, правде и лжи, справедливости и беззаконии; именно поэтому – по мысли Агурского, – она стала идейной силой, объединившей советское общество. Венгерский исследователь Т. Краус определил национал-большевизм как комбинацию революционного патриотизма, традиционного русского национализма и обновленного этатизма¹³.

Интересна точка зрения П.Н. Савицкого, отраженная им в письме П. Струве «Еще раз о национал-большевизме» 5 ноября 1921 г. Савицкий, относя себя к числу немногих в среде русской эмиграции единомышленников Н.В. Устрялова, к корням национал-большевизма не относит принципиальный коммунизм или интернационализм: «Интернационалист или коммунист по убеждениям был бы не национал-большевиком, а просто большевиком»¹⁴. Отвергая не только коммунизм, но и всякий социализм, Савицкий склонен связывать будущее России с будущим Советской власти, именующей себя коммунистической. Потому что политическая годность большевиков резко контрастирует с неспособностью их соперников. И эта политическая годность, что бы ни говорили противники большевиков, сказывается на политическом положении страны. В перспек-

¹² Устрялов Н.В. О верности себе // Национал-большевизм. М., 2003. С. 65.

¹³ Краус Т. Н.В. Устрялов и национал-большевизм // Россия XXI. 1995. № 11–12. С. 93.

¹⁴ Савицкий П.Н. «Еще раз о национал-большевизме». Письмо П. Струве // Политическая история русской эмиграции / Под ред. А.Ф. Кисилева. М., 1999. С. 242.

тиве свержения большевиков существование Единой России отнюдь не представляется обеспеченным. Поэтому в нынешних безмерно трудных обстоятельствах, считает Савицкий, лучшим выходом является сохранение годного политического аппарата большевиков, при изменении их экономической политики: «Изменение экономической политики большевизма – это условие жизни России; сохранение политического его аппарата – это условие силы страны»¹⁵. С точки зрения национал-большевизма, делает вывод Савицкий, – только на путях стихийного и свободного от внешних воздействий роста этой новой, народившейся при коммунистической власти, России.

Таким образом, в основе идейно-политического компромисса сменевеховства с Советской властью лежало вынужденное признание: государственный этатизм, целостность страны превыше идеологий и партий, и поскольку большевики охраняют эту целостность, значит, с их режимом придется мириться.

Сменевеховцы сумели дать глубокий, обстоятельный анализ причин поражения Белого движения. Реставрационизм белых генералов, оторванность от реалий российской жизни анти-большевистских партий, преступная политика сотрудничества с Антантой – вот что, по мнению сменевеховцев, привело Белое дело к полному краху. Другая заслуга сменевеховцев – их попытка выработать новую идеологию возрождения России, полившую название «национал-большевизм». Признав нэп «экономическим Брестом большевизма», они надеялись на постепенное перерождение Страны Советов в буржуазную республику, основанную на началах сильной и крепкой власти, государственно-частной экономики и на патриотизме. И, наконец, сменевеховство дало сильный импульс к возвращению в России эмигрантов.

Собственно, сменевеховство постоянно подразумевало возвращенчество. Не случайно Устрялов, Ключников, Бобрищев-Пушкин, В. Львов, Лежнев (после высылки из СССР в 1926 г.) вернулись в Советский Союз. Сменевеховцы желали претворять свои идеи именно в России, а не за границей, теоретизируя в эмигрантской прессе.

Предсказывая дальнейшее развитие политического процесса в России, Устрялов писал: «Будет много мимикрии. Будет много оппортунизма. Будет много тайных помесей, примесей, амальгам. Будет непременно не только революционная фраза, но и революционная **природа**. Лишь в ограниченном, условном смысле «смена отцов» может стать «сменою вех». Будет идеология, преемственно вытекающая из «ленинизма», пропитанная им, гордая им. Целый большой период **переваренной революции**»¹⁶.

Великому русскому мыслителю не суждено было увидеть, что результаты национально-государственнического перерождения революции были уничтожены в процессе жесткого политико-мировоззренческого противостояния Советского Союза и Запада, что повлекло за собой гибель советской империи и в настоящий момент выражается в целенаправленном морально-государственном разложении русской нации. Очевидно, что сегодня Устрялов, который выше всего ставил территориальную целостность великодержавной России, был бы на позициях истинного патриотизма, подразумевающего интеграцию в единое государство всего постсоветского пространства. Как никогда актуален для сегодняшнего дня предложенный Н. В. Устряловым «путь оздоровления», который видит в «развитии «подъемной силы народного духа» до уровня большого государственного стиля. Нужно народу подняться до государства, – иначе государству придется свертываться до реальных возможностей народа. Вероятнее всего, неизбежны параллельно оба эти процесса, причем и в том, и в другом руководящая роль выпадает, конечно, на долю государства, его целесообразной, направляющей и ответственной деятельности»¹⁷. Возможно, изучение национал-большевизма Н.В. Устрялова может дать благотворный импульс для усилий патриотической оппозиции по осмыслению произошедшей с нами катастрофы и поиску путей выхода из нее.

¹⁵ Савицкий П.Н. «Еще раз о национал-большевизме». Письмо П. Струве // Политическая история русской эмиграции / Под ред. А.Ф. Кисилева. М., 1999. С. 244.

¹⁶ Устрялов Н.В. (Из записной книжки 1926–1927 годов) // Национал-большевизм. М., 2003. С. 560.

¹⁷ Там же. С. 552.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИМПЕРИЯ»

С.В.Ткачев

Ткачев Сергей Викторович – кандидат политических наук, декан факультета социального управления Института социально-политических проблем управления Морского государственного университета им. Г.И. Невельского (Владивосток).

В статье в общих чертах даётся современное представление о понятии «империя» и предлагается её авторская трактовка. Автор даёт краткий анализ базисных компонентов империи, которыми, на его взгляд, являются универсальная идея и этническое «ядро». Такой подход позволяет переосмыслить генезис империи и её место в современной истории.

In this article the author briefly shows the contemporary concept of «empire» and proposes its own treatment of this term. The author gives the brief analysis of the basic empire's components, which, to his view, they are the universal idea and the ethnic «core». This approach is allowed to rethought the genesis of empire and its place in the modern history.

Тема империи достаточно свежа для научного дискурса. Хотя серьёзные работы, посвящённые изучению этого феномена, можно отнести к 80-м годам прошлого века, настоящий «взрыв» интереса к империи произошёл совсем недавно. Это внимание имеет множество оттенков: от привлечения данного термина в качестве коммерческого брэнда до разработки коллекции одежды Джоном Гальяно в стиле «ампир». Интерес к этому явлению всё больше находит своё отражение и в среде политиков, и в академических кругах. Не случайно, американский политолог Александр Мотыль говорит «Империя снова в моде», а Найл Фергюсон считает, что «Следует признать, что мир без империи не выдержал испытания».

Так в чём же причина этого интереса? Терри Мартин считает, что таких причин три: распад Советского Союза, массовая миграция из бывших колоний в бывшие метрополии и движение антиглобализма. Айван Эланд видит в увлечённости империей стремление к большей безопасности, которое обеспечивает статус метрополии. Даже такой апологет нации-государства, как Э. Геллнер, увидел в империи весьма актуальный способ решения межэтнических проблем.

Вероятно, одна из основных причин кроится в кризисе национального государства. Если в XX в. оно считалось безусловным фаворитом среди других типов современных политий и даже некой вершиной политической самоорганизации народов, то сейчас эти представления существенно переосмысляются. Это – результат нескольких общемировых тенденций: с одной стороны, процесса глобализации, а с другой – попытка отхода от концепции нации-государства собственно на её политической «родине» – в Европе. Соответственно и в других регионах мира уже началось подобное переосмысление. Базой для интеграционного процесса может выступить как идея культурной или конфессиональной общности, так и идея общности политической.

По сути, подобные процессы стремятся в своём развитии к империи.

И всё же, несмотря на значительный интерес к рассматриваемому явлению, исследователи до сих пор не только не пришли к чёткому пониманию феномена империи, но и не смогли её адекватно определить. Большинство дефиниций представляют собой перечисление различного объёма признаков, по которым империя отличается от других политий. Проблема заключается в том, что подобный список может быть сколь угодно длинным, а попасть под определение может практически любое государственное образование. Кроме того, такое понимание империи приводит к сильному крену в сторону структурализма, построению некой конструкции и в лучшем случае выяснению взаимоотношений между её элементами. Онтологическая же сущность при таком подходе остаётся невыясненной.

Другая особенность этого направления – стойкое отношение к империи как к явлению, доказавшему свою историческую несостоятельность. В качестве примера такого «фаталистического» взгляда на империю Р. Суни приводит высказывание А. Мотыля: «...закат империй представляется неизбежным... Империи существуют на базе внутренне противоречивых политических отношений, они самоуничтожаются и делают это особым, ни в коем случае не случайным, явно политическим путём»¹.

Данная точка зрения весьма авторитетна, поэтому она в несколько вульгаризированной форме часто трактуется в популярной литературе. Продемонстрируем примеры определений, которые можно отнести к данному направлению:

Ч. Тилли: «Империя – это большое составное государство, связанное с центральной властью непрямым (indirect) правлением. Централь-

¹ Суни Р. Империя как она есть... // Ab Imperio. № 1–2. 2000. С. 29.

ная власть осуществляет некий военный и фискальный контроль в каждой важной части своей имперской области, но допускает два важных элемента непрямого правления: 1) сохранение или учреждение особых соглашений для правительств каждой части; 2) осуществляет власть через посредников, которые обладают значительной автономией в пределах своих собственных областей в обмен на лояльность, выплату дани и военное сотрудничество с центром»².

М. Дойл: «Империя – это система взаимодействия между двумя политическими сущностями, одна из которых – доминирующая метрополия (действующая верховная власть), которая осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой другой – подвластной периферией»³.

Д. Ливен: «Империя – это, во-первых, очень крупная держава, оставившая след в международных отношениях своей эпохи.... Я также имею в виду государство, управляющее обширными территориями и многими народами, так как управление пространством и полиэтничностью – одна из вечных дилемм империй.... Для меня империя по определению – не демократия, не полития, управляемая с ясно выраженного согласия её народов (но это не значит автоматически, что империя нелегитимна или непопулярна в глазах большинства её подданных). Самые интересные и важные империи – это те, которые были связаны с великими религиями и высокоразвитой культурой, оставив, таким образом, след в истории мировой цивилизации. Указанные критерии чётко отделяют империю и от национального государства, и от просто мультиэтнической политии»⁴.

Надо отметить, что перечисленные признаки весьма расплывчаты; с определённой сноровкой под такие понятия империи можно включить обширнейший ряд политий, существовавших и существующих до сих пор. Упор на «господство» мало информативен – подобные отношения сплошь и рядом наблюдаются в мультиэтнических сообществах. Территория – категория субъективная, сильно зависящая от уровня развития средств и способов коммуникации в тот или иной исторический период. Ссылка на «высокоразвитую культуру» и «след в истории человечества» – вообще не критерий.

Форма правления также вряд ли может служить в этом качестве. На самом деле, вряд ли можно серьёзно утверждать, что Рим стал империей только с principatus Августа, когда можно говорить о начале «второй» римской монархии. А ведь до этого там существовали весьма развитые республиканские институты. Кроме того, во многом как империя проявляли себя Афины времён Делосской симмахии и Афинской архэ, а ведь это – своеобразный эталон прямой демократии. Скорее всего, именно форма правления является наиболее болезненным вопросом в определении империи в смысле политкорректности. Современные западные учёные в основной массе инстинктивно пытаются дать такое определение империи, которое однозначно исключало бы нынешние Соединённые Штаты из дискуссии. Хотя практически, это логически разрушает методологические конструкции, построенные на вышеперечисленных определениях. Реальность не вписывается в предложенные объяснения империи, вызывая разочарование учёных данной темой.

Кроме того, в некоторых империях эксплуатация населения ядра могла быть и сильнее, чем населения периферий, как было, например, в России – это было политически безопаснее. Кроме того, огромные империи скреплялись универсалистскими религиями и относительно открытым доступом в элиту представителей разных этнических и региональных общностей. Посредством этого ослаблялись различия между ядром и периферией.

Впрочем, существует мнение (А. Филиппов, С. Лурье, С. Каспэ и др.), что империю формирует некая универсальная идея, по своему формирующая пространство, которое приобретает свойство принципиальной безграничности. Идея может быть различной: от представлений о совершенстве некоего политического устройства или всеохватности божественного откровения до принципа всеобщего равенства.

Именно имперское сознание некоторые исследователи предполагают основным критерием империи.

С.В. Лурье: «Мне представляется, что сравнительный подход к империологии должен начинаться со сравнения комплекса религиозно-государственных идей (который можно назвать центральным принципом империи) лежащего в основании всех внешних и внутренних проявлений имперской практики и практически во всех

² Tilly C. How Empires End // Karen Barkey and Mark von Hagen (Eds.) After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Chicago: Boulder, Co. 1997. P. 3.

³ Doyle, M. Empires. N-Y: Ithaca. 1986. P. 12.

⁴ Lieven D. Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. L.: John Murray. 2000. P.14.

случаях сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм»⁵.

С. Каспэ так формулирует условия возникновения империи: «1) наличие в системе политической легитимации государства некоего указания на его абсолютное, универсальное значение; 2) присутствие в политической практике государства устойчивой тенденции к территориальному расширению; 3) отсутствие либо ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранение ими своих этнокультурных особенностей»⁶. Или другими словами: 1) абсолютизация власти через апелляцию к сакральному; 2) территориальная экспансия и 3) устойчивая полиэтничность.

По сути, идея как базовый компонент империи объясняет большие размеры империй, которые образуются в результате прозелитической экспансии. Однако в этом случае, принимая во внимание только безграничность универсальной мессианской идеи, империя превращается в «чёрную дыру», поглощающую всё вокруг. Несмотря на весьма обширную историю империй, вышеописанный сценарий никогда не воплощался в полной мере. Чтобы объяснить реальную ограниченность империи, С.Лурье была выдвинута концепция о гармоничной взаимосвязи универсализма и изоляционизма империи.

Первый подход к определению империи предполагает, что империя просто возникает при «распространении власти короля за пределы *regnum*, где *rex* уже выступает, как *imperator*»⁷, т.е. когда создаётся колониальная периферия. И только затем уже иногда создаёт (или приспосабливает к своим целям уже имеющуюся) некую универсальную идею, которая, с одной стороны, обеспечит включение новой подчинённой общности в структуру империи (на квази-равных правах), а с другой – обеспечит сохранность данного положения и его воспроизводство в последующих поколениях. То есть универсальная идея – это лишь средство для решения чисто ресурсных проблем империи. Изобретённое средство. Впрочем, такое положение вещей могло стать возможным не ранее XIX в. (например, концепция «бремени белого человека» на самом деле объясняла необходимость колониализма и импе-

риализма, правда, по большей части – не зависимым сообществам, а либерально настроенному населению самой метрополии). Ведь нельзя забывать, что идея только тогда может быть воспринята колониальным обществом, когда может быть понята. Другими словами, – только тогда, когда сообщество, включённое в империю, очень близко сообществу метрополии в культурном, социальном, политическом, языковом, наконец, и т. д. плане; либо тогда, когда оно планомерно подвергается «цивилизаторскому» давлению так долго, пока оно не усвоит ту картину мира, которая видна со стороны метрополии.

Принимая во внимание эти соображения, нужно сделать вывод в пользу идеократического представления империи. То есть именно имперская универсальная мессианская идея создаёт предпосылки для экспансии и тем самым для возникновения империи, а не наоборот.

Где и когда возникла эта идея, вряд ли можно сказать определённо. Возможно, какое-то влияние оказало учение о «переносе царств», которое было распространено в Древней Месопотамии⁸. Конечно, проследить преемственность этой идеи от Шумера до Рима весьма проблематично. В любом случае законченную форму эта доктрина приобрела в позднеримский период, приняв вид фикции существования «всемирной» Римской империи. Здесь мы имеем дело с так называемой теорией *translatio imperii* – воспроизведение империй в череде «эстафеты» претензий на всемирное господство.

Примат идеи империи перед какими-либо прагматическими соображениями имеет множество исторических доказательств. Так, например, имперская идея была привита России во второй половине XV в. и являлась следствием Флорентийской унии, падения Восточной Римской империи и разработанной идеологии, связывающей эти события с глубоким чувством религиозного одиночества и ответственности русских православных «за истинную веру перед Богом». Однако понадобилось без малого столетие, чтобы Москва решилась на фактически имперские действия – завоевание Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. «Иван Грозный принципиально изменил характер войн России со своими соседями. От войн за захват территорий он перешёл к войнам за полное уничтожение соседних

⁵ Лурье С.В. *Translatio Imperii* // Русский архипелаг <http://www.archipelag.ru/text/615.htm> [Дата обращения: 2.11.2003]

⁶ Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. № 5. 1997. С. 35.

⁷ Pocock J. States, Republics, and Empires: The American Founding in Early Modern Perspective // *Conceptual Change and Constitution*. Lawrence. 1988. Цит. по: Ильин М.В. Деспотия, Империя, Держава // Полис. № 2. 1994. С. 124.

⁸ Если какой-то город занимал ведущее место в политике региона, его правители опирались на мифологизированную идею о переносе или передаче власти от одного города к другому.

держав и их поглощение Московией»⁹. Война же с Новгородом, Речью Посполитой и в Ливонии, в данном контексте – лишь борьба за этническую территорию, «наследие отцов» и «округление» границ, свойственная национальным политиям. То есть Московия проявляла себя в двух ипостасях: национального государства и империи. Однако тенденция в сторону империи имеет явный приоритет. Россия становится истинной империей после Раскола и присоединения Левобережной Украины, происходивших практически одновременно. Первое событие демонстрировало окончательную победу более широкого понимания православия – внеэтнического («по греческому образцу») – над узконациональными религиозными представлениями («старый русский обряд»); а второе – приверженность России к артикуляции религиозно-мессианских дефиниций во внешних отношениях¹⁰. То есть видно, что возникновению Российской империи непосредственно предшествовало формулирование и закрепление определённой идеологии, достаточной для широкой политической реализации.

Христианская идея породила Восточную Римскую империю (с Россией в качестве реципиента) и Священную Римскую империю, перенявшую инсигнии у Каролингов (в системе координат нашей концепции государство Карла Великого являлось империей *post factum*: имперская титулатура была для франков политической самоцелью, попыткой повышения своего статуса как отражения реальной расстановки сил того времени в регионе; в этом отношении показательно такое явление, как «романское возрождение» – попытка воссоздания римской культуры, как ещё одной инсигнии, на франкской почве)¹¹.

Насколько широка же должна быть сама идея, способная создать империю? В случае, когда эта идея является порождением религиозной доктрины, исповедующей мессианство, – всё ясно: империя стремится заполнить собой весь мир. Но может ли империя быть создана нерелигиозными идеологиями?

Отчасти в противоборстве имперских нерелигиозных идей можно увидеть причины Пелло-

понесской войны. Здесь наблюдается столкновение двух идей государственного устройства, каждая из которых претендовала называться «идеальной», имела долгую историю своего развития и предполагала «доказательство своей идеальности» в успешной территориальной экспансии. Господство над Элладой при этом оправдывалось не как следствие каких-либо религиозных или этнических противоречий, а как борьба двух различных политических систем: олигархической и демократической. Возможно, это была первая война, в основании причин возникновения которой было различие политических систем, что вызывает в памяти удивительные аналогии с гораздо близким к нам временем¹².

Демонстрацией примата идеи над экономической составляющей экспансии может служить история Римской империей. Римская идея состояла из двух взаимодополняющих компонент – политической и религиозной, – и отсутствие любой из них привело бы к деградации всей системы. К первой относится относительно быстрый генезис гражданских прав, в центре которого лежал выдвинутый ещё Аристотелем тезис: «в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости»¹³. Но если Афинская архэ превратила этот принцип в банальный грабёж своих союзников, Рим предлагал более чем адекватный обмен за получаемые от новых сателлитов ресурсы – право на определённый уровень гражданства. Далее система начинала развиваться по принципу, несколько напоминающему «сетевой маркетинг».

Тем самым уровень гражданства по отношению к римскому повышается (италийское – латинское – римское), а экономическое бремя уменьшается. В проигрыше оказывается только новый сателлит. Далее схема повторяется, но с большим радиусом.

В этой связи истинными врагами Рима были общности, придерживающиеся собственной парадигмы развития: этруски, Карфаген, Парфа. Война с ними приобретала исключительно жестокий, тотальный характер, а в случае успеха побеждённые признавались бесполезными для развития «сети» агентами – дедитициями (бывшие враги римлян, сдавшихся на милость победителей и лишённые всяких прав).

⁹ Филошкин А. Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio*. № 4. 2001. С. 66.

¹⁰ Конечно, Украину вряд ли можно назвать колонией России. В некоторых отношениях (например, в культурном) она приблизительно была тем же для России, что Греция для Рима, но при гораздо большей этнической, религиозной и исторической близости.

¹¹ Ткачёв С.В. Атрибутика империи (теория трансляции на примере Франкской и Российской империи) // *Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ*, 2002. С. 94.

¹² См., например, Фукидид. История. Книга 1. // *Историки античности*. Т. 1. Древняя Греция. М.: Правда, 1989. С. 214–215; Аристотель. Афинская полития / Аристотель. М.: Мысль, 1997. С. 291, 293.

¹³ Аристотель. Политика // *Сочинения*. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 79.

Однако нельзя забывать и другую составляющую римской имперской идеи – религиозную. При внимательном рассмотрении можно заметить такую особенность – удивительную привязанность римлян к своему городу. Они столетиями ведут войны с соседями, как правило, успешные – но никогда не расширяют свою территорию. Рим остаётся Римом, завоёванные земли – именно и только завоёванными землями. По сути, наблюдается редкое по последовательности проявление психологии города-государства: Рим, практически до Флавиев, представлял собой замкнутую систему, совпадающую с самим городом и включённых в него граждан.

Римляне каким-то образом избежали соблазна построить обычную полиэтническую политику, основанную на захвате чужих земель. Им требовалась лишь лояльность и дань. Практически это похоже на требование поклонения Риму. Те, кто на это соглашался (а это подавляющее большинство), получали статус «друзей» и «союзников», а вместе с ним – лучшую в мире защиту, лучшую систему коммуникаций и, конечно, приобщение к общей Виктории. И при этом Рим практически не вмешивался в династическую, политическую жизнь новых провинций, не затрагивал их хозяйственного уклада и почти не касался местных обычаев, если это не мешало исполнению культа Вечного Города. Надо отметить, проблем с недостатком прозелитов у Рима не было.

Исключительная толерантность римлян позволила расцвести буйным цветом уже в самом Риме многочисленным верованиям и сектам (культ Осириса, Митры, иудаизм, христианство и разнообразные языческие практики; причём этому процессу отнюдь не мешало открытое политическое и даже многолетнее военное противостояние с народами – донорами этих верований). Рим превратился в сосредоточие всех культур, входящих в империю.

Упадок Рима лишь подтверждает высказывание С. Лурье об универсализме и изоляционизме империи. Ослабление политического изоляционизма и усиление культурного универсализма привели к следующему: постоянная варварская угроза, требовавшая усиления армии, плюс необходимость увеличения числа налогооблагаемого населения оказались непосредственной предпосылкой эдикта Каракаллы в 212 г., по которому жители империи приобрели полные права римского гражданина (за исключением дедитициев). То есть империя достигла минимума своего изоляционизма и максимума культурного универсализма. Следствием этого стала по-

теря Вечным Городом своего статуса как центра мироздания и «храма», вокруг которого собиралась империя. Инерция прежнего положения была так велика, что варварам потребовалось ещё два века, чтобы, наконец-то добраться до Капитолия. Но уравнивание в правах привело к появлению других имперских (а по сути, региональных) столиц.

Другим примером примата идеи в построении империи может служить Великая французская революция, которая породила мессианскую революционную идею, впрочем, быстро выродившуюся при Наполеоне в более узкую, но практически легче выполнимую и более выгодную идею консолидации Европы. Отчасти подобные же метаморфозы пережила в Советской России идея «пролетарского интернационализма» и «мировой революции», переродившись в концепцию «построения социализма в отдельно взятой стране».

Можно сказать, что по мере своего становления имперская идея как эсхатологическое воплощение принципа универсализма (и унилатерализма), получает своё доступное широким массам решение в виде имперской идеологии. Этот концепт, с одной стороны, вульгаризирует, упрощает имперскую идею до уровня действия, который реализуется в экспансии. С другой стороны, идеология включает в себя именно материальный компонент, некую «движущую силу», орудие, без которого идея осталась бы в области смутной абстракции и уделом размышлений оторванных от жизни интеллектуалов. Мир всегда был полон политических идей разной степени потенциала реализации, но далеко не все из них стали фундаментом империи. Почему? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к ещё одному базисному компоненту империи.

Для определения империи необходим компонент, описывающий носителя имперской идеи. Так как размах этой идеи чрезвычайно широк, то и искомая категория должна иметь соответствующий уровень. Понятно, что та или иная политическая парадигма на начальном этапе своего развития, в период возникновения и созревания, имеет достаточно узкую группу апологетов (религиозная община, интеллектуальная элита и т. п.). Порой этого уже достаточно, чтобы идея превратилась один из элементов политического дискурса. Однако идея империи предполагает намного более широкий охват, практически он должен включать в себя тотально всех членов общества (несогласных или тех, кто может быть

потенциально не согласен, имперское общество очень эффективно «вычищает» из себя¹⁴).

Лучше всего это положение демонстрирует не успешные, а неудавшиеся имперские проекты. Так, например, ситуация «кризиса охвата» имперской идеи показательна в истории с религиозным переворотом Эхнатона. Сегодня можно только представить тот огромный потенциал, который содержала в себе идея монотеизма в условиях абсолютного господства многобожия. Но при этом нельзя забывать ещё одну существенную деталь: Аменхотеп IV в результате проведённых им реформ превращался в самого могущественного¹⁵ человека, когда-либо жившего на Земле: по разработанной концепции он являлся земным воплощением единственного бога – Атона, и соответственно им самим. Эта идея должна была игнорировать этнические границы, так как самоидентификация этносов того времени по большей части базировалась на вере в свой собственный пантеон. То есть эта идея, рассматриваемая историками как обычная форма проявления борьбы за власть в Древнем Египте, могла стать первой попыткой создания настоящей империи. Однако она не была поддержана в первую очередь народом, который в связи с господствующим культом загробной жизни практически и жил ради смерти, и замысловатое поклонение солнечному диску оказалось не понято и не востребовано. Нововведения также саботировались жрецами, терявшими в этой ситуации всё. Элита оказалась разделённой, во внешней политике успешных акций не произошло, и культ Атона был свергнут. То есть общество должно быть предельно объединено в стремлении принять имперскую идею. В противном случае такие попытки заканчиваются крахом и остаются в памяти потомков только как несбывшаяся утопия.

Впрочем, для успешного развития империи нужна не только внутренняя легитимность. Расширяясь (а здесь в первую очередь понимается

идейная экспансия, а не территориальная), она находит среди других этносов принципиальную поддержку тех или иных социальных групп, которых можно было бы определить как «авторитарное большинство». Но о тотальности здесь уже не может идти речь – в границах других (неимперских) этносов, всегда остаётся место для другой идейной парадигмы (прежде всего, своей собственной этнополитической, культурологической). Кроме того, экспансия как факт характеризует не зарождение империи, а её рост, хотя интереснее выявить империю в изначальном состоянии. В этом, наиболее чистом виде, для определения империи необходимо и (что наиболее важно) достаточно только два элемента – идея и некое «ядро», способное воплотить эту идею в жизнь.

Из приводимых выше определений видно, что этническому основанию империи исследователями уделено минимум внимания. Отчасти это связано именно с ситуативным характером описания изучаемой нами категории, т. е., по сути, следствиями этого явления, а не определения причин. При такой постановке вопроса этнос, воспринявший имперскую идею, как принцип политической практики, выпадает из поля зрения; остаётся только эксплуатация некоторой общностью некоторого полиэтнического пространства.

Множество исторических примеров показывает, что этнос зачастую принимает имперообразующую идею, которая была создана вне пределов этого самого этноса. То есть необходимо признать, что эти элементы не находятся в непосредственной зависимости друг от друга. В противном случае империя не могла бы существовать, как в идеале бесконечно расширяющаяся, этнически толерантная открытая система. Связь между имперской идеей и имперским этносом более тонкая, генетическая.

В то же время существует ещё одна причина, почему этнический аспект в определении империи избегается исследователями. Причина эта кроется опять же в области политкорректности. Основным субъектом современной политики является национальное государство. Существующая система основана на признании права наций на самоопределение, исходящее из принципа равенства всех наций. В этой ситуации даже вполне закономерная постановка вопроса о том, почему некоторые этносы смогли создать свою империю, а другие нет, может вызвать определённые обвинения. С другой стороны, игнорирование этого вопроса приводит к распространению популистского объяснения феномена империи, когда за имперообразующим этносом признаётся

¹⁴ Вероятно, наиболее раннее проявление подобной практики можно наблюдать в период реформ Солона. По словам Аристотеля: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно них особый закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предаётся бесчестию и лишается гражданских прав». Аристотель. «Политика. Афинская политика». М.: Мысль, 1997. С. 277. Однако в наиболее чистом виде подобное явление возникает вместе с введением ostracism.

¹⁵ Конечно, здесь имеется в виду не то практическое могущество, которым обладают, например, главы современных ядерных держав: их могущество – это только вера в возможность уничтожить всё. Говоря образно, можно сказать, что могущество Эхнатона заключалось не только в вере, что он способен уничтожить всё, но и в вере, что он может всё создать.

одна (весьма сомнительная) отличительная особенность – большая численность.

Действительно, существует множество предпосылок и причин, делающих обычный конкретный этнос носителем имперской идеи. Однако в каждом случае большинство из них не будет пересекаться, и выделить эти факторы, опираясь на количественные и качественные критерии, весьма затруднительно. Впрочем, если обратиться к идее империи как основополагающему критерию, то можно выдвинуть такую рабочую гипотезу: самосознание, мифологемы, история, политический опыт этноса должны гармонизировать и каким-то образом соотноситься с постулатами имперской идеи. При этом последняя должна иметь возможность настолько органичного и глубокого вплетения в первые, что в последующем различия между имперским периодом истории этноса и доимперским становятся неразличимы.

Этот подход позволяет выделить следующие характеристики потенциально имперского этноса.

1. Идея империи носит всеобщий, вселенский характер, игнорирующий этнические границы. Следовательно, принципиальной характеристикой этноса, который может принять имперскую идею в качестве схемы своего будущего развития, должно быть, с одной стороны, пренебрежение к этническим границам соседей, а с другой – отсутствие (или, скорее, минимальное распространение) собственно этнической нетерпимости. Такая ситуация возможна в условиях, когда этнос: а) находится в затяжной стадии своего становления; б) осуществляет долговременную успешную военную практику; в) имеет в прошлом имперский опыт.

2. Идея империи является мощным поляризующим фактором. Она жёстко делит мир на своих приверженцев и «варваров» и подразумевает (и провоцирует) борьбу между парадигмами, а не народами. Это, в свою очередь, требует от этноса, потенциального реципиента имперской идеи, наличия большого исторического опыта (прежде всего религиозного и политического). Это условие достигает своего максимального значения тогда, когда этнос географически расположен в наиболее открытой для чужого влияния системе (близость крупных водоёмов, отсутствие крупного рельефа в качестве защиты и т. п.). Всё это провоцирует: а) миграции самого этноса и/или б) прохождение через его территории иноэтничных миграционных потоков (в виде войны на полное уничтожение). В частности развитый этнический опыт, закреплённый в виде мифологем, позволяет имперской идее возможность выбора из них той, которая будет наиболее полно отвечать её потребностям.

Этнос, принявший имперскую идею, под-

вергается глубокой трансформации. Прежде всего, в новом имперском ключе перерабатывается его история. Как уже отмечалось выше, из предлагаемых этносом мифологем выбирается та, что наиболее отвечает имперской парадигме, и этнос получает свою новую историю, в которой он изначально уже представлен имперским. В дальнейшем титульный этнос вообще отчасти перестаёт быть этносом. Дело в том, что имперская идея предполагает не просто толерантное отношение к другим этносам, – она в целом пренебрегает этническим, и это преимущественно бьёт по титульному этносу. Происходящие в нём изменения хорошо демонстрируются изменением отношения к собственной гибели.

Обычный этнос очень чувствителен к аргументам, затрагивающим его существование. Патриотические, националистические лозунги, дозированная информация о проявлениях этнической нетерпимости, культивирование этнической исключительности, односторонняя подача исторических фактов, трактуемых, как совершённая в прошлом этническая несправедливость и т. д. и т. п. – всё это инструментарий, которым с успехом пользуется власть в современном мире. И не удивительно, ведь это вопросы не просто выживания отдельной личности, а выживание всего, что её окружает – близких, своей памяти, своего прошлого и будущего, дезинтеграция всех связей, т. е. – *ВСЕГО*; для этноса и его представителей – это *ПОЛНАЯ* гибель. Даже несмотря на то, что люди, прежде входившие в погибший этнос, могут и остаться в живых, и даже передать свои гены другому этносу. Гибель этноса – катастрофа вселенского масштаба, вне зависимости от величин этого этноса. Однако имперская идея невероятно снижает уровень инстинкта самосохранения у своего титульного этноса настолько, что ради этой идеи он может погибнуть.

В контексте рассматриваемой проблемы термин «этнос» не отражает всю полноту своего участия в процессе возникновения и формирования империи. Имперообразующий этнос имеет ряд отличий от обычного этноса. Например, он более склонен к экзогамии, чем к эндогамии; он в гораздо большей степени, чем обычный этнос, включён в социально-политическую структуру создаваемого им общества, образуя своеобразный синтез этнического и социального. Возможно, близким термином, описывающим имперообразующий этнос, будет предложенный Ю.В. Бромлеем термин «этносоциаль-

ный организм»¹⁶.

Это имперообразующее сообщество, как правило, тяготеет к демонстрации себя в качестве нации (в смысле согражданства). Но именно его «имперскость» – открытость вовне как выражение универсальности имперской идеи – не позволяет ему завершиться в полноценную нацию, закрытую и самодостаточную. С отказом от имперской универсальной идеи имперообразующий этнос превращается в нацию. Для большинства империй, когда-либо существовавших в мире, этнический вопрос всегда был очень важен, несмотря (а, может быть, благодаря этому) на принципиальную этническую толерантность – на периферии империя провоцирует появление и развитие этнического самосознания, самоидентификации на основе различия с другими этносами периферии, а также с этносом ядра. Эти периферийные этносы, далёкие от признания имперского универсализма в качестве первоосновы своего существования, но имеющие опыт государственной жизни, в случае распада связей с метрополией в первую очередь имеют возможность превратиться в нацию. Имперское же ядро, даже плодя нации на своих окраинах, вновь и вновь обращаясь к этническому фактору своего существования, но, оставаясь империей, в нацию не превращается. Можно говорить лишь о квазинациональном ядре империи.

Кроме того, можно предположить, что ядром империи может выступать не только некое этническое сообщество. Да, этнический аргумент наиболее удобен для воплощения империи, в первую очередь, благодаря доступности в понимании для общества, а также – локальной завершённости. Однако таким аргументом может выступить и, например, некая социальная общность. В этом ракурсе совсем по-особому начинает звучать призыв К. Маркса «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!». Это выглядит как попытка создания империи на основе алокального ядра, состоящего из рассеянного по миру класса промышленных рабочих. Эта попытка имела и исторический прецедент – первые годы советской власти в России до поражения в войне с Польшей и угасания революций в Германии и Венгрии, что привело к кардинальному пересмотру всей концепции этой «империи рабочих».

Характерно, что по этому же принципу устроена виртуальная «Империя» М. Хардта и А. Негри. У них в качестве ядра выступает алокальный «капитал» – некое сообщество трансна-

циональных предпринимателей. Можно предположить, что в качестве имперского ядра способен выступить и какой-нибудь другой аргумент, например, конфессиональный и т. д.

Исходя из всего вышесказанного, можно дать определение империи:

империя – это особая форма организации политического пространства, системообразующим признаком которой является универсальная мессианская идея, а главной движущей силой – некое этнически, либо социально ориентированное «ядро», принимающее эту идею в качестве безусловной тотальной парадигмы своего развития и проецирующее её на весь окружающий мир.

Очевидно, что это определение фиксирует достаточно ограниченный круг политий, и в него не входят некоторые образования, традиционно называемые империями. Здесь исключаются так называемые «кочевые империи» (Чингизидов, Великих Моголов, Тамерлана и т. д.), как образования, не объединённые универсальной мессианской идеей. По сути, – это лишь отражение перераспределения военной силы во власть, политики банального набега, успех которого зависел напрямую от способности захватчиков кооптировать себя в политическую структуру захваченных государств. В этом же ряду находится и так называемая «империя Александра Македонского».

Исключаются также большая часть «колониальных империй» XIX–XX вв., возникновению которых мы обязаны прежде всего не идее и даже не экономическим преимуществам, а соображениям престижа. В означенный период владение заморскими колониями оценивалось европейскими государствами как заявка на принадлежность к узкому кругу великих держав – империй. Ради этого можно было пойти даже на огромные, несопоставимые с выгодами, материальные затраты. В этом плане показательна совершенно убыточная с экономической точки зрения борьба европейских стран за африканские колонии. Но это – отнюдь не распространение имперской идеи, а лишь стремление называться «империей».

Данное выше определение в отличие от так называемых атрибутивных позволяет не просто разворачивать дискуссии по поводу правомерности включения (или невключения) тех или иных политических образований в список империй. Оно позволяет увидеть империю, когда она находится в «зародышевом» состоянии. В настоящее время этот вопрос имеет очень большой практический интерес.

¹⁶ Авилова И.К. Словарь основных этнографических (этнологических) понятий и терминов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 151–153.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

И.П. Безотецкая

Безотецкая Ирина Петровна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института Тихоокеанского государственного университета.

Механизм административно-правового управления в каждой стране индивидуализируется под влиянием особенностей ее политического, экономического и социального развития и основывается на исторически сложившихся институтах государства и гражданского общества. Выявлены элементы, составляющие институциональную основу управления, и определено их влияние на формирование механизма административно-правового управления. В качестве примера рассматривается регулирование экспорта лесных ресурсов в условиях проведения административной реформы, сопровождающейся структурными преобразованиями в системе органов государственной власти России.

The mechanism of administrative-legal management is individual and depends upon the number of factors and phenomena. There were discovered the elements, which are the institutional ground of management and there were determined their influence on the forming of mechanism of administrative-legal management.

Процесс реализации функций государства в конкретной сфере общественных отношений облекается в особые организационные, правовые, наконец, психоэмоциональные формы и методы. Такое действенное влияние государства на общественные процессы во всех сферах деятельности определяют как государственное управление. По признанию русских ученых-административистов, формирование и развитие теории государственного управления в России происходило под непосредственным влиянием западно-европейской науки административного права. Сформулированные, еще в 1895 г. немецким ученым О. Майером положения о государственном управлении как о «деятельности государства по осуществлению своих целей в рамках установленного правопорядка»¹, не потеряли актуальности и сегодня. Получив дальнейшее развитие в отечественной науке административного права, на данный момент в научной и учебной литературе, во взглядах ученых наметилось широкое и узкое толкование данного понятия². Но в любой концепции отправной точкой выявления сущности государственного управления служит трактовка самого термина «управление». Общеизвестны в этой области труды профессора Г.В. Атаманчук³, из научных разработок которого следует: управление представляет собой целеполагающее, организующее, регулирующее воздействие людей на собственную, общественную, коллективную и групповую

жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения и т. д.). В дальнейшем каждый исследователь, автор выделяет в категории «государственное управление» свои особые моменты и элементы, штрихи и грани. В любом случае назначение управления видится – в воздействии на ход процессов в исследуемой сфере в желательном для субъекта управления русле. Некоторые ученые обращаются к системности управления и определяют управление как – «процесс воздействия на систему для перевода ее из одного состояния в другое или для поддержания ее в установленном режиме»⁴. Целью в данном случае будет являться гибкая организация управления, обеспечивающая с одной стороны устойчивость функционирования определенной системы (сферы деятельности) и своего рода непрерывность, с другой – ее динамичное развитие (эволюцию) за счет необходимых внутренних преобразований, изменения внутренней организации системы в зависимости от воздействия внешних факторов. Данное положение не противоречит позиции немецкого юриста Н. Лумана, одного из представителей системного подхода в юриспруденции. «Юридическая система сама в состоянии приспособиться к событиям своего окружения, а также изменить его в значимом для себя плане. Система находит свою важнейшую ориентацию не в определенных состояниях самой себя или окружающего мира, а в своей соотнесенности с меняющимся окружением»⁵. Тождественность

¹ Галлиган Д. Административное право: история развития и основные современные концепции. М.: Юрист, 2002. С. 26.

² См. например: Габричидзе Б.Н. Административное право. М.: ТК Велби, 2003. С. 11–15.; Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Юрист, 1998. С. 36–38.

³ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. С. 132–135.

⁴ Основы управления в органах внутренних дел / Отв. ред. Н.Ф. Григорьев. Краснодар: Краснодарский юр. ин-т МВД России, 2000. С. 5.

⁵ Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997. С. 52.

принципов управления в социальных системах с управлением во всех системных образованиях объективного мира признается и некоторыми учеными-административистами, в частности Коренев А.П. в своем труде указывает: «Понятие “система”, в том смысле, как его сейчас понимают, связывается наукой управления с развитием философии и возникновением кибернетики – “...науки о наиболее общих закономерностях управления системами любой природы и сложности”». ⁶ В настоящее время, в наиболее общем виде под системой понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность и единство, создающее новые интегративные связи.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что всякая система управления находится под воздействием двух противоположных тенденций: к сохранению и упорядочению ее организации, обеспечиваемой целенаправленными действиями субъекта управления, и к дезорганизации, обусловленной как внешними воздействиями на систему управления, так и недостатками в ее собственной деятельности. Следовательно, для обеспечения устойчивости, внутреннего динамизма, развития и возможного перехода системы в качественно новое состояние необходимо наличие механизма управления конкретной сферы деятельности, призванного организовывать взаимодействие, необходимые преобразования и функционирование всех элементов системы. Как отмечает Р.Р. Алиуллов: «Многоаспектность феномена управления обуславливает существование различных теорий механизма управления, среди которых некоторые авторы выделяют психологический, социальный, правовой, организационный и структурно-функциональный механизм» ⁷.

Применительно к сфере государственного регулирования общественных отношений, категория «механизм управления» приобретает выраженную правовую направленность, позволяющую понять, «как происходит трансформация требований норм права, правовых установлений в правомерное поведение субъектов, из каких стадий состоит этот процесс, на каких именно этапах происходят сбои, возникают препятствия для реализации права и как можно устранить эти препятствия». ⁸ Увлечение проблематикой механизма правового ре-

гулирования получило широкое распространение, как в общей теории права ⁹, так и в отраслевом правоведении. В отечественной юридической науке к теме «механизм правового регулирования» проявляется повышенный интерес, начиная с 60-х гг. Наиболее значимой для исследования стала работа проф. С.С. Алексеева, где ученый определяет «механизм правового регулирования» – как главное, решающее выражение правовой действительности, результативное нормативно-организованное воздействие на общественные отношения при помощи правовых средств. ¹⁰ Категория «механизм правового регулирования» емка и многогранна, поэтому со стороны ученых возможны разные подходы, как к ее трактовке, так и к определению структурных элементов в ее составе. Так, например, Р.Р. Алиуллов условно группирует точки зрения ученых о сущности механизма управления на три блока. Для ученых-административистов ¹¹ наиболее типичен механистический подход, подразумевающий обязательное наличие конкретного набора элементов «механизма», включающий систему государственного управления в отрасли, а также набор административно-правовых регуляторов и другие элементы. Подчеркивая правоприменительный характер механизма управления, Тихомиров Ю.А., например, определяет его назначение «... в отражении взаимодействия разных элементов управления, имеющее характер устойчивых зависимостей и причинно-следственных связей».

Принимая во внимание взгляды ученых, придерживающихся позиции механицизма, и следуя буквальному толкованию исходной категории «механизм», (так, Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. под «механизмом» понимают: 1) внутреннее устройство, система звеньев, определяющая порядок какого-нибудь вида деятельности; 2) последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие ¹²), можно смоделировать систему управления в любой сфере деятельности.

⁹ См. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юристъ, 2001, С. 149–151; Теория государства и права : курс лекций / Под ред. А.В. Малько и Н.М. Матузова. М.: 2000. С. 124; Теория государства и права / Отв. ред. В.К. Бабаев. М.: 2002. С. 154.

¹⁰ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М.: Мысль, 1967. С. 137.

¹¹ Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учеб. М.: ЗЕР-ЦАЛО, 1998, С. 400; Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М.: 1998, С. 482.

¹² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 348.

⁶ Основы управления в органах внутренних дел / Отв. ред. А.П. Коренев. М.: Московская академия МВД России, 2000. С. 89.

⁷ Алиуллов Р.Р. Проблемы механизма государственного управления // Государство и право. 2005. № 3. С. 97–102.

⁸ Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2002. С. 315.

В этой связи *административно-правовой механизм управления* представляет собой совокупность элементов управления, определяющих последовательный процесс реализации требований норм права, правовых установлений в исследуемой сфере общественных отношений. Назначение административно-правового механизма – организационное и правовое обеспечение деятельности в условиях изменяющихся внешних и внутренних факторов. Это выражается как в прямом воздействии на субъекты рассматриваемых правоотношений, так и в организации необходимого взаимодействия и поддержании взаимосвязей между различными элементами и уровнями. Решающее значение в этом случае отводится тому набору юридического инструментария посредством, которого осуществляется упорядоченность и сохранение системы, нивелируются внешние и внутренние возмущения. Однако не следует забывать, что категорию «механизм правового регулирования» мы рассматриваем лишь как аналогию некоему агрегату, и прямой буквальный перенос способов и инструментария усовершенствования механистической системы в сферу правового регулирования недопустим. Подобной позиции придерживается Р.Р. Алиуллов, обращая внимание на то, что в широком, философском смысле понятие «механизм управления» прежде всего относится к социальной сфере, указывает на необоснованность «использования методологических приемов исследования социальных объектов по аналогии с техническими». Как справедливо отмечает В.В. Лапаева: «Создавалось впечатление, будто повсюду господствуют и действуют правовые нормы, которые реализуются с помощью правовых механизмов, и что для дальнейшего повышения эффективности законодательства надо лишь отладить и усовершенствовать эти механизмы».¹³ Главным фактором неэффективности принимаемого законодательства является не столько отсутствие механизмов его реализации, сколько несовершенство содержания законов, их неспособность быть инструментом согласования различных интересов общества, пренебрежение объективно действующим законам управления общественными системами. «Взятая сама по себе, вне соотносительности с общественной средой, юридическая система не может гарантировать удовлетворение потребностей общества».¹⁴ Совершенно очевидно, что решающее значение имеют не только сами

элементы механизма управления, но и ряд обстоятельств, непосредственно влияющих на формирование и функционирование механизма управления, обеспечивая интеграцию выбранной концепции административного управления с «общественной средой». В этом аспекте представляется целесообразным исследовать состав указанных обстоятельств, предварительно обозначив их как – «институциональные основы управления».

Своим происхождением данная категория обязана терминам «институция» (от лат. *institutio* – наставление, обычай, порядок, принятый в обществе) и «институт» – термин, форма которого используется для обозначения каких-либо органов или учреждений¹⁵. «Основы» же представляют собой: 1) источник, главное, на чем строится что-нибудь, что является сущностью чего-либо; 2) исходные положения¹⁶.

Российская юридическая наука не дает точного определения институциональных основ управления, и, как правило, под ними подразумевает систему органов государственной власти, уполномоченных осуществлять регулирование общественными отношениями в рассматриваемой сфере. В этом случае можно говорить о понимании исследуемой категории в узком смысле. Однако уже сам термин «институт» предполагает более широкую трактовку. Наука государственного права рассматривает «институт» – как идею дела или предприятия, осуществляемую посредством придаваемых ей органов и длящуюся юридически в социальной среде (М. Ориу); продолжительно существующее единство идей и людей (Ж. Ренар); предприятие, состоящее на службе идеи (Ж. Бюрдо); юридический порядок (С. Романо).¹⁷ Современной общественной наукой институт понимается как система взаимозависимых формальных правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет пространство выбора и рамки, пределы человеческой деятельности.¹⁸ Это означает, что понятие института не редуцируется к его составляющим, а является целостным, и как признает С.Г. Кирдина: «Институты – это исторически устойчивые способы взаимодействия людей между

¹³ Лапаева В.В. Социология права / Под ред. проф. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. С. 167.

¹⁴ Посконина, О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: 1997. С. 73.

¹⁵ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. О.Е. Кутафина. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 324.

¹⁶ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 483.

¹⁷ Политическая энциклопедия. Т. 1 / Под ред. Г.Ю. Семигина. М.: Изд-во Мысль, 1999. С. 443.

¹⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. С. 147–149.

собой в обществе, обеспечивающие выживание обществ, их целостность, а также непрерывность хозяйственной и политической деятельности субъектов»¹⁹.

В сфере административного права ряд ученых Д. Галлиган, В. В. Полянским, Ю. Н. Стариковым обращается внимание на некоторые закономерности формирования институтов управления: «Административные институты ведут свою жизнь и вырабатывают свой стиль в зависимости от различных влияний, отношений с внешними институтами и оказываемого на них давления»²⁰. Еще в XVIII в. французским мыслителем Ш. Л. Монтескье в произведении «О духе законов» выявлена зависимость институционализации основных принципов и методов государственного управления от комплекса факторов и явлений. Под выражением «дух законов» он подразумевал совокупность всех тех социальных, экономических, политических, исторических, географических, этнических факторов, которые влияют на процесс законодательства и определяют природу и принцип государственного устройства у разных народов и в различные эпохи их социально-исторического развития. Отечественная юридическая наука не дает исчерпывающего анализа всех особенностей и закономерностей формирования механизма управления в конкретно определенном обществе. Незначительно затрагивая эту тему, представители отдельных отраслей права, обращаются лишь к психо-эмоциональной сфере влияния, выделяя такое сравнительно новое понятие, как «национальный правовой менталитет»²¹. Ученые-административисты признают воздействие «особенностей социально-культурной сферы на стиль управления, на поведение людей в сфере управления, отмечается влияние специфики национальной психологии и культуры на уровень организации и эффективность управления»²². К явлениям и процессам, оказывающим существенное влияние на механизм управления, Р. Р. Алиуллов, например, относит управленческий процесс и управленческую культуру, но определяет их в качестве общего фона, среды функционирования. Б. М. Лазарев, а впоследствии и Б. Н. Габричидзе, используя термин «институция»

применительно к системе государственной власти отмечают, что государственный орган – одна из разновидностей социального института, призванный представлять вовне публичные интересы и общественные потребности социальных групп²³. Тем самым авторы подчеркивают условность применения формулировки «государственная институция» только в отношении органов государственной власти и признают устанавливающее воздействие общественных институтов на сферу государственного управления. Однако в целом следует согласиться с мнением Д. Галлигана о недостаточном уровне разработки данного вопроса в теории административного права: «То, как эти внешние факторы влияют на административную организацию – вопрос, которым исследователи только начинают заниматься».

Не претендуя на полноту охвата явления и бесспорность формулировки, под *институциональными основами* управления признаем – комплекс факторов и явлений, отражающие закономерности развития и функционирования общества и опосредующие правовое и организационное закрепление модели государственного управления, структуру органов государственной власти и методы регулирования общественных отношений.

Руководствуясь принципами системного подхода в исследовании административно-правового механизма управления общественными отношениями, предлагаем следующие составляющие его институциональную основу элементы. Необходимо заметить, предложенные положения не разделяются, искусственно не дифференцируются, а предлагаются в консолидированном варианте.

1. Целенаправленность управления как фактор, определяющий общую концепцию механизма административно правового управления.

Для наглядности целесообразно обратиться к конкретной области регулирования общественных отношений, предполагающей многоаспектный характер определяемой цели. В качестве примера рассмотрим экспорт лесных ресурсов. В лесном экспорте совмещаются сферы влияния государственного управления лесного хозяйства, внешнеэкономической деятельности и корпоративных частных производственных структур. Управление в этом случае должно исходить из интересов субъектов регулирования, которые не совпадают и даже могут быть противоречивыми. Мотивация принятия законотворческих решений

¹⁹ Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц и развитие России. Новосибирск : Наука, 2001. С. 36.

²⁰ Галлиган Д. Административное право: история развития и основные современные концепции. М. : Юрист, 2002. С. 162.

²¹ См. например: Морозова Л.А. Теория государства и права. М. : Юрист, 2002. С. 301.

²² См. например: Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998, С. 501–502.

²³ Габричидзе Б.Н. Административное право. М. : ТК Велби, 2003. С. 45.

и их практическая реализация в рассматриваемой сфере обусловлена рядом условий как внешнего, так и внутреннего порядка. «Законодатель, стремящийся решить ту или иную проблему, находится в эпицентре столкновения различных социальных притязаний и испытывает влияние со стороны многочисленных групп интересов. При этом следует исходить из того, что в современный период главным объектом интересов является перераспределение власти и собственности».²⁴ Приведенное утверждение, некоторым образом объясняет появление наиболее спорных положений проекта Лесного кодекса РФ, допускающие приход частных лесовладельцев. Вариант совмещения лесовладельца и лесопользователя, а следовательно, и экспортера лесных ресурсов в одном лице имеет как многочисленных сторонников, так и немалое число противников. В принципе конфликтность неизбежна и принятое компромиссное решение может быть пригодно только в определенном диапазоне сохраняющихся социально-эколого-экономических условий. Отметим, что все происходящие изменения структуры и принципов управления связаны в большей степени с изменением политико-экономического строения общественного производства в стране и регионах, в меньшей степени они отразили изменения целей управления в сфере лесопользования и экспорта лесных ресурсов. Где главной идеей, безусловно, является нахождение сложнейшего баланса между: а) необходимостью текущего использования лесных ресурсов и сохранения их для будущих поколений; б) обеспечением экономической эффективности и диверсификации экспортных операций; в) получением дохода в бюджет и доходностью деятельности экспортера; г) использованием лесных ресурсов и их воспроизводством.

Внутренняя конфликтность несовпадающих интересов субъектов правоотношений должна разрешаться путем выделения общепользовательных аспектов их деятельности, внутреннего согласования и консолидирования этих положительных моментов в рамках выработанной государством единой цели. Именно выбранная цель должна отражать исторические традиции и системы ценностей, сложившиеся в государстве за определенный период времени, а стратегия и тактика реализации цели в исследуемой сфере общественных отношений – быть, внутренне органичны социальной среде.

Государственное управление всегда должно оставаться целенаправленным. Цели лесного экспорта указывают, что хочет получить государство и регионы, определяем их как стратегические. А цели управления лесным комплексом определяются тем, как этого достичь и являются тактическими. В «Основных направлениях развития лесного комплекса Хабаровского края на среднесрочную и долгосрочную перспективу» и «Основных направлениях внешнеэкономической политики администрации Хабаровского края на 2001–2005 гг.»²⁵ указана стратегическая цель лесного экспорта: «Разработка концепции лесоэкспортной политики и программы лесного экспорта края на период до 2010 г., направленной на увеличение объемов и расширение ассортимента экспортируемых товаров и услуг при соблюдении принципов многоцелевого неистощительного лесопользования». Узкая цель достижения максимальной прибыльности экспортных операций от доходной в данный момент части ресурса заменена более широким набором целей. В этом случае оптимальным результатом внешнеэкономической деятельности лесного комплекса является высокая экономическая эффективность экспортных операций, за счет повышения качества и степени обработки лесных ресурсов при одновременном сохранении устойчивости лесоресурсного потенциала, окружающей природной среды и биоразнообразия.

Цель регулирования лесным экспортом в этом случае становится двухэтапной: 1) переход от текущего состояния к принципам экологически ответственной торговли лесными ресурсами, которые в наибольшей степени соответствуют целям устойчивого развития; 2) поддержание достигнутого оптимального состояния в динамическом равновесии. При этом следует учитывать: а) оптимум ограничен определенными рамками, ибо существенное нарушение продуктивной способности лесоресурсного потенциала не допускается; б) оптимум подвижен и его положение изменяется как в связи с динамикой потребностей общества и мирового рынка, так и в связи с природными и антропогенными изменениями производственной базы лесного комплекса. Адаптация необходима для максимального учета природных условий, а также как приспособление к реальным экономическим условиям и социаль-

²⁴ Лапаева, В.В Социология права / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца М.: Норма, 2004. С. 257.

²⁵ Об основных направлениях внешнеэкономической политики администрации Хабаровского края на 2001–2005 гг.: Постановление Главы Администрации Хабаровского края от 24 мая 2001 г. № 207.

ным целям общества преимущественно стратегическим и лишь во вторую очередь – тактическим. Тактические цели реализуются посредством проведения таможенно-тарифного регулирования и других мер экономического и административного воздействия на экспортную деятельность.

Провозглашенные цели лесного экспорта соответствуют поддержанной в России идее «устойчивости развития» и интегрируются с предложенной концепцией лесной политики Хабаровского края перехода к устойчивому лесопользованию и устойчивому лесопользованию.

2. Объективность. Соотнесение исторически сложившихся традиций административного управления с объективными закономерностями развития общества, связанное с изменениями его политических и социально-экономических условий.

Содержанием принципа объективности является изучение закономерностей общественного развития, определение путей и способов использования законов общества субъектом управления с целью построения эффективной модели механизма административно-правового управления. Не случайно ряд ученых²⁶ как зарубежных, так и отечественных выявляют зависимость концепции государственного управления от системы институтов конкретного общества, образующих его своеобразную «институциональную матрицу». Так, С.Г. Кирдина выделяет два типа институциональных матриц: восточную институциональную матрицу с унитарно-централизованной государственной системой и западную – с развитыми институтами рынка и федеративной системой государственного устройства.

Объективно институты государственного управления России воспроизводят восточную институциональную матрицу. Подтверждением преемственности основных институтов и концепций административно-правового управления в условиях современной России служит начатая в марте 2004 г. административная реформа, представляющая собой масштабную и сложнейшую реструктуризацию системы государственного управления. Лейтмотивом проведения преобразований является построение и укрепление

вертикали власти. Ключевые положения административной реформы предполагают опору на базовые институты государства и, безусловно, направлены на централизацию управления. Вместе с тем предшествующий опыт реформирования данной сферы общественных отношений указывает на недопустимость слепого копирования и привнесения извне чужеродных институтов, равно как и игнорирования, необходимости проведения внутренних преобразований. Принадлежность государства к той или иной институциональной среде не означает полный отказ от институтов альтернативной среды, она лишь задает рамки функционирования альтернативных, дополнительных институтов. Тем самым допускается развитие дополнительных институтов гражданского общества и их сознательная, последовательная интеграция в правовое пространство базовой институциональной среды. Дисбаланс, а возможно, и конфронтация базовых институтов, доминирующих в системе управления РФ, и дополнительных институтов западной системы, детерминирует появление в сфере регулирования внешнеэкономических отношений ряда проблем. Проблемы обуславливают необходимость принятия компромиссного решения по следующим вопросам: соотнесение государственного регулирования с реалиями рыночной экономики; соотношение средств экономического и административного воздействия; разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектов РФ. Решать указанные проблемы следует не коренной ломкой прежней системы, а модернизацией модели государственного управления путем введения наиболее институционально близких ей элементов.

3. Сочетание централизации и децентрализации. Принцип сочетания централизации и децентрализации обеспечивает организацию системы двойного подчинения объектов управления, т. е. их подчиненность по вертикали и горизонтали. Подчинение по вертикали обеспечивает необходимое единство в основных вопросах, имеющих общегосударственное значение для сферы управления. Подчинение по горизонтали позволяет учитывать местные условия и особенности при осуществлении управления.

Итак, исторически в основе строительства российского государства лежали формы, соответствующие государствам с унитарно-централизованными институтами. В соответствии с этим строилась вся система управления, где принцип централизации, безусловно, доминировал. Позднее, с развитием институтов феде-

²⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. С. 147–149; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц и развитие России. Новосибирск: Наука, 2001. С. 136; Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. Кн. 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. М.: ИЭ РАН, 2001. 576 с.

рации усилились центробежные тенденции, что выразилось в развале сложившейся системы управления, ликвидации единого централизованного руководства внешнеэкономической деятельности РФ и формированию новой модели механизма управления.

Административная реформа, нацеленная на укрепление вертикали власти, в рассматриваемой сфере общественных отношений, бесспорно, ведет к усилению централизации и снижению роли институтов федерации, как дополнительных институтов в базовой институциональной модели управления. Недооценка участия регионов в управленческом процессе нарушает систему горизонтальных связей органов власти. Несоблюдение принципа сочетания централизации и децентрализации управления приводит, с одной стороны, к снижению ответственности федеральных субъектов за состояние дел в соответствующей сфере, с другой – к ограничению самостоятельности нижестоящих субъектов при осуществлении оперативных функций управления. Сбалансировать организационную систему каждого уровня управления, а также взаимодействие между указанными уровнями призвано разграничение полномочий между РФ и ее субъектами. При этом ставится задача не допустить развитие структурного конфликта определяемого дублированием функций, равно как и полного устранения субъекта РФ от управления. Данное направление основывается на принципе совместного ведения, закрепленном в ст. 72 Конституции РФ, а также на системном подходе к процессу государственного управления, обеспечивающему практическую реализацию так называемого принципа «двух ключей».

4. Влияние информации на формирование механизма административно-правового управления.

Отсутствие единообразного определения «информация» отражает наличие различных подходов к его толкованию, например, информацию рассматривают в общефилософском смысле, развивается семантическая теория информации²⁷. По толковому словарю С. Н. Ожегова, Н. Ю. Шведовой: «Информация – сообщения, освещающие о положении дел, о состоянии чего-нибудь. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком»²⁸. В системе социального управления информация воспринимается прежде всего как

сведения, характеризующие управленческие процессы, участников процессов и результаты управляющего воздействия. Остальные стороны и аспекты рассматриваемой дефиниции имеют второстепенное значение. Однако при выявлении роли информации в управленческих процессах необходимо отметить следующую позицию: «Клод Шеннон, создатель математической теории информации, рассматривал факт получения информации как процесс снятия неопределенности или добавления к имеющимся знаниям чего-либо нового. Таким образом, информация расценивается как основа возникновения и главный признак процесса управления».²⁹

Принимая во внимание изложенное, выделим два направления влияния информации на модель механизма административного управления:

1) направление отражает влияние информации на вероятность проявления конкретной модели управления. В этом случае рассматривается связь определенной совокупности сведений об условиях внешней среды и ожидаемой формы модели управления.

2) направление отражает влияние информации на обеспечение функционирования выбранной модели управления. Особое значение приобретают сведения, отражающие связи между управляющим воздействием и его значимыми последствиями. Систематизируя информацию, можно выявить способы коррекции управляющего воздействия и методы управления наиболее эффективные в сложившихся условиях.

Таким образом, для индивидуализации и функционирования модели управления необходимым условием является движение информации. При этом динамичность и своевременность информации отражают основные требования, предъявляемые к ней: «...единственной гарантией организованности систем управления служит непрерывное поступление в управляющие звенья информации о внутреннем состоянии элементов системы и об окружающем мире»³⁰.

Представляется, что неотъемлемой частью обеспечения функции координации между различными уровнями управления в определенной сфере общественных отношений является оптимизация информационных потоков. Основные информационные потоки несут сведения, необ-

²⁷ Копылов В.А. Информационное право : учеб. М. : Юрист. 2002. 512 с. ISBN 5-7975-0472-3.

²⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 238.

²⁹ Цитата по: Основы управления в органах внутренних дел / Отв. ред. Н.Ф. Григорьев. Краснодар: Краснодарский юр. ин-т МВД России, 2000. С. 146.

³⁰ Основы управления в органах внутренних дел / Отв. ред. Н.Ф. Григорьев. Краснодар.: Краснодарский юр. ин-т МВД России, 2000. С. 154.

ходимые для накопления базы данных. Содержащаяся в ней информация может подразделяться по целевому назначению на задающую, освещающую, ориентирующую и рабочую. Все вопросы по накоплению и использованию информации регулируются согласно ФЗ РФ «Об информации, информатизации и защите информации».

Создание постоянно пополняемого ориентирующего массива информации по каждому из направлений, отражающего региональные особенности позволит повысить эффективность принятия управленческих решений.

5. Влияние институтов общественной самоорганизации.

Характер и глубина определяющего воздействия институтов общественной самоорганизации на оформление модели механизма административно-правового управления показатель не постоянный и взаимообусловлен особенностями национального менталитета общества. «Концепция управления не может исходить из линейно-функциональных зависимостей жесткого управления. Все три компонента управления – поиск цели, определение траектории, а также скорость движения по ней – неразрывно связаны с национальным менталитетом и возможностями его адаптации к новым условиям, возникающими в процессе управления».³¹ В этом случае менталитет общества отражает «мировосприятие, умонастроение»³² по отношению к сложившимся отношениям и показывает степень готовности к преобразованию модели управления. Ученые-правоведы уточняют: «Состояние национальной правовой ментальности может сказаться на правовых реформах, иных кардинальных изменениях в обществе».³³ Как отмечается участниками конференции «Проблемы лесных отношений в России: глобальный, региональный и локальный аспекты», проходившей в ноябре 2004 г. в Санкт-Петербурге: «У многонационального населения России существует определенный традиционный уклад и система понятий, связанная с лесом и лесопользованием. Исторически сложившееся восприятие идеи леса как духовного и культурного пространства, сложившаяся в течение тысячелетий, определяют понимание и восприятие людьми лесных отношений». Сформировавшие-

ся убеждения населения «восприятия леса как некоего пространства, не принадлежащего человеку»³⁴, с одной стороны, препятствуют введению института частной собственности на леса, с другой – стереотипы о неограниченных лесных запасах привели к исключительно потребительскому подходу к использованию лесных ресурсов, и как следствие – к принижению степени общественной опасности правонарушений, распространенных в этой сфере. Подобные результаты дали и исследования различных административных процессов в Европе: «Амбивалентность отношения общественности к промышленникам, нарушающим законы о защите окружающей среды, может явиться фактором, влияющим на позицию инспекторов, ответственных за обеспечение выполнения требований закона».³⁵ Следует также учитывать, «что за годы реформ в обществе выработалось ожидание оказаться непременно обманутым»³⁶ и общее неприятие любых преобразований. Таким образом, для того чтобы принципы экологически ответственной торговли древесины были восприняты обществом и определяли формирование механизма административно-правового управления необходимо изменить правовой менталитет самого общества посредством:

1) широкого привлечения общественности к проблемам рационального использования и противодействию нелегального оборота лесных ресурсов. Как отмечается в аналитическом отчете Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), результаты опроса, проведенного 24–25 сентября 2005 г., показали, что правонарушения в лесном секторе России вызывают серьезную озабоченность большинства россиян (59 %). Актуальной задачей сегодня является развитие системы общественного контроля. Реализация данного направления возможна через механизм публичного обсуждения. Публичное обсуждение представляет собой совокупность последовательных действий органов государственной власти края, органов местного самоуправления по выяснению мнения граждан и общественных объединений о передаче участка лесного фонда в аренду. Целям обеспечения гласности и участия граждан, общественных организаций в этих условиях служит гарантиро-

³¹ Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 38–44.

³² Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 348.

³³ Морозова, Л.А. Теория государства и права. М.: Юрист, 2002. С. 414.

³⁴ Захарова О. Лесные реформы против традиционной культуры // Лесной бюллетень. 2004. № 25. С. 4.

³⁵ Галлиган Д. Административное право: история развития и основные современные концепции. М.: Юрист, 2002. С. 264.

³⁶ Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 38–44.

ванность предоставления органами государственной власти интересующей информации;

2) повышения уровня правового сознания. Заключается в воспитании экологически ответственного отношения в обществе к использованию и торговли лесными ресурсами. К данным вопросам обращаются и в Основных направлениях развития лесного комплекса Хабаровского края: «Эти проблемы являются в значительной мере социально-психологическими, требующими изменения взглядов, мышления, профессиональной психологии управления. Для их решения, пожалуй, надо воспитать новое поколение специалистов»;

3) стимулирования развития институтов общественной самоорганизации по следующим направлениям:

- создание союзов, ассоциаций предпринимателей. К примеру, задачами действующей Ассоциации лесопромышленников и лесоэкспортеров России является поддержка и координация предпринимателей-экспортеров, выработка единой ценовой политики и предложений по совершенствованию экспортной деятельности. Установлению взаимодействия между контрагентами способствуют международные симпозиумы, конференции, выставки и другие формы ознакомления представителей деловых кругов разных стран;

- привлечение банков и других кредитных организаций к разработке и реализации инвестиционных проектов, анализу инвестиционного потенциала лесопромышленного комплекса и лесного экспорта, поддержке российских экспортеров;

- привлечение для реализации функций по осуществлению контроля за нелегальным оборотом лесных ресурсов и регулированию экспортной деятельности общественные объединения и организации. Среди международных организаций, занимающихся проблемами незаконной торговли лесными ресурсами, следует выделить Всемирный банк, представительство ВВФ России. Ведущие работу по таким важным направлениям, как совершенствование федерального и регионального законодательства, участие в работе международных конвенций, а также помощь государственным органам РФ по реализации предложений и подготовке экспертных заключений, обеспечение методическими и информационными материалами;

- создание и поддержка исследовательских центров, научных сообществ занимающихся разработкой значимых для развития лесного экспорта тем. В поддержку данного направления можно использовать как внутренние для региона резервы и механизмы, например инновационные фонды, так и потенциал международных организаций (Гринпис, ВВФ). Среди научных проектов организованных ВВФ России следует отметить: проекты: «Устойчивое использование лесов и охраняемых природных территорий в Амурской области», «Организация и развитие российской ассоциации экологически ответственных лесопромышленных компаний» и др.;

4) развитие и внедрение форм и методов негосударственного воздействия способствует расширению диапазона применяемых регуляторов в экономической сфере и привлечению альтернативных прямому государственному вмешательству форм и методов управления, посредством которых, обеспечивается интеграция модели механизма административно-правового управления с экономическими условиями современной России.

Составляющие институциональную основу элементы отражают объективную закономерность исторического развития государственного управления в России, характерные черты практики социального управления в целом и административного, в частности. Формируют основные требования, предъявляемые к осуществлению управленческих функций, к стратегии и тактике управления, к характеру взаимоотношений между субъектами и объектами административного управления. Находясь под влиянием указанных обстоятельств, механизм административно-правового управления в России выражает приверженность к централизации управления. Институты федерации традиционно развиты слабо, нарушение баланса сочетания централизации и децентрализации сказывается на формировании уровней управления и распределении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ. В соответствии с этим выстраивается организационная структура государственного управления в конкретной сфере общественных отношений, подбирается комплекс наиболее характерных для данной модели правовых средств воздействия на объект управления.

ПРАВО ГРАЖДАН НА ЖИЛЬЁ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

О.В. Климова, Д.В. Якунин

Климова Олеся Валерьевна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института Тихоокеанского государственного университета.

Якунин Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института Тихоокеанского государственного университета.

Данная статья посвящена вопросам конституционного права на жилище. Рассматриваются различные точки зрения по определению его сущности и содержания, на основе которых авторы предлагают собственную концепцию.

This clause is devoted to questions of a constitutional right to dwelling. There is considered the various points of view on its essence and the maintenance on the basis of which the authors offer their own conception.

Конституция Российской Федерации 1993 г., отразив происходящие политические и экономические преобразования, закрепила курс экономического развития страны по пути рыночных отношений. Это коснулось также и жилищной сферы. Её переход на рыночные условия хозяйствования предусматривает новые подходы к удовлетворению жилищных потребностей граждан.

В Российской Федерации право граждан на жилище было закреплено в конституциях сравнительно недавно: впервые оно установлено в Конституции СССР 1977 г., впоследствии нашло отражение в Конституции РСФСР 1978 г. В частности Конституция РСФСР 1978 г., устанавливая право граждан на жилище, гарантировала, что «это право обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ». Такая форма обеспечения граждан жильем была характерна для административно-командной системы. Многие жилищные вопросы решались в централизованном порядке и строго регламентировались законодательством. Это было возможно в прежней социально-экономической обстановке, когда государство было основным собственником имущества, в том числе жилья, и соответственно брало на себя большую часть расходов по обеспечению граждан жильем.

Статья 40 Конституции РФ 1993 г., провозгласив право на жилище, закрепила иной подход к роли государства в обеспечении граждан жильём:

– органы государственной власти и местного самоуправления поощряют жилищное строи-

тельство, создают условия для осуществления права на жилище;

– малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Закрепление в Конституции РФ права на жилище имеет большое значение, так как оно означает право каждого иметь жилище, иметь гарантированную государством возможность быть обеспеченным жилищем.

Тем самым Конституция РФ создала основу стабильного пользования имеющимся жилищем и одновременно возможность получения в порядке улучшения жилищных условий другого жилища.

В последнее время проблема права на жилище, его сущности и содержания исследуется многими российскими учёными-правоведами, но в основном, как обоснованно отмечает Л. М. Пчелинцева, «предпринимаемые в этом отношении исследования касаются таких аспектов данной проблемы, как анализ «прежних и нынешних конституционных норм права на жилище» или понятие и правовая природа конституционного права граждан Российской Федерации на жилище в современных условиях»¹. Но многие вопросы не получили должного освещения в юридической литературе. С другой стороны, большой интерес учёных к данной проблеме обусловил формирование различных подходов к пониманию сущности и содержания права на жилище.

¹ Пчелинцева Л.М. «Проблемы исследования природы и содержания конституционного права на жилище» // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 15.

В советский период, до принятия Конституции СССР 1977 г., понятие право на жилище в теории права не рассматривалось, вместо него использовалось и исследовалось понятие «право на жилую площадь». Так, С. И. Аскназий под правом на жилую площадь имел ввиду особый гражданско-правовой институт как совокупность норм, имеющих своё место в системе гражданского права². И именно в аспекте гражданско-правового института, а не института государственного (конституционного) права и осуществлялись дальнейшие исследования данного вопроса. Так, Ю. К. Толстой, В. Н. Литовкин и др. различали в праве граждан на жилую площадь:

- правоспособность гражданина быть обеспеченным жилым помещением;
- субъективное право гражданина на обеспечение жильём из общественных фондов;
- право на пользование жилым помещением³.

Наряду с понятием «право на жилую площадь» также употреблялось, как фактически идентичное понятие «право на жилое помещение»⁴ и, как следствие, по обоснованному замечанию Л.М. Пчелинцевой, «...“право на жилище” не имело в тот период времени самостоятельного значения в современном его смысле, а его употребление имело достаточно факультативный характер по отношению к общепринятому тогда понятию «право на жилую площадь» («право на жилое помещение»)»⁵.

Так, В. П. Грибанов и А. Ю. Кабалкин в 60-х г. XX в. первоначально употребляли понятия «право на жилище» и «право на жилое помещение» как равнозначные, при этом понимая под правом на жилище право нуждающегося в жильё гражданина на удовлетворение его жилищных нужд⁶.

В целом же право на жилую площадь (право на жилище) понималось в тот период как право

на пользование жилым помещением, что являлось отражением существовавшей политики государства в вопросе обеспечения граждан жильём. Вследствие этого право на жилую площадь рассматривалось в весьма ограниченном смысле. Так, О.С. Иоффе утверждал, что «каждый, кто проживает в жилом помещении на законном основании, имеет определённое право на него. В таком понимании право на жилое помещение принадлежит не только нанимателю, но и проживающим с ним членам его семьи, поднанимателям, временным жильцам и т. п.»⁷.

Лишь с принятием Конституций СССР (1977) и РСФСР (1978) и закреплением в них права на жилище вопросы, касающиеся его сущности и содержания стали рассматриваться с новых позиций. А именно произошёл отход от рассмотрения его исключительно как гражданско-правового института, отождествлённого с правом на жилую площадь. Право на жилище стало рассматриваться как важнейшее социально-экономическое право человека.

Безусловно, право на жилище относится к категории конституционных прав социально-экономического характера, как право, направленное на обеспечение достойного уровня жизни человека. И в этом большинство все современных исследователей приходят к единому мнению. Так, В. И. Иваненко и В. С. Иваненко отмечают, что признание права каждого на достаточное жилище имеет очень важное значение. Это признание особой значимости пригодного и безопасного места проживания всех и каждого для обеспечения человеческого достоинства, физического и психического здоровья и качества жизни в целом⁸. А.А. Титов, анализируя изменения, произошедшие в содержании права на жилище, также связывает это с сущностью права на жилище как относящегося к группе важнейших социально-экономических прав подвергшейся существенным изменениям при переходе к рыночным отношениям⁹.

Но, в то же время некоторые учёные, например А. И. Ковлер, Л. И. Глухарева и другие, подходят к определению значения права на жилище

² Аскназий С.И. Советское жилищное право. М., 1940. С. 62.

³ Литовкин В. Н. Регулирование учёта граждан, нуждающихся в жильё, и распределения жилой площади // Состояние и задачи дальнейшего развития научных исследований в области жилищного законодательства в СССР. М., 1971. С. 26–27.

⁴ См. например: Иоффе О.С. Обязательное право. М., 1975. С. 339–345.

⁵ Пчелинцева Л. М. Учение о праве граждан на жилище в отечественной юридической науке: основные этапы формирования // Жилищное право. 2004 г. № 2. С. 60.

⁶ Грибанов В. П., Кабалкин А. Ю. Жилищные права советских граждан. М., 1964. С. 18–19.

⁷ Иоффе О. С. Обязательное право. М., 1975. С. 339.

⁸ Иваненко В.И., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты. СПб., 2003. С. 137–138.

⁹ Титов А.А. Конституционные и законодательные основы права граждан на жилище // Жилищное право. 2001. № 3. С. 3.

с иных позиций. В частности А. И. Ковлер, рассматривая международные стандарты прав человека, вообще не выделяет в составе социальных прав право на жилище как таковое¹⁰. Л. И. Глухарева в предлагаемом перечне всеобщих прав (т. е. прав, которыми обладает и должен иметь реальную возможность осуществить каждый человек в любой стране), также не упоминает права на жилище, хотя и делает оговорку, что перечень всеобщих прав является открытым¹¹. В связи с этим следует согласиться с Л. М. Пчелинцевой о том, что можно констатировать существование определённой тенденции исключения права на жилище из числа основополагающих прав человека¹².

Также некоторые учёные, рассматривая социально-экономические права, утверждают, что они относятся к категории «мнимых» прав, т. е. не принадлежащих в собственном смысле человеку, а относящихся к задачам и целям государства, и зависящим от возможностей конкретной страны, тем самым данная категория прав противопоставляется так называемым «подлинным» правам (личным и политическим), которые гарантируются государством и как следствие обеспечиваются судебной защитой. В доказательство такого разграничения данные учёные приводят аргумент, что социально-экономические права не отражают суть человеческой природы и их возможная реализация зависит от экономической ситуации, воли государства и других факторов. И если государство не имеет средств на социальные программы, то суд не может принудить государство предоставить гражданину жильё¹³. То есть здесь налицо приоритет экономических, политических и иных факторов над реализацией социальных прав. Как следствие, согласно этой позиции не само социальное право (в том числе право на жилище) обуславливает соответствующую обязанность государства, а

именно возможности государства обеспечивающие существование данного права.

Соглашаясь с Л.М. Пчелинцевой, Е.В. Богдановым и другими учёными, подвергающими критике такую позицию, необходимо отметить, что социально-экономические права не отделены от личных и политических прав, и в совокупности с ними составляют единый правовой статус человека и гражданина. Государство, закрепив на уровне Конституции право на жилище, ратифицировав международные документы, провозгласившие данное право как неотъемлемое право человека, берёт на себя обязанность по созданию условий для реализации этого права. То есть именно сам факт существования этого права, а не экономические возможности государства обуславливает обязанность государства по его обеспечению, а не наоборот. И здесь основная задача заключается в «достижении разумного баланса между экономическими возможностями государства и объёмом, формами реализации социальных прав граждан, в том числе права граждан на жилище»¹⁴.

Если рассматривать право на жилище в аспекте его содержания, то и здесь нет единого подхода к данной проблеме.

Например, В. Р. Скрипко, раскрывая содержание права на жилище, обращает внимание на то, что оно «предполагает юридическую возможность стабильного пользования имеющимся у гражданина жилым помещением, его неприкосновенность, недопущение произвольного лишения жилища, а также возможность улучшения жилищных условий путём приобретения другого жилья»¹⁵.

П.И. Седугин включал в содержание права на жилище такие возможности, как: стабильное пользование занимаемым жилым помещением; улучшение своих жилищных условий разными способами; использование жилого помещения в интересах других граждан; обеспечение для жильцов здоровой среды обитания; недопущение произвольного лишения права граждан на жилище; неприкосновенность жилища¹⁶. Впоследствии право на неприкосновенность жилища стала рассматриваться П. И. Седугиным как самостоятель-

¹⁰ Ковлер А.И. Антропология права : учеб. для вузов. М., 2002. С. 379–381.

¹¹ Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 214–215.

¹² Пчелинцева Л.М. Право граждан на жилище: теоретические и законодательные основы // Законодательство и экономика. 2004. № 6. С. 15.

¹³ См.: Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 214–215; Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 647–648.

¹⁴ Пчелинцева Л.М. Право граждан на жилище: теоретические и законодательные основы // Законодательство и экономика. 2004. № 6. С. 15.

¹⁵ Скрипко В.Р. Конституционное право граждан Российской Федерации на жилище // Государство и право. 2002. № 12. С. 31.

¹⁶ Седугин П.И. Жилищное право : учеб. М., 1997. С. 19–20.

ное право, не входящее в содержание права на жилище¹⁷.

А. Н. Кичихин, Н. Б. Марткович и Н. А. Щербакова в книге «Жилищные права. Пользование и собственность» говорят о трёх «основных формулах» права на жилище: каждый имеет право на жилище, неприкосновенность жилища и свободу выбора места жительства¹⁸.

По мнению профессора С. М. Корнеева, право на жилище имеет две составные части. Во-первых, право на жилище означает, что государство гарантирует каждому гражданину возможность пользоваться тем жильём, которое у него имеется на данный момент по тем или иным основаниям. Вторая составная часть права на жилище заключается в том, что государство принимает на себя обязанность содействовать тому, чтобы каждый гражданин был обеспечен жильём.¹⁹

Из близкого с этим пониманием права на жилище исходил В. П. Грибанов,²⁰ возможность удовлетворения потребности в жильё нуждающихся граждан, по мнению которого, означает гарантированную законом различными способами, средство, обеспечивающее удовлетворение данной потребности.

Такое понимание права на жилище вытекает из анализа, содержащихся в Конституции РФ понятий «право» и «свобода». Если «свобода» подразумевает невмешательство государства и иных субъектов в процесс реализации данной свободы, то реализация конституционного «права» опосредуется обязанностью государства содействовать его реализации, и здесь государство выполняет активную роль. Так, Е. В. Богданов отмечает, что «государство приняло на себя обязанности по созданию условий для осуществления гражданами права на жилище, поскольку не может быть права без соответствующей обязанности и, наоборот, обязанности без корреспондирующего ей права»²¹. Он же, рассматривая право на жилище в рамках конституционных правоотношений, делает вывод, что «в содержание права на жилище в качестве элементов вхо-

дят следующие правомочия граждан: право пользоваться имеющимся жилым помещением; право на получение в установленном порядке жилого помещения в домах государственного и муниципального фондов и право на удовлетворение жилищной потребности путем приобретения жилого помещения в собственность по гражданско-правовым сделкам или в результате участия в жилищном строительстве»²².

В то же время существует и противоположная позиция. Например, И. А. Фаршатов полагает, что выражение «каждый имеет право на жилище» не должно трактоваться как «гарантированная государством возможность». Оно подразумевает прежде всего постоянное устойчивое пользование жильём в том смысле, что никто не может быть произвольно лишен жилища, т.е. жильё неприкосновенно²³. По нашему мнению, такой подход не раскрывает в полной мере содержания права на жилище как одного из важнейших социальных прав, которые как и иные права и свободы, согласно ст. 2 Конституции РФ должны признаваться, соблюдаться и защищаться государством. Данная трактовка применима лишь к случаям, когда у граждан уже имеется жильё на праве собственности, в социальном найме или ином вещном праве, но совершенно оставляет без внимания граждан, нуждающихся в жильё. Очевидно, что Российская Федерация как социальное государство обязано создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь человека и далеко не последнее место здесь должно занимать обеспечение граждан жильём.

В целом, следует согласиться с мнением большинства учёных (П. И. Седугин, Л. М. Пчелинцева и др.), что субъективное право на жилище имеет многоаспектный характер. Реализация права на жилище осуществляется в различных правоотношениях – конституционных (при конституционном закреплении и гарантировании права на жилище и т. д.), гражданских (при нахождении жилья в имущественном обороте, реализации правомочий по владению, пользованию и распоряжению жильём и т. д.), административных (при предоставлении жилья малоимущим гражданам на правах социального найма и т.д.) и других. При этом право на жилище в каждом из данных аспектов может являться и является предметом самостоятельного исследования.

¹⁷ Седугин П.И. Жилищное право : учеб. 2-е изд. М., 2000. С. 16.

¹⁸ Кичихин А.Н., Марткович Н.Б., Н.А. Щербакова. Жилищные права. Пользование и собственность. М., 1997. С. 20–31.

¹⁹ Гражданское право. Т. 2. М., 1993. С.149

²⁰ Грибанов В.П. Основы советского жилищного законодательства. М., 1983. С. 25

²¹ Богданов Е.В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 23.

²² Там же. С. 25.

²³ Фаршатов И.А. Жилищное законодательство: Практика применения, теоретические вопросы. М., 2001. С. 11.

Из этого следует, что и само понимание содержания права на жилище зависит от того, в каком аспекте оно рассматривается.

Исследуя право на жилище в рамках основополагающих конституционных правоотношений, следует отметить, что данное право неразрывно связано с другим конституционным правом – правом свободно передвигаться и выбирать место пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ). В частности это выражается в том, что гражданин свободно может выбирать жилое помещение, в котором он будет постоянно или преимущественно проживать.

То есть каждый человек не только имеет право проживать в жилище, которое соответствует необходимым социальным и техническим нормам, но и вправе выбирать, где именно оно должно находиться в зависимости от своих потребностей. В то же время именно это право оказывается ограниченным при приобретении жилья от государства по социальному найму, поскольку гражданам предоставляется возможность выбора места нахождения жилья в достаточной мере, что обусловлено низкими темпами строительства и развития государственного жилищного фонда.

Также в самом законодательстве содержится ограничение данного права, что входит в противоречие с Конституцией и Законом «О праве граждан на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» от 25 июня 1993 г. № 5242-1, так постановка граждан на учёт в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий происходит по месту жительства гражданина, и лишь в исключительных случаях, которые не конкретизированы законом – не по месту жительства. В то же время Закон «О праве граждан на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах РФ», а также Постановление Конституционного Суда РФ № 4-П от 02 февраля 1998 г., установили, что регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ, законами РФ, Конституциями и законами субъектов РФ, что не происходит на практике. В частности, в п. 8 Примерных Правил учёта граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и предоставления жилых помещений в РСФСР от 31.07.1984 г. установлено, что обязательным условием для принятия на учёт граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления им жилых помещений является постоянное проживание с регистрацией по месту

жительства в данном населённом пункте. Пункт 7 Методических рекомендаций для субъектов РФ и органов местного самоуправления по определению порядка ведения органами местного самоуправления учёта граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, и по предоставлению таким гражданам жилых помещений по договору социального найма, утвержденных Приказом Минрегионразвития от 25 февраля 2005 г. № 19 также устанавливает, что в порядке учёта следует отразить, что учёт таких граждан осуществляется органом местного самоуправления по месту жительства.

По данному пути пошли и субъекты РФ, установив факт регистрации по месту жительства в конкретном муниципальном образовании в качестве обязательного критерия для постановки на учёт. Тем самым, согласно данным нормативных актов, автоматически лишаются права на постановку на учёт граждане, не имеющие регистрации по месту жительства, а имеющие только регистрацию по месту пребывания, либо не имеющие их или имеющие регистрацию в другом муниципальном образовании.

Следующее конституционное право, неразрывно связанное с правом граждан на жилище – это право на неприкосновенность жилища. Основы неприкосновенности жилища содержатся в ст. 25 Конституции РФ, которая гласит «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Данный принцип раскрывается в ст. 3 ЖК РФ – «Никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных Жилищным кодексом РФ целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совер-

шенного преступления либо произошедшего несчастного случая».

Таким образом, конституционный принцип неприкосновенности жилища означает запрет входить в него против воли проживающих в нем лиц. Доступ в жилище посторонних лиц возможен лишь при наличии ясно выраженного согласия, проживающих в нем граждан. Неприкосновенность жилища непосредственно связана с правом неприкосновенности частной жизни, а именно каждый человек имеет право на свой образ жизни, обособление, уединение в занимаемом им помещении. В этой связи жилище как замкнутое пространство обеспечивает неприкосновенность частной жизни.

Правом на неприкосновенность жилища пользуются только лица, у которых правомерно возникло право собственности или право пользования занимаемым помещением. Правоустанавливающими документами в таких случаях являются документы, подтверждающие право собственности, аренду, найм, поднаем, субаренду и т.д. Соответственно лица, занимающие жилое помещение противоправно, правом на неприкосновенность данного жилища не обладают.

Вышеуказанные права – право на неприкосновенность жилища и право свободно передвигаться и выбирать место пребывания и жительства – дополняют содержание права на жилище, но не охватываются им и представляют собой самостоятельные конституционные права.

Само же содержание конституционного права на жилище, на наш взгляд, сводится к пяти составляющим.

Во-первых. Право на жилище подразумевает право каждого пользоваться принадлежащим ему на праве собственности, аренды, социального найма и других вещных правах жилым помещением.

Во-вторых. Право граждан, перечисленных в п. 3. ст. 40 Конституции РФ требовать от государства предоставления жилья в соответствии с установленными законом нормами.

В-третьих. Никто не может быть произвольно лишён своего жилища. Тем самым обеспечивается стабильность пользования жильём. Принудительное отчуждение жилья допускается только в порядке и в случаях предусмотренных законодательством. При этом принудительное отчуждение конкретного жилья у гражданина не означает лишения его права на жилище в целом.

В-четвёртых. Право гражданина на самостоятельное удовлетворение своих жилищных потребностей путём приобретения жилья по

гражданско-правовым сделкам или путём участия в жилищном строительстве.

В-пятых. Исходя из того, что не каждое помещение или строение может являться жильём по социальным и (или) техническим показателям, следует выделить право гражданина пользоваться жильём, соответствующим социальным и техническим нормам и стандартам, а равно право на улучшение своих жилищных условий различными не запрещёнными законом способами, в том числе путём требования от государства предоставления соответствующего жилья (за исключением случая, когда гражданин намеренно своими действиями ухудшает свои жилищные условия с целью получения права требовать от государства их улучшения. В этом случае принятие гражданина на учёт в качестве нуждающегося возникает не ранее чем через пять лет со дня совершения указанных действий (ст. 53 ЖК РФ)).

Следует согласиться с мнением Е.В. Богданова, который утверждает, что праву на жилище и правоотношениям, элементом которых оно является присущи специфические свойства. В частности, во-первых, данным правом наделены все граждане без строгой их индивидуализации, а обязанность по созданию условий для осуществления права на жилище приняло на себя государство. Поэтому сложившееся правоотношение носит не конкретный характер типа «кредитор – должник», а более общий – «гражданин – государство». Во-вторых, право граждан на жилище возникает непосредственно из закона и поэтому оно прекращается только в связи со смертью конкретного лица или с отменой закона. Следовательно, право на жилище является постоянным правом граждан, а правоотношение – длящимся²⁴.

В то же время, на наш взгляд, спорным является вывод данного учёного о том, что право на получение жилья в домах государственного и муниципальных фондов имеет гражданско-правовую природу, а не административно-правовую.

В подтверждение своей позиции Е. В. Богданов приводит аргумент, что «правоотношение, возникающее между гражданином и компетентным органом по поводу предоставления ему конкретного жилого помещения, характеризуется юридическим равенством сторон. Никто не может обязать нуждающегося в жилье гражданина встать на квартирный учёт или поселиться в

²⁴ Е.В. Богданов Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 6.

предоставленном жилом помещении. В то время как для административных правоотношений всегда характерно, что один орган государственного управления подчиняет своему решению другой орган или гражданина. Последние обязаны соотносить свою деятельность с вынесенным решением. Значит, что касается исследуемых отношений, то правомерно утверждать об основании их на началах равенства. А не власти»²⁵.

Без сомнения, решение встать на квартирный учёт является самостоятельным решением гражданина, но закон связывает возможность постановки на учёт с определёнными условиями. В частности, для получения жилья по социальному найму и соответственно постановки на учёт гражданин должен являться нуждающимся в жилье и малоимущим – именно эти условия наряду с другими являются юридическими фактами, с которыми закон связывает возникновение данного правоотношения. И здесь полномочный государственный орган, во-первых, имеет право отказать гражданину в постановке на учёт, если не соблюдены данные условия. А во-вторых, если уже состоящий на учёте гражданин перестал отвечать данным требованиям (перестал относиться к категории малоимущих, перестал быть нуждающимся в улучшении жилищных условий и т. д.) полномочный орган в одностороннем порядке снимает гражданина с учёта, независимо от желания самого гражданина. Таким образом, функции полномочного органа в данном правоотношении заключаются не только в совершении фактических действий по постановке гражданина на учёт и предоставлении ему жилья, но и в осуществлении надзора за тем, что бы не соответствующий данным требованиям гражданин не состоял на учёте как нуждающийся в улучшении жилищных условий. Данный надзор осуществляется на протяжении всего периода времени, когда гражданин состоит на учёте и является формой административной деятельности и свидетельствует об административно-правовом характере данных правоотношений.

Здесь следует признать, что в современных условиях, административные правоотношения в данной сфере имеют иное выражение, чем в период социализма. Существовавшая в России в период социализма система административного распределения жилья показала свою несостоятельность. В середине 80-х гг. государством была поставлена задача – обеспечить к 2000-му го-

ду каждую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом, однако, решение этой задачи практически не состоялось, потребность в жилье сохранилась. На начало 1990 г. в СССР в списках очередников на получение жилых помещений состояло более 14 миллионов семей (в РСФСР их насчитывалось более 10 миллионов).²⁶ В настоящее время изменился принцип обеспечения граждан жильем – от преимущественного распределения жилья, построенного за счет государственных средств, к преимущественному его строительству (приобретению) за счет средств граждан при сохранении льгот для социально незащищенных слоев населения. Тем самым в новых социально-экономических условиях изменилась сущность распределительной системы, существовавшей в СССР. Однако сама распределительная система предоставления жилья нуждающимся гражданам не исчезла – государство признало за собой обязанность обеспечивать жильем малоимущих и некоторые отдельные категории граждан, нуждающихся в жилье.

Необходимо отметить, что на государство возлагается обязанность содействовать обеспечению граждан не просто жильем как таковым, а жильем, которое отвечает всем установленным социальным и техническим нормам. Это вытекает не только из ч.3 ст. 40 Конституции РФ, но и исходя из смысла ст. 7 Конституции РФ, провозгласившей Россию социальным государством, т.е. государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Очевидно, что жильё, не отвечающее необходимым нормам, не может обеспечивать достойную жизнь человека. Данное положение также находит подтверждение в соответствующих международных правовых актах. Так, Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей Организаций Объединенных Наций в 1948 г., понятие «достойный жизненный уровень» увязывает с наличием у человека соответствующего жилища.

Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как в мировой истории имели место случаи, когда в целях обеспечения права на жильё как можно большего числа граждан, государство шло по пути значительного удешевления строительства. Это подчас приводило к трагическим событиям. Так, Ф. Энгельс писал: «...теперь в Англии строят так дешево, что дома

²⁵ Е.В. Богданов Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 6.

²⁶ Регионы России. Стат. Сб. В 2 т. С. 205.

сотрясаются, когда проезжает телега, и ежедневно некоторое количество их рушится. Ещё вчера, 25 октября 1872 года, в Манчестере рухнуло сразу шесть домов, причем шестеро рабочих были ранены»²⁷.

Естественно, что такое упрощение решения жилищной проблемы, как строительство таких дешёвых по себестоимости домов не может отвечать социальной потребности граждан в жилье. И в связи с этим существует необходимость в соблюдении баланса в строительстве жилья, отвечающим всем социальным, техническим нормам и стандартам, с одной стороны, что влечёт за собой высокую стоимость жилья, а с другой стороны – необходимость обеспечить жильём всех нуждающихся граждан, которые не могут самостоятельно приобрести жильё в собственность, ввиду его объективно высокой стоимости.

Поэтому Конституция РФ 1993 г., сохранившая право на жилище в числе основных прав граждан, предусматривает и другие варианты решения жилищного вопроса граждан. Граждане, которые имеют необходимые средства для приобретения или строительства собственного жилого дома (квартиры), должны решать этот вопрос, как правило, самостоятельно, опираясь на свои материальные возможности. Государство же, в свою очередь, должно позаботиться о малоимущих гражданах, которым, как указано в ч. 3 ст. 40 Конституции РФ, жилище должно предоставляться бесплатно или за доступную плату.

Тем самым роль государства в сфере обеспечения граждан жильём, на наш взгляд, сводится к четырём составляющим.

Во-первых, государство обязано стимулировать жилищное строительство. На наш взгляд, данный вопрос, наряду с нижеуказанными, безусловно, является одним из ключевых, поскольку развитие рынка жилья обеспечит необходимое количество жилой площади для всех нуждающихся.

Во-вторых, государство обязано обеспечить малоимущих граждан, нуждающихся в жилье, не имеющих возможности приобрести его в собственность социальным жильём.

В-третьих, государство должно обеспечить, путём экономического регулирования возможность гражданам приобрести жильё в собственность, а именно через правовое регулирование и обеспечение ипотечного кредитования.

И, в-четвёртых, государство обязано обеспечить жильём отдельные категории граждан, пе-

ред которыми государство в силу выполнения ими трудовых или иных обязанностей имеет определённые жилищные обязательства (например, военнослужащие, работники органов внутренних дел, депутаты и др.).

В целом, подтверждая данные положения, следует сослаться на нормы, касающиеся прав граждан на жилище, а также о социальном и индивидуальном характере решения вопроса об обеспечении жильём, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), в Европейской социальной хартии (1961), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966) и в других международных документах. Указанные принципы нашли отражение в Рекомендации МОТ 1961 г. о жилищном строительстве для трудящихся.

В частности, в разделе 3 записано, что «государственные органы власти должны в той степени, в какой это необходимо и практически осуществимо, либо непосредственно обеспечивать трудящихся жилплощадью, либо поощрять обеспечение их сдаваемым в аренду или приобретаемым в собственность жилищем», а в разделе 5 подчеркивается, что «государственные органы власти должны оказывать социальную финансовую помощь трудящимся, которые, имея недостаточные доходы или чрезвычайно высокие расходы, связанные с содержанием семьи, не в состоянии получить надлежащее жилище»²⁸.

В то же время, следует отметить, что вопрос о трактовке положения ч. 3. ст. 40 Конституции РФ о том, что жилище отдельным категориям граждан предоставляется «бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов» является дискуссионным. В частности, некоторые авторы в понятие «бесплатно или за доступную плату» вкладывают более узкий смысл. Например А. Н. Кичихин, И. Б. Марткович и Н. А. Щербакова утверждают, что данное положение «подробно раскрыто в Законе РФ «Об основах федеральной жилищной политики» в части оплаты жилья и коммунальных услуг по договору найма. Закон, исходя из смысла социальной справедливости при оплате жилья имуществами и неимуществами населения, устанавливает переход на новую систему оплаты жилья и коммунальных услуг в течение 10 лет...»²⁹. Таким образом, они

²⁸ Сборник международных актов. М. С. 34

²⁹ Кичихин А. Н., Марткович И. Б., Щербакова Н. А. Жилищные права. Пользование и собственность. М., 1997. С. 17.

²⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 264.

утверждают, что данное положение Конституции РФ в первую очередь касается оплаты жилья и коммунальных услуг, а не порядка предоставления жилья.

По данному вопросу следует согласиться с А. А. Титовым, который утверждает, что подобное толкование нормы Конституции РФ является сомнительным. В подтверждении этого данный учёный ссылается на результаты сравнительного анализа статьи 58 Конституции РСФСР 1978 г. и статьи 40 Конституции РФ 1993 г. и приходит к выводу, что в них прежде всего речь идёт о предоставлении гражданам жилых помещений по договору найма и в целом – об обеспечении граждан жильём³⁰.

Таким образом, предоставление жилища бесплатно означает реализацию права граждан на обеспечение жильём путём предоставления им жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищного фонда (по договору социального найма). Предоставление же жилья за доступную плату, подразумевает обеспечение граждан жильём с помощью предоставления со стороны государства безвозмездных жилищных субсидий, льготных кредитов и т. п., т. е. граждане при строительстве или приобретении жилья оплачивают лишь часть его стоимости, что делает жильё для них доступным.

Ещё один вопрос, который носит дискуссионный характер, касается правового механизма реализации конституционного положения о праве граждан на жилище. Здесь можно выделить две позиции. Так, Г. Гаджиев, К. Нам, Д. Горбачёв, С. Костюков и другие исследователи высказывают мнение, что конституционные нормы, закрепляющие социально-экономические права граждан, нуждаются в конкретизации федеральными законами и действуют в конечном счёте через нормы отраслевого законодательства, которое непосредственно регулирует поведение граждан, государственных органов в данной сфере³¹. В то же время, по мнению П.И. Седугина, «этот взгляд не полностью соответствует прежде всего тексту ст. 15 Конституции РФ, устанавливающей, что она имеет прямое действие... Общее положение Конституции о

праве на жилище не требует дополнительной регламентации в законе. Вместе с тем ст. 40 Конституции РФ предполагает, что отдельные положения конкретизируются и раскрываются в нормах жилищного и иных отраслей законодательства, устанавливающих соответствующий правовой механизм, посредством которого обеспечивается реализация конституционных прав»³². При этом учёный, очевидно, имеет в виду указание в ч. 3 ст. 40 Конституции РФ на то, что малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилье, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. То есть здесь Конституция РФ при определении перечня иных, чем малоимущие, граждан, а также при определении норм предоставления жилья прямо отсылает к действующему законодательству.

В то же время, С. Костюков в опровержение позиции П.И. Седугина утверждает, что и сам термин «малоимущие» в Конституции РФ не раскрывается, что требует дополнительного принятия нормативного акта, раскрывающего правовую сущность данного понятия³³. Очевидно, что термин «малоимущие» носит оценочный характер и без определения чётких критериев определяющих, каких граждан относить к этой категории, данное положение Конституции РФ также не может быть реализовано. Это же касается и положения Конституции РФ о том, что никто не может быть произвольно лишён жилища, поскольку здесь говорится не о «лишении жилища» в принципе, а именно о «произвольном лишении жилища», и это подразумевает, что в определённых случаях, которые также должны быть установлены действующим законодательством, допускается лишение гражданина его жилища, в порядке, опять же установленном в законодательстве.

Таким образом, без дополнительного регламентирования в законодательстве, непосредственное применение данных положений Конституции РФ оказалось бы неэффективным. Следовательно, необходимо согласиться с мнением С. Костюкова и других учёных, что положения Конституции РФ, устанавливающие право граждан на жилище, реализуются через иные нормативные акты, в которых раскрывается содержание и сущность данной конституционной нормы.

³⁰ Титов А.А. Конституционные и законодательные основы права граждан на жилище // Жилищное право. 2001. № 3. С. 6.

³¹ См: Гаджиев Г. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. №12. С. 25; Нам К., Горбачев Д. Конституционные гарантии охраны права собственности // Хозяйство и право. 1997. № 11. С. 121; Костюков С. Защита прав граждан на жилище // Законность. № 6. 2001. С. 43–45.

³² Седугин П. Жилищное право. М., 1998. С. 21.

³³ Костюков С. Защита прав граждан на жилище // Законность. № 6. 2001. С. 44.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Механизм реализации права на жилище на современном этапе развития Российского общества претерпел значительные изменения. Если ранее государство, являясь основным строителем, собственником и распределителем жилищного фонда решало многие жилищные вопросы в централизованном порядке, что было характерно для административно-командной экономики, то при рыночных отношениях и многообразии форм собственности, а также объективной невозможности обеспечить в административном порядке каждого нуждающегося в жилье административные правоотношения в чистом виде сохраняются лишь при обеспечении жильём нуждающихся малоимущих граждан, а также иных категорий граждан, специально указанных в Законе.

2. В настоящее время существуют различные подходы к пониманию сущности и содержания права на жилище, а также к пониманию его места среди иных конституционных прав. На взгляд автора, в содержание права на жилище вкладывается право стабильно пользоваться принадлежащим жилым помещением, право малоимущих граждан и иных лиц, указанных в Законе, требовать от государства предоставления жилья соответствующего всем социальным и техническим нормам, право на улучшение жи-

лищных условий и право на самостоятельное удовлетворение жилищных потребностей.

3. Поскольку автор придерживается позиции, что вышеперечисленные правомочия, составляющие сущность права на жилище, должны подкрепляться корреспондирующими обязанностями государства, а не существование самого права должно обуславливаться экономическими и иными возможностями государства, государство обязано принимать меры по реализации данного права. В этом аспекте роль государства заключается, во-первых, в стимулировании жилищного строительства, во-вторых – в обеспечении малоимущих нуждающихся граждан социальным жильём, в-третьих – в создании условий для реализации гражданами возможности самостоятельно решить жилищную проблему и в-четвёртых – в обеспечении жильём отдельных категорий граждан, перед которыми государство, в силу выполнения данными гражданами трудовых, служебных и иных обязанностей имеет жилищные обязательства.

4. Положения Конституции РФ, провозгласившие право на жилище как одно из важнейших социальных прав, требуют дополнительного раскрытия в федеральном и региональном законодательстве, иначе применение данных положений окажется неэффективным.

МОДЕЛИ МЕХАНИЗМОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ

А.В. Ханько

Ханько Андрей Викторович – помощник заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

В статье выделены и охарактеризованы типичные модели механизмов преступлений, совершаемых должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Познание их позволит работникам правоохранительных органов получить представление о структуре элементов в действиях субъекта, подлежащих выяснению в процессе расследования.

The author dwells upon the standard models of the authority abuse mechanisms. This study lets enforcement officers get required information about the structure of the elements and the acts of an individual to be cleared in the process of investigation.

Исследуя преступление, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, с точки зрения взаимосвязи и взаимодействия отдельных его элементов в первую очередь мы должны рассматривать их как носителей определённых свойств, признаков, отношений, благодаря которым эти элементы оказываются вовлечёнными в механизм преступления, т. е. в единую систему взаимосвязи. Однако, прежде чем исследовать некоторые значимые элементы механизма преступления, хотелось бы обратиться к этимологии слова «элемент». Термин «элемент» в русском языке имеет несколько значений, одно из которых – «составная часть какого-либо сложного целого»¹. Это понятие свойственно многим сферам человеческой деятельности, криминалистика в этом смысле не является исключением. «Преступление привлекает внимание криминалистов именно как противоправная деятельность, как определённый акт человеческого поведения»².

В силу этого развитие криминалистики, сопровождающееся количественными и качественными изменениями, естественным образом допускает необходимость специального обращения к проблеме организации и формам представления уже накопленного и накапливаемого знания, его обобщения и упорядочения. Это привело к тому, что «...по мере проникновения в сущность исследуемых явлений и процессов, составляющих содержание преступного события, расширялись и углублялись представления о необходимости глубокого изучения с позиции криминалистики механизма преступления, а также закономерностей, под воздействием которых он формируется и функционирует»³. В связи с тем, что в настоящее время учение о механизме преступ-

ления находится в стадии формирования, возникает необходимость рассмотреть уже имеющиеся подходы к формулированию данного понятия.

Так, по мнению Р.С. Белкина, под механизмом преступления понимается сложная динамическая система, состоящая не только из поведенческих актов и обусловленных ими явлений. Элементами этой системы являются:

- субъект преступления;
- отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям, к соучастникам;
- предмет посягательства;
- способ преступления как система детерминированных действий;
- преступный результат;
- место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления;
- обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления;
- поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными или пассивными) события;
- связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т. п.⁴.

До сих пор внимание уделяется по необходимости и в первую очередь этим криминалистически значимым элементам, влияющим на получение доказательственной информации, точнее, сведениям, которые не требуют большого количества входных и выходных данных и нуждаются только в небольшой оперативной обработке. Такая работа по анализу деятельности преступника в механизме преступления, совершенного должностным лицом, остается, к сожалению, на втором плане. С точки зрения автора, использование, углубление и совершенствование приведенных выше элементов в раскрытии и расследовании

¹ Большой словарь иностранных слов в русском языке. М. : ЮНВЕС, 1999. С. 750.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М. : Юрист, 1997. С. 116.

³ Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления : дис. ... д-ра юр. наук. М., 1997. С. 92.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М. : Юрист, 1997. С. 117–118.

обозначенных преступлений является необходимым условием. Однако исследование деятельности преступника, не может быть сведено лишь к способу подготовки, совершения и сокрытия преступления. Вовремя обратив на это внимание, Р. С. Белкин указал, что «...если уж называть в определении преступную деятельность как предмет познания, то следует говорить не столько о способе преступления, сколько о механизме преступления, т. е. о системе преступной деятельности, в которой способ преступления – лишь одно из звеньев»⁵. При этом он указывает, что далеко не все закономерности механизма преступления могут быть отнесены к предмету криминалистики, а только закономерности возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления, закономерности формирования и реализации способа преступления, закономерности возникновения и течения, связанные с преступлением как явлением до и после криминального порядка, имеющих значение для следственной, оперативно-розыскной и экспертной практики. Таким образом, по мнению автора, криминалистика изучает не все закономерности механизма преступления, а лишь часть их. Поэтому Р. С. Белкиным обоснованно указано на неоднородность структуры, системный характер механизма преступления, а также на динамичность этой системы.

Несколько отличительно формулирует свое определение В.А. Образцов. Так, под механизмом преступления, по его мнению, понимается ход, порядок последовательной смены причинных, функциональных и иных взаимосвязей, существующих между компонентами преступления в процессе возникновения и развития их взаимодействия⁶. Однако в исследовании необходим не только порядок смены, но и сама взаимосвязь в процессе взаимодействия, существующая между элементами преступного события.

В последующие годы учение о механизме преступления, в том числе вопрос о его понятии, были подняты на принципиально новый уровень. Так, А. Ф. Лубин, под механизмом преступления понимает методологическую категорию, выражающую закономерности теоретического построения и экспериментальной проверки модельной иерархической системы типовых версий в целях последующего формирования и коррек-

тировки типовых методик расследования преступлений⁷.

В данном определении предпринята попытка выразить значение знаний о механизме преступлений для проверки ранее построенных моделей, и на их основе усовершенствовать частные криминалистические методики расследования, построить системы типичных версий. Однако говорить о механизме преступления только как о методологической категории было бы неверно. Механизм, представляя собой функциональную (динамическую) сторону преступления, сам является частью объективной реальности и подлежит исследованию.

Учитывая то обстоятельство, что составляющими свойствами механизма преступления являются функции (процессы взаимодействия и взаимосвязи) элементов и обстановки преступления, а функции есть не что иное, как части единого процесса взаимосвязи, следовательно, сам механизм преступления можно определить как единый процесс взаимосвязи и взаимодействия элементов преступления и его обстановки. Это позволит систематизировать информацию о связях между отдельными элементами преступного события. Это могут быть связи между способом совершения и сокрытия преступления, используемыми должностным лицом и иными лицами.

В связи с этим необходимо отметить, что если механизм есть функциональная сторона преступления, то, естественно, функционирующими элементами могут быть не что иное, как элементы преступления. «Преступление, как социальное явление не может быть познано, если его не рассматривать как определенную систему, состоящую из различных элементов, соединенных между собой специфическими взаимосвязями и взаимозависимостями, подчиненную в ходе своего зарождения и развития своеобразным закономерностям. Это позволяет выделить преступное событие и его механизм из совокупности других социальных явлений, определить его границы, сопоставить с конкретными материальными объектами и связанными с ними действиями и последствиями»⁸. При использовании перечисленных данных открываются хорошие возможности для целенаправленной качественной систематизации информации о формах проявле-

⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 103.

⁶ Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика. М., 1995. С. 46.

⁷ Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Нижний Новгород, 1997. С. 121.

⁸ Костылева Г.В. К вопросу об установлении механизма совершенного преступления в процессе его расследования // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сб. научн. тр. В 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во Академия управления МВД России, 2005. С. 136.

ния отдельных видов деятельности должностного лица и последующего банка данных о них.

Наши исследования показали, что нельзя понять механизм преступления только из процесса взаимодействия и взаимосвязи отдельных элементов преступного события, не говоря о самих элементах и их свойствах. Поэтому можно без преувеличения сказать, что методологической базой исследования и дальнейшая разработка тактических средств и приемов, применяющихся при расследовании должностных преступлений, является полученная доказательственная информация.

Это дает основание при анализе предыдущего понятия механизма преступления полагать, что более правильную формулировку дает А.М. Кустов, определивший механизм преступления «как систему процессов взаимодействия участников преступления как прямых, так и косвенных между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах»⁹.

В качестве элементов механизма преступления автор называет:

- а) деятельность субъекта преступного события;
- б) комплекс действий, поступков и иных движений жертвы преступления;
- в) комплекс действий, поступков и иных движений лиц, оказывающихся косвенно связанных с преступным событием;
- г) отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события; предмет преступного посягательства.

По мнению автора, перечисленные элементы являются исходной структурной основой объектов криминалистического моделирования, в рамках которого осуществляется дальнейшее расследование преступления. Можно отметить и ряд других свойств, имеющих важное значение, среди которых можно назвать такие, как конкретное преступление, совершаемое с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, отдельные элементы механизма совершенного должностного преступления (прежде всего, действия преступника), поведенческие акты потерпевшего (например, юридического лица) и других участников преступного события, обстановка места происшествия (рабочий кабинет), внешние признаки отсут-

ствующих участников или очевидцев преступления (сотрудники или подчиненные), орудия или средства (компьютер, бланки организации, печати и т.п.) совершения и другие объекты, связанные с исследуемым событием.

Преступления, совершаемые должностным лицом с использованием своих служебных полномочий как социальное явление не может быть познано, если не рассматривать его как определенную систему, состоящую из различных элементов и этапов формирования деятельности субъекта, связанных между собой специфическими взаимосвязями и взаимозависимостями, подчиненную в ходе своего зарождения и развития своеобразным закономерностям. Это позволяет выделить данный механизм из совокупности других социальных явлений и преступлений, определить его границы, сопоставить с конкретными материальными объектами и связанными с ними действиями и последствиями.

Следовательно, можно сказать, что *модель механизма совершенного должностного преступления создается (формируется) прежде всего в сознании следователя, расследующего уголовное дело, а затем в сознании прокурора и судьи*. На ее основе следователь (дознатель) определяет программу последующих следственных и иных действий, а адвокат – целесообразные приемы защиты. Эта модель в процессе движения уголовного дела постепенно изменяется и уточняется, приближаясь к своему прототипу – реальному механизму преступления, совершаемого с использованием должностным лицом своих служебных полномочий.

Модель механизма будущего должностного преступления существует в сознании преступника. На ее основе он готовит орудия и средства достижения преступного результата, совершает противоправное действие, постоянно контролирует течение события и при необходимости осуществляет соответствующие приемы сокрытия самого преступления и негативных последствий своей преступной деятельности. «Злоупотребление должностными полномочиями совершается из корыстной или личной заинтересованности. Под корыстными мотивами, или, как указано в уголовном законе, под «корыстной заинтересованностью», следует понимать желание виновного в результате своих преступных действий, в данном случае в результате злоупотребления служебными полномочиями, извлечь для себя, своих близких, для конкретного определенного субъекта незаконную материальную выгоду, наживу, создать определенные условия, способствующие получению этой выгоды. Подобная выгода может быть извлечена путем обращения бюджетных средств в свою пользу может выра-

⁹ Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. Цикл лекций. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2002. С. 26.

жаться в сокрытии недостачи товарно-материальных ценностей, создании условий, способствующих уклонению от уплаты налогов и обязательных платежей в бюджетные и внебюджетные фонды»¹⁰. Отсюда, структура механизма преступления, совершаемого должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, включает в себя те элементы, из которых состоит преступная деятельность.

Модель механизма совершенного преступления, приближенная к действительности, складывается у лиц, знающих о содеянном – свидетелей, эксперта-криминалиста, публики в зале суда, родственников – участников преступного события и др. Если материальная модель существует всегда в реальном, материально-фиксированном виде, то мысленная модель – идеальное отражение свойств и качеств исследуемого объекта или явления, представляет собой абстракцию, в которую включается и переносится лишь некоторая часть свойств исследуемого объекта или явления, выделенных, абстрагированных мышлением следователя, свойств и качеств наиболее существенных, обеспечивающих необходимое для расследования соотношение, некоторое структурное подобие, обусловленное функциональным построением между моделью и оригиналом. При этом каждый элемент модели должен соответствовать элементу оригинала.

Создание следователем мысленной модели совершенного должностного преступления – это не процесс механического копирования указанного преступления и его механизма, а избирательный процесс, в ходе которого, зная закономерности совершения исследуемого явления, процесса или объекта, субъект уголовного процесса получает представление о характере свойств и качеств, подлежащих выяснению в процессе расследования с помощью модели.

Модель преступлений, совершаемых должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, постоянно уточняется и совершенствуется. Она познается и выступает средством получения криминалистически значимой информации о таком преступлении и его участниках. Здесь информация понимается как выделенная сознанием субъекта уголовного процесса при решении конкретных задач, часть сведений об объекте или явлении, которая способствует решению задач раскрытия и расследования.

Мысленная модель является моделью информационно-накопительной, т.е. накопителем информации, а также содержательной, отражающей свойства

исследуемого явления, процесса или объекта, входящих в познание преступлений, совершаемых с использованием должностным лицом своих служебных полномочий. В ней находят отражение как качественные, так и количественные характеристики явления, процесса или объекта. Она замещает недостающие звенья, пробелы в объяснении фактов, способствует отысканию доказательств, их исследованию и, таким образом, раскрытию неизвестного. Модель упорядочивает полученную информацию в определенную систему и позволяет истолковывать и оценивать свойства и качества процесса, явления или объекта познания. При этом она является моделью версионной, поскольку допускает различное толкование данного объекта или явления, однако, по мере своего развития формирует достоверное представление о них.

Криминалистическая модель совершенного преступного события способствует правильной уголовно-правовой квалификации происшедшего события; выявлению неизвестных лиц, связанных с преступным событием, и их поведенческих актов; установлению событий, которые предшествовали, сопутствовали преступлению и последовали после него; установлению происхождения фактов и связи между ними, их временной и пространственной характеристик, устранению противоречий между фактами; определению направления поиска неизвестного и всего хода расследования и т. д.¹¹.

В настоящее время значение исследования перечисленных закономерностей не подвергается сомнению. Наши исследования показали, что знание механизма преступления как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обуславливающих особенности отражения преступления, появления материальных и нематериальных следов, обеспечивает целенаправленное выдвижение версий, планирование расследования, а в итоге, наиболее полное установление и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, способствует установлению объективной истины по делу.

В связи с этим хотелось бы отметить, что для преступлений, совершаемых субъектом с использованием должностных служебных полномочий, весьма актуальное значение имеет централизация и децентрализация организационных систем управления. «Непосредственным объектом данной группы преступлений выступают различные сферы деятельности органов государственной власти, государственной службы или органов местного са-

¹⁰ Стренин А.С. Соотношение злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2002. № 3. С. 124.

¹¹ Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления. М., 1997. С. 272.

моуправления, правильная работа отдельных звеньев государственного или муниципального аппарата»¹². Значение государственных образований (систем) в настоящее время еще более возросло в области, где преобладают крупные административно-организационные системы, и где руководство управлением осуществляется в основных направлениях централизованным путем.

При этом может возникнуть очень сложная ситуация, особенно если руководители, занимающие соответствующее должностное положение, сознают рост ответственности и риск связанный, во-первых, с расширением должностных полномочий и, во-вторых, с увеличением преступной группировки.

Исходя из вышесказанного, можно определить три типичные модели механизма преступлений, совершаемых должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. К таковым, по мнению автора, относятся:

Первая модель: заранее запланированное использование своего должностного положения во время или сразу же после назначения на соответствующую должность.

Вторая модель: использование своего должностного положения в преступных целях после продолжительного времени нахождения в этой должности с участием или без участия посторонних (подчиненных) лиц.

Третья модель: использование своего должностного положения при непосредственном участии сообщников, в том числе лиц, ранее работавших совместно.

Для реального использования успешной преступной деятельности в перечисленных моделях территориальные структуры, подчиненные должностному лицу, должны обладать значительной децентрализацией. Только в этом случае могут появиться определенные преимущества для наступления заключительного этапа. Главной задачей субъекта является высокая оперативность и приспособляемость к «окружающей среде», создание условий для своей деятельности, облегчение координации между намеченными элементами в общей схеме механизма преступления и, наконец, возможность более эффективно направлять усилия к достижению поставленной цели.

Отсюда можно сделать вывод, что построение преступной деятельности в принципе является ведущим для развития механизма преступления субъектом. Здесь надо отметить, что исследование механизма преступления позволяет устано-

вить обстоятельства его совершения. Чтобы получить информацию о расследуемом событии, следователь выявляет изменения в обстановке места, которое объективно предстоит исследовать. Известно, что действия преступника, потерпевшего и других как прямых, так и косвенных участников преступного события, нарушают связи между предметами обстановки, в которой происходило должностное преступление.

Это может привести к тому, что в этот период носители криминалистически значимой информации о способах подготовки, совершения и сокрытия преступления, о действиях других участников преступного события (в том числе потерпевших) и о самих участниках создают принципиальную возможность в каждом конкретном случае стать источниками судебных доказательств. Это способствует планированию организационных, следственных и иных мероприятий по делу. Кроме этого, если правоохранительным органам становится известно о преступлении спустя большой промежуток времени после его совершения, то возникают различные трудности в процессе расследования.

Кроме того, при решении вопросов уголовного-процессуального и криминалистического (тактического и методического) характера должно учитываться влияние фактора времени на процесс познания преступного события. Этот фактор оказывает влияние на планирование последовательности и продолжительности производства отдельных следственных действий, определение тактических приемов установления временных связей между обстоятельствами, имеющими значение для дела, установление возможных изменений в следах преступления и т. п. Поэтому знание закономерностей возникновения следов, зависимости между ними, позволяет реконструировать преступное событие и на этой основе сформировать модель механизма совершенного преступления.

Как видно из изложенного, для успешного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, необходимы правильное понимание и оценка механизма преступления. В свою очередь это познание на теоретическом уровне имеет и большое практическое значение, доказывая познаваемость события преступления, адекватность его отражения в материалах уголовного дела.

¹² Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: правотворчество и правоприменение в условиях административной реформы Российской Федерации: монография. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 131.

ИСТОРИЯ

ОБЩЕГЕРМАНСКИЕ ВЫБОРЫ 2 ДЕКАБРЯ 1990 ГОДА

Е.Н. Спасский

Спасский Евгений Новомирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматриваются итоги первых общенациональных парламентских выборов, легитимно закрепивших государственное объединение Германии. Анализируется возникшая в их результате расстановка политических сил, затрагивается проблема формирования общегерманской структуры партийно-электоральных связей.

This article is devoted to considering of results of the first parliament elections throughout the nation, which legitimately confirmed the state reunion of Germany. The resulted balance of political forces is analyzed and the problem of forming of German structure of the connections between electors and political parties is considered.

Объединение Германии явилось одним из знаменательных событий мирового процесса общественной трансформации конца XX в. Как известно, в его результате не возникло нового государства, поскольку содержанием государственного объединения стало юридическое присоединение ГДР к Федеративной республике в соответствии с её Основным законом. Однако сам объединительный процесс представляет собой сложное, многоаспектное явление, включающее в себя объединение политическое, социально-экономическое, культурное. В первую очередь было завершено объединение государственное как составная часть политического, значительно больше времени необходимо для достижения социально-экономического и культурного единства. Эта асинхронность обусловлена как различной степенью сложности подлежащих объединению элементов, так и типологической гетерогенностью общественных систем, каковыми являлись прежние ГДР и ФРГ.

Первые послевоенные (после 1945) общегерманские выборы, состоявшиеся 2 декабря 1990 г., легитимно закрепили завершение процесса государственного объединения Германии. Кроме того, они, наряду с организационным слиянием родственных западно- и восточногерманских политических группировок, определили контуры общегерманской партийной системы. В данной статье мы будем рассматривать выборы и их результаты в двух аспектах. Во-первых, как завершающий итог межпартийной конкуренции в ходе объединительного процесса, и, во-вторых, с точки зрения формирования единой партийно-электоральной структуры.

К моменту избрания 12-го германского бундестага¹ в качестве основных политических партий выступали группировки, образовавшиеся после объединения родственных формирований ФРГ и ГДР, а также организации, не подверженные процессу партийной интеграции. К числу первых относились – Христианско-демократический союз (ХДС), Свободно-демократическая партия (СвДП), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Ко вторым – Христианско-социальный союз (ХСС), партия «зелёных» (западные), Республиканская партия, Союз 90/Зелёные (альянс восточно-германских группировок), Партия демократического социализма (ПДС), Немецкий социальный союз (НСС)². Механизм проведения выборов стал предметом острой политической борьбы, в результате чего первый вариант избирательного закона был обжалован в Конституционном суде Федеративной республики, который вынес решение об его отклонении. Согласно новой его редакции для их проведения были образованы западная (прежняя ФРГ) и восточная (экс-ГДР) избирательные территории, на которых действовали раздельные пятипроцентные барьеры. Благодаря этому обстоятельству в бундестаг удалось пробиться, наряду с объединёнными общегерманскими партиями, ПДС и альянсу, состоявшему из Союза 90 и «зелёных» из бывшей ГДР.

В целом, итоги выборов были следующими (табл.)³.

¹ Ввиду того, что после объединения ФРГ сохранила прежний государственно-правовой статус, нумерация вновь формируемых бундестагов также не изменилась. Предыдущий западно-германский парламент, избранный в 1987 г., имел 11-й порядковый номер.

² НСС – восточно-германская группировка правого направления, ориентирующаяся на баварский ХСС.

³ Ланггут, Г. Немцы в поисках безопасности. М., 1995. С. 71.

Таблица

**Итоги общегерманских выборов
2 декабря 1990 г., %**

Партия	Германия в целом	Западная Германия	Восточная Германия
ХДС	36,7	35,2	41,8
СДПГ	33,5	35,7	24,3
СвДП	11	10,6	12,9
ХСС	7,1	9,1	–
«Зелёные» (западные)	3,9	4,8	–
Союз 90/ Зелёные	1,2	–	6,1
ПДС	2,4	0,3	11,1
Республи- канцы	2,1	2,3	1,3
НСС	0,2	-	1,0
Прочие	1,8	2,0	2,5
Участие в выборах	77,8	78,6	74,5

В целях консистентного сравнения мы будем анализировать результаты выборов отдельно для Западной и Восточной Германии, сопоставляя их, в первом случае – с итогами предыдущего голосования в бундестаг (1987), во втором – с данными последнего избрания Народной палаты ГДР⁴.

Общим итогом общегерманского голосования стала победа правящей коалиции ХДС/ХСС и СвДП. По сравнению с 1987 г., правительственные партии улучшили свой результат, набрав 54,8 % голосов (1987 – 53,4 %), который, однако, был хуже чем в 1983 г. Электоральный прирост был получен за счет СвДП, которая, собрав на территории Западной Германии 10,6 %, достигла третьего за всю историю выборов в бундестаг (с 1949 г) результата. Альянс же христианских партий набрал меньше голосов, чем в ходе избрания предыдущего парламента.

Оппозиционные группировки – СДПГ и «зелёные» – аккумулировавшие вместе 40,6 % голосов, получили гораздо худший результат, чем в

1987 и 1983 гг. Причем «зелёные» второй раз, с момента их участия в выборах на федеральном уровне, не сумели преодолеть пятипроцентный барьер, оставшись тем самым вне пределов бундестага.

На территории бывшей ГДР баланс сил, возникший в результате выборов 18 марта 1990 г., не претерпел существенных изменений. Вне конкуренции здесь остался ХДС, немного укрепивший в декабре свои позиции. СДПГ так и не смогла кардинально изменить соотношение сил в свою пользу, прибавив к мартовскому результату всего лишь несколько процентов. Зато более чем в два раза больше голосов, по сравнению с выборами в Народную палату, набрали восточногерманские либералы. К группировкам, улучшившим свои показатели, относятся также Союз 90 и «зелёные», которым удалось в новых федеральных землях⁵ преодолеть избирательный барьер и попасть в общегерманский парламент.

Среди партий из экс-ГДР, ухудшивших свои позиции к декабрю, две – ПДС и НСС. Партия демократического социализма, баллотировавшаяся на общегерманском уровне, на территории Западной Германии получила всего 0,3 %. Однако на востоке Германии она, вопреки прогнозам, достигла весьма высоких электоральных показателей и также получила право быть представленной в бундестаге.

Полным крахом общегерманские выборы стали для Немецкого социального союза. Получив в декабре более чем в 6 раз меньше голосов, нежели в марте, он не только остался вне парламента, но и окончательно похоронил шансы ХСС на расширение своего политического влияния за пределы Баварии.

Реальная же расстановка сил на политической сцене определялась совокупным общегерманским итогом, результирующим из сложения избирательских голосов, полученных партиями как в старых, так и в новых федеральных землях. Исходя из этого общегерманский расклад сил был ещё более благоприятен для группировок правящей коалиции, и, в первую очередь, для ХДС. Это объясняется следующим. Главная оппозиционная партия – СДПГ, ввиду более низкого избирательного результата, полученного ей в Восточной Германии, в федеральном масштабе ухудшила свои позиции в сравнении с тем, что она имела в прежней ФРГ. В то

⁴ Народная палата – высший законодательный орган ГДР, последние выборы в который состоялись 18 марта 1990 г., после падения коммунистического режима. Их результаты были следующими: ХДС – 40,8 %, СДПГ – 21,9 %, либералы – 5,3 %, Союз 90 – 2,9 %, ПДС – 16,4 %. (См.: Ланггут Г. Немцы в поисках безопасности. М., 1995. С. 71).

⁵ Земли, образованные на территории бывшей ГДР.

же время ХДС получил на востоке значительно больше голосов, чем на западе, лишь немногим, уступив даже совокупному результату ХДС/ХСС в Западной Германии. В свою очередь западно-германские «зелёные», не сумев преодолеть пятипроцентный барьер, уже не могли рассматриваться в качестве предполагаемого политического партнера СДПГ по коалиции, равно как и восточногерманские «зелёные» и Союз 90, собравшие незначительный процент голосов на общегерманском уровне и получив всего восемь депутатских мандатов. Более того, результаты выборов исключали и образование социал-либеральной коалиции (СДПГ и СвДП), поскольку обе эти группировки не имели в совокупности абсолютного большинства голосов. Таким образом, свободные демократы, хотя и усилили свои позиции в правительстве, став третьей по парламентскому весу организацией в Германии, вместе с тем потеряли возможность смены коалиционного союзника. Всё это в целом усилило позиции ХДС, на руку которому было и падение влияния его младшего партнёра – ХСС, что делало баварский союз в правительственной коалиции менее строптивым. При этом позиции демохристиан могли быть еще прочнее, если бы не отчётливое нежелание избирателей того, чтобы какая-либо из партий смогла получить на выборах абсолютное большинство голосов, подобно тому, как это удалось сделать ХДС/ХСС в 1957 г. Политическая ситуация же 1990 г. складывалась вновь настолько благоприятно для христианского блока, что, как следовало из опроса общественного мнения, проведенного накануне выборов, 67 % респондентов считали возможным повторение результата тридцатитрёхлетней давности⁶. Поэтому не только избиратели других партий, но даже сами сторонники ХДС/ХСС негативно относились к такому исходу голосования. Так, 58 % приверженцев альянса не желали его победы абсолютным большинством⁷. В этом случае намерения электората стали отражением его стремления поддерживать существующий баланс сил, пусть даже в ущерб политическому весу той организации, которой он симпатизировал. Высокий избирательный результат, полученный СвДП, не в последнюю очередь можно отнести на счет именно этого мотива голосования.

Если говорить о коалиционно-тактической подоплёке избирательного решения в целом, то она на этих выборах, ввиду заранее очевидного их исхода, играла среди сторонников различных группировок весьма незначительную роль. 90% избирателей в Западной Германии и 91% в Восточной Германии накануне выборов считали победу правящих партий почти предreshённой⁸. Одним из косвенных последствий этого стало то, что западно-германские «зелёные» не смогли на этих выборах получить голоса тех сторонников СДПГ, которые желали бы видеть у власти «красно-зелёную» коалицию, в результате чего они не сумели вообще преодолеть избирательный барьер.

Что касается ещё одного, казалось бы, неиспользованного резерва усиления христианских партий – выхода ХСС за пределы Баварии, что в первую очередь было связано со стремлением поддержать восточно-германский НСС, то последствия этого шага едва ли бы существенно повлияли на увеличение политического влияния консервативного альянса. Более того, как показало исследование, проведенное Ю. Фальтером и З. Шуманом, основанное на гипотетической проверке вероятных последствий таких действий, это привело бы к конкуренции между ХДС и ХСС, что негативно сказалось бы, прежде всего, на баварской партии, которая настаивала на необходимости такого шага⁹.

Другим итогом общегерманских выборов, наряду с победой правительственных объединений и ослаблением оппозиции, явилось то, что возникшая в их результате общегерманская партийная система на парламентском уровне почти адекватно воспроизвела западно-германскую систему партий образца до 1983 г. Исключение составило лишь наличие среди парламентских формирований левых политических группировок из бывшей ГДР, прошедших в бундестаг благодаря особому механизму этих выборов. Однако их влияние в новом бундестаге было весьма незначительно, так как имеющееся в их распоряжении количество депутатских мандатов (23), не позволяло им получить статус парламентской фракции со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁰. Следует сказать и о том, что незначи-

⁶ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 47. S. 46.

⁷ Gibowski, W., Kaase, M. Auf dem Weg zum politischen Alltag // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1991. № 11/12. S. 12.

⁸ Ibid., S.14

⁹ Falter, J., Schumann, S. Konsequenzen einer bundesweiten Kandidatur der CSU bei Wahlen // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1992. № 11/22. S. 33–45.

¹⁰ Der Spiegel. Hamburg, 1991. № 1. S. 25.

тельный по общегерманским меркам избирательный результат, полученный этими политическими объединениями, в некоторой степени опроверг те положения Конституционного суда ФРГ, которые легли в основу его решения о необходимости изменения первого варианта избирательного закона, предусматривающего наличие единого избирательного барьера для выборов 1990 г.¹¹

Итоги выборов дают возможность также рассмотреть социальную структуру партийного электората непосредственно в общегерманском масштабе, что, в свою очередь, позволяет выявить степень его идентификации с различными политическими группировками.

Главным отличием избирателей в старых федеральных землях от таковых в новых землях являлось то, что их отношения с партиями были в значительной степени социально детерминированы. То есть политические организации в Западной Германии представляли интересы определённых групп населения, что создавало долгосрочные, устойчивые связи между ними, стабильность которых не зависела от краткосрочной смены общественной проблематики или популярности партийных кандидатов. Так, например, доминирующая переменная величина электората ХДС/ХСС обусловлена связью с церковью, прежде всего католической. Для электората СДПГ характерна принадлежность к профсоюзам, что означает влияние в густонаселённых промышленных районах. Также социально детерминирован, хотя и в меньшей степени, электорат других партий прежней ФРГ.

В отличие от Западной Германии, устойчивые электоральные связи в новых федеральных землях не были сформированы. С этой точки зрения интересно выяснить, насколько избирательное решение на выборах 2 декабря было обусловлено общественными детерминантами и сложившейся партийной идентификацией.

Согласно данным опроса, проведенным накануне выборов Институтом политических наук Кильского университета, электорат ХДС в новых федеральных землях и электорат ХДС/ХСС в старых федеральных землях соответствует в целом возникшему общегерманскому масштабу (см. таблицу). Так к сторонникам ХДС/ХСС в

Западной Германии можно отнести 35 % всех избирателей, а в Восточной Германии – 32 %¹². Однако результаты голосования, подтверждающие данные опроса относительно старых федеральных земель, значительно отклонились от них в пользу ХДС на востоке, что свидетельствует об отсутствии устойчивой партийной идентификации части тех восточногерманских избирателей, которые на этих выборах предпочли демохристиан. Иная ситуация у СДПГ. В старых землях она имела 29 % сторонников среди всех избирателей, в новых же – лишь 19,9 %¹³. Это, с допустимыми погрешностями соответствует результатам голосования – соответственно 35,9 % и 23,6 %.

С точки зрения конфессиональной структуры Германии, количественные соотношения электората «народных партий» определялись следующим образом. В Западной Германии ХДС/ХСС имели приблизительно 75 % приверженцев как среди католиков, так и среди протестантов. В Восточной Германии ХДС также имел 75 % сторонников среди всех католиков и протестантов, но их количество здесь было в 2 раза меньше. Число же не принадлежащих ни к одной из религиозных конфессий на востоке составляло 2/3 всего населения¹⁴. Логично предположить, что более протестантская и ещё более атеистичная ГДР должна была уменьшить величину сторонников ХДС в общегерманском масштабе. К факторам, которые могли бы снизить влияние демохристиан, также добавлялось и то, что именно на территории бывшей ГДР некогда были сильны социал-демократы. По данным профессора Э. Ноэлле-Нойман, в 1932 г. на территории ФРГ за СДПГ голосовало 15 % избирателей, на территории ГДР – 32 %¹⁵. Но, как следовало из результатов выборов, этого не произошло. Протестанты и атеисты в большей степени симпатизировали ХДС, но делали это не как таковые, что свидетельствовало о значительно меньшей социальной детерминированности избирательного решения на востоке, чем на западе.

Различна была и профессионально-возрастная структура электората «народных партий». Если на востоке ХДС имел преимущество перед социал-демократами среди всех возрастных групп населения¹⁶, то на западе предпочтение демохристианам

¹¹ Kaltefleiter W., Lübcke B. Die Struktur der deutschen Wählerschaft nach der Vereinigung. S. 31; Verträge und Rechtsakte zur deutschen Einheit / Stern K., Schmidt-Bleibtreu B. (Hrsg.). München, 1990. Bd 2. S. 19.

¹² Kaltefleiter W., Lübcke B. Die Struktur der deutschen Wählerschaft nach der Vereinigung. S. 11.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid., S. 12

¹⁵ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 10. S. 19.

¹⁶ Gibowski W., Kaase M. Auf dem Weg zum politischen Alltag. S. 19

отдавали граждане главным образом пожилого возраста. Среди молодежи христианские демократы опережали СДПГ в возрастной группе от 18 до 24 лет, в свою очередь последней отдавали свой голос избиратели от 25 до 29 лет¹⁷.

Наиболее наглядно отсутствие социально-структурных детерминант партийных ориентаций населения Восточной Германии иллюстрирует тот факт, что в новых федеральных землях ХДС опережал СДПГ среди всех профессиональных категорий, а представители рабочих профессий голосовали за него даже в два раза чаще, чем за социал-демократов¹⁸. Что касается электоральной географии, то христианские демократы имели преимущество, как на западе, так и на востоке в сельской местности, а также в средних и мелких городах, тогда как СДПГ в крупных городах.

Факт меньшей социально-групповой соотносённости восточно-германского электората ставит вопрос о преобладающих мотивах голосования жителей бывшей ГДР. В условиях отсутствия устойчивых связей с партиями, избирательные ориентиры определялись главным образом предпочтением в пользу того или иного партийного кандидата и предлагаемых им решений тех проблем, которые были наиболее важны для населения. Дополнительный аспект при рассмотрении этого вопроса возникает в том случае, когда сюда добавляется самооценка избирателей на шкале «левый-правый». Если использовать для определения их политической ориентации шкалу от -5 до +5, где отрицательные цифровые значения означают правую ориентацию, а положительные – левую, то в старых федеральных землях средний показатель самооценки лежит на отметке 0,2 вправо. Это позволяет охарактеризовать эту позицию как умеренно-консервативную. Для территории Восточной Германии этот показатель соответствует числовому значению 0,2 влево¹⁹. Отсюда следует, что восточно-германские избиратели, стоящие ближе по своим политическим убеждениям к оппозиционным организациям, нежели к правительственным, всё же голосовали на выборах подобно тому, как это делали находящиеся на более правых позициях избиратели старых федеральных земель, т. е. в основном за правящих партий. По мнению Ф.-У. Паппи, решающее значение для избирателей из бывшей ГДР сыграла компетенция, которую они приписывали различным объе-

динениям. Так, опыт и профессионализм СДПГ в решении социально-экономических проблем оценивались ими значительно ниже, чем аналогичные характеристики консервативно-либеральных группировок, даже в сравнении с западно-германскими избирателями. В области социальной политики лишь 30 % избирателей в Восточной Германии считали СДПГ более сведущей, тогда как на западе этого мнения придерживалось 45 % населения²⁰. Однако предпочтения, основанные на предполагаемой партийной компетенции, являются весьма нестабильной величиной, подверженной частым колебаниям в зависимости от конкретной ситуации, что подтвердили, в известной мере, последующие выборы. Несовпадение политических ориентаций восточно- и западно-германского электората, впоследствии также оказало своё влияние на формирование партийных пропорций в масштабе всей Германии.

Всё же, несмотря на сохраняющуюся неустойчивость социальных детерминант электората из бывшей ГДР, к моменту государственного объединения уже можно было говорить о сложившемся общественном имидже политических партий на общегерманском уровне. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного фондом К. Аденауэра в середине 1991 г.²¹. Так, ХДС/ХСС, хотя и являлись объединениями, представляющими интересы предпринимателей, фермеров и чиновников, всё же в большей степени воспринимались населением в качестве «успешно действующих правительственных партий», в то время как имидж СДПГ связан прежде всего с защитой интересов рабочих²². СвДП имела образ организации, выражающей интересы лиц свободных профессий и среднего класса. В новых федеральных землях факт того, что она представляет интересы среднего сословия, наиболее благоприятно воспринимался населением. Однако особое неудовольствие среди избирателей, как на западе, так и на востоке свободные демократы вызывали своей близостью к представителям верхних слоев общества.

¹⁷ Bergsdorf W. Das Plebiszit // Die Politische Meinung. Sankt Augustin, 1991. № 254. S. 39.

¹⁸ Ibid., S. 40.

¹⁹ Kaltefleiter W., Lübcke B. Die Struktur der deutschen Wahlerschaft nach der Vereinigung. S. 12.

²⁰ Pappi F. U. Wahrgenommenes Parteiensystem und Wahlenentscheidung im Ost- und Westdeutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1991. № 44. S. 24.

²¹ Dittrich K.-H. Das Bild der Parteien im vereinten Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1991. № 34/35. S. 31–32.

²² Ibid., S. 31.

«Зелёные» и Союз 90, по мнению большинства опрошенных, являются партиями, представляющими молодёжь, женщин и лиц, не принадлежащих к союзам интересов. На востоке Германии в качестве особенно положительного момента называлась защита этими группировками интересов «простого народа и маленьких людей».

Компетенция ПДС, согласно ответам респондентов, распространялась главным образом на территорию бывшей ГДР. Ей приписывалась способность представлять интересы рабочих и безработных. В ещё большей степени она воспринимается как объединение, защищающее женщин, молодёжь, пенсионеров, граждан, не являющихся членами каких-либо организаций.

По мнению опрошенных, все партии выражают преимущественно интересы мужчин чем женщин. Позиции последних, в наибольшей степени, выражают СДПГ, «зелёные» и Союз 90, а также ПДС (на востоке). Наряду с этим, интересы таких социальных групп, как молодёжь, люди пожилого возраста, безработные и служащие артикулируются политическими группировками менее всего.

Резюмируя, можно констатировать, что первые общенациональные выборы подвели итог межпартийной конкуренции в год германского объединения, легитимно закрепив достижение национально-государственного единства Германии.

Возникшее в их результате соотношение политических сил на германской партийной арене сохранялось в течение первой половины 1990-х гг., где в этот период доминировали христианско-либеральные партии. Особенно триумфальным избрание 12-го бундестага стало для ХДС и СвДП, которые значительно увеличили свой политический вес в объединённом государстве, а их лидеры – Г. Коль и Г.-Д. Геншер, снискали лавры национальных героев. Оценивая итоги выборов, журнал «Шпигель» отмечал: «Если боннской коалиции удастся в следующие четыре года решить проблемы, вставшие перед объединённой Германией – то победа на выборах приобретает вообще судьбоносное значение. Подобно тому, как ХДС/ХСС на первых послевоенных выборах 1949 г. заложил основы для будущей эпохи своего двадцатилетнего правления, так и выборы 1990 г. могут создать перспективу для долгосрочного сохранения власти»²³.

Последующие события показали, что проблема внутреннего объединения страны оказалась гораздо более сложной и масштабной, нежели это виделось в год германского единства, требующей консолидации действий всех политических сил. Но в 1990 г. главный приз германской политики – правительственная власть, достался христианско-либеральному альянсу, решившему историческую задачу преодоления национального раскола.

²³ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 49. S. 7.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ (1920–1922 ГГ.)*

Т.А. Орнацкая, Ю.Н. Ципкин

Орнацкая Татьяна Александровна – ведущий документовед исторического факультета Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Ципкин Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Главной целью внешней политики буферной Дальневосточной республики, созданной в апреле 1920 г., являлось предотвращение войны между Советской Россией и Японией, прорыв политической и экономической блокады РСФСР, восстановление геополитических позиций нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этому была посвящена деятельность делегаций ДВР на переговорах в Гонготе, на конференциях в Дайрене, Вашингтоне и Чанчуне. В Чанчуне Россия выступала объединённой делегацией РСФСР и ДВР, в Генуе интересы буферной республики представляла Москва. Тактика российской дипломатии состояла в инициировании интереса иностранных фирм к экономическому сотрудничеству с РСФСР и ДВР, использовании противоречий между Японией и США и т.д. Главный успех дипломатии Советской России и Дальневосточной республики состоял в том, что Токио не удалось организовать новую интервенцию на российском Дальнем Востоке, и в октябре 1922 г. японские войска покинули Владивосток. ДВР была ликвидирована, и регион воссоединился со всей страной.

The purpose of foreign policy of Far Eastern republic (1920–1922) has consisted in prevention of war between Japan and the Soviet Russia, break of the international political and economic blockade of RSFSR in Asia, restoration of unity of the country and preservation of its geopolitic positions on Pacific ocean. Tactical receptions of foreign policy of Far Eastern republic became attempts of economic concessions of Japan with the purpose of a conclusion of its armies from the Russian Far East, use of contradictions between Tokyo and Washington by granting concession. Same line to delegation of republic at various international conferences. The success of foreign policy of Far Eastern republic was, that Japan did not manage to organize new allied intervention. Moreover, burdened by internal problems and pressure of Soviet Russia, Far Eastern republic and the USA, it has been compelled in October, 1922 to disengage the armies from the Russian Far East. Far Eastern republic has carried out the task and it has been abolished.

Создание буферной Дальневосточной республики, которая существовала с 6 апреля 1920 по 15 ноября 1922 гг., диктовалось внутренними и внешними факторами: разрухой, невозможностью для Советской России одновременно вести борьбу против Польши, белогвардейцев на Юге России и Японии на Дальнем Востоке. Создание ДВР стало вторым по значению и масштабу после Брестского мира внешнеполитическим компромиссом Советской России, который позволил выиграть время и освободить регион от интервентов без прямого военного столкновения с Японией¹.

Следует согласиться с современным исследователем советской внешней политики В.А. Шишкиным, который считает, что после революции 1917 г. Россия с ее централизаторской по своей природе сутью к 1920 г. вернулась в значительной степени к прежней внешней политике. Советская Россия все больше возвращалась к защите национально-государственных ус-

тоев, геополитических установок, или, грубее, к «национал-большевизму» как воплощению русской государственной идеи в новой большевистской форме. Советская власть все больше выглядела как защита национальных интересов России². Нельзя забывать и о том, что 18 марта 1921 г. был подписан Рижский договор с Польшей, по которому страна потеряла территории Западной Украины и Западной Белоруссии. К началу 1921 г. геополитические позиции Советской России в различных регионах Евразии серьезно ослабли.

В данной статье авторы стремились уточнить ряд положений, осветить новые факты в истории внешней политики РСФСР и ДВР. Статья основана на опубликованных и архивных материалах, ряд которых вводится в научный оборот впервые.

Уже в «Декларации об образовании независимой Дальневосточной республики» от 6 апреля 1920 г. говорилось, что создающаяся на основах демократического правопорядка ДВР стремится

* Статья опубликована при поддержке Гранта РГНФ 05-01-88100а Т.

¹ Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т. 36. С. 332; Т. 40. С. 87; Т. 41. С. 129, 339, 340; Т. 42. С. 23, 61, 62, 63, 66–68, 93, 95, 120, 125, 170; Т. 44. С. 133, 548–549.

² Шишкин В.А. Становление политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб., 2002. С. 4–5, 331–334.

установить дружественные отношения со всеми странами, особенно соприкасающимися с ней, и приглашает правительства послать своих представителей для установления связи с новым государством³.

Строительство буферного государства осуществлялось на основе «Кратких тезисов по Дальневосточной республике», утвержденных Политбюро ЦК РКП (б) 13 августа 1920 г., решений пленумов ЦК от 4 и 12 января 1921 г. и прямых указаний В.И. Ленина. Согласно «Кратких тезисов о Дальневосточной республике» определялся характер взаимоотношений между РСФСР и ДВР. В Тезисах от 13 августа 1920 г. подчеркивалось, что «все существенные вопросы внутренней и все без исключения внешней политики... решаются с согласия центра»⁴.

Для решения поставленных перед буферным государством внешнеполитических задач был сформирован специальный орган – Министерство иностранных дел и его аппарат⁵. Через десять дней после провозглашения Дальневосточной республики, т.е. 16 апреля 1920 г., заместитель наркома по иностранным делам РСФСР Л.М. Карахан торопил руководство буфера с образованием министерства. «Передайте... – телеграфировал он Дальбюро ЦК РКП (б), – о необходимости скорейшего создания министерства и назначения министра иностранных дел. Сообщите дальше, что выступления «буфера» должны делаться с нашего ведома, чтобы мы могли поддерживать их и использовать, когда нужно их выступление. В этом основной смысл буфера». Л. М. Карахан предупреждал о крайней осторожности «в отношении японцев» и призывал «... не оставлять попыток к компромиссу при неременном условии прекращения интервенции...»⁶.

Вначале исполняющим обязанности министра иностранных дел был Б. З. Шумяцкий (Червонный), затем по совместительству – председатель правительства ДВР А. М. Краснощеков. Позднее МИД возглавили соответственно –

И. Л. Юрин (Дзевалтовский) и Я. Д. Янсон. Зачастую, дипломатические контакты министерством устанавливались не через дипломатических представителей Дальневосточной республики в зарубежных странах, а неофициальным путем. Ряд контактов был установлен через представителей Дальневосточного телеграфного агентства (ДальТА)⁷.

В момент создания ДВР в регионе сложилась крайне сложная и противоречивая обстановка. 4–6 апреля 1920 г японцы организовали кровавое выступление в Приморье, во время которого погибли около 7 тыс. воинов революционных сил, партизан и мирных жителей. Левые силы области были серьезно ослаблены, но создать марионеточное правительство интервентам не удалось, и уже 7 апреля Временное правительство Приморской областной земской управы вернулось к исполнению своих обязанностей. В то же время японская акция показала несвоевременность советизации региона.

Одновременно японский кабинет готовил эвакуацию своих войск из Забайкалья. К этому Токио толкали экономические трудности, протесты общественности против интервенции и давление со стороны РСФСР, ДВР и США как конкурента Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

11 мая 1920 г. командующий японскими экспедиционными войсками на российском Дальнем Востоке генерал Оой предложил правительству ДВР приостановить военные действия Народно-революционной армии республики против японских сил у Читы и установить нейтральную зону между двумя этими армиями. Ясно было, что эти меры были направлены для спасения белого режима атамана Семёнова, укрепления его связей с правыми силами Приморья для создания антисоветского буфера как альтернативы ДВР. Это было недвусмысленное предложение о переговорах. Возникла возможность дипломатическим путём ликвидировать

³ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955. С.442–444.

⁴ Щагин Э.М. В.И. Ленин и создание Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. С. 28–30.

⁵ Подробнее о структуре МИДа см. Орнацкая Т.А. Становление аппарата Министерства иностранных дел Дальневосточной республики // Четвёртые Гродековские чтения. Док. и пленарные докл. регион. науч.-практ. конфер. Хабаровск, 2004.

⁶ Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны (История Дальнего Востока России. Т. 3, кн.1). Владивосток, 2003. С. 380–381.

⁷ К октябрю 1921 г. Дальневосточное телеграфное агентство имело связь со многими информационными агентствами мира. Огромную роль сыграло ДальТА в установлении связей с иностранными государствами. Так, корреспондент ДальТА в Пекине А.Е. Ходоров в июле 1920 г. получил мандат от Министерства иностранных дел Дальневосточной республики на ведение соответствующей деятельности. До прибытия миссии ДВР под руководством И.Л. Юрина он проделал большую работу по установлению связей с МИД Китая. А.Е. Ходоров распространил ряд международных материалов (См. Геласимова А.Н. Дальневосточное телеграфное агентство (ДальТА) // За советский Дальний Восток. Владивосток, 1981).

так называемую «читинскую пробку» – территорию белого режима, которая разделяла Прибайкалье (с первоначальной столицей ДВР в Верхнеудинске) и Амурскую область. Обращаясь к В. И. Ленину с информацией о предложении японцев начать переговоры, А.М. Краснощёков просил его «срочно и официально выявить своё отношение к Дальреспублике в общем... и дать соответствующие инструкции своим дипломатическим представителям в Иркутске и на территории нашей республики, согласовать свои действия и заявления с общей политикой обеих республик по дальневосточному вопросу»⁸. В.И. Ленин и Г.В. Чичерин поддержали А.М. Краснощёкова, который дал согласие начать переговоры с японским командованием, и 14 мая 1920 г. Советское правительство официально признало правительство ДВР в Верхнеудинске⁹. Переговоры начались 24 мая 1920 г. на ст. Гонгота в Забайкалье. Делегацию ДВР возглавлял Ф.Н. Петров. Делегация Верхнеудинска ставила цель более широко – требовать прекращения военных действий и вывода японских войск со всей территории российского Дальнего Востока, отвода белых частей из зоны дислокации японских формирований, открытия железнодорожного сообщения и телеграфной связи по всей территории ДВР. Японцы же предложили заключить перемирие лишь на Читинском фронте и допустить к переговорам делегацию атамана Семёнова. Делегация ДВР отвергла эти требования. Сибирское бюро ЦК РКП (б) и Сибирский ревком рекомендовали придерживаться тактики затягивания переговоров с целью выиграть время для объединения областей вокруг Верхнеудинска (а не Владивостока, где были сильны позиции правых сил и японских интервентов) и ожидания успехов НРА в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Переговоры были прерваны из-за отсутствия у японской делегации полномочий вести переговоры о перемирии на всех фронтах и возобновились 1 июня 1920 г. К этому времени НРА нанесла ряд поражений японским и белым войскам в Забайкалье. Обострились и внутренние

трудности и внешние проблемы Японии. Но глава японской делегации Куросава стал обвинять ДВР в использовании конницы Будённого и отказался вновь вести переговоры о перемирии на всех фронтах. И опять переговоры были прерваны и возобновлены 10 июля, но в результате твёрдой позиции делегации ДВР 17 июля 1920 г. договор с Японией был подписан¹⁰. Согласно ему с 18 июля 1920 г. военные действия между Народно-революционной армией ДВР и японскими войсками прекращались¹¹. Останавливались и боевые действия НРА против белогвардейцев, так как в зоне последних могли оставаться японские части. Между противоборствующими войсками устанавливалась нейтральная зона¹². Кроме того, делегации подписали ноту-меморандум. В ней говорилось, что наилучшим средством к «установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством, без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств». В Меморандуме подчёркивалось, что «буферное государство не примет коммунизм за форму и должно носить народный, широко демократический характер». Кроме того, в договоре было зафиксировано, что на территории ДВР не имеют права находиться войска Советской России. Японцы, таким образом, пытались оговорить положение о том, что РСФСР не имела права оказать помощь ДВР. Однако японцы обещали не препятствовать созыву конференции областных правительств региона¹³. Заключение этого договора было важным успехом правительства ДВР, так как означало фактическое признание его как центрального правительства республики со стороны японских интервентов и устраняло угрозу наступления японских войск к западу от Читы против Народно-революционной армии.

Спасти белую армию в Забайкалье японцам не удалось. В ноябре 1920 г. остатки белогвардейских

⁸ Дальневосточная республика. 1920. 20 июля; Борьба за власть Советов в Приморье. С. 477–480; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920–ноябрь 1922 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. I. С. 179.

⁹ Борьба за власть Советов в Приморье. С. 476.

¹⁰ Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 319–320; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 382–383, 387–388.

¹¹ Дальневосточная республика. 1920. 20 июля; Борьба за власть Советов в Приморье. С. 477–480; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920–ноябрь 1922 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. I. С. 179–201.

¹² Для разгрома белогвардейцев части НРА стали действовать под видом партизан, которые, якобы, не подчинялись правительству ДВР.

¹³ Дальневосточная республика: Становление... Ч. I. С. 199–201.

частей были выбиты из Забайкалья в Маньчжурию и по КВЖД переправились в Приморье¹⁴.

В конце ноября 1920 г. все областные правительства региона объединились вокруг Верхнеудинского правительства ДВР, которое после разгрома белогвардейцев переехало в Читу. Но японские войска далеко не сразу покинули территорию Дальнего Востока. Японское правительство заявило, что так как «ни одна держава в географическом положении так тесно не связана с Сибирью, как наша Империя и ввиду того, что создавшаяся политическая обстановка на Дальнем Востоке не только непосредственно угрожает жизни и имущественному благополучию наших отдельных граждан, проживающих в Сибири, но и вообще миру в Корее и Манчжурии, мы с сожалением заявляем, что считаем невозможным немедленно эвакуировать наши войска из края»¹⁵.

Для ослабления натиска на буферную республику В. И. Ленин считал необходимым широко использовать противоречия между США и Японией¹⁶. Он указывал, что «противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран в течение многих десятилетий подготовило бездну горячего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»¹⁷. Сутью глобальной геополитики Советской России в условиях послевоенной разрухи и отлива революционной волны на Западе стало использование противоречий между Германией и Антантой в Европе и между США и Японией в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁸. Об этом свидетельствует советская политика в Европе (Генуэзская и

другие международные конференции, сотрудничество с Германией в 20-х гг. XX в.) и Азии.

Данная тактика не стала секретом для Токио. В Японии была развернута пропагандистская кампания, смысл которой состоял в том, что Советская Россия «хочет стравить» Японию и США¹⁹.

Однако дальнейшие события показали правильность оценки ситуации и тактики дипломатии РСФСР и ДВР. Хотелось бы подчеркнуть, что советская дипломатия (и дипломатия ДВР) действовали в конкретных исторических условиях и рамках этики международных отношений того времени. В условиях разрухи и резкого ослабления страны они ставила перед собой вполне определённые задачи ликвидации интервенции без военных действий со страной-организатором и участником иностранного вооружённого вмешательства. Так, на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. В. И. Ленин критиковал пацифизм тех, кто считал, что Советская Россия должна действовать на международной арене, не используя тайной дипломатии в условиях активизации враждебных сил²⁰.

Правительство ДВР, придерживаясь политики мирной ликвидации интервенции, прорыва политической и экономической блокады, стремилось продолжить международные переговоры и использовать не только разногласия между великими державами, но и их заинтересованность в экономических отношениях с Россией и Дальневосточной республикой. Важную роль в этом сыграли Дайренская, Вашингтонская, Генуэзская и Чанчуньская конференции. Характерной особенностью трёх вышеозначенных конференций явилась их определённая синхронность, а также то, что тактика делегации ДВР постоянно корректировалась в связи с началом и ожидаемыми результатами последующих переговоров. Так, Вашингтонская конференция начала свою работу, когда уже шли переговоры в Дайрене, а последние закончились уже после начала встречи в Генуе.

Летом 1921 г. Правительство ДВР в соответствии с директивами ЦК РКП (б), Дальбюро ЦК выступило с инициативой проведения новых переговоров с Японией об условиях прекращения интервенции на Дальнем Востоке. 12 июля 1921 г. Дальбюро ЦК, обсудив вопрос «О переговорах с японцами», постано-

¹⁴ 26 мая 1921 г. остатки белой армии с помощью японцев совершили переворот в Приморье. К власти пришло Временное Приамурское Правительство (ВПП) во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми. Антибольшевистскими силами был создан, по сути, белогвардейский буфер внутри ДВР, который поначалу был ограничен небольшой территорией Приморья. Позже белый режим распространил свою власть на Нижний Амур, Охотское побережье, Камчатку и часть Приамурья. Токио был заинтересован в существовании зависимого от него антисоветского буфера и «российского национального» прикрытия своей интервенции.

¹⁵ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 3. М., 1959. С. 480.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 56, 60, 63, 64–68, 81, 94–95, 99, 110. В.И. Ленин теоретически предположил, что при нападении Японии на Советскую Россию последняя может защищаться от страны Восходящего солнца с помощью США (См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 124–125).

¹⁷ Там же. Т. 36. С. 330.

¹⁸ Там же. Т. 36. С. 329–330, 492; Т. 42. С. 56.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 23, 56, 64; Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке. С. 198.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 172–173.

вило: «Поручить т. Юрину, ведение переговоров в духе указаний ЦЕКА и Наркоминдела»²¹. 13 июля И.Л. Юрин направил ноту японскому правительству об открытии переговоров. Предложение было принято. Местом переговоров был избран Дайрен (бывший порт Дальний).

Способствовал началу мирных переговоров ряд причин. Токио был вынужден учитывать укрепление позиций РСФСР. Комментируя подписание англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 г., газета «Осака Майнити» подчёркивала, что этот документ является большим успехом Ленина, и это скажется на дальневосточной политике Москвы. «Надо ожидать, что Краснощёков будет ставить себя выше»²².

К середине 1921 г. в самой Японии осложнилась внутривластная ситуация. Для японского правительства переговоры с ДВР служили уступкой антивоенному общественному мнению в своей стране и ответом на давление со стороны США. Данные аналитиков из дипломатических кругов и разведслужб ДВР свидетельствовали, что Япония пошла на Дайренскую конференцию ввиду финансовых трудностей из-за интервенции. Япония закончила 1921-й год с бюджетным дефицитом в 400 млн иен, внешняя торговля страны оказалась в значительной степени подорвана, золотой запас уменьшился почти на 100 млн иен. В военных кругах намечался раскол: военное министерство стояло за сокращение интервенции, генштаб – за ее усиление. Готовность Японии пойти на Дайренскую конференцию свидетельствовала о том, что сторонникам окончания интервенции из «штатских» удалось «победить» милитаристов. В неофициальных кругах Японии зрела мысль о соглашении с Советской Россией. Безусловными сторонниками эвакуации японских войск с российского Дальнего Востока были круги, интересы которых выражали либеральные издания «Иомиури», «Осака Майнити» и «Асахи»²³. Правда, клика военных не сдавалась и почти открыто заявляла, что не допустит, чтобы Дайренские переговоры окончились компромиссом с ДВР²⁴. Агрессивно настроенные японские политики рассчитывали осуществить средствами дипломатии то, что не удалось добиться силой. Одновременно японское командование вело подго-

товку к вооруженному нападению белых сил на ДВР со стороны Южного Приморья.

Дайренская конференция работала с 26 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г.

Японскую делегацию в Дайрене возглавлял бывший генеральный консул во Владивостоке Мацусима.

ДВР представляли заместитель председателя Совета министров Ф. Н. Петров, секретарь Дальбюро ЦК РКП (б) П. Ф. Анохин и заместитель министра иностранных дел И. С. Кожевников. В качестве военного советника делегации участвовал Военный министр ДВР и главком НРА В. К. Блюхер. Первоначально делегацию ДВР на переговорах в Дайрене возглавлял министр иностранных дел ДВР И. Л. Юрин (Дзевалтовский), лишь позже делегацию возглавил Ф. Н. Петров. Это было сделано вследствие того, что И. Л. Юрин, не имея четких инструкций, на первых заседаниях конференции допустил ряд оплошностей. Об этом неоднократно заявлял народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин, который внимательно отслеживал ход переговоров²⁵. 24 сентября 1921 г. Дальбюро ЦК РКП (б) отметило, что «ошибки нашей делегации были вызваны исключительно неправильными действиями И. Л. Юрина, начавшего переговоры вопреки общей линии, намеченной в переговорах»²⁶.

Делегация ДВР, в связи с тем, что часть территории Дальнего Востока (Камчатская область) относится к РСФСР, потребовала пригласить советского представителя. Японская сторона долго на это не соглашалась. Наконец, 7 октября 1921 г. она дала согласие на участие его в «комиссии по специальным вопросам». К ним были отнесены вопросы, связанные с Камчатской областью (рыболовные и др.). 24 октября из Москвы для участия в дайренских переговорах выехал представитель РСФСР Ю.Ю. Мархлевский. Японская делегация лишь в конце ноября согласилась признать его в качестве «частного лица»²⁷.

Конференция проходила в очень сложных условиях. Ещё перед её началом для запугивания ДВР и зондажа общественного мнения русского Дальнего Востока японской стороной намеренно было осуществлено распространение фальсифи-

²¹ Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Новосибирск, 1974. С. 106–107.

²² Цит. по: Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 79.

²³ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 1181, л. 20; ф. 495, оп. 127, д. 8, л. 29.

²⁴ Там же, ф. 372, оп. 1, д. 108. л. 52–52 об.

²⁵ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 23, 34, 35; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 109.

²⁶ Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 109.

²⁷ Дальний Восток России в период революций и гражданской войны. С. 548.

цированных сведений. 24 июня 1921 г. в эмигрантской харбинской газете «Новости жизни» была помещена статья, в которой сообщалось, что заместитель министра иностранных дел ДВР И. С. Кожевников и член японской дипломатической миссии Шимада заключили временное русско-японское секретное соглашение, состоящее из 10 пунктов. Часть этих пунктов соглашения прямо совпадала с тяжёлыми для ДВР японскими предложениями в Дайрене²⁸.

Японская делегация заняла довольно жёсткую позицию. Мацусима отказался заключить договор о дружбе между Японией и ДВР, так как не считал это необходимым для заключения торгового договора. Японская делегация постоянно настаивала на безусловной секретности переговоров и т. д.²⁹.

Негативное отношение к ДВР и её дипломатам проявляли и китайские власти. Министр иностранных дел ДВР Я. Д. Янсон делал неоднократные протесты министру иностранных дел Китая в связи с задержанием дипломатических курьеров Читы, досмотра их багажа и снятия копий с документов³⁰. В октябре 1921 г. китайские таможенники задержали и досмотрели на ст. Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги дипломатический багаж главы делегации ДВР Ф. Н. Петрова³¹. Курьер, отправленный делегацией ДВР из Дайрена с секретными документами, требующими срочного ответа правительства, вынужден был вернуться назад, поскольку под давлением японского представителя при правителе Маньчжурии маршале Чжан Цзолине мукденские власти отказались наложить соответствующую визу³².

5 сентября 1921 г. делегация ДВР внесла состоящий из 29 пунктов проект соглашения «О мире, дружбе и торговле», который предусматривал равноправие сторон и их взаимную выгоду³³. В данном проекте был поставлен вопрос об эвакуации японских войск с территории Дальнего Востока в месячный срок. В беседе с корреспондентом ДальТА Ф. Н. Петров заявил, что представители республики явились в Дайрен «с вполне определённым мандатом — добиться немедленной эвакуации японских войск» и для

этого готовы были предоставить Японии «известные компенсации в виде некоторых коммерческих, экономических выгод»³⁴.

В ответ на это предложение, японская сторона выдвинула свои предложения, которые, по сути, носили захватнический характер. 26 сентября японская делегация вручила свой проект «Соглашения о торговле и прочем», который имел 17 пунктов³⁵. К проекту были приложены 3 секретных пункта. Особое значение имел второй, в котором указывалось, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области «по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя». Японские требования включали ликвидацию российских военных укреплений и военного флота на Тихом океане, превращение Владивостока в чисто торговый порт под иностранным контролем, свободное плавание японских кораблей во внутренних российских водах, беспопышную торговлю японских подданных. Япония настаивала на пересмотре ранее принятых рыболовных конвенций, расширении прав японских рыбопромышленников, подтверждении договоров с прежними российскими правительствами и белыми властями, аренде Северного Сахалина как компенсации за «николаевский инцидент» и т.д. Японская сторона требовала не вводить на территории Дальнего Востока коммунистический режим и сохранить принцип частной собственности, а также ввести право частной собственности японских подданных на землю в пределах российских владений. Понятно, что принятие этих условий делегаций ДВР превратило бы республику в полуколонию Японии. Г.В. Чичерин в телеграмме министру иностранных дел ДВР Я.Д. Янсону 8 октября 1921 г. подчёркивал, что политика «открытых дверей» в торговле между ДВР и Японией будет означать закрытие границ между РСФСР и Дальневосточной республикой, и тогда последняя превратится в «экономический привесок Японии»³⁶.

Японские финансисты и промышленники надеялись, что «17 требований» будут реализованы, и они получают на российском Дальнем Востоке рынок сбыта и источники сырья. В Дайрен выехала группа японских предпринимателей

²⁸ АВПРФ, ф. 492, оп. 1, п. 1, д. 3, л. 76.

²⁹ АВПРФ, ф. 08, оп. 5, п. 3, д. 16, л. 38–44.

³⁰ Там же, ф. 492, оп. 1, п. 2, д. 4, л. 130–132, 140–141.

³¹ Там же, ф. 492, оп. 1, п. 1, д. 3, л. 154.

³² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 7 а, л. 214.

³³ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 724.

³⁴ Цит. по: Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962. С. 237; Петров Ф.Н. 65 лет в рядах Ленинской партии. Воспоминания. М., 1962. С. 73–93.

³⁵ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 784.

³⁶ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 23.

с целью повлиять на японских дипломатов для скорейшего заключения соглашения с ДВР³⁷.

В связи с рядом непродуманных шагов И. Л. Юрина, о которых говорилось выше, Г. В. Чичерин телеграфировал Я. Д. Янсону: «Пусть Петров запрашивает обо всем и ни шагу не предпринимает сам под страхом отозвания и привлечения к ответственности»³⁸. Об этом же тревожился Ю. Ю. Мархлевский, когда информировал НКВД РСФСР о переговорах в Дайрене. Он считал, что «японцы ведут двойную игру и на всякий случай не желают «компрометировать себя» официальными переговорами с нами» и подчёркивал, что японцы шантажировали Петрова и Блюхера тем, что попытаются перевести остатки врангелевских войск из Европы на Дальний Восток и двинуть их против ДВР³⁹. Ю. Ю. Мархлевский даже считал, что Петров «нервничает», «поддаётся панике и успел заразить также Блюхера. Именно поэтому я согласен приехать в качестве частного лица»⁴⁰.

В ходе переговоров делегация Читы по согласованию с НКВД РСФСР и МИД ДВР готова была пойти на некоторые экономические уступки Японии. Например, обсуждались возможности предоставления японскому капиталу участия в пароходных компаниях ДВР, права участия в каботажном плавании, признания прав уже приобретённых гражданами двух стран в том виде, как они есть, если эти права не противоречат законам этих стран. ДВР обязалась предоставить японским промышленникам концессии на горные и лесные промыслы на взаимовыгодных условиях. Петров и Мархлевский намеревались предложить японской стороне сделать Владивосток, Отаро или Хакодате чисто торговыми портами для взаимовыгодной торговли и т.д.⁴¹

В Дайрене был остро поставлен вопрос о Северном Сахалине, оккупированном Японией в

качестве «компенсации» за «николаевский инцидент»⁴². 11 октября 1921 г. Чичерин запрашивал Янсона: «Может быть, японцы согласились бы взять как отступные Северный Сахалин за всё остальное и оставить в покое ДВР. Нельзя ли позондировать?»⁴³. Японская сторона поставила вопрос, чтобы за эвакуацию северной части острова и Николаевска-на-Амуре частное японское общество взяло Северный Сахалин в аренду на 60 лет. 24 ноября 1921 г. Чичерин сообщал Янсону, что НКВД стоит за то, чтобы согласиться на это, но после максимальной торговли⁴⁴.

Как уже отмечалось, Дайренские переговоры некоторое время шли одновременно с Вашингтонской конференцией, которая открылась 12 ноября 1921 г. Поэтому Москва и Чита изменили тактику в Дайрене. Надеясь на успех делегации ДВР в Вашингтоне, Политбюро ЦК РКП (б) 24 ноября 1921 г. заслушало предложение Чичерина о переговорах в Дайрене и постановило максимально тянуть время, стараясь выждать результаты Вашингтонской конференции⁴⁵. В своих воспоминаниях Петров писал, что он получил директиву Чичерина «учитывать противоречия империалистов на Вашингтонской конференции и продолжать занимать твердую позицию в Дайрене»⁴⁶. Дипломаты ДВР исполь-

⁴² В феврале 1920 г. партизанские отряды, действующие в низовьях Амура («Красная Армия Николаевского района») под командованием анархиста-максималиста Я. Тряпицына, заключили договор о нейтралитете с японским гарнизоном и вошли в Николаевск-на-Амуре. Но 12 марта 1920 г. японский гарнизон (350 чел.) и местная японская колония (380 чел.) напали внезапно на партизан, но были разгромлены. Позже почти все японские пленные были расстреляны. Тряпицын, используя мощную местную радиостанцию, сообщил всему Дальнему Востоку и даже Москве о своём неприятии идеи буферной республики и призвал все революционные силы региона к войне с Японией. 22 марта 1920 г. НКВД РСФСР выразил сожаление в связи с происшедшими событиями в Николаевске-на-Амуре и вновь предложил начать мирные переговоры между Советской Россией и Японией. Однако правящие круги Японии развернули мощную пропагандистскую кампанию и заявили о необходимости «компенсации» за «николаевский инцидент». Весной-летом 1920 г. японцы высадили десант в низовьях Амура и заняли Северный Сахалин. Японский исследователь В. Фудзимото подчёркивал, что главной целью занятия Северного Сахалина было удержание нефтяных и угольных месторождений. (См. Дальневосточная республика: Становление... Ч. I. С. 28–39, 225–232; Лёвкин Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 104–128; Фудзимото В. Дальневосточная республика и Япония // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международного науч. конф. Владивосток, 1997. С. 141 и др.).

⁴³ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 69. л. 24–25.

⁴⁴ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1950, л. 1; ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 40.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 69. л. 40.

⁴⁶ Петров Ф.Н. Переговоры управляющего ДВР с представителями Японии // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. М., 1973. С. 237.

³⁷ Там же, д. 1165. л. 25.

³⁸ Там же, д. 69. л. 24–25.

³⁹ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 1950, л. 1, 2. Временное Приамурское правительством пыталось добиться от Франции переброски врангелевцев в Приморье и оплаты расходов по этой операции. Об этом ходатайствовал глава внешнеполитического ведомства В.С. Колесников в письме к бывшему российскому послу в Париже В.А. Маклакову 24 июня 1921 г. Однако французское правительство в виду полной бесперспективности данного шага не пошло на расходы по организации этой акции. Вот почему ни В.А. Маклаков в Париже, ни В.Н. Крупенский в Токио после запроса японского МИДа не обнадежили В.С. Колесникова в этом вопросе (См. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 264, 330).

⁴⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1950. л. 1, 2.

⁴¹ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2190, л. 169; д. 2191, л. 3, 12; ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 4.

зовали ту же тактику «затяжки», которую применяли в Гонготе.

Правительство ДВР пыталось вовлечь США в обсуждение вопроса о Сахалине путём предоставления концессий на острове нефтяной компании «Синклер»⁴⁷. Однако сотрудники компании не были допущены на остров японцами, что ещё больше обострило японо-американские противоречия.

В то же время США опасались, что в рамках проведения переговоров в Дайрене, будет заключено соглашение между ДВР и Японией, и в связи с этим в Читу был направлен неофициальный представитель Колдуэлл, бывший в этот период консулом в Кобе. Миссия Колдуэлла должна была создать у руководства ДВР впечатление, будто США всерьёз намерены пойти на установление отношений с республикой и тем самым помочь делегации ДВР в Дайрене устоять перед японскими домогательствами. Одновременно пребывание Колдуэлла в Чите должно было оказать сдерживающее воздействие на японскую военщину, лишить ее свободы действий на Дальнем Востоке, заставить считаться с интересами США. В то же время американскому консулу в Дайрене Кирджасову было поручено сообщить делегатам ДВР об отрицательном отношении Вашингтона к каким-либо территориальным или административным изменениям в Восточной Сибири (прозрачный намек на заинтересованность США в том, чтобы без их участия не было достигнуто соглашение между ДВР и Японией)⁴⁸.

Но 9 декабря 1921 г. конференция в Дайрене была прервана из-за наступления «белоповстанческих» отрядов, костяк которых составляли каппелевцы (остатки бывших колчаковских формирований), из Приморья на Хабаровск. Они

были вооружены японским командованием. Токио стремился таким образом оказать давление на ДВР. 22 декабря белогвардейцы, пользуясь ошибками правительства ДВР и командования НРА, взяли без боя Хабаровск. Иницируя поход белых против ДВР (японские войска в нём не участвовали), Япония стремилась расширить зону своего влияния и закрепить это положение на Вашингтонской конференции⁴⁹.

Известный историк Б.М. Шерешевский считал, что Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР переоценили дипломатические способы борьбы и недооценили опасность похода белоповстанцев со стороны Приморья. Заместитель председателя Правительства ДВР Д.С. Шилов писал, что правительство и не ждало зимней военной кампании в Приморье, полагая, что меркуловщина ликвидируется мирным путём⁵⁰.

19 января 1922 г. японцы выставили в Дайрене «пять требований», которые означали несколько урезанную программу экспансии на Сахалине. Японцы заявили, что они желают получить концессии на Сахалине на основе законов ДВР с условием предпочтения в правоискательстве японским промышленникам, но чтобы это было оговорено секретной нотой. Петров и Мархлевский готовы были на это согласиться. Но в то же время в этом документе говорилось о сохранении японской оккупации Северного Сахалина под предлогом «николаевского инцидента». Японская сторона даже предложила исключить вопрос об освобождении северной части острова из переговоров. Данная непоследовательность и даже противоречивость была весьма характерна для поведения японской делегации. Здесь просматривался не только шантаж россий-

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2191, л. 2; АВПРФ, ф. 08, оп. 5, п. 14, д. 3, л. 18.

⁴⁸ Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. С. 551–552. Так, 7 июля 1921 г. из Пекина выехала сначала во Владивосток, а затем в Читу, Благовещенск и Хабаровск целая миссия в составе советника пекинского посольства Эббота, военного атташе полковника Дейвиса и вице-консула США во Владивостоке Смита. Миссия имела возможность непосредственно ознакомиться с положением в ДВР. Смит остался в Чите в качестве «неофициального» американского консула, а Эббот срочно выехал для личного доклада в Вашингтон. Позже Смита сменил Колдуэлл, а его, в свою очередь, – американский разведчик майор Феймонвилл. Летом-осенью 1922 г. в ДВР побывали американские журналисты Симон Лери и Дрю Пирсон. (См. ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 144, л. 70; Вехи (Хабаровск). 1922. 29 сент.; Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. С. 324).

⁴⁹ Главком НРА и Военный министр ДВР В.К. Блюхер был назначен военным советником делегации в Дайрен в разгар военной реформы в республике. Он вернулся в Читу за 4 дня до сдачи белогвардейцам Хабаровска. Об ошибочности назначения Блюхера советником в Дайрен предупреждал В.М. Молотов 14 октября 1921 г. член Сиббюро ЦК РКП (б) М.И. Губельман. 17 декабря 1921 г., В.К. Блюхер дал командующему Восточным фронтом НРА С.М. Серышеву директиву не сдавать город белогвардейцам, поскольку его потеря может иметь тяжёлые последствия в Вашингтоне и Дайрене. При занятии Хабаровска белыми «меркуловское правительство может быть признано равноценным с правительством ДВР» (См. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2190, л. 159; ГАХК, ф. 849, оп. 1, д. 200, л. 8; Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 159–190; Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 313; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 124).

⁵⁰ Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 123–124.

ских партнёров по переговорам⁵¹. Как уже подчёркивалось, в правительстве Японии шла борьба между сторонниками соглашения с ДВР и милитаристской кликой, стоявшей за продолжение интервенции. Временно взяла верх последняя, и даже после разгрома белогвардейцев под Волочаевкой японская делегация стала вновь настаивать на своих «17 пунктах».

Дайренская конференция завершилась в апреле 1922 г. ввиду бесперспективности дальнейшего продолжения обсуждения затронутых ею вопросов⁵². Своим итогом она имела одно единственное соглашение – обмен корреспондентами телеграфных агентств. В Японию таковым был послан В.Г. Антонов, а от японцев в ДВР – полковник – Мике. Именно через них правительства ДВР и Японии договорились о конференции в Чаньчуне⁵³.

В июле 1921 г. президент США У. Гардинг выступил с инициативой провести в Вашингтоне международную конференцию по ограничению морских вооружений. На ней также предполагалось обсудить политическую ситуацию и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вашингтонская конференция, как и Версальская, должна была закрепить раздел мира между великими державами после Первой мировой войны. Конференция проходила с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 гг. Ещё 28 марта 1921 г. А. М. Краснощеков обратился к государственному секретарю США Юзу с нотой, в которой по поручению Учредительного собрания ДВР просил согласия на посылку в США миссии ДВР⁵⁴. Госдепартамент не ответил на эту ноту. В начале сентября 1921 г. И. Л. Юрин вновь поставил вопрос перед посольством США в Пекине о допуске делегации ДВР в США. На этот раз госдепартамент дал согласие на приезд в США торговой делегации ДВР, обещав оказать ей «неформальную помощь» и оговорив, что это не означает официального признания ДВР. Соединенные Штаты крайне нуждались в союзниках при давлении на Японию. По поручению госдепартамента посол в

Китае Шерман сообщил правительству ДВР, что Вашингтон согласился на допущение торговой делегации ДВР для переговоров об установлении экономических отношений между США и Дальневосточной республикой. Когда уже делегация получила визы, она была приглашена на приём к Шерману, который подчёркивал, что делегаты не должны вмешиваться во внутренние дела США и отношения с другими правительствами и что ссориться из-за русского Дальнего Востока с японцами американское правительство не желает⁵⁵.

О важности переговоров для Советской России и Дальневосточной республики свидетельствует и то, что представителей делегации ДВР назначало не только правительство буферной республики, но и правительство РСФСР. В.И. Ленин занимался подбором кадров не только для работы на международных конференциях, но и в аппарате МИД ДВР. Он сам давал указания о желаемых людях, которых необходимо было назначить в дипломатические миссии⁵⁶. Представителями ДВР на Вашингтонскую конференцию были назначены А.А. Языков, П.М. Караваев, Б.Е. Скворский, причём первый был утверждён Политбюро ЦК РКП (б)⁵⁷.

Перед дипломатией буферной республики была поставлена цель – добиться признания ДВР и заинтересовать американский бизнес в торговле с ДВР. Необходимо было, использовав противоречия между США и Японией, заставить уйти последнюю с русского Дальнего Востока.

В начале декабря 1921 г. делегация ДВР прибыла в Вашингтон и вручила госдепартаменту свои полномочия на право представительства ДВР в США и на участие Вашингтонской конференции. Однако к участию в работе конференции делегация не была допущена. США и другие державы были настроены резко антисоветски и желали видеть Японию антибольшевистским бастионом на Дальнем Востоке, но в то же время не желали закрепления Страны восходящего солнца в регионе. Поэтому США проявили двойственность и нерешительность по отношению к политике Японии. Вашингтон был даже готов пойти на уступки Японии в так называемом «сибирском вопросе»⁵⁸. Аналогичные колебания проявляла и Великобритания.

Япония же крайне опасалась, что на Вашингтонской конференции в рамках обсуждения дальневосточного вопроса будет принято реше-

⁵¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2191, л. 2; Лопачёв А. Освобождение Северного Сахалина: борьба советской дипломатии за освобождение северного Сахалина (1920–1925 гг.). Южно-Сахалинск, 1989. С. 47.

⁵² Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. С. 323–328.

⁵³ В. Г. Антонов находился в Токио под постоянным надзором. Корреспонденты либеральных газет боялись появляться около его квартиры, зато его осаждали под видом репортёров различные работники японских спецслужб (См. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1950, л. 4).

⁵⁴ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 35.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 373, оп. 1, д. 13, л. 13; д. 14, л. 6.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 140, 550–551.

⁵⁷ Там же. С. 551.

⁵⁸ Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 552–554.

ние, которое ущемит ее интересы в этом регионе. Было ясно, что японцы, прикрываясь переговорами, будут выжидать результатов Вашингтонской конференции и, вероятно, попытаются предпринять на Дальнем Востоке новые авантюры. 23 января 1922 г. на конференции обсуждался «сибирский вопрос». На заседании дальневосточной комиссии, как это было согласовано, первым выступил японский делегат Сидехара. Он зачитал обширную декларацию, в которой Япония заявляла о своем бескорыстии в делах Дальнего Востока и полном нейтралитете в борьбе русских партий. В качестве доказательства Сидехара ссылался на Дайренскую конференцию. В заявлении главы японской делегации вновь прозвучало оправдание японской интервенции на российском Дальнем Востоке: содействие чехословакам, защита японских подданных, осевших в Сибири, обеспечение безопасности корейской границы, «николаевский инцидент», после чего, мол, Японии «оставалась лишь одна *альтернатива* (выделено авт.), а именно занять в качестве репрессалии некоторые пункты русского Сахалина»⁵⁹. Система управления Японией острова Сахалин могла бы служить моделью оккупационных порядков на всём российском Дальнем Востоке⁶⁰.

⁵⁹ Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 202–209. Японская сторона проводила торги на рыболовные промыслы и крабовые участки в акватории Сахалина, но не допустила на них русских рыбопромышленников. МИД и Торгово-промышленная палата ДВР неоднократно выражали протесты против насильственного захвата рыбных промыслов, но они оставались без ответа. Кроме того, в начале 1922 г. председатель японского Биржевого комитета Ямануги представил своему правительству счета промышленников, в которых отражены убытки, понесённые ими за годы революции в России. Однако правительство сочло сумму в 3 млн иен завышенной в 2 раза. Японцы заключали фиктивные договоры о продажах, арендах и концессиях с белым меркуловским правительством, а потом требовали от ДВР признания всех этих соглашений (См. РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, д. 37, л. 2-3; Лопачёв А. Указ. соч. С. 25).

⁶⁰ Система управления на Юге Сахалина строилась по колониальному образцу, подобно Корее и Тайваню. В 1920 г. для Северного Сахалина был введён «Сборник оккупационных нормативных актов», который резко ограничивал права 35 тыс. русских на острове. Японцы ввели для русских ряд повинностей, ограничили их права на аренду земельных и рыболовных участков, закрыли русские артели, запретили торговлю скотом и т. д. Остров наводнили японские коммерсанты, которые развернули спекуляцию продуктами питания. Японские фирмы вели хищнический промысел рыбы и пушного зверя. Быстро развивалась добыча угля для японского флота. Фирма «Кухара» вела разведку нефти. 10 тыс. японских рабочих строили железную дорогу с Юга на Север острова (См. Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917–1925 гг.). Сб. док. и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. С. 146–148, 158–170, 174–191; Сонин В.В. Японский оккупационный режим на Северном Сахалине (1920–1925 гг.) // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1988).

«Основанием» экспансионистской политики Японии служили не только «николаевский инцидент» и убытки японских резидентов в России за годы революции, но и пресловутое «жизненное пространство». Милитаристски настроенные политики Токио, опиравшиеся на феодально-аграрные круги, ставили вопрос о том, что Япония, якобы, не может больше из-за перенаселения оставаться в границах своих островов и должна расширить свои границы за счёт соседних государств. Это нашло поддержку и у торгово-промышленных кругов страны. Согласно плану японского генштаба и карты «Будущей Японии», составленных в конце XIX в., расширение империи должно начаться с образования прочной базы на ближайших берегах азиатского континента и с превращением всего водного пространства, замкнутого между Японскими островами, Сахалином, берегами русского Приморья и Кореи, во внутреннее Японское море⁶¹. Однако пресса (кроме японской), освещающая ход Вашингтонской конференции, с цифрами доказывала, что перенаселения Японии нет и никогда не было⁶².

Делегация ДВР в Вашингтоне развернула активную антияпонскую пропагандистскую кампанию. В конце декабря 1921 г. делегация ДВР опубликовала в Вашингтоне серию секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших грабительские цели Японии на Дальнем Востоке⁶³. 31 декабря 1921 г. делегацией была созвана пресс-конференция, на которой присутствовали корреспонденты американских, европейских и китайских газет. Им и были представлены указанные документы, которые выявили существование секретного соглашения между Японией и Францией о создании на Дальнем Востоке подчиненного Японии марионеточного белогвардейского государства⁶⁴. Международное политическое острие этого соглашения как явствовало из документов, было направлено против Соединенных Штатов. Опубликованная делегацией ДВР французская нота от 2 сентября 1921 г. раскрывала существование тайного сговора этих стран относительно Вашингтонской конференции и дипломатического блока, направленного против Америки.

⁶¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, д. 37, л. 15, 18, 20, 29.

⁶² Там же, д. 8, л. 16, 29.

⁶³ ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 21–44; ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 154, л. 1–30.

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 373, оп. 1, д. 13, л. 44–46.

Опубликованный делегацией текст договора, подписанный представителями Японии, Франции и белогвардейцев 12 марта 1921 г., предусматривал превращение Дальнего Востока усилиями трех сторон в японскую колонию. Франция и Япония должны были, согласно этому договору, перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР. Эффект, от публикации был колоссальный. Впечатление, произведенное ею на участников конференции, журналисты сравнивали со «взрывом бомбы». Не менее ясно политика Японии вскрывалась и в ряде други, опубликованных делегацией ДВР документов, разоблачавших, в частности, поддержку, которую Япония оказывала белогвардейцам Семенову и Унгерну⁶⁵.

28 января 1922 г. делегация ДВР в Вашингтоне выступила с Меморандумом к делегациям стран-участниц конференции о немедленном выводе японских войск с территории Дальнего Востока. Делегация Дальневосточной республики подчёркивала лицемерие японского правительства, которое только за один 1921 г. 11 раз давало обещания эвакуировать войска с российского Дальнего Востока, но так и не сделало этого. В то же время представители ДВР не снимали ответственность за интервенцию с других держав⁶⁶.

Японская делегация всеми силами пыталась дезавуировать документы, которые опубликовала делегация ДВР в Вашингтоне о тайных соглашениях между Францией и Японией по поводу согласованных выступлений и переброски белых войск на русский Дальний Восток.

На Дайренской конференции японская делегация получила инструкции шантажировать членов делегации ДВР тем, что дальнейшее ведение пропаганды в этом направлении может серьезно повлиять на успешность переговоров⁶⁷.

Временное Приамурское Правительство (ВПП) братьев Меркуловых также претендовало на свое участие в Вашингтонской конференции и

пыталось представить себя единственным законным правительством на российском Дальнем Востоке. В США из Владивостока была послана довольно представительная делегация.

Однако Япония и США отказались обсуждать вопросы задолженности союзного командования Уссурийской железной дороге и Владивостокскому порту, статуса КВЖД и даже пытались осуществить план её интернационализации.

Несмотря на то, что делегацию белого Приморья принял госсекретарь США Юз, ни белое правительство во Владивостоке, ни ДВР так и не были признаны ни одним государством. И в этом также проявилась двойственность политики США.

На конференции ни одна из держав не подержала притязания Токио на привилегированное положение в Восточной Сибири и в той или иной форме осудила присутствие японских войск в Приморье и на Северном Сахалине. Делегация США, несмотря на общий антисоветский настрой, потребовала «полного отзыва японских войск со всей русской территории» и «вернуть Сахалин русскому народу»⁶⁸.

В преддверии Генуэзской конференции японская делегация представила в Вашингтоне «Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской Империи, ныне именуемой Дальневосточной республикой». Этот документ был разработан по взаимному соглашению представителями Японии и Франции. По замыслу министра иностранных дел Японии Усида он должен быть реализован на предстоящей Генуэзской конференции, если Советская Россия не примет условий иностранных держав по возврату долгов и реституции имущества. Протокол (и другие документы, попавшие в руки разведки ДВР в 1922 г.) предполагал ввод на российский Дальний Восток международных сил, в которых главную роль должны играть японские войска. Это был очередной план японской интервенции на российском Дальнем Востоке, который предусматривал создание новых структур управления для всех новых территориальных образований – губернаторств, департаментов, округов, общин, которые должны быть образованы на основе соответствующих статей протокола. Первые пять лет руководить «умиротворением» российской территории должен был японский генерал-

⁶⁵ Дипломаты США неоднократно делали представления японским официальным лицам по поводу поддержки атамана Семёнова. США способствовали тому, что Семёнов не был допущен к власти в белом Приморье летом-осенью 1921 г. (См. Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С.93, 95).

⁶⁶ ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 712; Победа Советской власти на Северном Сахалине. С. 204–206.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 1181. л. 42–43.

⁶⁸ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921–1922 годов. Полный перевод актов и документов. М., 1924; Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 213–214.

губернатор с весьма широкими полномочиями, которыми обычно наделялись наместники императора. В его распоряжении должны быть военные силы из числа японских войск. Препроводительные письма к Протоколу были направлены представителям Франции, Англии и США. Японское правительство инструктировало барона Сидехару опровергать все заявления делегации ДВР в США и материалы в американской прессе относительно этого документа⁶⁹. Но протокол лишний раз подтвердил наличие японо-французского сговора против РСФСР и ДВР.

Японское предложение не было принято ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу правильной тактики дипломатии РСФСР и ДВР, из-за укрепления позиций Советской России, близости окончания гражданской войны и интервенции в России и заинтересованности держав в экономических отношениях с Советской страной и Дальневосточной республикой.

Это был успех дипломатии ДВР и РСФСР: Японии не удалось организовать объединённую интервенцию против Советской России, как это было в 1918 г.⁷⁰ И хотя США пытались вести дело одновременно и с правительством ДВР, и с белым приморским режимом, они, выступая против своего конкурента Японии, объективно способствовали прекращению японской интервенции на российском Дальнем Востоке⁷¹.

Более того, часть американского бизнеса и политических кругов выступали за улучшение отношений между США и РСФСР и ДВР. За активизацию советско-американских отношений, признание РСФСР и ДВР выступали сенатор Бора, бывший командующий американскими экспедиционными войсками на российском Дальнем Востоке генерал В. Гревс, бывший представитель Красного Креста в России полковник Р. Робинс, сотрудники Межсоюзного железнодорожного комитета Дж. Стивенс, Ч. Смит, бывший губернатор штата Индиана Гудрич и другие политические деятели и бизнесмены. Делегация ДВР встречалась в Ва-

шингтоне с председателем комиссии Сената по иностранным делам Лоджем, сенаторами Бора, Френсом, Джонсоном. Хорошие отношения у делегации сложились с прогрессивными представителями американской прессы – Керчвей из журналов «Нью Рипаблик» и «Нэйшн», Брюсом Бливей из «Нью-Йорк Глобал», Чарльзом Морицем из «Нью-Йорк Уорлд», Эльмаром Девисом из «Нью-Йорк таймс», Эвансом из агентства «Ассошиэйтед пресс», журналистами из американских «Норт Чайна стар», «Чайна пресс», британских «Тяньцзинь Таймс» и «Пекин дейли ньюс» и др. В этих печатных органах публиковались материалы, представленные делегацией Читы, освещался ход Вашингтонской и Дайренской конференций⁷².

Для ознакомления американских финансистов и предпринимателей с состоянием экономики республики делегация опубликовала в Вашингтоне брошюры «Золотые промыслы ДВР», «Серебро-свинцовая промышленность ДВР», «Угольные копи», «Лесное дело», «Пушное дело», «Рыбопромышленность», «Торговля и промышленность ДВР». Правда, делегация отказывалась вступать в обсуждение конкретных предложений по существу, но старалась поддерживать связи с деловыми людьми США с целью использования их не только для заключения концессионных договоров, но и для кампании по признанию ДВР⁷³. В период деятельности делегации ДВР в США была создана инициативная группа американских бизнесменов для эксплуатации золотых и лесных концессий в ДВР⁷⁴.

Заинтересованность бизнесменов США в коммерческих сделках с ДВР выразилась в том, что летом 1922 г. в Читу стали поступать предложения на золотоносные, вольфрамовые, лесные концессии. Железнодорожные компании интересовались возможностями восстановления и строительства железных дорог в Дальневосточной республике⁷⁵. Однако развитию сотрудничества с США мешала позиция Вашингтонской администрации, которая не признавала ни РСФСР, ни ДВР. Именно поэтому не удалось заключить договор о сдаче в концессию п-ва Камчатка американскому консорциуму Вандер-

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 1181, л. 42-43; Николаев С. «Маки-Мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 16-17; Чумаков Н.С. За рекой – главный противник // На защите Отечества. Хабаровск, 2001. С. 44.

⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 245-246.

⁷¹ В августе 1922 г. Верховный правитель Приамурского Земского края М.К. Дитерихс даже пытался просить правительство США возобновить интервенцию, передать оружие в обмен на различные концессии на льготных условиях. Но США также не пошли на это (См. ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 147, л. 39, 47, 93, 129, 163).

⁷² РГАСПИ, ф. 373, оп. 1, д. 16, л. 24, 25, 27-28, 39, 40; ф. 495, оп. 127, д. 8, л. 27-28.

⁷³ Там же, ф. 373, оп. 1, д. 16, л. 34-35.

⁷⁴ Там же, ф. 372, оп. 1, д. 365, л. 12.

⁷⁵ Сараджан Г.С. Дальневосточная республика и Вашингтонская конференция. Автореф. канд. дис. Л., 1974. С. 20.

липа⁷⁶. Имелись трудности политического и правового характера и в самой Дальневосточной республике, но концессионная политика РСФСР и ДВР является отдельной темой.

Через неделю после окончания Вашингтонской конференции на фронте наступил перелом: 12 февраля 1922 г. части НРА штурмом взяли Волочаевку и 14 февраля освободили Хабаровск⁷⁷. Белая армия покатила на юг под защиту японских войск. 17 февраля 1922 г. Дальбюро ЦК РКП (б) постановило, что войска НРА должны двигаться в южное Приморье и нарушить так называемую «нейтральную зону» между японскими частями и Народно-революционной армией под Иманом (ныне Дальнереченск), установленную договором от 29 апреля 1920 г. Более того, НРА должна преследовать противника, не останавливаясь перед вооружённым столкновением с японцами. Цель такого непродуманного решения состояла в срыве соглашения с Японией о «нейтральной зоне» и усиления ответственности Токио за поддержку белого режима. К этому времени Дайренская конференция ещё продолжалась. В 1922 г. 23 марта ЦК РКП (б) пресёк эйфорию

дальневосточных большевиков и обязал их дать директиву командованию НРА идти вперед, пока японцы не дадут отпор. В документе подчёркивалось: «Вместе с тем, вести переговоры как через Мархлевского в Дайрене, так и непосредственно, указывать, что мы воюем с каппелевцами, с Японией не воюем и поддерживаем с ней полный нейтралитет... С японцами хотим мирно жить». 3 апреля 1922 г. В. К. Блюхер получил такую директиву. НРА, преследуя белогвардейцев, дошла до Спасска, где натолкнулась на сопротивление японских войск. К 24 апреля НРА очистила «нейтральную зону»⁷⁸.

22 февраля 1922 г. в связи с подготовкой Генуэзской конференции ДВР заключила с РСФСР договор об объединении внешней политики. По этому договору ДВР передала РСФСР право защиты её интересов на Генуэзской конференции⁷⁹. Интересы Дальневосточной республики на Генуэзской конференции, которая работала с 10 апреля по 19 мая 1922 г., защищала делегация РСФСР⁸⁰. Важно отметить, что ещё 14 апреля 1922 г., т. е. за 2 дня до окончательного прекращения Дайренских переговоров, МИД ДВР ожидал результатов переговоров в Генуе с целью заключить договор с Японией и добиться от неё эвакуации войск из Владивостока⁸¹.

Сразу же после начала конференции Г. В. Чичерин поставил вопрос об «анормальном характере» участия в её работе Японии, так как

⁷⁶ Осенью 1920 г. в Москве велись переговоры с американским миллиардером В. Вандерлипом о заключении концессионного договора на 60 лет для эксплуатации рыбных промыслов, разведки и добычи нефти и угля на Камчатке и остальной части Восточной Сибири, лежащей к востоку от 160-го меридиана. Главным условием, для предоставления этой концессии выдвигалось признание РСФСР Соединенными Штатами. Советское правительство собиралось предоставить бизнесменам США заказы на поставку товаров в Россию в 1921–1922 гг. на 1 млрд дол. Но концессионный договор В. Вандерлипа потерпел фиаско. В то время как деловые связи на уровне неправительственных организаций между США и Советской Россией развивались довольно активно (достаточно вспомнить об американской продовольственной помощи голодающим Поволжья), Вашингтон отказывался обсуждать вопрос о восстановлении торговых отношений с нашей страной. 20 марта 1921 г. ВЦИК обратился к 29-му президенту США У. Гардингу и конгрессу с предложением возобновить деловые отношения между РСФСР и США. Однако Вашингтон ответил отказом. США так и не признали политические и экономические порядки в Советской России (См. ГАХК, ф. 1736, оп. 1, д. 52 а, л. 98, 136; Родина (Владивосток). 1920. 24 дек.; ДВП СССР. Т. III. М., 1959. С. 430, 588–589; Т. 4. М., 1960. С. 10; Мухачев Б.И. В.И. Ленин и Северо-Восток в период образования и деятельности Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. Владивосток, 1985. С. 118).

⁷⁷ 12 февраля 1922 г., т. е. в день решающего штурма Волочаевских укреплений белых, Дальбюро ЦК РКП (б), видимо не будучи уверенным в успехе операции, отмечало катастрофическое экономическое и финансовое положение ДВР и даже обсуждало вопрос о вводе войск 5-й Красной армии в ДВР, что явно нарушало Гонготские соглашения с Японией (См. Борьба за власть Советов в Приморье. С. 672–673; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 141).

⁷⁸ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2191, л. 22, 30; ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 12; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 534–535.

⁷⁹ Перед Генуэзской конференцией нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин направил членам Политбюро ЦК РКП (б) документ о необходимости создания единого дипломатического фронта Советской России, советских республик и ДВР. Для этого необходимо, чтобы мандаты всех членов советской делегации в Генуе были подписаны главами республик и председателем правительства ДВР. Был заключён договор между ДВР и РСФСР, на основе которого Чита просила ВЦИК передать полномочия защищать её права в Генуе делегации Советской России (См. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1954, л. 1–2; д. 2191, л. 14).

⁸⁰ Министр финансов ДВР Б.М. Берлацкий 9 декабря 1921 г. направил в Совет министров доклад о зарубежных золотых депонентах агентов колчаковской Кредитной канцелярии, которая занималась переправкой валюты из Владивостока в банки Гонконга, Шанхая, Иокогамы и др. Согласно докладу на 8 июля 1920 г. на этих счетах числилось свыше 60 млн. зол. руб. Сумма, указанная в докладе Б.М. Берлацкого, в основном совпадает с суммой, указанной в Меморандуме, озаглавленном «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду» и распространённым 8 мая 1922 г. на конференции в Генуе. (См. ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 309–310; Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: к историографии вопроса // Отечественная история. 2004. № 3. С. 153–154).

⁸¹ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 17–19.

её войска оккупируют территорию ДВР. 16 мая обсуждалось предложение западных держав о создании комиссии для обсуждения спорных вопросов во взаимоотношениях между Советским правительством и правительствами других стран и заключении соглашения о ненападении во время работы этой комиссии. Чичерин потребовал, чтобы это соглашение распространялось и на Дальневосточную республику, против чего выступил глава японской делегации Исии, так как ДВР, якобы, не была приглашена на конференцию и не участвовала в ней. Желая получить право на продолжение интервенции, японцы вновь подняли вопрос о «николаевском инциденте» и компенсации за него. Советский представитель раскрыл подоплёку «николаевского инцидента» и заявил, что ни РСФСР, ни ДВР никогда не согласятся на территориальную жертву и потребовал распространения на буферную республику принципа ненападения. В итоге это предложение Чичерина было распространено и на ДВР. Поэтому его поддержал премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж⁸². К этому времени выявились серьёзные англо-японские противоречия на Тихом океане⁸³.

Летом 1922 г. дипломатия ДВР усилила свою активность для решения вопроса о выводе контингента японских войск с территории русского Дальнего Востока. Через вышеупомянутого сотрудника телеграфного агентства ДальТА В. Г. Антонова было отправлено соответствующее обращение к японскому правительству. Обращение было принято и конференция состоялась в Чанчуне (Китай) с 4 по 26 сентября 1922 г.

⁸² Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 554–555.

⁸³ Продолжающаяся японская интервенция на российском Дальнем Востоке вызвала беспокойство не только США, но и Великобритании. Кроме того, США стремились всеми силами расстроить англо-японский союз. Под давлением США, а также из-за новой расстановки сил на Тихом океане после Первой мировой войны Великобритания отказалась от англо-японского союза. Более того, в Англии даже рассматривались потенциальные угрозы колониям и доминионам Лондона и планы войны с Японией. На Имперской конференции в 1921 г. подчёркивалось, что коммуникации Токио в случае войны будут перерезаны, а единственными портами, откуда японцы смогут черпать сырьё и пропитание, останутся Пусан и Владивосток. Таким образом, Владивосток в то время рассматривался как важный стратегический пункт, усиливавший позиции Японии на Тихом океане (См. Лихарев Д. В. Трудный выбор: морская политика Великобритании и англо-японский союз (1919–1922 гг.) // Международные отношения в Тихоокеанском регионе в XIX–XX веках. Межвуз. сб. науч. статей. Хабаровск, 1997. С. 105. 112–113).

По взаимной договоренности правительств РСФСР и ДВР в Чанчунь была направлена объединенная российская делегация, возглавляемая членом ВЦИК А. А. Иоффе. ДВР представлял на переговорах министр иностранных дел Я. Д. Янсон.

Следует отметить, что, несмотря на намерения Токио вывести свои войска не позднее 1 ноября независимо от исхода переговоров, японцами были допущены некоторые оговорки. Мацудайра сообщил, что если переговоры начнутся и пройдут успешно, то эвакуация произойдет в «дружелюбном» для ДВР духе и будет передано ей имущество и оружие, находившееся во Владивостоке. Если же переговоров не будет, то при эвакуации японцы передадут оружие белогвардейцам⁸⁴.

При обсуждении общего договора японцы выдвинули следующие требования: ДВР должна была «не осуществлять коммунистических принципов», не вести «враждебной пропаганды»; признать за иностранцами «свободное передвижение», а также принцип «открытых дверей» и «равных возможностей»; свободное плавание японских судов по Амуру и Сунгари, разрешить заниматься иностранцам торговлей, лесными и горными промыслами и т.д.⁸⁵ Более того, японская сторона продолжала настаивать на заключении договора только с ДВР и угрожала, что «если ДВР соединится с Россией и права японских граждан пострадают, то Япония вынуждена будет выступить на их защиту». В ответ на это заместитель народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. Карахан 9 сентября 1920 г. телеграфировал А. А. Иоффе, что «позиция должна быть твердой, никаких уступок сверх установленных прежними инструкциями. Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписей Дальневосточной Республики и разрешения рыболовных вопросов. Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии на счет нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны»⁸⁶.

После прений Мацудайра сообщил, что Япония намерена эвакуировать свои войска из Приморья к концу октября 1922 г., а с Северного Сахалина — лишь, после разрешения так называемого «николаевского вопроса», т. е. практически откладывалось на неопределенный срок. После этого заявления переговоры фактически были прекращены.

Таким образом, Чанчуньская конференция, которая была призвана нормализовать отноше-

⁸⁴ Степанов А. С. Заслуга нашей дипломатии. С. 119.

⁸⁵ Там же. С. 128.

⁸⁶ ДВП СССР. Т. V. М., 1961 С. 572.

ния между ДВР и Японией, закончила свою работу, так и не достигнув договоренности ни по одному из вопросов⁸⁷.

В октябре 1922 г. Народно-революционная армия ДВР, усиленная частями РККА, под Спаском разгромила остатки белых войск М. К. Дитерихса, которые спешно ушли в Китай.

Во Владивостоке Городская Дума пыталась объявить город «свободным портом» и обратилась к дипломатическому корпусу в Токио с просьбой не допустить НРА во Владивосток. 24–25 октября 1922 г. «Совет уполномоченных автономной Сибири» во главе с А.В. Сазоновым создал последнее антибольшевистское правительство, которое просуществовало менее 2-х дней. С 19 по 25 октября 1922 г. коммунисты Владивостока организовали всеобщую политическую забастовку с требованием ухода интервентов и прекращения грабежей. Рабочие дружины вышли на защиту предприятий, складов и порта. Центральный стачечный комитет обратился за помощью к правительству ДВР.

⁸⁷ По данным Л.И. Семенниковой, 3 мая 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) рассматривало вопрос о переговорах с Японией по поводу продажи Северной части о-ва Сахалин. А.А. Иоффе, который вел неофициальные переговоры с Токио, было сообщено, что сумма в миллиард долларов должна считаться минимальной. Вся сумма, или её 90 % должны быть внесены наличными, причём на них не могли быть обращены никакие расчёты между Японией и Россией, однако в казне Токио в тот момент не было таких средств. Скорее всего, на проект этого решения повлиял т.н. «синдром Аляски», поскольку СССР не имел сил для освобождения Северного Сахалина. Необходимо было «спасать лицо» и лучше продать эту часть российской территории, чем просто отдать. Японская же сторона настаивала на сумме в 150 млн. иен при покупке Северного Сахалина или долгосрочных концессиях на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств. А.А. Иоффе отвлёк притязания на продажу северной части острова на таких условиях, но согласился на концессии. В то же время Г.В. Чичерин потребовал точной формулировки японских требований и начала официальных переговоров. В конце июля 1923 г. переговоры были прекращены в связи с их неофициальным характером и потому, что они не решали вопроса об установлении дипломатических отношений. В 1924 г. начались официальные советско-японские переговоры. Важным условием признания СССР японская сторона выдвигала предоставление ей выгодных и долгосрочных концессий на Сахалине. 20 января 1925 г. в Пекине было подписано советско-японское соглашение о восстановлении дипломатических отношений. К середине мая 1925 г. Япония вывела свои войска с Северного Сахалина. Японские нефтяные концессии на Северном Сахалине существовали до 1944 г. (См. Лопачёв А. Указ. соч. С. 69–71; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 361; Попов В.Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922–1944 гг.) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1994. С. 117–118, 120).

Посол США в Японии Уоррен просил японское командование не снимать охраны с военных складов до тех пор, пока ее не заменит охрана НРА. Представители консульского корпуса Владивостока обратились к главкому НРА и Военному министру ДВР И. П. Уборевичу и просили гарантий личной и имущественной безопасности иностранных граждан в занятых НРА местностях, что было им обещано⁸⁸.

24 октября 1922 г. командование НРА на разъезде Седанка подписало соглашение с японским командованием о порядке занятия Владивостока, передаче ключей от складов с военным имуществом, принятии под охрану государственных учреждений и т. д.⁸⁹

25 октября 1922 г. последний японский корабль с войсками ушёл из Владивостока, и в город торжественно вступили части НРА ДВР.

Дальневосточная республика способствовала ликвидации интервенции без войны с Японией, сохранению единства страны и восстановлению геополитических позиции России на Тихом океане. Эта цель была достигнута. В этом была заслуга и дипломатии РСФСР и ДВР⁹⁰. В дипломатической борьбе с заведомо более сильными противниками ДВР приходилось использовать тактику компромиссов, затягивания переговоров, использования противоречий между Японией и США. В этой большой и зачастую запутанной игре иностранные дипломаты использовали шантаж, запугивание и различные интриги. Вот почему на переговорах неизбежны были ошибки и промахи, но которые вовремя исправлялись с помощью Москвы.

15 ноября 1922 г. ДВР была официально ликвидирована, и регион воссоединился с Россией.

⁸⁸ Борьба за власть Советов в Приморье. С. 775–776; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 264–265, 278–280, 283–289.

⁸⁹ Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 290–293.

⁹⁰ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 236, 245–246, 302–303.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ В XVII-НАЧАЛЕ XX В.В.

Т.В. Кум

Кит Татьяна Викторовна – ассистент кафедры истории Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета, аспирант кафедры политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета

В статье поставлена проблема законодательного регулирования ярмарочной торговли в России, рассмотрены пути открытия ярмарок в отдельных городах Дальнего Востока.

The author tells about the specific law of fair trade in the Far East of Russia.

Ярмарочная торговля с момента ее возникновения облагалась различного рода налогами: от мыта и темги в XII–XV вв. до денежных пошлин в XVIII в.

Рост численности и значения городов в XVII в. заставил российское правительство установить правила ведения торговых операций, определить правовое положение купцов. Соборное Уложение 1649 г. сделало торговлю монополией посадских жителей: только торговые, посадские люди могли заниматься торговлей и ремеслом (Глава 19 «О посадских людях», ст. 1, 17)¹. Крестьяне могли продавать лишь с возов и стругов.

Государство стимулировало развитие внутренней и внешней торговли, проводило протекционистскую политику (Торговые уставы 1653 и 1667 гг.): вместо множества торговых пошлин был установлен единый торговый налог, ограничивалась торговая деятельность иностранцев в России. Для поощрения торговли на окраинах страны, в первую очередь в Сибири, власть воевод над «купецкими людьми» ограничивалась «таможенным уставным правом» (Новоторговый устав 1667 г., ст. 35)².

Торговые отношения, особенно касавшиеся иногородних и иноземных купцов, регулировались в законодательном порядке. Поскольку местные купцы на ярмарках часто встречались с приезжими, поэтому ярмарочная торговля подлежала специальной регламентации. Определялся порядок ввоза и вывоза товаров, контролировалось качество продаваемых на ярмарке товаров. Если купец вез купленный в своем городе товар в другой город, то он должен был объявить в таможене и записать товар в отпускную книгу. Уплата рублевой пошлины удостоверялась выдаваемой на руки таможенной выписью (выпись

таможни об отпуске товаров на ярмарку). По приезду купец подавал выпись в таможенную, где голова сверял наличный товар с выписью. При обнаружении чего-либо сверх выписи, голова брал товар «на великого государя» (Ст. 28). Если на ярмарке выявлялись «худые товары», то их отсылали с «бесчестьем с ярманки, чтобы впредь таких худых не возили и добрым товарам цены не портили» (Ст. 45)³.

На крупных ярмарках для взимания сборов назначались таможенные головы и целовальники. Помимо платы за право торговли в пользу государства существовали арендные сборы за торговые места в пользу местного собственника земли, на которой проходила ярмарка: монастыря, церкви, частного лица или города. В 1667 г. было постановлено, что таможенные головы и целовальники выбираются посадскими людьми ежегодно и таможенные книги утверждаются «на совете перед всеми мирскими людьми»⁴.

Свобода торговли иностранных купцов в Русском государстве значительно ограничилась. Тот же Новоторговый устав запретил иноземцам продавать свои товары приезжим торговым людям, а продавать купецким людям того города, в котором собственно торговля и происходит, «и у них такоже товары всякие покупать» (Ст. 60). Лишь на ярмарках и в пограничных городах разрешалось московским купецким людям торговать «с иноземцы всякими товарами вольно» (Ст. 61)⁵. Некоторые исключения, сделанные из общих правил для ярмарочной торговли, особое внимание за порядком продаж на ярмарках, стимулировало еще большее развитие самой распространенной формы русской торговли того времени.

¹ Российское законодательство X–XX в. Акты земских соборов. Т. 3. М., 1985. С. 201–205.

² Там же. Т. 4. С. 123.

³ Там же. С. 122–125.

⁴ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 15.

⁵ Российское законодательство X–XX в. Т. 4. С. 127.

В эпоху Петра Первого произошли крупные изменения в экономической жизни страны, которые неоднозначно сказались на положении крупного купечества. Менялись условия и структура торговли, пересматривались традиционные для Московской Руси нормы взаимоотношений купечества с государством. Однако правительство продолжало политику широкого распространения и поощрения ярмарочных торгов, в то же время узаконивались государственные налоги с ярмарок. В регламенте Главного Магистрата (Глава 17) зафиксирована такая его обязанность, как «пещись об умножении ярманок»⁶, поскольку благодаря ярмаркам и торгам «умножаются казенные сборы, развиваются торговля и промыслы»⁷.

Сбор государственных пошлин на ярмарках производился при посредстве таможенного начальства уезда или города. Указом от 3 февраля 1700 г. крупные монастыри были лишены права собирать таможенные пошлины в свою пользу с торгов, происходивших в их владениях. Впредь торговые пошлины собирались «на великого государя».

Царским Указом от 16 января 1721 г. все городское население, кроме иностранцев, дворян, духовенства и «подлых людей», было разделено на две категории, которым разрешалось открывать свои дела – торговать, оказывать услуги. Этим Указом купечество лишилось былой монополии.

В 1754 г. принят закон «О суде и о хранении купцов от обид на ярманках». Согласно закону под ведомством Магистратов и Ратуш в Москве и других городах создавались Словесные Суды между купцами. В Суды входили по два человека из купечества по выбору и по одному человеку из членов Магистратов и Ратуш. Два купеческих выборных менялись погодно. Законодатель беспокоился о «нечинении обид и притеснений купцам, приезжающим на ярманку». Из ближних городов, от Губернских, Провинциальных и Воеводских Канцелярий было необходимо определять «пристойные команды», чтобы они в случае необходимости помогали купцам и от обид их охраняли, «дабы чрез то ярманки умножаться, а купецкие люди в лучшее состояние приходить могли»⁸.

Необходимость торгового регулирования и обеспечения ярмарочного мира привели таким образом к возникновению специальной законодательной базы.

В русле политики поощрения внутренней торговли выходит в 1755 г. Таможенный устав,

который разрешил «все российские товары на внутренний расход российским купцам продавать, покупать и внутри России торговать беспошлинно» (Глава 1)⁹. В восьмой главе устава, озаглавленной «О суде и о хранении купцов от обид на ярманках» подтверждаются принятые ранее положения о создании на ярмарках Словесного Суда и пристойных команд. Устав предусматривает ситуацию, когда Судом в «купеческих просьбах ... удовольствия чинено не будет», тогда «просить определенного от Магистратов и Ратуш члена, который должен чинить по справедливости»¹⁰.

Таможенный устав стал в то же время первым шагом в изменении прав торгующих на ярмарках, что было связано с завершением формирования новой социальной и торговой политики, основанной на принципах сословности. «Свободная торговля на ярмарках, даже и вне городских поселений предоставлена была только купцам, а крестьянская торговля была ограничена покупкою или продажей только определенных предметов, необходимых большей частью для удовлетворения нужд сельского населения»¹¹. Еще большие сословные ограничения в ярмарочной торговле были установлены Положением о процентном сборе с капитала 1775 г. и Городовым положением 1785 г. («Грамота на права и выгоды городам Российской империи»). Они закрепили отстранение от ярмарочной торговли не только сельского населения, но и части купечества и городского посада.

В период реформ 70–80-х гг. XVIII в. оформилась организация гильдейского купечества, была продолжена правовая регламентация торговых отношений. По Городовому положению каждый, каких бы он ни был пола, лет, рода, поколения, семьи, состояния, торгова, промысла, рукоделия или ремесла мог записаться в купеческую гильдию. Единственным условием было объявление капитала: для первой гильдии – от 10 до 50 тыс. рублей, для второй – от 5 до 10 тыс. рублей, для третьей – от 1 до 5 тыс. рублей. Принадлежность к гильдии определяла социально-экономические права купца. Купцам первой гильдии дозволялось «производить всякие внутри и вне империи торги» (Ст. 104)¹², иметь фабрики, заводы и морские суда. Купцы

⁹ Там же. С. 463.

¹⁰ Там же. С. 473.

¹¹ Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX–начале XX века. Из истории формирования и развития все-российского рынка. Барнаул, 2001. С. 49.

¹² Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 92.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VI, 1720–1722. Типография II отделения с. е. и. в. канцелярии, 1830.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 3382. Л. 25.

⁸ ПСЗРИ. Т. XIV, 1754–1757. С. 66–67.

второй гильдии могли торговать лишь внутри империи и «товары возить водою и сухим путем по городам и ярманкам» (Ст. 108)¹³. Не запрещалось им заводить фабрики, заводы и речные суда. Купцам третьей гильдии «не только дозволялось, но и поощрялось производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный товар в городе и в округе, и тот мелочный товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам, и на оных торжках продавать, выменивать и покупать потребное для мелочного торгу оптом или подробно в городе или округе» (Ст. 114)¹⁴.

Городовое положение не делало внутреннюю торговлю привилегией лишь гильдейского купечества, но права на ведение торговых операций другими социальными категориями были урезаны. Посадские могли иметь в своем доме лавку с «собственным рукоделием или с мелочию, ...продавать плоды, овощи» (Ст. 141–144)¹⁵. То есть торговля жителей посада ограничивалась территорией посада, также как ограничивалась торговля купцов третьей гильдии уездом того города, в котором они были записаны. Неограниченное право торговли на ярмарках всей России имели только купцы двух первых гильдий. Крестьяне могли заниматься торговлей (имелось в виду профессиональное занятие торговлей) только поступая в купцы, и беря на себя несение городского тягла.

В целом система ограничений выглядела следующим образом:

1. На городских ярмарках могло торговать местное население, несущее купеческое или мещанское тягло. Из приезжих иногородних могли торговать оптом или в розницу только купцы первой и второй гильдий. Дворянам разрешалось торговать оптом и лишь продуктами собственного хозяйства или изделиями своих фабрик и заводов, а крестьянам-предметами своего хозяйства. Крестьяне могли закупать оптом и в розницу разрешенные им к продаже товары.

2. На уездных сельских ярмарках могли торговать оптом или в розницу только купцы первой и второй гильдий. Купцам третьей гильдии разрешалось торговать оптом и в розницу только на тех ярмарках, которые проходили в городах уезда, где эти купцы были записаны. Дворяне и крестьяне торговали на уездных ярмарках на тех же основаниях, что и в городах, причем крестьянам на ярмарках предоставлялось право розничной продажи товаров, перечислен-

ных Таможенным уставе¹⁶.

Городовое положение регламентировало порядок проведения ярмарок и еженедельных базаров в городах. Назначалось в городе «место, куда, и время, когда привозить, продавать и покупать удобно, что кому потребно, и на том месте городской магистрат велить поднять знамя, и в те часы, пока знамя поднято, запрещается продавать или покупать; со спущением же знамени запрещение таковое снимается» (Ст. 25)¹⁷.

В каждом городе, согласно Городовому положению, должна быть учреждена одна ежегодная ярмарка или более «смотря по обстоятельствам и удобствам» (Ст. 26). Для этого назначалось время и место, куда «иногородние люди всякие товары беспрепятственно привозить, торги, покупки и продажи производить могли, непроданное же не запрещается за город отвозить» (Ст. 26)¹⁸.

Процедура открытия ярмарок предусматривала инициативу с мест и установление контроля местной и центральной власти. В городах купеческое и мещанское общество могли подавать ходатайства губернаторам после обсуждения их на городских купеческих и мещанских собраниях. Побудительной причиной для городских обществ была материальная выгода, которую приносили ярмарки вследствие оживления в городе торговой деятельности и культурно-общественной жизни. «Увеличение численности населения города за счет покупателей и торговцев на период ярмарки приносило городу доход от сдачи в аренду мест и лавок на торговых площадях, горожанам – от сдачи квартир под жилье, а хозяйственных построек – под склады»¹⁹.

В губерниях и уездах процесс открытия ярмарок регулировался Общим губернским учреждением. Инициатором могли выступать сельское общество или губернская администрация. В отличие от городских, сельские ярмарки часто возникали как стихийные «торговые дни» во время приходских церковных праздников, стечения народа на богомолья к чудотворным иконам и лишь после того, как сроки и время торговли становились более-менее постоянными, учреждались официально. Многие сельские ярмарки, начавшись с сезонной торговли, получали сначала статус торжка, а затем ярмарки.

После проведенной Александром Первым административной реформы вопросы торговли и промышленности перешли в ведомство министерства внутренних дел. В том числе проблемы создания частных торгов, учреждение ярмарок,

¹³ Там же. С. 93.

¹⁴ Российское законодательство.... С. 94.

¹⁵ Там же. С. 122–123.

¹⁶ Щеглова Т.К. Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Российское законодательство.... С. 73.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ Щеглова Т.К. Указ. соч. С. 53.

сведения о движении на них товаров. Правительство продолжает политику поощрения развития ярмарочной торговли. Была пересмотрена проблема ограничения крестьянской торговли, поскольку именно крестьяне составляли основную массу податного населения. Для стимулирования торговли среди крестьян государство разрешило им торговать по специальным свидетельствам, оплачиваемым пошлинами по трем разрядам. Но, уравнивая крестьян в торговых правах с купцами, правительство невольно ущемило их интересы в ярмарочной торговле, так как раньше крестьяне могли беспошлинно торговать произведениями собственного хозяйства и промыслов.

В 1814 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей был ознакомлен с частными просьбами о разрешении иногородним купцам третьей гильдии и другим низшим классам, крестьянам участвовать в ярмарочной торговле, чего ранее не допускалось, т.к. пространство их торга по Городовому Положению должно было ограничиваться тем уездом или городом, где они записаны. Кроме того, «постановление о сборе с крестьян пошлин за торговые свидетельства затрудняло допущение на Макарьевскую ярмарку крестьян, не имеющих свидетельства»²⁰. По представлению Нижегородского губернатора выяснилось, что с самого начала существования ярмарки в Нижнем Новгороде на ней торговали все состояния свободно и от этого она со временем увеличивалась. Поскольку торговавших разночинцев было почти вдвое больше высшего класса торговых гостей, то при восприятии им торга, как утверждалось губернатором, купцы терпят важную расстройку.

Исходя из полученных сведений В.П. Кочубей нашел, что «ярмарки учреждать дозволено именно для того, дабы иногородние могли туда привозить, покупать, продавать товары ... без ограничения какого-либо класса ... ярмарка нечто иное как общий рынок, где свободная торговля всем состояниям должна быть дозволена беспрепятственно»²¹. В результате 29 мая 1814 г. вышел закон «О дозволении производить торговлю на ярмарках всем состояниям». Суть этого закона в предоставлении всем состояниям беспрепятственной свободной торговли на всех в России существующих ярмарках во «время продолжения оных; по окончании же срока ярмарок распродажа товаров должна подвергаться общим государственным постановлениям»²².

В целях стимулирования экономического развития государства, увеличения оборотов внутренней торговли ярмарки были выделены в

особую, беспошлинную форму торговли. Согласно принятому в 1826 г. закона «О допущении некоторых облегчений по части гильдейских повинностей» сделки купли-продажи на ярмарках «оставлены свободными, кроме того, что особенно постановлено относительно иностранцев, то и никакой проверки торговли на ярмарках и при проезде на оные не делать»²³.

В 1827 г. было подтверждено право торговли на ярмарках без покупки торговых свидетельств.

Торговый устав, действовавший в первой половине XIX в., включал в себя уставы 1832, 1842, 1857 годов, изложенные в XI томе Свода законов Российской империи. Все они основаны главным образом на законе 14 ноября 1824 г. «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний». Торговля признавалась преимуществом городских сословий: купеческого и мещанского. Чтобы лицо, не принадлежащее к этим сословиям, могло заняться торговлей, оно должно было записаться в мещане или в одну из купеческих гильдий, что было сопряжено с отбыванием всех повинностей того сословия, к которому обыватель приписался. Исключение было сделано только для крестьян, которым торговать разрешалось без записи в купеческое и мещанское сословие: для них установлена была запись в особые торговые разряды (Устав торговый, ст. 13, 337, 343). Лавочная торговля, мелкие промыслы в селах и деревнях были предоставлены исключительно крестьянам, причем в своем селе крестьянин мог торговать и промыслять беспошлинно. Городским обывателям: купцам, мещанам и посадским лавочный торг в селениях и вне города вообще был воспрещен. Лишь на сельских ярмарках городские жители могли вести торговлю (там же, ст. 344, 345, 349, 351)²⁴.

Таким образом, в законодательном порядке ярмарочная торговля была выделена в особый вид торговых отношений, регулируемый специальными нормами права. В отличие от других видов торговли ярмарочная не облагалась пошлинами, и на нее не распространялся принцип сословности. Ярмарки определялись законом как общие торги, на которых в продолжении определенного законом или обычаем времени, дозволяется вольная и беспрепятственная торговля для всякого рода товарами. Такая правительственная

²⁰ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3382. Л. 26.

²¹ ПСЗРИ. Т. XXXII, 1812–1815. С. 808.

²² Там же. С. 806.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, С.-П., Типография II отделения с. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1. С. 685.

²⁴ Вольтке Г. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. С.-П., 1905. С. 4–20.

политика делала ярмарки привлекательной и доступной формой торговли и способствовала их распространению.

После крестьянской реформы 1861 г. были изданы новые положения о пошлинах за право торговли и других промыслов (законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г.), построенные на иных началах. Право вступать в договоры и обязательства, «торговле свойственные» принадлежало лицам обоего пола, русским подданным всех состояний и иностранцам. Производство любых торгово-промышленных действий обуславливалось лишь выборкой соответствующих роду и размерам деятельности промысловых свидетельств. В законе 1863 г. говорилось, что «свидетельства, как купчие, так и промысловые, могут выдаваться лицам обоего пола русским подданным всех сословий и иностранцам»²⁵. Мелочные, разносные торги и мещанские промыслы были дозволены лицам всех состояний. Однако прочие виды торговли (оптовая, розничная) остались преимущественно купеческого сословия.

Ярмарочная торговля оставалась особым, привилегированным видом торговли, на который не распространялись некоторые ограничительные правила, характерные для торговой политики того времени. В сентябре 1864 г. было принято «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» о применении существующих для Нижегородской ярмарки правил к другим ярмаркам²⁶. Тем самым подтверждался вышедший в 1814 г. закон о дозволении производить на ярмарках торговлю всем состояниям.

Закон 9 февраля 1865 г. «О пошлинах на право торговли и промыслов» освобождал торги, совершаемые на ярмарках, от платежа торговых пошлин.

Развитие капиталистического рынка в России во второй половине XIX в. в корне меняло характер и значение торгового капитала. Если ярмарки были основными центрами торгового оборота в экономике крепостнической России, то с развитием сети железных дорог, укрупнением купеческого капитала стала складываться единая система организации торговли, причем система постоянно действующая. С ростом внутреннего товарооборота менялись формы торговли. На первое место по значению выходит стационарная торговля.

Во второй половине XIX в. произошла смена правительственного курса по отношению к ярмаркам. В 1869 г. Министерство внутренних дел сделало предложения по поводу некоторых из-

менений и дополнений в положения о пошлинах на право занятий торговлей и промыслами. Министерство находило «необходимым отменить льготу с платежа пошлин ярмарочных торгов»²⁷. Причина была в том, что, по мнению Министерства, такое привилегированное положение ярмарок отрицательно сказывается на развитии местной стационарной торговли.

Основная причина пересмотра льгот для ярмарок заключалась в том, что государство теряло доход, который мог бы поступать в казну с данного вида торговли как и с остальных видов и форм торгова. Появилась целая категория купцов, уклонявшихся от уплаты торговых пошлин. Они вели свои торговые операции только на ярмарках, переезжая с одной на другую, и не платя ничего в казну. Если бы они занимались стационарной торговлей, то им пришлось бы выкупать свидетельства и билеты, а также платить установленный процент с товарооборота.

Ярмарочная торговля, как объяснялось в министерской записке, это по существу своему торговля вразвоз, «и если закон облагает пошлиной ничожную развозную торговлю, то нет оснований оставлять беспошлинной ту же торговлю в более широких размерах»²⁸.

В 1876 г. Министерство финансов и Министерство внутренних дел приступили к разработке проекта об отмене беспошлинной ярмарочной торговли. 3 марта 1883 г. Государственный Совет рассмотрел проект закона об отмене беспошлинной торговли на ярмарках Российской империи. Согласно этому проекту все ярмарки делились на пять разрядов. К первому – относилась Нижегородская ярмарка, крупнейшая в стране, называемая «всероссийским торжищем»; ко второму – ярмарки, длившиеся более, чем двадцать один день; к третьему – ярмарки, длившиеся от пятнадцати до двадцати одного дня; к четвертому – ярмарки, длившиеся от восьми до четырнадцати дней; к пятому – ярмарки, длившиеся менее семи дней.

От уплаты торговых пошлин освобождались:

- Торговля сельскохозяйственными предметами, продуктами, кустарными произведениями.
- Развозная и разносная торговля мануфактурными товарами, но только мещанами, имевшими специальные свидетельства.
- Стационарная торговля в помещениях в пределах местности, отведенной под ярмарку.
- Предприниматели, имевшие право на мелочный торг и ведущие исключительно мелочный торг.
- Вся торговля на ярмарках пятого разряда.

²⁵ Там же.

²⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, 1868. Т. XLIII. С. 278.

²⁷ РГИА, Ф. 20, оп. 4, д. 3382, л. 23.

²⁸ Там же, л. 25.

Все остальные разряды ярмарок, действовавших более семи дней и имевших крупный товарооборот, подлежали обложению пошлинами.

При выдаче ярмарочных билетов независимо от казенных пошлин взимался процентный сбор в пользу города или земства. Если в городе не действовало положение о городах и земствах, то взыскивался сбор в пользу государства.

Оптовые торговцы должны были приобрести билет первой гильдии, розничные – второй гильдии, мелочные – билеты на мелочный торг, а приказчики – свидетельства. Ярмарочные билеты и свидетельства приказчиков сохраняли силу в течение всего срока торгов.

Данный проект, утвержденный Государственным Советом 26 апреля 1883 года, лишил ярмарочную торговлю одной из ее привилегий: беспошлинности торгов. Другая прерогатива ярмарок – бессловный принцип торговли стал характерен для всех видов торговой деятельности и перестал служить поощрением ярмарочной торговли.

В конце XIX в. были окончательно уничтожены сословные ограничения в торговой политике. Положение о государственном промысловом налоге (8 июня 1898 г.) обусловило право производства всех видов торговли выборкою промысловых свидетельств, которые никаких сословных преимуществ не предоставляли. С промысловых свидетельств взимались сборы в зависимости от разрядов торговых предприятий. Налог взимался с цены промысловых свидетельств на торговые предприятия первого и второго разрядов, включая и ярмарочные. Однако государственному промысловому налогу не подлежали торговые предприятия третьего, четвертого и пятого разрядов, личные промысловые занятия на всех ярмарках, а также все торговые предприятия на базарах и на ярмарках, продолжающихся не более четырнадцати дней.

Торговля на окраинах государства остро нуждалась в поощрительных льготах, также как и мелкие ярмарки четвертого и пятого разрядов. Поэтому от уплаты пошлин освобождалась торговля и другие промыслы, производимые Донскими и Уральскими казаками в пределах их войсковых земель, Амурскими и Уссурийскими казаками – в Амурской и Приморской областях (Положение о государственном промысловом налоге)²⁹.

В развитии ярмарочного права в России можно выделить следующие этапы:

1. Середина XVII в. – началась специальная регламентация торговых отношений на ярмар-

ках; появились поощрительные исключения из правил торговли для ярмарок.

2. Середина XVIII в. – появились особые законы о порядке ярмарочных торгов; возникло ярмарочное право.

3. Первая четверть XIX в. – выделение ярмарочных торгов в особую беспошлинную форму торговли; введение бессловного принципа ярмарочной торговли.

4. Вторая половина XIX в. – смена правил торгашеского курса по отношению к ярмаркам; отмена беспошлинности ярмарочной торговли, кроме торговли на ярмарках пятого разряда.

5. Конец XIX в. – уничтожение принципа словности торговых отношений; освобождение от пошлин ярмарок, продолжавшихся менее четырнадцати дней.

Развитие стационарной торговли оттеснило ярмарочную на второй план. Привилегии сохранились лишь за небольшими ярмарками.

Изменения затронули также порядок проведения ярмарок. 2 января 1845 г. были учреждены губернские правления, в компетенцию которых вошли дела по учреждению ярмарок. Открытие в уездных селах новых ярмарок и базаров зависело от губернаторов. Местные жители извещались об этом через губернские ведомости. Если открытие ярмарки или базара намечалось в городе, губернатор вместе с губернским правлением составлял соответствующее представление в Министерство внутренних дел, которое решало вопрос³⁰.

Особыми полномочиями обладали комитеты казачьих войск на территории своих поселений. В мае 1886 г. было принято Положение военного совета «О предоставлении комитету казачьих войск разрешать перенесение ярмарок, а также открытие и закрытие оных». Комитет в поселениях казачьих войск имел право разрешать перенесение времени ярмарок в том пункте, где они учреждены, перемещать ярмарки из одного места в другое, открывать и закрывать ярмарки, в тех случаях, когда к удовлетворению ходатайств местных начальств не встречены препятствия со стороны министерств³¹.

Согласно Торговому уставу в течение года в населенном пункте могла состояться одна ярмарка, но при необходимости учреждалось и более. Подобная необходимость обуславливалась тем, что в определенное время года в город или село стекалось большое количество торговцев и

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, С.-П., 1901. Т. XVIII, 1898. С. 494.

³⁰ Шумилов М.М. Губернатор и экономическая жизнь губерний России на рубеже 50–60 гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. С.-П., 1991. С. 180–181.

³¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, С.-П., 1888. Т. VI, 1886. С. 245.

покупателей и обороты товарообмена представляли интерес и с точки зрения экономического развития региона, и с точки зрения фискальной, так как с каждой ярмарки шел определенный доход в местную казну в виде ренты, выплачиваемой с арендных площадей и помещений.

Инициаторами открытия торгов могли быть мелкие торговцы, крестьяне и сельские общества.

Ежегодные статистические сведения о численности ярмарок, их товарооборотах, денежных сборах поступали в казну и собирались департаментом торговли и мануфактур министерства финансов. К сожалению, ни одним ведомством не было составлено полного списка ярмарок, существовавших в империи.

С появлением в ходе земской реформы новых органов местного управления, порядок открытия ярмарок меняется. Согласно ст. 83, п. 7 Положения о земских учреждениях 1890 г., открытие новых ярмарок, перенесение в другие местности, продление сроков существования ярмарок и закрытие оных разрешалось Министром Внутренних дел. Предварительно ходатайства сельских обществ и частных владельцев по вопросам, касающимся ст. 83, п. 7 рассматривались уездными и губернскими земскими собраниями и передавались затем начальникам губерний на окончательное заключение губернских по земским и городским делам присутствий³².

Министерство Внутренних дел составляло сообщение об открытии ярмарок и передавало его в Третье отделение Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Третье отделение рассматривало все препровождаемые бумаги (постановления Земских Собраний, заключения местных начальств) и, если встречало во всех отзывах единогласие, сообщало Министерству Внутренних дел о неимении препятствий к открытию новых ярмарок. Если из переписки усматривались неясности или разногласия, например между земством и губернатором, то о действительном положении дела и о нуждах местной торговли запрашивались управляющие Казенными палатами и по обсуждении всего дела составлялся ответ Министерству Внутренних дел.

В большинстве случаев ходатайства губернаторов удовлетворялись Министром Внутренних дел по соглашению с финансовым ведомством. «Вследствие согласия в точке зрения двух Министерств на значение ярмарок для нашей торговли, случаи отказов в открытии оных — редкие исключения»³³.

В тех губерниях, где Положение о земских

учреждениях не было введено в действие, губернаторы по ходатайству местных сельских и городских общественных учреждений разрешали посредством губернского правления открытие новых и закрытие в селениях, городах, посадах и местечках старых ярмарок. Также как и перевод с места на место торгов, торжков и базаров, изменение их сроков. Открытие ярмарок по ходатайству местных общественных учреждений разрешалось губернаторами в том случае, если определяемый для ярмарок срок не превышал одной недели (Свод губернских учреждений, т. 2, изданный в 1892 г., ст. 331).

Обилие инстанций, рассматривавших вопрос о ярмарках (два земских собрания, губернатор, губернское по земским и городским делам присутствие), в достаточной степени гарантировали правильность его решения, но в то же время создавали лишнюю волокиту и промедление. Поэтому в 1899 г. министр финансов С. Ю. Витте направил министру внутренних дел И. Л. Горемыкину предложение во избежание излишней переписки между ведомствами «передать разрешение вопросам, связанных с открытием, перенесением в другие местности, продлением сроков и закрытием ярмарок, местным начальствам»³⁴. С. Ю. Витте полагал вполне достаточным для губернаторов требовать заключения по данным вопросам от управляющих местными казенными палатами, являющихся представителями интересов финансового ведомства в губерниях. В этом случае ходатайства относительно ярмарок могли бы рассматриваться местными инстанциями и разрешаться губернаторами; и лишь при несогласии с мнением губернских присутствий управляющих казенными палатами вопрос должен был поступать на окончательное решение министра внутренних дел по соглашению с министром финансов.

На данное предложение министр внутренних дел ответил согласием на упрощение порядка разрешения вопросов о ярмарках. В свою очередь И. Л. Горемыкин предлагал к делам, означенным в п. 7 ст. 83 Положения о земских учреждениях, применить установленные в ст. 82 и ст. 84 того же положения правила относительно постановлений земских собраний, подлежащих утверждению губернатора, с тем чтобы «на рассмотрение губернского присутствия подлежали передаче также и те из указанных в п. 7 ст. 83 Положения о земских учреждениях дел, по которым не состоится соглашение губернатора с

³² РГИА, Ф. 22, оп. 4, ед. хр. 466, л. 1–2.

³³ Там же, л. 2.

³⁴ Там же.

управляющим казенными палатами, а окончательное разрешение сих дел зависело бы от министра внутренних дел по соглашению с министром финансов»³⁵.

Министр внутренних дел находил нужным соответственно изменить и ст. 331 Общих губернских учреждений в смысле предоставления власти губернаторов разрешение ходатайств об открытии ярмарок на срок свыше одной недели, а также о закрытии или переводе с одного срока на другой или с одного места на другое ярмарок уже существующих.

Проект постановления, предложенный министром внутренних дел, 28 апреля 1900 года был рассмотрен в Государственном Совете, а 5 июня 1900 г. был утвержден Его Императорским Величеством. Появился новый закон «О ярмарках», по которому вопросы об открытии и закрытии ярмарок, перенесении в другие местности, изменении сроков ярмарок передавались на рассмотрение и решение местным властям. Лишь в случае несогласия управляющих местных Казенных палат с мнением губернского присутствия упомянутые вопросы должны решаться министром внутренних дел по соглашению с министром финансов. К компетенции губернаторов по новому закону относилось удовлетворение ходатайств об открытии ярмарок на срок более одной недели. Это способствовало более быстрому открытию новых ярмарок, и было особенно важно для местностей, удаленных от городов и торговых путей.

В соответствии с законом открывались ярмарки и базары на Дальнем Востоке страны. В середине 80-х годов XIX в. в с. Никольском Приморской области была сделана попытка учредить ярмарку, но мысль эта не осуществилась вследствие малонаселенности с. Никольского, редкого населения в окрестностях и из-за отсутствия путей сообщения.

В начале XX в. в г. Никольск-Уссурийске картина экономического развития была иной. Проведение железной дороги привело к наплыву новых переселенцев. Из деревень стали ежедневно приезжать крестьяне для сбыта своих продуктов, а в праздничные дни этот наплыв был настолько велик, что на базаре не хватало места для возов. Поэтому собрание уполномоченных города решило ходатайствовать об учреждении в г. Никольск-Уссурийске ярмарки и высказало следующие соображения: «Город находится на скрещении двух железнодорожных линий, в связи с чем он стал центром района южно-

уссурийского края, населенного почти исключительно земледельческими крестьянами и корейцами. Из европейской России переселяются только землепашцы (так как малоземелье), кустари остаются в центре России, поэтому кустарные производства в крае находятся в зачаточном состоянии, и деревни вынуждены приобретать на стороне простейшие предметы ремесла. Ярмарки здесь более необходимы, чем в европейской России»³⁶. Поскольку наиболее оживленный обмен сельскохозяйственных продуктов и привозных товаров осуществлялся в городе весной и осенью, то уполномоченные предлагали проводить ярмарки именно в эти промежутки времени.

Сообразуясь с ярмарками в окружающих город селениях, уполномоченные города полагали более подходящим для Никольск-Уссурийска назначить ярмарки весеннюю 17 марта, в день Алексея человека Божия и осеннюю 22 октября, в день Казанской Божией Матери³⁷. Оба праздника были хорошо известны в простонародье. В это время дороги были сухи, тверды, а население свободно от зимних и летних работ. Предполагаемая продолжительность ярмарок – пять дней.

Постановление уполномоченных об учреждении в городе Никольск-Уссурийске ярмарки было представлено городским общественным управлением в присутствие Приморского областного правления 17 июля 1901 г. Основываясь на статьях Устава торгового, изданного в 1893 г., на ст. 331 Общего губернского учреждения, изданного в 1892 г., на ст. 108 Городового положения, на циркуляре хозяйственного департамента 10 октября 1879 г. Приморское областное правление определило разрешить создание двух пятидневных ярмарок в Никольск-Уссурийске, но предварительно было необходимо утверждение Военного губернатора Приморской области.

Военный губернатор Приморской области по областному управлению утвердил постановление областного правления и согласно ст. 331 Общих губернских учреждений, изданному в 1892 г. обратился 25 июля 1901 г. за одобрением своего решения к министру внутренних дел Д. С. Сипягину.

Последовательный порядок рассмотрения проблемы открытия ярмарки в Никольск-Уссурийске можно представить таким образом.

- Постановление собрания уполномоченных города.

³⁵ РГИА, Ф. 22, оп. 4, ед. хр. 466, л. 4.

³⁶ РГИА Ф. 1287, оп. 26, ед. хр. 1337, л. 2.

³⁷ Там же, л. 3.

- Представление городского общественного управления.
- Определение Приморского областного правления.
- Утверждение Военного губернатора Приморской области.
- Уведомление министра внутренних дел.

В г. Хабаровске в то же самое время рассматривался вопрос, поднятый Городской управой, об учреждении двух ежегодных ярмарок. 20 марта 1901 г. Городская управа вошла с докладом в Городскую думу о необходимости учреждения в Хабаровске ярмарки. Доводы Управы заключались в том, что еще в бытность Хабаровска селением, во время губернатора генерала Тихменева, с открытием навигации весной существовал съезд инородцев, привозивших на продажу пушнину и покупавших предметы домашнего обихода и орудия лова зверей. Этот съезд существовал и в 1901 г. Весной, с первыми пароходами сверху, с рек Сунгари, Амура и Уссури открывалось массовое движение грузов в Хабаровск. Зерновым хлебом, рогатым скотом, растительными маслами снабжался потом весь северо-уссурийский край и низовья Амура. А осенью, со второй половины сентября начиналась доставка в город произведений добывающей промышленности, огородных овощей, фруктов, изделий кустарных промыслов. Таким образом, весной и осенью город становился торговым центром, привлекавшим инородцев и крестьян окрестных поселков. Кроме того, в течение всего навигационного периода по рекам края Хабаровск играл роль транзитного пункта.

Городская управа разделила торгующих потребителей на четыре категории: горожане (составляли 40 %), переселенцы (10 %), инородцы (10–15 %), казаки и крестьяне (35–40 %), из чего делался вывод о том, что 60 % товаров, находящихся в городе, приобретались чуждым городу населением.

Исходя из добытых сведений, управа сделала вывод: «Экономический рост города в торговом отношении, что подтверждается данными пароходных обществ, железных дорог и фирм за последние пять лет увеличился вдвое; необходимо открыть в городе две ярмарки: с 10 мая по 1 июня и с 15 сентября по 1 октября»³⁸.

Рассмотренные Городской думой документы были переданы Городскому голове, который в свою очередь ходатайствовал перед Военным губернатором Приморской области об учреждении в Хабаровске двух ежегодных ярмарок.

Военный губернатор Приморской области

по областному управлению 20 октября 1901 г. составил представление Приамурскому генерал-губернатору и приложил копию ходатайства Городского головы. Военный губернатор отмечал, что «в виду того крупного в экономическом и торгово-промышленном смысле значения для города Хабаровска и тяготеющих к нему поселений, которое будут иметь проектируемые ярмарки, я нахожу ходатайство думы заслуживающим удовлетворения»³⁹.

3 ноября Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков сообщил «на благоусмотрение» министра внутренних дел о намерении открыть в Хабаровске две ежегодные ярмарки: первой весенней с наименованием Николаевской, с 9 мая по 1 июня, и второй осенней, с наименованием Воздвиженской, с 14 сентября по 1 октября.

Для открытия ярмарок в Хабаровске были задействованы иные органы местного управления, чем при рассмотрении идентичных вопросов в Никольск-Уссурийске. Схематично порядок создания ярмарок в Хабаровске можно изобразить следующим образом.

- Доклад Городской управы.
- Решение Городской думы.
- Ходатайство Городского головы.
- Представление Военного губернатора Приморской области.
- Сообщение Приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел.

Генезис ярмарочного права в России происходил в тесной взаимосвязи с поощрительной политикой государства в области внутренней торговли. С изменением во второй половине XIX в. государственных приоритетов изменилось место, занимаемое ярмарками в экономической жизни страны. Власть переключила внимание на стационарные формы торговли, однако не могла не стимулировать и развитие мелких ярмарок, которые посещало крестьянство, поскольку именно крестьяне были основными налогоплательщиками, и получаемый ими доход от продажи товаров гарантировал своевременную уплату податей. Поэтому в конце XIX–начале XX в. была упрощена процедура открытия ярмарочных торгов и подтвердилось освобождение от пошлин ярмарок низших разрядов.

³⁸ Там же. л. 7.

³⁹ Там же. л. 5.

ФИЛОЛОГИЯ

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А.Глуценко

Глуценко Олеся Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Камчатского государственного университета.

Рассматривается проблема семантической типологии наречий образа действия (наречий «как»–вопроса) в русском литературном языке (2853 слова), архангельских народных говорах (5543 слова). Лексический класс наречий образа действия является полевой организацией. Заполнение фрагментов понятийного поля наречий образа действия в литературном языке и диалектной системе неодинаково, и в этом отражается различие в семантическом строе двух подсистем русского языка (различия в способе обозначения).

The problem of semantic classification of adverbs of manner (how-adverbs) in the Russian literary language (2853 words) and Arkhangelsk dialects (5543 words) is taken under consideration. The lexical class of adverbs of manner is organized as a field. Fragments of a conceptual field of adverbs of manner in the literary language and dialect system are filled in differently, which results from the difference in the semantic structure of two Russian subsystems (distinctions in the way of designation).

«Интерес к вопросам теории классификации со стороны лингвистов закономерен, поскольку к процедуре классифицирования исследователю любого языка приходится прибегать постоянно, а описательный подход, плодотворный как в исследованиях современного языка, так и в его истории, применительно к литературному языку и к диалектам, вообще основан на классифицировании»¹.

Наречия образа действия представляют собой семантико-функциональный разряд, т.е. лексический класс слов, связанных смысловым вопросом «как? // каким образом?» и реализующих общую семантическую функцию характеристики процесса и его составляющих. Лексический класс – это лингвистическая модель, «конструкт, абстракция от отношений между словесными целостностями, именно благодаря этим отношениям организованными в систему»². В языке лексический класс существует как многоуровневая система множеств, объединяющих лексемы, связанные оппозиционными отношениями. Лексический класс наречий образа действия неоднороден, в нем есть множества и подмножества слов, характеризующихся близостью значения, общей сферой приложения наречного признака, единым объектом характеристики. Внутри каждого лексического множества и подмножества наречий образа действия слова связаны определенными типами семантических корреляций – синонимических, гипонимических, антонимических. Минимальным фрагментом любого лексического объединения является слово (слово-

понятие – в терминологии Л.А. Новикова³). Такое членение лексического класса естественно: «большие лексические классы, в основе которых лежат самые обобщенные семантические признаки, допускают иерархическое деление признаками, последовательно убывающими по степени абстрагированности»⁴.

В целом системность на лексическом уровне проявляется «в существовании взаимосвязанных между собой определенных лексических множеств как неких целостных образований, каждое из которых имеет свою внутреннюю организацию, поддающуюся дальнейшему членению до своего конечного минимума – отдельного элемента – слова»⁵. Отдельно взятое наречие образа действия выступает в роли обязательного элемента системы языка, следовательно, оно связано и взаимодействует с другими наречиями внутри лексических множеств и подмножеств. Это предопределяет изучение разнообразных лексико-семантических связей (показателей системности на лексико-семантическом уровне) наречий образа действия внутри своего лексического класса.

Перед нами стоит задача построения семантической классификации наречий образа действия. При выделении иерархии внутри лексического класса наречий образа действия мы учитываем следующие особенности.

1. Термин «наречия образа действия» условный и не отражает в полной мере все семантиче-

¹ Мораховская О.Н. Некоторые вопросы теории классификации применительно к диалектологии // Современные русские говоры. М., 1991. С. 141.

² Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998. Т.1. С. XIV.

³ Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 65.

⁴ Плотников Б.А. Основы семасиологии. Минск, 1984. С. 63.

⁵ Горюшина Р.И. К вопросу об изучении системных связей в лексике русского языка // Вопросы региональной лингвистики : Сб. науч. тр., посвященных памяти профессора Л.М. Орлова. Волгоград, 2002. С. 246–247.

ские особенности обозначаемых им наречий; другими словами, не всегда наречная характеристика является описанием образа действия или способа протекания процесса.

2. Семантика определенных наречий в полной мере выявляется не столько в изолированном употреблении слова, сколько в синтагме и с учетом денотативного аспекта. «Значение языковых единиц может рассматриваться в трех аспектах: парадигматическом (отношения этих единиц с другими в парадигматических рядах и семантических группировках), синтагматическом (связь этих единиц с другими в речи) и денотативном (их отношение к обозначаемым ими элементам действительности)»⁶.

3. Границы лексических множеств и подмножеств не являются четкими и жесткими: «вся содержательная сторона лексики не может быть представлена в виде жесткой всеобъемлющей иерархической классификации, и в этом смысле понятийная картина мира иерархической не является»⁷. Выделяемые нами лексические множества и подмножества по сути микрополя и проявляют все особенности полевой организации.

Основное противопоставление внутри лексического класса наречий образа действия обусловлено частеречной семантикой наречия, имеющей реляционный характер, в силу того что в ее основе лежит понятие признака, который не существует в мире изолированно, сам по себе, а предполагает, имплицитно вводит процессуальный признак, некую субстанцию или ситуацию, к которым он должен и может быть привязан, направлен, приписан. Так, наречия образа действия способны, с одной стороны, определять процессы, состояния сами по себе или в совокупности с характеристиками задействованных в них субъектов, объектов, с другой стороны, они могут быть приписаны всей ситуации, положению дел, сценарию. Первое членение лексического класса наречий заключается в выделении двух множеств: 1) характеристики процессов и связанных с ними субъектов и объектов; 2) характеристики ситуации. Разделение этих множеств может быть связано, с нашей точки зрения, и с различием двух типов номинации: элементарной и событийной. Наречия первого множества образуются в результате элементарной номинации, которая «обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение,

любой реальный или мыслимый объект»⁸. Появление наречий второго множества соответственно можно объяснить событийной номинацией, потому что «событийная номинация в качестве номината имеет микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов»⁹.

Наречия первого множества раскрывают особенности протекания процесса в сфере объекта, который охвачен этим процессом, вовлечен в него, или особенности процесса в сфере субъекта, который претерпевает процесс или сам его инициирует, или, наконец, специфику протекания самого процесса, действия, состояния. Все наречия этого множества можно считать актантными и сирконстантными, поскольку именно они характеризуют или предикатный признак (и в этом смысле обозначают признак признака), или членов актантной рамки предиката (и косвенно обозначают вторичный признак субъекта и // или объекта).

На втором уровне иерархии наречных значений внутри этого множества разграничены три подмножества (тематических класса) в зависимости от сферы приложения наречного признака: 1) характеристики протекания процесса, состояния; 2) характеристики явлений, процессов, состояний в сфере субъекта; 3) характеристики явлений, процессов, состояний в сфере объекта. Внутри каждого тематического класса есть подклассы, лексико-семантические группы (ЛСГ), выделяемые по денотативно-понятийному принципу и объекту характеристики.

ЛСГ 1 «Характеристика протекания процесса, состояния» включает в себя самое большое количество подмножеств наречий, объединяющих разнообразные характеристики условий протекания процесса и способов действия. Объектами наречной характеристики являются состояние окружающей среды во время процесса; особенности протекания различных природных и общественных процессов (горение, освещение, товарооборот, строительство и др.); разные способы действия (исполнение музыкальных произведений, произнесение, обучение и познание, лингвистическая организация информации, производство чего-либо, вязание или шитье, физическое воздействие на предмет и др.); пространственные координаты процесса; особенности звукового сопровождения какого-либо процесса и др. Например:

• *Накладывая край или конец чего-либо на край или конец другого, состыковав краями вплотную друг к другу:*

⁶ Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 74.

⁷ Морковкин В.В. Смысловое членение универсума и классификация лексики // Проблемы определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 183.

⁸ Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977. С. 257.

⁹ Там же. С. 257.

АНГ¹⁰ *Взамки́ – Взамо́к – Внакро́й – Внаклё́стку – Впритё́ску – Ско́льзом (скользем) (3) – Сты́ком*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *вставить, делать, класть, рубить* и др.; 2) предикаты свойства *называться*; 3) сказуемое в двусоставном предложении (ДП).

АНГ (О) *Внахлё́ст – Внаки́дку (2)*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *делать, шить* и др.; 2) предикаты свойства *называться*.

ЛЯ (О) *Всты́к* (спец.).

• *Происходя с шумом, сопровождаясь шумом:*

АНГ *Га́мно – Шу́мко (1)*. Синтагматические связи: предикаты действия *идти, сделать, спускаться*.

АНГ (О) *Гро́мко (1) – Дро́бно – Чу́тко (2) – Шу́мно (1)*. Синтагматические связи: предикаты действия *бежать, дышать, ездить, зайти, идти, ходить*.

ЛЯ (О) *Шу́мно (3)*.

ЛЯ *Многого́ло – Шумли́во (1)*.

ЛСГ 2 «Характеристика положения в пространстве» представлена двумя подмножествами:

1. Характеристика положения в пространстве тела живого существа.

Объекты наречной характеристики – вертикальное и горизонтальное положение тела человека; согнутое, сидячее и висячее положение тела человека; положение тела человека, обратное естественному или обычному положению; положение тела человека, охарактеризованное через положение ног; положение головы человека; динамичное или статичное положение тела человека в пространстве, охарактеризованное через разворот тела. Например:

• *ножками или ягодицами вперед (о неестественном положении ребенка при родах):*

АНГ *Комельго́й (кумельгой) (2) – Кумелё́м (кумелем) (2) – Ку́мелько́м (1) – Ко́мом (3)*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *выйти, идти*; 2) предикаты процесса *родить*.

• *сгорбившись, ссутулившись:*

АНГ *Внакло́н (2) – Внакло́ночку (2) – Накло́нкой (2) – Впрису́толь – Прису́толь – Вдва́ряды – Корчко́м – Крюко́м – Кучеря́жской (2) – Нырко́м (5) – Согну́телем*. Синтагматические связи: 1) пре-

дикаты действия *бежать, идти, ходить*; 2) сказуемое в двусоставном предложении (ДП).

АНГ (О) *Внакло́нку (2) – Вприся́дку (1)*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *нести, походить, ходить*; 2) предикаты состояния *сидеть*.

ЛЯ *Согбе́нно* (книжн.).

2. Характеристика положения предмета в пространстве.

Объекты характеристики – вертикальное и горизонтальное положение предмета в пространстве; положение предмета, отклоняющееся от вертикального положения; положение под углом к горизонтальной плоскости; положение предмета, противоположное привычному или естественному положению; висячее положение; положение предмета в пространстве, охарактеризованное через разворот предмета. Например:

• *плашмя, плоской или широкой стороной кверху или книзу:*

АНГ *Ла́гом (2) – Ле́жками – Ля́гом (2) – Пласко́м – Пла́стьё – Пла́стьей – Пла́стью (1) – Пла́шью – Пла́щью – Па́дьми*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *класть, отлететь, раскинуть, раскладывать, сорвать* и др.; 2) предикаты состояния *лежать, стоять*; 3) сказуемое в ДП; 4) присубстантивное употребление в ДП *хвост*.

АНГ (О) *Ле́жмя (3) – Плашмя́*. Синтагматические связи: предикаты действия *завернуться, положить, расколоть*.

ЛЯ (О) *Плашмя́*.

ЛСГ 3 «Характеристика способа перемещения». Объектами характеристики являются всевозможные способы перемещения живого существа или предмета: самостоятельное перемещение живого существа по поверхности при помощи конечностей или при помощи всего тела; самостоятельное перемещение живого существа в воде; перемещение живого существа и предмета при помощи другого человека или при помощи животного; перемещение живого существа и предмета при помощи силы течения или при помощи механизма или приспособления; перемещение живого существа и предмета по земле или под землей при помощи транспорта; перемещение человека по земле с опорой на что-либо; перемещение машины по поверхности земли; самостоятельное перемещение предмета; характер хода лошади и др. Например:

• *припав туловищем к поверхности и перемещая по ней руками и ногами:*

АНГ *Наполза́ – Ползако́м – Ползе́чко – Ползико́м – Ползо́м – Ползонко́м – Ползу́нко́м (1) – Ползуно́м (1) – Ползунце́м – Ползяко́м – Попласты́нски*. Синтагматические связи: 1) предика-

¹⁰ Поскольку для нас важно разграничение общерусских и собственных только одной подсистеме наречий, мы показываем это в расположении материала: 1) диалектные наречия (сокращение – АНГ); 2) общерусские наречия в диалектной системе (сокращение – АНГ (О)); 3) общерусские наречия в ЛЯ (сокращение ЛЯ (О)); 4) наречия в ЛЯ (сокращение ЛЯ). Такое распределение материала отражает место каждого слова в сопоставляемых системах АНГ и ЛЯ и заполненность «ячеек» понятийной матрицы образа действия в АНГ и ЛЯ. Синтагматические связи мы выделили исключительно для наречий из АНГ.

ты действия *доползти, открыть, отползти, ползать, ползти, приползти*; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Ползко́м* (1). Синтагматические связи: предикаты действия *заползать, ползать* и др.

ЛЯ (О) *Ползко́м*.

ЛЯ *По-пласту́нски*.

ЛСГ 4 «Характеристика направления».

Объекты характеристики – направление прямое, поперечное, круговое; прямое и обратное, противоположное прямому; по диагонали, хаотичное, относительное. Например:

- непосредственно следом за кем-нибудь, чем-нибудь, по пятам:

АНГ *Вза́пятки́* (3) – *За́пятáми* – *За́пятки* – *Наза́пятках* – *Напо́пятку* – *Наза́пятке* – *На́пятáх* – *Вследки́* – *Всле́дь* – *Сле́дно* – *Напросле́д* – *По́ва́ди*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *бежать, брести, идти, приехать, ходить* и др.; 2) предикаты состояния *остаться*; 3) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Восле́д* (1) – *Всле́д* (1) – *Сле́дом* – *Ву́гон* – *Гусе́м* (2) – *За́дом* (2). Синтагматические связи: предикаты действия *бежать, поехать, пойти* и др.

ЛЯ (О) *Сле́дом*.

ЛСГ 5 «Характеристика сорасположения».

Объекты характеристики – сорасположение контактирующих объектов; упорядоченное сорасположение объектов; упорядоченное сорасположение лошадей в упряжке; неупорядоченное сорасположение объектов. Например:

- *плотно, без отверстия, без доступа воздуха:*

АНГ *Вплоти́* – *До́плоти* – *До́плотна́* (2) – *Наплоти́* – *Наплоти́х* – *На́плотно* (3) – *Наплотну́(ю)* (2) – *На́плоть* – *Плотно́-на́плотно* – *Пло́ть* (1) – *Пло́тью* – *Вглу́хую* – *Сглу́ха* (1) – *Сглу́хо* (1) – *Вка́рту* – *Впро́ч* – *Гла́дью* (2) – *На́прость*² – *Юро́*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *завешивать, погибать, закрыть, запереться* и др.; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Вплотну́(ю)* (2) – *Вплóть* (2) – *Плóтно́* (3) – *Глу́хо* (4) – *На́глухо* (2) – *Кре́пко* (9) – *На́кре́пко* (2) – *Вкруту́(ю)*² (2) – *Всты́к* (1) – *На́мертво́* (*наме́ртво*) (6) – *Толсто́* (9) – *Ту́го* (5). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *завесить, закрывать, закупорить, запереть*, и др.; 2) сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Плотно́* (6).

ЛСГ 6 «Характеристика скорости». Объекты характеристики – высокая и низкая скорость. Например:

- *медленно, неторопливо:*

АНГ *Исподти́ха* (1) – *Испоти́ха́* (1) – *По́тихо́му* – *Потихо́нечки* (1) – *Потихо́нечко* (1) –

Потихо́нечку (1) – *Потихо́ньки* (1) – *Потихо́нько* – *Потихо́нюшку* – *Потихо́хонько* (1) – *Потихо́хоньку* (1) – *Потихо́хочку* – *Потихо́хощку* – *Потихо́шенько* – *Поти́ищу* (1) – *Сосподти́ха* (1) – *Сподти́ха* (1) – *Спотихо́ньку* – *Спотии́ишке* – *Сысподти́ха* (1) – *Ти́хенько* – *Тихова́то* (1) – *Ти́хонечко* (2) – *Ти́хоньки* (1) – *Тихо́ньку* (1) – *Тихо́хоньки-помале́хоньки* – *Тихохонько* (2) – *Тихо́хочко* – *Тихо́шенько* (2) – *Ти́ишенько* (*ти́ишонько*) (1) – *Помале́нечку* (*помале́ничку*) (2) – *Помале́ньки* (2) – *Помале́шеньку* (*помале́ишеньку*) (2) – *Помале́ищу* (*помале́йшу*) (2) – *Испово́льки* (1) – *Сы́звольки* – *Мяко́нько* (5) – *Мяко́хонько* (2) – *Вре́дкую* (3) – *Жи́хо* – *Копова́то* (1) – *Лего́нько* (*ле́гонько*) (8) – *Нева́рово* – *Некру́то* – *Непа́рко* – *Неросторо́пно* – *Неспе́ша* – *Неторо́пно* – *Нехо́дко* (1) – *Остано́вно* (2) – *Понемно́ги* (2) – *Проме́лительно* – *Протя́г* – *Слабе́нько* (7) – *Спокойне́хонько* (5) – *Споло́го* – *Спрохладце́м* – *Устано́вно* (4) – *Хи́лко*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *бежать, ворочать, говорить, делать, есть* и др.; 2) предикаты процесса *кипеть, расти* и др.; 3) предикаты состояния *надо*; 4) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Во́лей* (*воле́й*) (5) – *Во́льно́* (*вольне́*) (13) – *Потихо́ньку* (1) – *Ти́хо* (2) – *Тихо́нько* (*тёхонько*) (3) – *Ме́дленно* (1) – *Лени́во* (5) – *Мя́гло* (4) – *Отлого́* (2) – *Поло́го* (2) – *Помале́ньку* (2) – *Протя́жно* (3) – *Редко́* (4) – *Свободо́но* (8) – *Сми́рно* – *Тя́жело́* (*тяжоло́, че́жело́*) (11). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *вертеть, ехать, лопатить, мыть* и др.; 2) предикаты состояния *надо*; 3) предикаты процесса *расти*; 4) сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Ме́дленно* (1) – *Ти́хо* (5) – *Тихо́нько* (5) (разг.) – *Потихо́ньку* (3) (разг.) – *Полего́ньку* (разг.) – *Лени́во* (2).

ЛЯ *Заме́дленно* – *Медли́тельно* – *Неторо́поко* – *Неторопли́во* – *Неспе́шно*.

ЛСГ 7 «Характеристика явлений, процессов, состояний в сфере субъекта (живого существа)». Внутри ЛСГ существует 10 подмножеств:

1. Характеристика внутренних физических и физиологических процессов в сфере живого существа. Объекты характеристики – болезненное или здоровое состояние, физическая активность или расслабление, изнеможение, опьянение, роды, сон, дрожь, голод и др. Например:

- *спросонок, в состоянии неполного пробуждения:*

АНГ *Соспросо́ня* – *Спросо́нка* – *Спросо́нки* – *Спросо́ну* – *Слепко́м* (3) – *Со́стани*. Синтагматические связи: предикаты действия *выйти, одеваться, поглядеть, ходить* и др.

АНГ (О) *Впросо́нках* – *Впросо́ньи* – *Спросо́нок* – *Спросо́нья* – *Слепо́* (2) – *Сослепа́* (2). Синтагма-

тические связи: предикаты действия *валиться, догонять, идти, отвечать, сбегать, съест, ходить* и др.

ЛЯ (О) *Впросо́нках* (разг.) – *Спросо́нок* (разг.) – *Спросо́ня* (разг.).

ЛЯ *Со́нно* (2).

2. Характеристики внешнего физического состояния живого существа. Объекты характеристики – статичное или динамичное состояние, добавочное физическое действие человека во время основного действия или состояния, внешнее физическое состояние человека, охарактеризованное через положение рук и др.). Например:

- *на ногах, в ходьбе, в движении:*

АНГ *Впоходё́нцах* – *Впоходни́* – *Впоходня́х* – *Впроходку́* (2) – *Входы́* (1) – *Находо́м* (4) – *Походи́* – *Въезду́* – *Въезды́* – *Вбегу́* – *Напобегушка́х* – *Наподбёге* – *Налету́* (1) *Нашагу́* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *есть, писать* и др.; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Входу́* (1) – *Находу́* (3) – *Походя́* (2) – *Ходо́м* (5) – *Пе́шком* (5). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *наестся, одеваться, понасть, смотреть* и др.; 2) предикаты состояния *спать* и др.; 3) предикаты процесса *рожать, умереть*; 4) сказуемое в ДП.

3. Характеристики физического состояния живого существа в процессе восприятия. Объекты характеристики – состояние глаз человека во время совершения действия или протекания состояния и качественные особенности процесса зрительного или слухового способа восприятия и передачи информации. Например:

- *прищурив глаза:*

АНГ *Защу́рком* – *Защу́рку* – *Защу́ря* – *Защу́рясь* – *Скоса́* (5). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *выглядывать, писать, раздеться*; 2) предикаты состояния *сидеть*.

ЛЯ *Вприщу́р*.

4. Характеристики физического состояния живого существа в процессе поглощения пищи. Объекты характеристики – внутреннее состояние человека по отношению к процессу питания, способ употребления и приготовления пищи, состояние продуктов и др. Например:

- *в сыром виде, необработанном виде, без всякой кулинарной обработки:*

АНГ *Сырко́м* (1) – *Сыро́м* (1) – *Сырце́м* – *Свежье́м* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *есть, пить, съест* и др.; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Сырьё́м*. Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Сырьё́м* (разг.).

5. Характеристики внешнего физического состояния или процесса объединения живых существ. Объекты характеристики – объединение с указанием точного количества, совместность, совокупность предметов или существ как единое целое, характер включения предметов или существ в какой-то процесс, в какое-то общее состояние. Например:

- *впятером, в количестве пяти человек:*

АНГ *Впяте́рах* – *Впятери́мо* – *Впятеры́м* – *Впятеры́ма* – *Пятеры́ма*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *ехать, молотить, поехать, сделать, ходить*; 2) предикаты состояния *жить*.

ЛЯ *Впятеро́м*.

6. Характеристика внешнего физического состояния или процесса разъединения живых существ. Объекты характеристики – разъединение живых существ и предметов, обособления людей при совершении действия, состояние одиночества как образ жизни. Например:

- *в одиночку, без других людей:*

АНГ *Водина́стве* – *Водина́сь* – *Водина́сью* – *Водина́честве* – *Наоди́ни* (2) – *Наоди́нке* (*наоди́нки*) (2) – *Наоди́нку* (2) – *Наодной́* – *Одинаво́тъ* – *Одинамо́* – *Одинёшенько́* – *Оди́нкой* – *Оди́нна́одно* – *Оди́ночкой* – *Оди́но́чно* (2) – *Оди́но́ма* – *Пооди́нка* – *Пооди́нке* (2) – *Пооди́нку* (2) – *На́порознь* (2) – *Ни́причём*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *брать, гадать, караулить, пить, поехать* и др.; 2) предикаты состояния *сидеть, спать* и др.; 3) предикаты процесса *ночевать, расти* и др.

АНГ (О) *Одино́ко* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *ходить*; 2) предикаты процесса *расти*.

ЛЯ (О) *Одино́ко* (1) – *Отде́льно* – *Само́стоя́тельно* (5).

7. Характеристики эмоционально-чувственной жизни живого существа. Объекты характеристики – конструктивные и деструктивные эмоции, состояние покоя и уверенности, возбужденное, нестабильное эмоционально-психическое состояние человека, состояние без чувств. Например:

- *испытывая чувство удовольствия, с удовольствием:*

АНГ *Вдово́лье*. Синтагматические связи: предикаты действия *поехать*.

ЛЯ (О) *Дово́льно* (1) (кем – чем).

ЛЯ *Удовлетворё́нно* (1).

8. Характеристика психической сферы жизни человека. Объекты характеристики – адекватное или неадекватное ситуации состояние психики человека, состояние растерянности, задумчивости, мечтательности, отрешенности, а также особенно-

сти характера человека, выявляемые через поступки, поведение. Например:

- *в здоровом уме, сохраняя способность здраво мыслить:*

АНГ *Впамяте́ – Впамяти́ – Впамя́тну – Впамятьё́ – Впамятя́х – Вздра́ве – Вроссудке – Всебе́* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *говорить*; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Толком* (2). Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Ясно* (5).

9. Характеристики внешнего вида живого существа. Объекты характеристики – особые приметы человека, возраст, внешний вид человека через признак наготы, по отношению к одежде и др. Например:

- *с непокрытой головой, без головного убора:*

АНГ *Волоса́тками – Волоса́ткой – Волоса́тком – Волоса́точкой – Космако́м (космоко́м) – Космачё́м – Холоу́шки*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *бегать, носиться, ходить*; 2) предикаты состояния *озябнуть*; 3) сказуемое в ДП.

10. Характеристики общественной жизни человека. Объекты характеристики – род общественных занятий человека, роль человека, выявляемая в общественных взаимоотношениях, поступки человека в обществе, родственные отношения между людьми, происхождение человека, социально-экономическое состояние человека, уровень жизни человека, образ жизни человека и др. Например:

- *в равных долях с кем-то, на паях:*

АНГ *Исполови́ны (2) – Исполовь́я (2) – Вскла́д* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *сеять, страдать* и др.; 2) предикаты состояния *надо*.

АНГ (О) *И́сполу (2) – Напопола́м (3)*. Синтагматические связи: предикаты действия *брать, отдавать, продать*.

ЛЯ (О) *Попола́м (2)*.

ЛСГ 8 «Характеристика явлений, процессов, состояний в сфере объекта» включает три подмножества наречий:

1. Характеристика внешних физических свойств объекта. Объекты характеристики – внешний вид вещества, плазмы, твердого предмета, форма, размер и цвет предмета, особенности кроя одежды и др. Например:

- *стиraleвидно:*

АНГ *Кучеря́жской (1)*. Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Винто́м* (разг.).

2. Характеристика физического состояния объекта. Объекты характеристики – состояние по-

мещения, предмета, транспортного средства, растения, совокупность предметов как единое целое. Например:

- *в действии, в рабочем состоянии:*

АНГ *Наиспра́ве*. Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Входу́ (4) – Находу́ (7)*. Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Исправно (1)*.

3. Характеристика свойств объекта, выявляемых при его функционировании. Объекты характеристики – функциональные характеристики и свойства объекта; свойства объекта, выявляемые через тактильные, вкусовые, обонятельные и др. ощущения человека; характер звука, перцептивные качества звука, света; качество восприятия. Например:

- *легко поддаваясь, уступая при надавливании, прикосновении и вызывая ощущение чего-либо приятного, нежного:*

АНГ *Мяго́нько (1) – Мяки́нисто – Мяко́нько (1)*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *напечь*; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Мя́гло (1)*. Синтагматические связи: сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Мя́гло (1)*.

Итак, первое лексическое множество состоит из таких наречий, которые в большинстве случаев семантически ориентированы на процесс и по отношению к нему являются модификаторами, характеристизаторами. Как правило, процессуальный признак и его наречный модификатор взаимосвязаны и воспринимаются одновременно. Так, процесс перемещения и скорость перемещения мы осознаем одновременно, скорость воспринимается не сама по себе, а через проявление какого-либо процесса. Процесс исполнения музыкального произведения и способ его исполнения сопряжены в восприятии. Следовательно, наречие модифицирует непосредственно сам процесс в отношении характера его протекания, направления, скорости, пространственных координат и т.д. – такова направленность семантического признака одной части наречий первого лексического класса. Наречия первых шести ЛСГ мы определяем как сирконстантные наречия.

Семантический признак другой части наречий тяготеет не к самому процессу, а должен быть приписан сфере субъекта или объекта, охваченного процессом, вовлеченного в него. Наречия двух последних ЛСГ можно считать актантными.

Между ЛСГ первого лексического множества есть зоны пересечения, поэтому распределение определенной части материала по ЛСГ и подмно-

жествам можно признать условным. Например: в группу характеристик вкуса объекта включены наречия со значениями «имея характерный вкус соли (о слезах, поте, крови)», «с большим количеством соли, специй, едко, пряно, жгуче (о пище)» и др., которые связаны также и с подмножеством характеристик способов приготовления пищи и состояния продуктов питания.

Ячейки семантической структуры первого лексического множества наречий образа действия неравномерно заполнены в сопоставляемых подсистемах общенационального русского языка – ЛЯ и АНГ. Так, внутри лексического класса обнаружено 180 понятийных зон (ячеек, клеточек системы значений наречий образа действия) – это тематические объединения наречий, связанных одним объектом характеристики. В 156 «ячейках» представлены лексические единицы ЛЯ и АНГ, хотя «зона покрытия» понятийного пространства словами из ЛЯ и АНГ чаще всего различается, например: в зоне характеристик такого объекта, как способ производства чего-либо, встречаются названия из ЛЯ и АНГ, однако, наречие из ЛЯ именует только одну часть слов подмножества (значение «вручную, своими руками»), тогда как наречиями из АНГ названы все участки этой зоны (значения «вручную, своими руками» и «машинным способом»).

Среди 180 зон понятийного пространства актантных и сирконстантных наречий мы выделили 30 семантических лакун для системы ЛЯ и 14 лакун для системы АНГ – это «пустые клетки» понятийного пространства, поименованные только в одной из сопоставляемых подсистем русского языка (или в ЛЯ, или в АНГ), например: подмножество характеристик света, исходящего от объекта, представлено только наречиями из ЛЯ, а подмножество наречий со значением положения тела человека, охарактеризованного через положение ног, состоит только из наименований в АНГ¹¹.

Второе множество лексического класса наречий образа действия состоит из таких слов, которые характеризуют не столько сам процесс, состояние или его участников, сколько целую ситуацию протекания процесса // состояния, – это наречные определители ситуации (пропозиции, сценария). Семантика таких наречий (семантика свернутой пропозиции) раскрывается при помощи общей формулы «X происходит // бытует // развивается (пропозиция 1). И это таково, как названо на-

речием (пропозиция 2)», например: *справедливо поступить* – «X поступает определенным образом, и это справедливо»; *физически необходимо* – «Нечто кому-то необходимо, и это важно в физическом плане»; *жалебно причитать* – «X причитает определенным образом, и это вызывает жалость у кого-то».

Наречия такого типа лингвисты называют сентенциональными, или детерминантными, или модусными (Е. Л. Рудницкая, И. К. Галаншина, Л. М. Байдуж и др.). Есть наблюдения над семантикой отдельных слов и групп слов (*легкомысленно, опрометчиво, действительно* и др.), однако круг таких наречий до сих пор четко не определен.

Главное отличие наречий первого множества от наречий второго множества заключается в доминировании прагматического компонента в семантике последних: в их значении есть либо компонент оценки, либо ориентация на норму, общепринятое, привычное вообще и их частные разновидности. При помощи подобных наречий говорящий характеризует определенное поведение, чувства, поступки. «С помощью языковых знаков таких, как, например, *хорошо, плохо, красиво, некрасиво, полезно, партийно, экономно* (с точки зрения мыслительного процесса) и т.д., оцениваются предметы, действия, лица, суждения и т.д. в положительном и отрицательном отношении»¹². В полной мере значение подобных наречий раскрывается с учетом значения всех элементов предложения: «нужна информация, относящаяся практически ко всем компонентам контекста»¹³.

Внутри второго множества наречий мы выделяем 9 тематических классов (ЛСГ) в соответствии с основными семантическими формулами. Это членение наречного множества также определяется денотативно-понятийным принципом.

ЛСГ 1 «Наречия общей оценки». Семантическая формула 1 «Нечто имеет место // совершается // происходит. И это хорошо // плохо». Варианты лексической реализации основной формулы 1 предопределяют выделение подмножеств внутри ЛСГ: общая отрицательная или положительная оценки и их модификации, усредненная оценка:

- *плохо, обладая качествами или свойствами ниже какого-либо среднего уровня, не так, как должно быть в понимании говорящего:*

АНГ *Вхуже* – По-худому (1) – По-худящему (1) – Худёнько (1) – Худовато (1) – Худяще – Плоховато (1) – Плохонько (1) – Лихом (1) – Взямятку

¹¹ Употребление общерусского слова в лакуне не приводит к ее разрушению, поскольку семантический фрагмент лакуны лексически выражен однословным наименованием только в одной из подсистем русского языка (или в ЛЯ, или в АНГ).

¹² Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967. С. 21.

¹³ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 6.

– *Всякова́то* (3) – *Ву́кредь* (*вукре́ть*) (2) – *Неде́льно* (*неди́льно*) (1) – *Недоро́дно* (1) – *Нелю́бо* – *Нелю́дски* (4) – *Неподходя́че* – *Неради́во* (1) – *Никуды́ино* (1) – *Обло́жно* – *По-ди́кому* (1) – *Росто́туры-туры* – *Серо́во* – *Шлякова́то*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *видеть*, *говорить*, *действовать*, *чувать* и др.; 2) предикаты состояния *жить*, *нажиться*; 3) сказуемое в ДП; 4) в составе фразеологизма $\diamond$ (*И*) *добром* да (*и*) *лихом* – и по-хорошему и по-плохому, и так и сяк, разными способами.

АНГ (О) *Ли́хо*² (1) – *Нева́жно* (1) – *Него́жо* (1) – *Нездорово* – *Неладно* (1) – *Неу́мно* – *Нечёстно* (1) – *Сла́бо*² (1) – *Ту́по* – *Ху́до* (1) – *Пло́хо* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *видеть*, *делать*, *заходить* и др.; 2) предикаты состояния *жить*; 3) предикаты отношения *ухаживать*; 4) предикаты процесса *гореть*, *тониться* и др.; 5) сказуемое в ДП.

ЛЯ (О) *Пло́хо* (1) – *Сла́бо* (6) – *Ху́до* (1) – *Неладно* (1) – *Нева́жно* (1) – *Нехорошо́* (1).

ЛЯ *Убо́го* (2) – *Неудовлетвори́тельно* (1).

ЛСГ 2 «Характеристика поведения // стратегии живого существа, его состояния». Семантическая формула 2 «X чувствует что-то // делает что-то // находится в определенном состоянии или положении. Это чувство // поступок // действие // состояние // положение соответствует // не соответствует // приближается // не приближается к общепринятой норме». Варианты реализации основной формулы 2 распределяются в зависимости от разновидностей нормы: хорошее расположение к другому человеку, вообще к кому-либо, воспитанность, вежливость; послушание, дисциплинированность, покладистость, способность к уступке или компромиссу; скромность, нравственность, порядочность, благородство человека; искренность, честность, открытость, доверчивость, верность и естественность человека; справедливость; благодарность; ответственное отношение к труду, к делу, усердие, мастерство, деловая хватка, активность; эффективная хозяйственная деятельность человека; ответственность, серьезность; строгость, требовательность, взыскательность; настойчивость, целеустремленность, уверенность, решительность; самостоятельность, независимость, неограниченность; разумность, продуманность, взвешенность поступков, действий; наблюдательность, заинтересованность в чем-либо, внимание к чему-либо; образованность, богатый кругозор; одаренность, талантливость, способность к восприятию прекрасного; терпеливость и терпимость; лояльность по отношению к закону и к политической власти, высокое общественное самосознание;

щедрость как норма. Например:

• *выражая ласку, любовь, исполнившись мягкости, ласки, любви:*

АНГ *Ле́безно* (2) – *Ле́петно* – *Ласка́тельно*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *говорить*, *назвать*; 2) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Ласко́во* (2) – *Мя́тко* (5). Синтагматические связи: предикаты действия *сказать*.

ЛЯ (О) *Ласко́во* (1) – *Тепло́* (3).

ЛЯ *Не́жно* (1) – *Добро́*.

ЛСГ 3 «Характеристика предназначения, перспективы воздействия и результата». Семантическая формула 3 «Осуществляется процесс // имеет место действие. И его результат // предназначение // воздействие на окружающих и мир // последствия являются такими // должны быть такими, как названо наречием». Разновидности наречий выделяются в зависимости от результата, предела развития действия, состояния: результатом воздействия является чувство, эмоционально-психическое состояние живого существа; результатом воздействия является физическое или физиологическое состояние живого существа; достижение необходимого эффекта, результата, пользы; отсутствие необходимого или положительного эффекта, результата, пользы; неопровержимый результат, установление; характеристика результата через признак времени; получение незапланированного результата; получение запланированного или направленного результата; предел развития признака, состояния; предназначение объекта или действия; узкое предназначение. Например:

• *нагоняя тоску и уныние:*

АНГ *Уны́ленько*. Синтагматические связи: предикаты действия *звонить*.

АНГ (О) *Побе́дно* (1) – *Уны́вно* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *запеть*, *звонить*, *свискануть*; 2) предикаты состояния *реветь*.

ЛЯ (О) *Уны́ло* (1) – *Уны́вно* – *Зауны́вно*.

ЛСГ 4 «Характеристика качества продукта, результата труда, оформления объекта, свойства, выявленные в результате обработки». Семантическая формула 4 «X сделан / произведен / получился в результате определенных действий, процессов. И его качество / оформление / функциональные качества таковы, как названо наречием». Варианты реализации семантической формулы 4: характеристика способа оформления объекта безотносительно к оценке его качеств; характеристика стоимости объекта; характеристика разнообразия способов исполнения, осуществления и оформления; характеристика подобия способов исполнения, осуществления и оформления; харак-

теристика содержательной стороны объекта; характеристика логической завершенности, последовательности, смысловой связи и доступности в применении чего-либо и оформлении объекта; характеристика соразмерности внешнего оформления предмета, его эстетического вида; характеристика оформления предмета с учетом индивидуальности и естественности; характеристика степени выразительности предмета, силы воздействия на человека; характеристика качества исполнения, оформления предмета; характеристика особенностей исполнения, оформления предмета. Например:

- разными способами, по-разному:

АНГ *Всяк* (1) – *Всякими* – *Всяко* (1) – *Всяковато* (1) – *Всяковски* – *Всяколюдо*ски – *Всяком* – *Всякотко* – *Всякочки* (1) – *Всякочко* – *Всячину* – *Вразновозку* – *Повсяко* – *По-всяколюдо*ски – *Повсякочки* – *По-всячески* – *Сяко* (1) – *Нара́зно* (1) – *Пора́зну* (2) – *Криво-пря́мо* – *Непа́рно* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *выружать*, *делать*, *ловить*, *прясть* и др.; 2) предикаты свойства *называться*; 3) предикаты состояния *показаться*, *сердиться*; 4) предикаты процесса *вырастать*; 5) предикаты отношения *ругаться*; 6) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *По-разному* (1) – *Поро́знь* (2) – *Ра́зно* (1) – *Ро́зно* (1) – *Неро́вно* (1) – *По-всякому*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *молить*, *обрабатывать* и др.; 2) предикаты свойства *называться*.

ЛЯ (О) *По-разному* – *Ра́зно* (3) (разг.) – *По-всякому*.

ЛСГ 5 «Характеристика развития процесса, проявления признака, свойства». Семантическая формула 5 «Процесс развивается // действие свершается // состояние бытует // признак проявляется. И это характеризуется такой-то динамикой // интенсивностью // характером проявления, как названо наречием». В зависимости от критерия характеристики разделяем следующие частные разновидности семантической формулы 5: развитие, проявление или бытование постоянное // непрерывное // неизменное; развитие, проявление или бытование непостоянное // прерывистое; развитие, проявление или бытование частое // регулярное // повторяющееся; развитие, проявление или бытование редкое // нерегулярное // неповторяющееся; развитие, проявление или бытование мгновенное; развитие, проявление или бытование постепенное, длящееся; развитие, проявление чего-либо интенсивное // активное // без меры или с преувеличением нормы; развитие, проявление чего-либо неинтенсивное // неактивное; развитие // проявление процесса, состояния, признака не ограничивается // ограничивается какими-либо помехами // посред-

никами // трудностями; неорганизованный, непланомерный характер развития // проявления процесса, признака, состояния; характер развития // проявления связан с понятием времени. Например:

- *возникая, совершаясь в одно мгновение; моментально:*

АНГ *Вразе́* – *Вра́зик* – *Назара́з* (2) – *Нара́з* (2) – *Наразо́к* (2) – *Наразу́* (2) – *Сосра́зу* – *Живе́нько* – *Живе́хонько* (2) – *Живе́хочко* (2) – *Живечком* (2) – *Живе́шенько* – *Живком*¹ – *Живчиком*¹ (2) – *Вкруте* (2) – *Круте́нько* (2) – *Круте́хонько* (2) – *Накруту́(ю)*¹ (2) – *Ментиком* – *Ментом* (2) – *Минтом* – *Моменталом* (*моменталём*) (2) – *Моментом* (2) – *Спе́хом* – *Спешкой* – *Скорёхонько* (2) – *Скоры* – *Вды́м* (1) – *Век* (7) – *Вмомент* – *Махом* (4) – *Минутно* – *Монталём* (2) – *Одноча́сно* – *Сбе́гу* (2) – *Торо́пя* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *отвернуть*, *расходиться*, *убить* и др.; 2) предикаты процесса *высохнуть*, *закипеть*, *чернеть* и др.; 3) сказуемое в ДП.

АНГ (О) *Враз* (2) – *Сра́зу* (2) – *Ско́ро* (2) – *Скоропости́жно* (2) – *Схо́ду* (3) – *Хо́дко* (2) – *Живо* (2) – *Кру́то* (2) – *Ми́гом* (2) – *Моментально* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *запомнить*, *охмелить* и др.; 2) предикаты процесса *остыть*, *скиснуть* и др.; 3) предикаты состояния *прожить*.

ЛЯ (О) *Бы́стро* (2) – *Ра́зом* (3) (разг.) – *Моментально* – *Стремительно* (1).

ЛЯ *Мгновенно* (1) – *Вмиг* – *Молниеносно*.

ЛСГ 6 «Характеристика соответствия признака, свойства, процесса обычному положению дел, стандарту, истине, действительности». Семантическая формула 6 «Нечто происходит // имеет место. И это соответствует // не соответствует обычаю // традиции // привычному положению дел // норме // истине». Реализации общей семантической формулы 6: то, что происходит, соответствует // не соответствует действительности; то, что происходит, соответствует // не соответствует обычаю // традиции // привычному положению дел // норме; то, что происходит, соответствует // не соответствует истине. Например:

- *в реальной действительности, наяву:*

АНГ *Наяви́* – *Появу́* – *Наопы́те* (2) – *Нафа́кте* (2). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *видеть* и др.; 2) предикаты состояния *быть*, *нет* и др.

АНГ (О) *Наяву́* (1). Синтагматические связи: предикаты действия *подумать*, *увидеть*.

ЛЯ (О) *Въявь* (устар.) – *Наяву́* – *Действительно* – *То́чно* (5) (разг.) – *Впра́вду* (разг.).

ЛСГ 7 «Характеристика способа исчисления, меры, членения». Семантическая формула 7 «Процесс осуществляется // явлен в таких частях //

мерах // пропорциях, как это названо наречием». В этом объединении слов нет внутренней иерархии:

- *отдельно по семьям:*

АНГ *Посе́мейно* – *Семе́йно* (1) – *Фами́льно*. Синтагматические связи: 1) предикаты действия *косить*, *сговариваться*, *хоронить*; 2) предикаты состояния *жить*.

ЛСГ 8 «Характеристика мотивированности процесса, признака, условия осуществления». Семантическая формула 8 «X имеет место // осуществляется – осуществился // развивается – развился, если соблюдается // соблюдено условие // если есть мотивация, названная наречием». Варианты реализации семантической формулы 8: обобщенная характеристика условий осуществления чего-либо; частная характеристика условий осуществления чего-либо; положительная или отрицательная мотивация, одобряемые обществом условия осуществления чего-либо. Например:

- *по договоренности, спросив разрешения:*

АНГ *Соспро́са* – *Соспро́су* – *Спросо́м* – *Спро́ся* – *Сыспро́су* – *Сговоря́* – *Сугово́ру* – *Догово́рно* – *По-гото́вому* – *По-тве́рдому* (1). Синтагматические связи: 1) предикаты действия *возить*, *купить*, *пойти*, *приехать*; 2) предикаты состояния *надо*, *сметь*; 3) предикаты отношения *свататься*, *суться*; 4) сказуемое в ДП.

ЛСГ 9 «Характеристика чего-либо через отношение, через установление критерия, основания». Семантическая формула 9 «Процесс // признак // состояние осуществляется // развивается // завершается. И это ориентировано на отношение, названное наречием». Варианты реализации семантической формулы 9: общая и частная характеристики отношения. Например:

- *относясь к предметам и явлениям материального мира; материально, вещественно:*

ЛЯ (О) *Физи́чески* (1).

ЛЯ *Теле́сно* (2).

Итак, второе лексическое множество состоит из таких наречий, которые в большинстве случаев семантически ориентированы на всю ситуацию и по отношению к ней являются модификаторами, характеристорами. Признак, называемый наречием этого лексического множества, приписывается не отдельно процессу или его составляющим, а всей ситуации. Поэтому процессуальный признак воспринимается первым, а наречный признак – вторым, например: в процессе понимания высказывания *Увесисто бы́ют (Няндомский р-н, д. Верола)* сначала обрабатывается информация о том, что кого-то быют, а потом этот процессуальный признак модифицируется наречием – это действие причиняет боль, оно сопряжено с ощущением боли

(физической или душевной) у того, кто вовлечен в это действие. В семантике наречий ситуации включена свернутая пропозиция.

Между ЛСГ, как и в первом лексическом множестве, есть зоны пересечения, например: в ЛСГ «Характеристики поведения // стратегии живого существа, его состояния» включены наречия со значением «выполняя, совершая с большим мастерством, тщательно и искусно, с вниманием к тонким деталям, умело, искусно», которые характеризуют одновременно и процесс изготовления чего-либо, и умения производящего субъекта (наречия сочетаются с предикатами действия), и качество произведенного продукта (наречия сочетаются с предикатом процесса *выходить* «получаться»). Таким образом, наречная характеристика не замыкается на одной сфере процесса, а косвенно направлена и на сферу объекта, и на сферу субъекта. Следовательно, наречия с таким значением могут быть включены и в ЛСГ «Характеристики качества продукта, результата труда, оформления объекта, свойства, выявленные в результате обработки».

Ячейки семантической структуры второго лексического множества наречий образа действия также неравномерно заполнены в ЛЯ и АНГ. Из 95 понятийных зон (подмножества и подгруппы в зависимости от аспекта характеристики основной семантической формулы) в 68 «ячейках» представлены лексемы из ЛЯ и АНГ. Если в первом лексическом множестве «зона покрытия» понятийного пространства словами свидетельствовала о преобладании именовании из АНГ, то во втором лексическом множестве в большинстве случаев чаще представлены наименования из ЛЯ. 26 понятийных зон являются лакунами в АНГ, т.е. смыслы этих фрагментов понятийного пространства выражены в значениях наречий, употребляющихся в ЛЯ. Семантическая лакуна для ЛЯ нам встретила только один раз.

Существование лексических множеств и подмножеств как моделей семантической организации наречий образа действия очевидно, их можно выделить и в общерусской языковой системе, и в каждой подсистеме русского языка. «Подтверждением того, что эти основные типы смысловых моделей обусловлены прежде всего отношениями реальных предметов, лиц, явлений и их всевозможных признаков в объективной действительности и обобщены до уровня логических абстракций, носящих универсальный характер, является то, что такие «семантические оси» свойственны каждому языку и, своеобразно преломляясь, находят свое выражение в единицах разных уровней языка (лексическом, лексико-семантическом, словообра-

зовательном и синтаксическом)»¹⁴.

Синтагматические и парадигматические связи наречия так или иначе ориентированы на глагол, при котором наречие выступает в роли аналитического определения. В этом можно увидеть сходство наречий и прилагательных, которые также являются определениями, но при существительных. Как и прилагательные при именах существительных, так и наречия при глаголах «как бы проходят через семантическую призму определяемого»¹⁵.

Большинство наречий синтагматически привязаны к глаголам и в силу этого называют признаками процессов в сфере субъекта и // или объекта. Такая направленность наречного признака обусловлена, с одной стороны, тесной связью с семантикой подчиняющего глагола, который обладает специфической ономаσιологической формулой, раскрывающейся в направлении субъекта или // и объекта. «Номинация глагольными лексемами происходит неизбежно с ориентацией на сферу субъекта и // или объекта»¹⁶. С другой стороны, наречие способно повторить синтагматическую «привязанность» глагола, потому что наречие конкретизирует, раскрывает, уточняет всевозможные ракурсы глагольного признака – скорость перемещения, направление движения, результативность или предел действия и т.д. (наречие выступает модификатором глагольного признака).

В результате образуются свободные минимальные синтагмы, формально и содержательно обусловленные системой; члены таких синтагм (наречие и его контекстуальный партнер) семантически актуализируют (конкретизируют) свои значения относительно друг друга. Именно минимальные лексические синтагмы служат основным языковым средством выражения лексического значения слов.

Анализ синтагматических связей наречий в АНГ позволяет сделать вывод о том, что типичным партнером наречия является глагол. В предложении наречия обоих лексических множеств являются обстоятельствами образа действия. Однако и предикативная функция (именная часть составного именного сказуемого) не чужда наречиям в диалектном тексте.

Итак, лексический класс наречий образа действия неоднороден, в нем есть множества и подмножества, но границы между этими объедине-

ниями слов принципиально размыты, диффузны по двум причинам: 1) на значение наречия оказывает влияние синтагматическое окружение; 2) в ряде случаев сложно разделить характеристики собственно процесса // состояния и характеристики субъекта // объекта, задействованного в нем, например: *целичкóм* («в целом виде, не разделяя на части») – это наречная характеристика состояния объекта и одновременно способа использования объекта, манипуляций с ним. «Границы в типологии признаков между различными их разрядами весьма приблизительны, разряды наложены один на другой, их составы достаточно текучи. Равным образом и семантические типологии признаков слов весьма приблизительны и обнаруживают значительный разноречивый у разных авторов, что лишь проявляет размытость границ в самом языковом сознании»¹⁷. Следовательно, стоит заранее допустить возможность альтернативной интерпретации семантической типологии наречий образа действия.

Лексический класс наречий, объединенных общим смысловым вопросом «как? // каким образом?», представляет собой полевую организацию, для которой присущи следующие основные свойства: связь слов или их отдельных значений, системный характер этих связей, взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц, относительная автономность, непрерывность обозначения смыслового пространства, взаимосвязь семантических полей в пределах всего словаря (о чем свидетельствует, в частности, возможность участия одного и того же многозначного слова в различных семантических полях¹⁸). У этой полевой организации имеется два центра – это характеристики процесса и косвенно субъекта и объекта (1 множество наречий) и характеристики ситуации (2 множество). Между центрами поля естественны зоны перехода. Одно и то же наречие в разных синтагмах может тяготеть к противоположным центрам. Внутри поля различаются группировки слов: тематические классы (лексико-семантические группы, далее – ЛСГ) и подклассы (подгруппы), тематические (синонимические) ряды. Тематические классы (или ЛСГ), в свою очередь, также можно считать микрополями наречий. «Лексико-семантическая группа является микрополем семантического поля и представлена (по сравнению с семантическим полем) немногочисленны-

¹⁴ Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 2002. С. 137.

¹⁵ Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978. С. 7.

¹⁶ Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 2002. С. 139.

¹⁷ Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 415–416.

¹⁸ Проблемы лингвистической семантики (реферативный сборник). Серия: Теория и история языкознания. М., 1981. С. 43–44.

ми лексическими единицами, принадлежащими к одной части речи, имеющими общую архисему более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема всего семантического поля»¹⁹.

Таким образом, семантическая таксономия наречий образа действия представляет собой многоступенчатую иерархию слов, в определенном смысле обусловленную окружающей человека действительностью. «Таксономия берет факты в их наиболее простом виде, отвлекаясь от их – возможных или действительных – преобразований. В словаре такими фактами являются, конечно, слова. Хорошо построенная таксономия должна быть систематикой слов. Иначе говоря, зная описание слова, мы должны увидеть место слова в системе, и, напротив, зная место слова в системе, заключать о содержании описания слова. Вряд ли следует особо подчеркивать, что такая таксономия может быть только семантической»²⁰.

особенности русской концептосферы. Сопоставление «семантических сетей» наречий образа действия в двух подсистемах русского языка (ЛЯ и АНГ) позволяет показать специфику членения понятийного пространства наречий образа действия в ЛЯ и АНГ. Однако результаты сопоставления членения понятийного пространства наречий образа действия в АНГ и ЛЯ не говорят о различии в языковом мышлении носителей ЛЯ и диалекта – они свидетельствуют о специфике стратегий именования, о направлении вектора наречной номинации в ЛЯ и АНГ. Семантическое пространство наречий образа действия ЛЯ и АНГ на разных его участках «населено» с разной плотностью и имеет различную глубину проработки, что «обусловлено мерой освоения, разработки и важности соответствующих предметных областей в совокупной структуре человеческой деятельности»²¹.

Выявленная нами внутренняя структура поля наречий образа действия является своеобразной семантической сетью русского языка, отражающей

¹⁹ Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. М.; Краснодар, 2003. С. 28.

²⁰ Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 2002. С. 45.

²¹ Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 405.

НАЗВАНИЯ ОРУДИЙ ЛОВА В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ

Н.Г. Олесева

Олесева Надежда Гермагеновна – ассистент кафедры русского языка, аспирант лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета.

Целью настоящей статьи является установление системных связей внутри родовидовой группы «Орудия лова», представленной 63 единицами, в говорах камчадалов. Проведенное исследование показало, что описываемая группа имеет гипонимическую структуру организации, в ней в достаточном количестве представлены различные типы вариантов: акцентные, фонематические, словообразовательные, номинативные, комбинированные. Их появление объясняется интенсивностью активно действующих языковых процессов в говорах.

This article aims to show systematic ties in the group of «fish catching tools» represented by 63 units, in Kamchatka dialects. The research reveals that this group has hyponymic structure. Different kinds of variants, such as accented, phonemic, word-building, nominative, combined ones, are well represented in this structure. Their occurrence is accounted for by the intensity of active language processes in the dialects.

В последние годы внимание диалектологов все чаще привлекает чрезвычайно актуальная проблема – «исследование разноязычных связей в свете общественных отношений», как определил ее А. М. Селищев¹. В. А. Сенкевич в своей работе «Проблемы сибирской и уральской диалектологии» отмечает: «Крупной работой по этой проблематике является монография К. М. Браславца «Диалектологический очерк Камчатки», вышедшая в Южно-Сахалинске в 1968 г.»². Автор считает, что «русские говоры Камчатки – одна из интереснейших, но недостаточно изученных диалектных групп сибирских говоров. Носителями исчезающего камчатского наречия являются две основные этнические группы: окамчадалившиеся русские и камчадалы (обрусевшие ительмены)»³.

Всестороннее изучение «камчатского наречия» стало одним из ведущих направлений научно-исследовательской деятельности диалектологов Сибири и Дальнего Востока с 1962 г. Так, в диссертациях, защищенных членами кафедры Южно-Сахалинского педагогического института, исследованы фонетика⁴, словообразование имен существительных⁵, синтаксис⁶, взаимодействие

русского и ительменского языков⁷. Лексика же камчадалов только начинает исследоваться.

О важнейшей роли рыбной ловли на Камчатке говорили и писали многие исследователи. Так, А. Стеллер в своей работе «Из Камчатки в Америку ...» отмечал: «Рыбная ловля играет на Камчатке весьма важную роль, так как вся страна питается почти исключительно рыбой. Хотя местные реки и озера не имеют собственной рыбы, тем не менее во всем мире вряд ли можно указать страну с таким обилием великолепной и вкусной рыбы. Все рыбы Камчатки приплывают весной с моря и поднимаются вверх по течению рек в таком несметном количестве, что реки вздымаются и выступают из берегов»⁸. Еще раньше на особую роль рыболовства, которое способствовало расширению русской колонизации, указывал И. Д. Кузнецов: «Среди различных отраслей человеческого труда рыболовство, в широком смысле этого слова, занимает особенное место: составлявший когда-то один из важнейших источников существования неведомых даже нам доисторических племен, оседавших по берегам больших водоемов, рыбный промысел представляет громадный интерес и для наиболее культурного человечества самого последнего времени»⁹.

В настоящее время огромное количество статей и научных лингвистических работ посвящено рыболовецкой лексике разных говоров, которая изучается в различных аспектах: струк-

¹ Селищев А.Н. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, Гос. Иркутск. ун-т, 1921. 1 т. 297 с.

² Сенкевич В.А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Материалы для семинара по диалектологии. Челябинск, гос. пед. ин-т. Челябинск: ЧГПИ, 1975. С. 39.

³ Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. С. 9.

⁴ Саблина Н.П. Русские говоры Камчатки (Фонетика) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01). М., 1966. 20 с.

⁵ Руденко Н.Н. Суффиксальное словообразование имен существительных в русских камчатских говорах: (К проблеме влияния литературного языка на диалектное словообразование) : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1984.

⁶ Шатунова Л.В. Синтаксис «камчатского наречия» (особенности грамматической организации предложения). Новосибирск, 1974.

⁷ Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. 470 с.

⁸ Стеллер А. Из Камчатки в Америку. Изд-во «П.П. Сойкин» Кн. 11-я, 1927 г. (Быт и нравы камчадалов в XVII в.). С. 36.

⁹ Кузнецов И.Д. Очерк русского рыболовства (промысел различных водных животных). С.-Петербург, 1902. С. 1.

турно-семантическом¹⁰, сравнительно-историческом¹¹, морфологическом¹² и др.

При изучении лексики говоров особенно актуальным и разрабатываемым вопросом современного языкознания является исследование системных отношений в отдельных лексико-семантических группах на различных диалектных территориях. Объектом нашего исследования является родовидовая группа (далее РВГ) «Орудия лова» в говорах камчадалов, выделенная из тематической группы (далее ТГ) «Рыболовство».

Материал для исследования был выбран из картотеки, хранящейся в лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета, из «Словаря русского камчатского наречия» под редакцией К. М. Браславца и из тетрадей участников полевых экспедиций, проводимых в различные населенные пункты Камчатской области (Мильково, Козыревск, Долиновка, Усть-Хайрюзово, Ковран и др.).

Целью работы является анализ лексики, обозначающей названия орудий лова в камчатских говорах, а также установление системных связей слов этой группы. С основной целью исследования связано решение ряда задач.

1. Определение объема лексического значения общерусских и собственно диалектных наименований орудий лова.

2. Выявление системных связей внутри выделенной РВГ.

3. Сравнение исследуемой группы с соответствующей лексикой литературного языка, ус-

тановление типологии различительных особенностей.

Представленная в статье РВГ включает в себя 63 лексемы:¹³ **ЗАЁЗДОК; ЛОВУШКА; ЗАПОР = ТУША = ЗАВОД = ТЕРИЧИНЬК; ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ = БЕРЕЖНИК; ЗАПОР ДЕЛЕВОЙ; ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ; ЗАПОР ПЛАВЕЖНЫЙ : ПЛАВЕЖНОЙ : ПЛАВИЛЬНЫЙ = КОРЫТО; СЕТЬ : СЕТКА = КУКЛА = СЧЕРЕВОД; ТЕЛЕВИЗОР = ЭКРАН; ТРЕХСТЕНКА; СЕЛЬДЕВАЯ СЕТЬ; ПРОСТАЯ СЕТКА; ПЛАВНАЯ : ПЛАВНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ СЕТЬ; СТАВНАЯ СЕТКА = СТАВНУШКА : СТАВНУШКА; ОМЕТ; ПОЛОГ = ЧЕРНАЯ СЕТКА; НЕВОД; БРЕДЕНЬ : БРЕДЕШОК = НЕВОДОК; СТАВНОЙ НЕВОД; ЗАКИДНОЙ НЕВОД = ЗАВОДНОЙ НЕВОД; СПЛАВНОЙ НЕВОД; МЕЖЕУМОК; ВЕНТЕРЬ : ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ : ВЕНТЕЛЬ = ЧИРУЧ : ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ; САЧОК = ЧЕРПУШКА; САК; ОСТРОГА; МАРИК : МАРЕК = КРЮЧОК; ПЕРЕМЕТ; УДА : УДОЧКА = ЗАКИДУШКА = ДЕРГАЛКА.**

РВГ характеризуется представленностью родового понятия **ЗАЁЗДОК**, обозначающего «все инструменты для лова рыбы». Фсё для лова рыбы называица заездок. Н.-К. [СРКН¹⁴ – 62].

В литературном языке (далее ЛЯ) такой лексемы не зафиксировано, следовательно, она является диалектной.

Все остальные лексемы являются видовыми понятиями, одни из которых общерусские, другие – собственно диалектные. Они вступают между собой в отношения синонимии и вариантности, что является характерным для диалектной речи.

Среди названий орудий лова возможна дифференциация по различным признакам. В соответствии с этими признаками мы выделяем подгруппы, элементы которых составляют некую иерархичную лестницу.

Так, 1-я подгруппа иерархии выделяется по дифференциальному признаку (далее ДП) «устройство и способ лова»:

¹⁰ Макаров В.И. Рыболовецкая лексика говоров Нижнего Дона. Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01). Ростов н/Дону, 1967. 22 с.; Михеева Н.В. Рыболовецкая лексика русских народных говоров среднего и нижнего течения реки Урал. Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01). М., 1975. 22 с.; Рафаилова Е.Д. Системные отношения в рыболовецкой лексике русских говоров Дагестана (на материале говора сел Крайновка и Брянск Кизлярского района ДАССР): Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01). Л., 1990. 19 с.

¹¹ Орестов Е.И. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири // Говоры Урала и Западной Сибири. Н.Тагил, 1972; Попова Г.И. К составу лексики ситуации «охота» и «рыболовство» в русских говорах Якутии и северных районов. С. 63 // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тезисы докладов 2–4 октября 1991 г. Красноярск: Красноярский пед. ин-т, 1991.

¹² Мельниченко Г.Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – н. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. 271 с.

¹³ Знаком = отмечены синонимы, знаком: отмечены варианты.

¹⁴ Браславец К. М. Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977. Здесь и далее контексты, взятые из словаря К.М. Браславца, курсивом не выделяются.

Стационарные орудия	Сачковые орудия	Крючковые орудия
ЛОВУШКА; ЗАПОР = ТУША = ЗАВОД = ТЕРИЧИНИК; ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ = БЕРЕЖНИК; ЗАПОР ДЕЛЕВОЙ; ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ; ЗАПОР ПЛАВЕЖНЫЙ : ПЛАВЕЖНОЙ : ПЛАВИЛЬНЫЙ = КОРЫТО; СЕТЬ : СЕТКА = КУКЛА = СНЕРЕВОД; ТЕЛЕВИЗОР = ЭКРАН; ТРЁХСТЕНКА; СЕЛЬДЕВАЯ СЕТЬ; ПРОСТАЯ СЕТКА; ПЛАВНАЯ : ПЛАВНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ СЕТЬ; СТАВНАЯ СЕТКА = СТАВНУШКА : СТАВНУСКА; ОМЁТ; ПОЛОГ = ЧЁРНАЯ СЕТКА; НЕВОД; БРЕДЕНЬ : БРЕДЕШОК = НЕВОДОК; СТАВНОЙ НЕВОД; ЗАКИДНОЙ НЕВОД = ЗАВОДНОЙ НЕВОД; СПЛАВНОЙ НЕВОД; МЕЖЕУМОК	ВЕНТЕРЬ : ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ = ВЕНТЕЛЬ = ЧИРУЧ : ЧИРУЧ : ТИРУТЬ = ЧИРУЦ; САЧОК = ЧЕРПУШКА; САК	ОСТРОГА; МАРИК : МАРЕК = КРЮЧОК; ПЕРЕМЁТ; УДА : УДОЧКА = ЗАКИДУШКА = ДЁРГАЛКА

Стационарные орудия

В ЛЯ слово **ЛОВУШКА** имеет следующие значения: 1. Приспособление для поимки зверей, птиц, реже — рыбы. || *перен.* Такое место, из которого нет выхода, нельзя выйти, выбраться. 2. *перен.* Специально подстроенная кем-л. хитрость, уловка с целью поймать, изобличить кого-л. в чем-л. [МАС, 2 – 263]¹⁵.

Лексема в диалектном языке имеет значение, совпадающее с первым из указанных в МАС. *Делали ловушки для гольца, запор для гольца – теричиник. Стаёшь прямо на атыре и палкой туда бух рыбу, и она в ловушку забегает. Тесали пластиночки на фсю высоту запора, на глубину реки, она зайдёт сюда, хочет выскочить, прыгает, стоит в ловушке. В лесу на зверя ловушки ставили. Млк. Ловушка стоит на 100 метров в море, метров на 30 шириной. У.-Б.*

Слово является родовым понятием для остальных стационарных орудий лова. *Чавычу ловили сётью с наплавами, заводными неводами или сплавными. Ставная сетка короче, а сплав-*

ной невод до ста метров; когда коса оголица, тогда неводами. Длн. Рыбу ловили неводами. Те «мужыки» ходили ловить рыбу неводом. Запором рыбу ловили. Скч. Рыбачили сеткой на лотке: были сетки плавные – сверху забрасываешь по течению, плывёшь до бороф. После войны пригоняли пленных японцев, они работали на неводе. У.-К. Запоры открываются еженедельно на 36 часов и в течение данного времени ловля рыбы неводами и сетями воспрещается. С 1го ноября ловля рыбы неводом и запорами строго воспрещается. Ходили запира́ть речку. Запор – рыбная ловушка. Река весной по всем тальникам разливаётся, так что её и «запирать» никак бывает. [СРКН – 64].

В этой подгруппе лексемы противопоставлены по ДП «Характер установки ловушки в реке». Можно ловить рыбу, перегораживая реку, т.е. запирать реку. По этому ДП противопоставлены следующие слова: **ЗАПОР = ТУША = ЗАВОД = ТЕРИЧИНИК; ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ = БЕРЕЖНИК; ЗАПОР ДЕЛЕВОЙ; ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ; ЗАПОР ПЛАВЕЖНЫЙ : ПЛАВЕЖНОЙ : ПЛАВИЛЬНЫЙ = КОРЫТО.** Можно ловить рыбу, передвигая ловушку с места на место. По этому ДП противопоставлены слова: **СЕТЬ : СЕТКА = КУКЛА = СНЕРЕВОД; ТЕЛЕВИЗОР = ЭКРАН; ТРЁХСТЕНКА; СЕЛЬДЕВАЯ СЕТЬ; ПРОСТАЯ СЕТКА; ПЛАВНАЯ : ПЛАВНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ : ПЛАВЕЖНАЯ СЕТЬ; СТАВНАЯ СЕТКА = СТАВНУШКА : СТАВНУСКА; ОМЁТ; ПОЛОГ = ЧЁРНАЯ СЕТКА.** Также можно ловить рыбу, закидывая ловушку (как бы захватывая) – по этому ДП противопоставлены слова: **НЕВОД; БРЕДЕНЬ : БРЕДЕШОК = НЕВОДОК; СТАВНОЙ НЕВОД; ЗАКИДНОЙ НЕВОД = ЗАВОДНОЙ НЕВОД; СПЛАВНОЙ НЕВОД; МЕЖЕУМОК.**

Слова, входящие в 1-ую микрогруппу, различны. Самой частотной из них является лексема **ЗАПОР**. В ЛЯ понятие **ЗАПОР** представлено двумя омонимичными лексемами: **ЗАПОР¹** – 1. *Прост.* Действие по значению глагола ЗАПЕРЕТЬ – ЗАПИРАТЬ. 2. Приспособление для запирания. **ЗАПОР²** – Недостаточное или редкое опорожнение кишечника. [МАС, 1 – 767].

В говорах семантическая структура этого общерусского слова иная: она включает значение, соотносимое со 2-м значением **ЗАПОР¹** ЛЯ (*Частокóл йесть, внизу корбошына, посерётке и сверху и переплетали, – жэрдину вытащил, проёхал и закрыл; крючок на палочку – это запор. Млк.*), и диалектное значение – «деревянное приспособление

¹⁵ Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1981–1984. Здесь и далее первая цифра – номер тома, вторая – номер страницы соответствующего словаря.

для лова рыбы». Большую часть заготавливаемой рыбы камчадалы вылавливают запорами. Их устанавливали почти на каждой реке после спада большой воды и использовали с конца мая до поздней осени. Подготовка частей запора, их ремонт начинался обычно с апреля. *Запором рыбу ловили, из лесу делали сами, реку перегораживали, деревянный был. Мл. Запор чирис фсю речку – метроф пять длиной, иэсть. Сначала забьют колья – атолы, рас, два, три, четыре, пять, а потом плетут жэрт длинную такую, йэсли не хватает, и две можно. Эту жэрт привязывают на пётли, вот черёмуха, где тонкая, вот такая, несколько молодых изовьют, штоп где прочней была. И вот этими жэрт и пётлями привязываешь к колу: у каждого кола пётля, спускают до тех пор, пока эти атолы сплетут друг з другом расстоянием так, штоп рыба не проходила. Запор состоит: такие рейки, вот такие атыры – рейки, а тут прикрепляют палки сантиметроф по десять, ф трёх местах связываешь. Морда тожэ из реек, она полукруглая, а дно у ней прямое, йэсть крючок, тожэ йэсть у ней рот круглый – рыба заходит туда, а концы смыкаюца, штоп она обратно не выходила. На реке был запор, метроф 8–10 был высотой. Запоры ставили: атолы, атыры, морда, пёуль. Млк.*

Об активном использовании этого приспособления для ловли рыбы писали исследователи, изучавшие культуру и быт коряков, ительменов – коренных жителей Камчатки. В сборнике «История и культура коряков» находим следующее описание запора: «У паланцев и олюторцев весьма распространенными орудиями промысла лососевых были крупные ловушки-запоры. Их устанавливали на мелководных участках рек, преимущественно в среднем и верхнем течении. Русло перегораживалось изгородью с узкими проходами, в которых размещались сетчатые мешки «чируч» («морды») – ловушки из длинных узких дранок и прутьев»¹⁶.

Ительмены также часто используют это орудие лова: «Ительмены строили несколько видов запоров, которые отличались принципом действия, типом ловушки и объектом лова. Пользовались ими коллективно. Обычно в мелководье река перекрывалась изгородью, и от количества участников, строящих запор, зависело число устанавливаемых в центре ловушек»¹⁷.

Таким образом, частое употребление такого вида ловушки подтверждает распространение лексемы **ЗАПОР** (в диалектном значении) в языке всех жителей полуострова Камчатка и характеризуется нами, вслед за О. Т. Бархатовой, как «профессионально-диалектный термин»¹⁸. Это слово не зафиксировано ни в каких областных словарях, за исключением томского, что позволяет сделать предположение о том, что сначала оно появилось в Сибири, а оттуда было принесено русскими казаками на Камчатку. Подтверждением этого является помета «сиб.» в словаре В.И. Даля¹⁹.

Общерусская лексема **ЗАПОР** в говоре имеет семантический синоним – **ТУША**. В ЛЯ слово имеет следующие значения: 1. Освежаванное и выпотрошенное тело убитого животного. 2. Тело крупного животного. [МАС, 4–590]. В говорах камчадалов существительное **ТУША** функционирует с тем же значением, что и **ЗАПОР** (во 2 значении) – «деревянное приспособление для лова рыбы». Его также можно отнести к числу родовых. Если произвести статистический подсчет, то более частотным наименованием является **ЗАПОР** (61 контекст), менее частотным – **ТУША** (1 контекст). *Первой часть запора – колпак, потом атыры – это передняя часть, куды рыба заходит; передний кол, где колпак крепица – конуч, сэстой кол тушыной, а весь запор тушей называли. Сбл.*

Камчатские рыболовы для обозначения **ЗАПОРА**, разобранного на части, употребляют слово **ЗАВОД**. В ЛЯ его семантика представлена двумя омонимичными многозначными лексемами: **ЗАВОД**¹ – 1. Промышленное, а также крупное промысловое предприятие. 2. То же, что конный завод. **ЗАВОД**² – 1. Действие по глаг. завести – заводить¹ (в 8 знач.). 2. Срок действия заведенного механизма. 3. Приспособление в механизме, служащее для приведения его в действие. 4. *Полигр.* Часть тиража книги, отпечатанная с одного набора [МАС, 1 – 690].

В говоре данная лексема имеет иную семантическую структуру, представленную тремя значениями, из которых 1-е тождественно 1-му значению **ЗАВОД**¹ ЛЯ (*Пёчку с кирпичей делали, раньше был кирпичный завод, Завод какой был кирпичный, ужэ цэмент не надо. Млк.*), и 2 диалектных значения: • Разобранное на части орудие

¹⁶ История и культура коряков. С.-П.: Наука, 1993. С. 57.

¹⁷ История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки / Под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. С. 41.

¹⁸ Бархатова О.Т. Названия основных орудий рыбной ловли в русских говорах камчадалов: русские говоры Дальнего Востока : Сб. науч. тр. Хабаровск, 1984. С. 43.

¹⁹ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 615.

лова. *На берегу тот жэ запор назывался завод, када он разобранный, фсе эти запчасти.* Млк. • Заход рыбы в морду. Заводоф в день могло быть 2–3. Млк.

В зависимости от того, как установлен запор в реке, из чего он изготовлен, какую рыбу им ловят, можно выделить следующие ДП: способ применения; материал, из которого изготовлен; назначение.

По ДП «Способ применения» в диалектном языке камчадалов противопоставлены следующие лексемы: **ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ : БЕРЕЖНИК, ЗАПОР ПЛАВЕЖНЫЙ : ПЛАВЕЖНОЙ : ПЛАВИЛЬНЫЙ = КОРЫТО, ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ**. Виды запоров чаще обозначаются составными наименованиями, первый компонент которых – родовое слово, а атрибутивный – обозначение конкретного вида данного орудия лова.

В составном наименовании **ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ** прилагательное указывает на отличительный признак: «находящийся у берега». Бережной запор – устроенный близ берега для ловли рыб» [СРКН – 30].

Данное составное наименование имеет однословный эквивалент – **БЕРЕЖНИК**, который образуется, по нашему мнению, от прилагательного *бережной* при помощи продуктивного суффикса –ик, имеющего значение «носитель признака производящего слова»²⁰. В ЛЯ данная лексема не зафиксирована, следовательно, является диалектной. Диалектоносители также очень точно указывают отличительные признаки этого орудия лова. *Йесли не перегораживали реку запором, то ставили бережник – это часть опщих запороф, з берега. Бережник – морсково гольца ловить, на гольца ставить, там чируч и йесть. Запор перегораживает вопще фсю реку, а бережник только од берега, вместо морды чируч.* Млк. *Бережник – рыбу ловить, метроф 25-30, запор од берега поставить – бережник – это сначала передний кол ставица, потом фторой, на фторой колтаки, а дальще атыры.* У.-Б. *Брежник – жапорчик на гольца только, а черес фсю реку, то черезовой запор.* Тгл. [СРКН – 30].

Лексема **БЕРЕЖНИК** в языке камчадалов является полисемантической, обозначая: 1. Орудие лова, устанавливаемое возле берега. 2. Рыбак, держащий сетку на берегу. *Когда сетку выбрасываешь по воде, двое или один стоит на берегу – бережник. Речник сетку выбрасывал по воде, вдвоём или один на берегу, так их зовут*

бережники, держат сетку. Млк. 3. Веревка у одного конца невода, остающаяся на берегу, когда невод заводят для метания. [СРКН – 30]. *Бережник – это верёвка, которая идёт на берек от сетки. Бережник – это часть невода, верёвка, которая находица на берегу и держит невод.* Длн. *Верёвка от сетки – бережник, конец ево на берегу.* Млк.

Лексема **ТЕРИЧНИК** является синонимичной для **БЕРЕЖНИК : ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ**, так как имеет то же значение: «орудие лова, устанавливаемое возле берега». *Делали ловушки возле берега для гольца, запор для гольца – теричник.* Млк. В ЛЯ это слово не зафиксировано, следовательно, является диалектным.

По признаку «материал, из которого изготовлен» диалектоносители выделяют **ЗАПОР ДЕЛЕВОЙ** – запор, ф которм стёнка делаеца из рыбачьей сети – дэли. Млк. Носители ЛЯ такой вид орудия лова не выделяют.

Для называния запора, который устанавливается через всю речку, перегораживая ход рыбе, в отличие от **БЕРЕЖНИКА**, камчадалы употребляют составное наименование **ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ**. *Горбуша там, кету ловили. Это жапоры наживали таки черезовыи. От чериж рэчку.* Утк. Промышляется чавыча так называемыми «черезовыми запорами», т.е. чрез всю реку. [СРКН – 64]. Таким образом, лексемы **ЗАПОР ЧЕРЕЗОВЫЙ** и **БЕРЕЖНИК : ЗАПОР БЕРЕЖНОЙ** противопоставлены по ДП «положение относительно течения реки».

Как отмечает М.А.Сергеев, «чаще других камчатскими рыбаками применяется плавежной запор»²¹, в говорах отмечены варианты наименования: **ЗАПОР ПЛАВЕЖНОЙ : ЗАПОР ПЛАВЕЖНЫЙ : ЗАПОР ПЛАВИЛЬНЫЙ**. Гольца ловили жапором. Таки вот плавильные были запоры. Утк. Запор плавильный – то же, что запор плавежный. [СРКН – 64]. В ЛЯ данный вариантный ряд не зафиксирован, следовательно, представленные составные наименования являются диалектными.

Для называния плавежного запора рыбаки-камчадалы употребляют и общерусскую лексему **КОРЫТО**. В ЛЯ лексема **КОРЫТО** имеет лишь одно значение: «продолговатый сосуд для стирки белья и других домашних надобностей, сделанный из расколотого пополам и выдолбленного бревна или оцинкованного железа. || О старом, негодном судне, лодке» [МАС, 2–143].

²⁰ Русская грамматика. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во: Наука, 1980. С. 166.

²¹ Сергеев М.А. Советская Камчатка. М.-Л., 1932. С. 31.

Семантическая структура этого слова в говорах включает больше значений: 1. Предмет домашней утвари. *Баты длинные, ис туп <дуб> вон какие большие, долбят-долбят, как корыто станет.* Анвг. *Корыто делалось для собак, туда наливалась йеда, из обыкновенного дерева; для пицци тожэ делалось корыто.* Длн. *Тельно ф корыте пестоном толчишь.* Млк. 2. Плавёжный запор, особого рода устройство на реке для промысла рыбы [СРКН – 82]. *Корыто – запор на реке.* Млк. 3. Капкан на лисиц. *А лисиц ми ловили ф корыто.* Млк. Таким образом, общерусская лексема **КОРЫТО** в диалектном языке имеет более широкую семантику, чем в ЛЯ.

Во вторую микрогруппу включены названия приспособлений, с помощью которых рыбачат на лодке, перемещаясь вниз по течению: **СЕТЬ** : **СЕТКА** = **КУКЛА** = **СНЕРЕВОД**; **ТЕЛЕВИЗОР** = **ЭКРАН**; **ТРЕХСТЕНКА**; **СЕЛЬДЕВАЯ СЕТЬ**; **ПРОСТАЯ СЕТКА**; **ПЛАВНАЯ** : **ПЛАВНАЯ** : **ПЛАВЕЖНАЯ** : **ПЛАВЕЖНАЯ СЕТЬ**; **СТАВНАЯ СЕТКА** = **СТАВНУШКА** : **СТАВНУСКА**; **ОМЕТ**; **ПОЛОГ** = **ЧЕРНАЯ СЕТКА**. Среди данных слов можно выделить общерусскую лексему **СЕТЬ** со словообразовательным вариантом **СЕТКА**, общерусский синоним **КУКЛА** и диалектный синоним **СНЕРЕВОД**, которые могут претендовать на роль родовых. **СЕТЬ** в ЛЯ имеет следующие значения: 1. Приспособление для ловли птиц, рыб и т.п. из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами. || То, что лишает свободы. 2. Приспособление различного назначения из перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки и т.п. 3. *перен.*; *чего*. Что-л. напоминающее своими очертаниями множество скрещенных, переплетенных линий, нитей. 4. *только в ед.ч., чего или какая*. Совокупность каких-л. путей, каналов, линий связи и т.п., расположенных в различных направлениях на каком-л. пространстве. 5. Совокупность однородных учреждений, предприятий т.п., расположенных на какой-л. территории [МАС, 4 – 119]. Диалектоносители употребляют слово **СЕТЬ** : **СЕТКА** лишь в 1 и 2 значениях ЛЯ. *Сеть – это когда насажэна, а без ничево – дэль. Основными орудиями сети были. Есть вешала – это навес, сверху крыша, сети там вывешиваюца, потом убираюца; сушат, чтобы весь налёт убрать с сетки.* Длн. *Когда рыбачили, шол рунный хот красницы, сеть, выбирали, йейо ф сетку много попадалось, она трепещица.* Кзр. *Мы с сосёцким мальчигом на лотке поднимались вверх по реке, выбрасывали сеть 15-20 метроф и, проплыф с*

сотню метроф, выбирали йейо с рыбой. Клч. *Сетка у меня была ну метров двадцать, около трицати, ставная такая, я йейо на ночь ставил, закинули и сразу сотню поймали там кеты. Муи занимался рыбалкой, сеткой ставили, зимой и летом вместе ходили.* Млк. *Вешала для долгого хранения сетей.* У.-Б.

В ЛЯ лексема **КУКЛА** имеет значения: 1. Детская игрушка в виде фигурки человека. || *Устар.* Статуэтка. || Фигура человека или животного из дерева, тряпок и т.п. для театральных представлений, игрищ и т.п. 2. *Разг.* О бездушном, бессодержательном человеке (чаще женщине). 3. *перен.* Человек, слепо действующий по воле другого. [МАС, 2 – 193]. В говорах семантическая структура этого слова шире: 1. Детская игрушка. *Шыли, из дерева делали куклы мужыки, тут и магазиноф-то не было; йесли поломагца чашка, то обломки берегли играть. Йей надоест с куклами, вот я с ней ф тряпки.* Млк. 2. Свернутая в рулон сетка. *Кукла – моток сетки. Кукла – это когда сети в зборе, потом она разделялась и получалась сеть.* Длн. *Рулон, ненасажэнная сеть – кукла, чтобы сделать невог, сеть насажывают. Куклы намотаны, сетка намотана куклой.* Млк. *Щас цэлые куклы привозят. Привозят куклы нам.* У.-Б. 3. Приспособление, при помощи которого плели сети. *Сети делали с помощью кукол.* У.-Б. 4. Нитки из высушенной крапивы, смотанные в пучок. *Из высушенной крапивы делали нитки, их сматывали ф пучок – это называлось кукла. Собирали друг другу крапиву, навязим и называем кукли. Кукла – осенью крапиву заготовят, начистят.* Млк. 5. Нечисть. *Куклы – дети нечистой силы.* Клч.

Лексема же **СНЕРЕВОД** со значением «рыболовная сеть» в ЛЯ не зафиксирована. *Рыбакам шыли снереводы.* У.-Б.

Ительмены, конечно же, тоже знакомы с таким видом лова. В.Н. Тюшов так описал процесс лова: «В июне месяце... они по ночам промышляют рыбу-чавычу..., которая первая поднимается из моря в вершины рек для метания икры... Ловят сетями, или, как они говорят, плавят рыбу, обыкновенно соединяясь в партии по четыре человека на два бата, и за одну ночь добывают (уплавляют) до 20—30 штук»²².

Виды сетей различаются по нескольким признакам:

Ø по размеру, камчадалы выделяют **ТЕЛЕВИЗОР** = **ЭКРАН**. В ЛЯ данные лексемы

²² Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки // Записки императорского Русского Географического Общества. Т. 37. СПб., 1906. № 2. С. 9.

функционируют в следующих значениях: **ТЕЛЕВИЗОР** – радиотехническое устройство для приема телевизионных передач и их звукового сопровождения. [От греч. τηλε – далеко и лат. visio – видение] [МАС, 4 – 475]; **ЭКРАН** – 1. Передвижной щит для защиты от жара или от света. 2. Тех. Устройство с поверхностью, отражающей, поглощающей или преобразующей излучения разных видов энергии для использования этих излучений или для защиты от их действия. || Поверхность для воспроизведения световых изображений, сигналов и т.п. 3. Поверхность (например, белая ткань, натянутая на раму), на которой показываются фильмы, изображения с диапозитивов. 4. перен. Киноискусство. [Франц. écran] [МАС, 4–1027].

Семантическая структура лексемы **ТЕЛЕВИЗОР** в говорах шире, так как помимо значения ЛЯ (*У нас три года как начало громыхать, у нас телевизор згорел; грозы каждое лето бывают. Длн. Я ничево не смотрю по телевизору, только новости, нечево смотреть. Ф телевизор не люблю смотреть, Степаненко страшная, рот фсе блажыт, толстуящая, што чушка. Раньше телевизора не было, света долго не было – вечера были – это вечером где-нибудь дома. А телевизор я вечером смотрю. По телевизору сериалы люблю. Млк.*), она включает 2 диалектных значения: • Маленькая сеть. *На рыбалку хожу, на телевизоры не хожу – приспособление для ловли рыбы; на металлической трубе делаец дырочки, на неё вешают сетку, а сверху наплава. Длн. На телевизор – сетка такая – навяжу: труба ложыца на нис, и рыба запутываец туда; йейо з берега кидаеш. Телевизор – это сетка делаец метра 4, делают по 6 метроф; ну, вот палка, прецтавим, што это жезельная труба ф хате, делают сетку; телевизор кидают в воду. Телевизор на реке ставят: палка, а у ней кусочек сетки. Здесь многие телевизоры делают около края речки. Че там делают браконьеры, телевизоры эти. А телевизор – это такой труба, а наверху наплава. Я не знаю, как телевизоры на реках делают, што-то загораживают, не знаю, не видела. Млк. • Прорубь. Кижуч где идёт, прорубаец окно – тожэ телевизор называец. Млк.*

Семантическая структура общерусской лексемы **ЭКРАН** включает лишь диалектные значения: 1. Маленькая сеть. *Экран – та жэ сеть, только маленькая – телевизор. Млк.* 2. Приспособление в виде лупы, состоящее из банки и стекла, для рассмотрения рыбы в воде. *Экран – это смотреть рыбу: металлическая банка, об-*

рубаетца дно, туда фставляец стекло, как луна получаец; это, навёрное, экран называец. Длн. Таким образом, лексемы являются диалектными синонимами в значении «маленькая сеть».

Ø по виду рыбы, для лова которой предназначено данное орудие лова, выделяют **СЕЛЬДЕВУЮ СЕТЬ** – сеть для лова сельди. *Потом сетки сельдевые – ячейка маленькая, оптягивают, оставляют дырку. Млк.* В ЛЯ данная лексема не зафиксирована, следовательно, является диалектной.

Ø по наличию/отсутствию добычи рыболовы-камчадалы выделяют пустую, без улова, сеть, для обозначения которой употребляют составное диалектное наименование **ПРОСТАЯ СЕТКА**. *Насли одну сетку, выкинуло, бобрами поедеными в воде, а другую насли около конца Лопатки простую. [СРКН – 129].*

Ø по виду лова сети также различаются. **ПЛАВНАЯ** (акцентный вариант **ПЛАВНАЯ**): **ПЛАВЕЖНАЯ СЕТЬ** (комбинированный вариант **ПЛАВЕЗНАЯ**) – сеть, которую забрасывали сверху реки по течению. *Плавная сетка, йейо закидывас, пловёт. Кзр. Невод закидной, а сеть плавежная, сетями больше ловили. Клч. Пловежная сеть посредине реки, по бокам плывёс на двух батах, в зависимости какá река шириною, 40 метроф, не большэ. У.-Б. Рыбачили сеткой на лотке: были сетки плавные – сверху забрасываеш по течению, плывёшь до бороф. У.-К. И плавной сеткой ловили. Самая длинная сетка около пидисят метров. Н.-К. [СРКН – 129].*

СТАВНАЯ СЕТКА – «сеть, которую ставят на какое-либо время». *Ставная сетка короче, а сплавной невод до ста метроф; когда коса оголица, тогда неводами. Длн. Сетка у меня была ну метров двадцать, около трицати, ставная такая, я йейо на ночь ставил, закинули и сразу сотню поймали, там кеты. Млк.* В ЛЯ прилагательное **СТАВНОЙ**, входящее в данное составное наименование, употребляется со значением «укрепленный на месте, неподвижный (об орудиях лова)». Следует отметить, что оно имеет помету «рыб.», что указывает на терминологический характер общерусского словосочетания **СТАВНАЯ СЕТКА** [МАС²³, 4 – 245].

Для данного атрибутивного сочетания зафиксирован однословный эквивалент **СТАВНУШКА** (фонетический вариант **СТАВНУСКА**) – «небольшая укрепленная на месте

²³ Словарь русского языка. В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

сетка». *Сѣти называюца ставнѹшки, потому что ставяца. Длн. Ставнѹшки / сѣти ставили на уловах // Ставнѹшки мѣтров по двадцать. Н.-К. [СРКН – 163]. В ЛЯ и в областных словарях данные фонетические варианты не зафиксированы, следовательно, являются диалектными узкорегionalными.*

Ø по составным частям (по наличию **ТЫЧКОВ** или **КОЛЬЕВ**) выделяют **ОМЁТ** – «сетка на тычках» [СРКН – 175]. *Ставлю омёт. Омёт – это сѣтка, она стоит на тычках. Клч. В ЛЯ это слово зафиксировано с другим значением: «большая куча, в которую складывается оставшаяся после обмолота солома; скирд» [МАС, 2 – 844], следовательно, является общерусским с иной семантикой в говорах.*

Ø по количеству сетей различают **ТРЁХ-СТЁНКУ** и **ПОЛОГ**. Сложное существительное **ТРЁХСТЁНКА** в своем составе содержит первую часть трёх-, которая и в ЛЯ, и в говорах имеет значение – «состоящий из трех частей, разделов или мерой в три какие-л. единицы» [МАС, 4 – 401]. Но так как в ЛЯ у слова **СТЕНКА** нет значения – «сеть», то мы его считаем диалектным со значением – «сеть, состоящая из трех частей». *Трёхстѣнка – это на карасей, здесь не пользуюца – мелкая, свѣрху средняя, там крупная. Попадѣт в мелкую, путаецца, вместе с сеткой заходят во фторую, покрупнее ячею. Млк. ПОЛОГ – «несколько сшитых вместе сеток». Полог сделают – чѣрная сѣтка, шивают йейо и ставят. Млк. Для данного слова диалектоносители употребляют синонимичное составное наименование **ЧѢРНАЯ СѢТКА**. В ЛЯ лексема **ПОЛОГ** имеет значение: «занавеска, закрывающая кровать». || Вообще занавеска, закрывающая, завешивающая что-л. || *перен.; чего или какой. То, что покрывает, окутывает что-л.; покров. [МАС, 3 – 365]. В говорах данное слово функционирует и в этом значении. Полок – марля делаецца в виде палаточки на одново человека, чтобы комар туда не шол; марля пропускает воздух. Длн. Полога раньше на фсю горницу шили. Шили полога из марли, полк пошьют, штоп комароф не было, она в виде палатки. Млк. Полок – это чѣрная марля, йейо на кровать вешали. У.-К. Мы предполагаем, что слово **ПОЛОГ** мотивировано по функциональному признаку «закрывать что-либо» и является общерусским с более широкой семантической структурой в говорах.**

Третья микрогруппа представлена 9 наименованиями, которые объединены по признаку «ловить рыбу, закидывая ловушку, как бы захва-

тывая»: **НЕВОД; БРЕДЕНЬ; БРЕДЕШОК = НЕВОДОК; СТАВНОЙ НЕВОД; ЗАКИДНОЙ НЕВОД = ЗАВОДНОЙ НЕВОД; СПЛАВНОЙ НЕВОД; МЕЖЕУМОК.**

В ЛЯ семантика слова **НЕВОД** такова: «большая рыболовная сеть» [МАС, 2 – 591], в говорах эта лексема имеет такое же значение и является, на наш взгляд, родовым наименованием, *Невод делали из дѣли. Квр. Рыбасили на батѹ, сѣтки, невод, на казанках – вот эта морская лотка большая. Неводоф не было, сѣток не было, токо запорами, а потом неводами. Рыбу ловили неводами. Те «мужыки» ходили ловить рыбу неводом – это сѣтка. Млк. Неводами краснѹщу ловили. У.-Б.*

Рыбаки-камчадалы четко отличают НЕВОД от СЕТИ по нескольким признакам: во-первых, НЕВОД – насаженная снизу и сверху на трос сеть с грузилами и наплавами. *Невод делаецца ис капроновой нитки и раньше вязали ис капроновой нити сѣтка, а с неѣ начинают садить невод: растягиваюца верѣфки, раскручивают две верѣфки – нис, верх; на нижнюю грузила, на верхнюю часть – наплава, или поплавки. Длн. Рулон, насажѣнная сѣть – кукла, чтобы сделать невод, сѣть насажывают. Млк. Во-вторых, НЕВОД позволяет долгое время сохранять рыбу живой во время лова. Основные орудия: сѣтка, невод длинный, – посажѣна не как сѣтка; сѣтка садица так, чтобы рыба скапливалась; ф сѣтке рыба ужѣ мѣртвая, а в неводе рыба живая. Длн. В-третьих, НЕВОД больше СЕТИ. Рыбу ловили неводом – длинная сѣтка. Квр. Я видела, как тянули невод лошадьми, невод большой, верѣфку подають и тянут невод. Клч.*

Подробное описание НЕВОДА имеется в статье Н.Е. Поповой: она уточняет семантику, время фиксации в памятниках, выясняет вопрос о территориальной распространенности изучаемого наименования в сибирских деловых документах XVII – начала XVIII вв.²⁴

Описание НЕВОДА есть и в словаре В.И. Даля: «самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из матни посредине и двух приводов или крыльев; невод закидывают и вытаскивают с берега, а все устройство это: рыбалка, ватага, тоня. Невода бывают длиною до 500 саж.; а по величине, по частности ячей и по устройству: распорные, стержневые, рысаки, жиро-

²⁴ Попова Н.Е. Из наблюдений над лексикой, обозначающей орудия рыбного промысла (на материале сибирских деловых документов XVII – н. XVIII в.). С. 43–54 // Вопросы русской диалектологии :с. науч. тр. Л., 1976. 127 с.

топные (ворвенные), речные, морские, волокуши»²⁵.

То, что словоформа **НЕВОД** зафиксирована во многих исторических словарях (Остромирово евангелие 1056–1057, Повесть временных лет, Кочин, Дювернуа, Ларин), областных словарях (Даль, Кулик., Мирт.), терминологических словарях (Дуров, Клыков) позволяет утверждать, что анализируемая словоформа является широко распространенным общерусским словом.

В ЛЯ слово **БРЁДЕНЬ** употребляется со значением «небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоем, идя вброд» [МАС, 1–137]. С этим же значением слово существует и в говорах. *Брёдень – невод маленьких размеров с мотнёй посередине. Млк. Брёдень кидаешь в воду и ловишь. У.-Б.*

Как показывает контекст, в единичных случаях для обозначения маленького невода используется форма с уменьшительным суффиксом –ок: **НЕВОДОК** (*Брёдень – маленький неводок. У.-К.*), а также уменьшительно-ласкательная форма, представляющая диалектный словообразовательный вариант слова **БРЁДЕНЬ** – **БРЕДЕШОК**. *Брёдень – небольшой невод, бредешок; он может быть и сёткой. Длн.*

По способу и по месту установки невода, а также по наличию дополнительных частей различают **СТАВНОЙ НЕВОД**; **ЗАКИДНОЙ НЕВОД** = **ЗАВОДНОЙ НЕВОД**; **СПЛАВНОЙ НЕВОД**. Виды неводов в основном обозначаются составными наименованиями, первый компонент которых – родовое слово, а атрибутивный – обозначение конкретного вида данного орудия лова, мотивированного функциональным признаком.

СТАВНОЙ НЕВОД – «укреплённый в море на одном месте, неподвижный». *Млк. Ставной невод ставица на морях, там стоят якоря мощные, ставят буи разные, чтобы оградить невод, а у нас на реках закидной невод. Ставной невод и закидной невод. Длн. У ставного невода крылья до ловушки тоже из дёла, на стальном трёсе, метроф по 12, вдоль крыльёф идёт рыба в ловушку. У.-Б.* Выше мы приводили значение прилагательного **СТАВНОЙ** (с. 16), которое указывает на терминологический характер общерусского составного наименования **СТАВНОЙ НЕВОД**.

ЗАКИДНОЙ НЕВОД – «невод, которым ловят рыбу в реке, закидывая с лодки и удержи-

вая один конец на берегу». *Длн. В ЛЯ прилагательное ЗАКИДНОЙ имеет значение «предназначенный для закидывания», образовано от глагола закинуть (в 1-м значении: кинуть, бросить куда-л. (обычно с силой или далеко); забросить) [МАС₁, 1 – 526]. Это значение актуально и в говорах. Бережничать, а это вот знаете, невод когда закидывают з батоф, то вот йево с одной стороны удерживают на берегу верёфками. Млк.*

В ЛЯ прилагательное **ЗАВОДНОЙ**, являясь многозначным, не употребляется в сочетании с существительным **НЕВОД**: 1. Приводимый в действие заводом² (в 3 знач.: приспособление в механизме, служащее для приведения его в действие). 2. Предназначенный, служащий для завода² (в 1 знач.: действие по глг. завести – заводить¹ (в 8 знач.: привести в действие механизм чего-л.; привести в движение) механизма. 3. Прост. Легко возбуждающийся, увлекающийся, веселый. [МАС₁, 1 – 504]. В говорах же такое согласование наблюдается, так как диалектоносители прилагательное **ЗАВОДНОЙ** образуют от глагола завести (в 4 значениях: отвести одним концом в сторону, назад, вперед) [МАС₁, 1 – 501] и составное наименование **ЗАВОДНОЙ НЕВОД** употребляют в значении: «невод, которым ловят рыбу, отводя один конец от берега». *Чавычу ловили сётю с наплавами, заводными неводами или сплавными. Длн.* Как видим, толкование сочетаний **ЗАКИДНОЙ НЕВОД** и **ЗАВОДНОЙ НЕВОД** содержит дифференциальную сему: «закидывать, удерживая один конец», поэтому названия данных видов НЕВОДА составляют синонимический ряд, в котором второй атрибутивный компонент является диалектным синонимом для первого.

В ЛЯ прилагательное **СПЛАВНОЙ** образовано от глагола сплавить² (в 1 значении: Отправить вплавь по течению реки) [МАС₁, 4 – 225]. Следовательно, атрибутивное наименование **СПЛАВНОЙ НЕВОД** и в ЛЯ, и в говорах функционирует со значением: «невод, которым рыбачат, сплавляясь по течению реки». *Ставная сётка короче, а сплавной невод до ста метроф; когда коса оголица, тогда неводами. Потом идёт кижуч, два хода у нево тоже: ф концэ август – летний кижуч, фторой хот – зимний кижуч; летний розовый; в брачном наряде ужэ зимник ловили тоже сплавными неводами; зимник ловили на блёсна, острогами. Длн.*

В ЛЯ лексема **МЕЖЕУМОК** функционирует со значениями: 1. Разг. Всякий предмет, лицо, явление и т.п., которые не могут быть отнесены к

²⁵ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 505.

какому-л. определенному разряду. 2. *Прост.* Недалекий, неумный человек, не имеющий каких-л. определенных положительных качеств, свойств. 3. *Обл.* Полупалубное речное грузовое судно. [МАС; 2–335]. В говорах камчадалов **МЕЖЕУМОК** – «невод с небольшими ячейми». В словаре К.М. Браславца зафиксировано еще 2 значения этого слова: *Ў* Узкий топор. *Ў* Вещи средней величины. [СРКН – 101]. Таким образом, у нас есть основание утверждать, что семантическая структура общерусской лексемы **МЕЖЕУМОК** иная в говорах.

Таким образом, подгруппа **Стационарные орудия**, представленная 41 наименованием, состоит из общерусских и диалектных лексем, являющихся синонимичными или вариантными для общерусских.

Сачковые орудия.

Для называния орудий лова конусовидной формы, состоящих из сетей на обручах в виде мешка, диалектоносители используют 12 лексем: **ВЕНТЕРЬ : ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ : ВЕНТЕЛЬ = ЧИРУЧ : ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ, САЧОК = ЧЕРПУШКА, САК.**

В ЛЯ слово **ВЕНТЕРЬ** имеет следующее значение: «рыболовная снасть, представляющая собой мешкообразную сеть, натянутую на ряд обручей», имеет помету «обл.» [МАС, 1–185], является общерусским словом.

В говорах камчадалов у слова это же значение. Камчадалы-рыбаки подробно описывают **ВЕНТЕРЬ**, выделяя следующие ДП:

Ø части, из которых он изготовлен. *Вентель с обручем, раньше цыруц называли.* Клч. *Как морда, но вместо атола крылья 1–1,5 м.* *Вентерь(ль) – та жэ морда, вместо атола крылья делают, на дно делаеца фал – верёвка, нити свинцовые пополам с ниткой, но тяжолые.* *На карася ставили вентеля – это как мешок вязаный, делали из тальника.* *Вентерь плетённый из прутьёф, из лозы.* Млк. *Вентерь – сетка для ловли рыбы.* *Вентера были – мешок для ловли рыбы.* У.-Б. *Вентер – гольцоф ловят у берега – это сетка из дэли побольше пальца.* Шрм. *Винтер два метра длиной.* Крг.

Ø вид лова (подводный). *Винтель для подводного лова рыбы.* Елз. [СРКН – 35]. *Карась (стервец) возьмёт ляжет на дно – неводит неудобно, обычно ловят вентерями.* Млк. *Вентеря шыли для подводного лова гольца.* Н.-К.

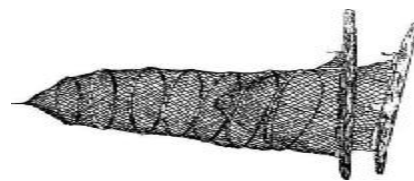
Ø название рыбы, которую им ловят (голец и карась). *Карася ловили вентелями, по месному чируч – ловушка для ловли карася; это*

такая беда круглая, из черёмуховых прутьёф, оптягиваешь дэлью, сэтью; можэт быть с крыльями, штобы захват был большэ. Длн. *Вентер – гольцоф ловят, запорчик запирают – сетка такая.* *Вентер находился у берега, и чаще фсево в нево попадались гольцы.* *Вентелем ловят, рыба туда не идёт, а карась, голёц.* Млк. *Ловили йэто винтерами, туда голёц заходит.* Плт.

Для говоров характерна фонетическая вариантность: **ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ : ВЕНТЕЛЬ.** Рыболовный снаряд из обручей и дели камчадалы называют **ЧИРУЧ : ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ** – «из ительменского (в седанкинском диалекте)»²⁶. Ждешь цируц – шэтка. Ми-то наживаем по-камцедалышки-то цыруц. *Вентель раньше цыруцем звали, как мешок, кольца, обруца, кибася.* Клч. [СРКН – 188]. *Вентер или чируч – приспособление для лова рыбы.* Кзр. *Карасей здесь ловят вентелем, месное название чируч.* *Чируч – это вентель.* Длн.

Диалектоносители дают четкую характеристику данного орудия лова и выделяют те же признаки, что и для **ВЕНТЕЛЯ**. *Чируч – обруца вились и на них одеваеца сетка.* Длн. *Тируть – ловяца гольцы, построен по течению, сделан из дэли.* *Старики на рыбалки ходили на месяцы, делали из дерева, из тальника чиручи.* Квр. *Чируч или вентер – мешок круглый с ниток для гольца.* Кзр. *Чируч делаеца из дэли, для гольца ловушка: загибаем обруц, делаем горловину, оплетаем дэлью, ставим цыруц.* Клч. *Чируч – круглая сетка.* Млк. *Чируч – плетённый из тальника рыболовный снаряд, мелкие рыбки заходят, ни одново гвоздика там нету.* Тгл. *Цыруц из крапивы суцыли.* Крк. *Запор с чиручем.* К. *приподнятому концу аттола прикрепляеца чируч – сетка, связанная мешком.* [СРКН – 188]. В ЛЯ лексемы **ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ** не зафиксированы, следовательно, являются диалектными.

ВЕНТЕРЬ : ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ : ВЕНТЕЛЬ = ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ

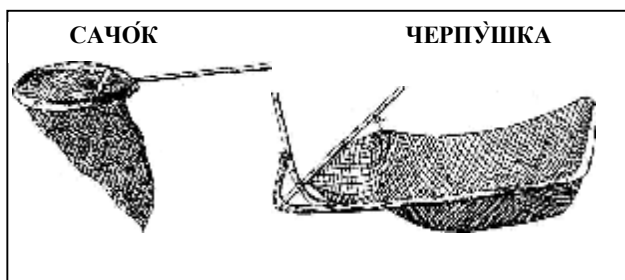

²⁶ Бархатова О.Т. Названия основных орудий рыбной ловли в русских говорах камчадалов : Русские говоры Дальнего Востока // Сб. науч. тр. Хабаровск, 1984. 104 с. С. 45.

Для объяснения диалектного слова **ЧИРУЧ** камчадалы используют общерусскую лексему **САЧОК**: «конусообразная сетка на обруче или прямоугольной рамке с длинной рукояткой, служащий для ловли рыб, насекомых, птиц» [МАС, 4–4]. *Чируч – сачок, где заходит карась, голец, в воду ставят колья. Клч.* Но в один синонимический ряд их поставить нельзя, так как у слова **САЧОК** выделяется ДП – «с рукояткой». В работе В.И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация» находим описание данного вида ловушки: «Уек обычно просто черпается сетчатым сачком. Он идет такой густой массой, что всякий раз, как сачок опускается в воду и вытаскивается, – он полон рыбы»²⁷.

Как отмечается в сборнике «История и культура коряков», «...имелись две разновидности сачковых орудий лова: обычный сачок для мелкой рыбы (в основном уйка) и черпушка – глубокий сетной мешок с конусообразными стенками. Черпушку опускали в воду и быстро поднимали. Такое рыболовство носило, как правило, индивидуальный характер и было распространено у пенжинских, гижигинских и рекинниковских коряков»²⁸.

Камчадалы же не выделяют ДП таких орудий лова, следовательно, слово **ЧЕРПУШКА** со значением «приспособление для лова рыбы, сачок», не зафиксированное в ЛЯ, является диалектным синонимом для общерусской лексемы **САЧОК**. *Черпушка – сачок, морскую рыбу ловят. Млк. Рыбу ловили черпушками. У.-Б.*

Для названия большого сачка в говоре используется лексема **САК** – «большой мешок из сети на пнях, прикрепленный к длинному шесту, сетчатый мешок для вынимания и для ловли мелкой рыбы – сак». [СРКН – 188]. *Сак – большой сачок. Млк.* В ЛЯ **САК** имеет следующие значения: **САК**¹ – 1. Дорожный мешок, сумка для вещей. 2. Женское пальто свободного покроя.

САК² – Рыболовная снасть в виде сетчатого мешка на обруче, прикрепленного к шесту. [МАС, 4–15]. Таким образом, семантическая структура лексемы **САК** в ЛЯ существенно отличается от той, что имеется в говорах. В диалектных системах можно констатировать значение, равное значению слова **САК**² ЛЯ.

Таким образом, подгруппу «Сачковые орудия» представляют в основном собственно диалектные лексемы **ВЕНТЕР : ВИНТЕР : ВИНТЕЛЬ : ВЕНТЕЛЬ = ЧИРУЧ : ЧИРУЧ : ТИРУТЬ : ЦИРУЦ; ЧЕРПУШКА**, но отмечены и общерусские **ВЕНТЕРЬ; САЧОК; САК**, которые вступают между собой в синонимические и варианты (акцентные, фонематические, номинативные) отношения.

Крючковые орудия.

Подгруппа слов, обозначающих крючковые орудия, является самой малочисленной в камчатских говорах, так как представлена 9 словоформами: **ОСТРОГА; МАРИК : МАРЕК = КРЮЧОК; ПЕРЕМЕТ; УДА : УДОЧКА = ЗАКИДУШКА = ДЕРГАЛКА**.

В сборнике «История и культура ительменов» мы находим упоминание об орудиях лова: «Основными орудиями промысла были запоры, сети, невода. Незначительное количество рыбы били острогой»²⁹.

В ЛЯ лексема **ОСТРОГА** имеет значение: «колющее рыболовное орудие в виде вил с несколькими зубьями» [МАС, 2 – 900]. Диалектоносители употребляют это слово в том же значении, но добавляют ДП «с расплюснутыми концами». *Острога типа копья, обыкновенные вилы, расплюсывают концы. Колоть можно рыбу острогой или мариком. Млк. Зимник ловили на блёсна, острогами – четырёхзубец, она надеваеца на шест и ловили ейю з берега. Острога наподобие вилы, раньше рыбу кололи для себя и для собачек. Длн.*

«Среди крючковых снастей наиболее распространенным орудием промысла был марик, действовавший по принципу остроги»³⁰. Доказательство этому мы находим во всех работах, посвященных изучению и описанию быта коренных жителей Камчатки. Рыбу крючкуют двояко: крючком, насаженным на шест, или мариком³¹. Подвижный на длинном шесте крюк, которым

²⁹ История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки / Под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. 207 с.

³⁰ История и культура коряков. С.-П.: Наука, 1993. С. 57.

³¹ Бутаков А. Записки морского офицера... – «Отечественные записки», 1844, № 7. С. 7.

²⁷ Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. С. 87.

²⁸ История и культура коряков. СПб.: Наука, 1993. С. 57.

колют и ловят рыбу³². Марэк – острога³³. Камчадалы также очень подробно описывают данный вид крючкового орудия. *Марик иж жэлёза, внизу кольцо и загибаеца, острый носик за дерево за-вязываеши; для чавыч большые марики. Анвг. В зимнее время зимняя рыбалка – подо льдом мариком ловили. Острогой большу рыбу портиши – четыре дыры, а марик лучиш. Лёт рубили и рыбу мариком били – остра така сэт-то. Длн. Марик – крючок для ловли рыбы. Елз. Марик – рыбу ловить, посодит ейю, кручок большуший на ремень и оде-вали – цавицу ловили. Мл. Марик – металлическая, загнутая, подвит полукруга и крепица за шест. Марик браконьерский, специально рыбу колоть, она на шестке, ейю колеши, она закрываеца как на крючок. А сецас марик запресцон. Колоть можно рыбу острогой или мариком. Млк. Раньше кололи рыбу мариком – длинный шест, крючок. Прт. Ко-цующие примэняют марик. Они колют рыбу мариком, здесь такоо не применяют. Тгл. В.И. Даль отмечает, что это рыболовный багор с подвижным крюком. Помета «сиб.» указывает на уз-корегинальное распространение диалектной лек-семы **МАРИК**³⁴.*

Общерусское полисемантическое слово **КРЮЧОК** в ЛЯ имеет следующие значения: 1. Уменьш. к слову крюк (в 1 и 4 знач.); небольшой крюк. 2. Приспособление разной формы с загибом на одном конце, служащее для того, чтобы зацеплять что-л. 3. Росчерк, завиток на письме. 4. *перен. Разг. устар.* Придирка, умышленное затягивание, запутывание дела в корыстных целях. 5. *перен. Разг. устар.* Тот, кто склонен к сутяжничеству, волоките и т.п.; крюкото-твор. [МАС, 2 – 187]. Диалектоносители используют в своей речи это слово в 1 значении (*Пере-мёт – это делаеца леска длинная, и на неё на-вешивают крючки, а на конец грус и бросаю-т туда – гольца августовскова ловили этим. Млк.*) и во 2 значении (*Чавича када большая, в руках ейю нельзя удержатъ, она сильная; крючки та-кие, палка небольшая с крючком, крючком за-цэпиши, сначала убьёши или крючком в бат и там убьёши. Обычно с яру ловили крючком – на палке крючок обыкновенный. Млк. Крючок – рибу крюкчатъ по ключу, где риба нерестует, дёргаи-и вибрасываиш, дёрниши сразу за крючок. Сбл.*

Крюккают рыбу. Деляют крючки и крюккают рибу из рэцки. Утк. [СРКН – 85]).

Такое же подробное описание находим в ра-боте В.И. Иохельсона, занимавшегося изучением быта коряков: «Кету коряки ловят также желез-ным крючком. Он привязан ремнем из шкуры к шесту, и когда рыба поймана на острие крючка, то он соскальзывает с шеста, как гарпун, и висит только на длинном ремне. Такие крючки в широ-ком употреблении у тунгусов, откуда, я думаю, коряки и заимствовали их. ... Таким же крюч-ком, но меньшего размера, коряки ловят гольцов. В старые времена употребляли костяные крючки и гарпуны с бородками для ловли рыбы. Фраг-менты таких рыболовных орудий я находил при раскопках подземных жилищ»³⁵.

Таким образом, сема «крючок на шесте» да-ет право утверждать, что диалектные фонетиче-ские варианты **МАРИК : МАРЕК** являются си-нонимами общерусского слова **КРЮЧОК** во 2-м значении. *Марик – крючок такой, он надеваеца на круглую палочка, в нём ямочку пробиваеши, делаеши колечко, привязываеши копроновой та-кой. Вот марик: сюда одеваеца инур или ремень, йесли кто богатецкий, потом он садится на палочку, тут канэфку йему делаеши, – вот так и рыбу ловиши, когда словил, он ужэ закрылся, как замок, на него кижуча зимнево ловили, да кету, а на гольчиоф маленькие делали. Млк.*

Лексема **ПЕРЕМЁТ** в ЛЯ является полисе-мантической: 1. Рыболовная снасть с крючками, которую натягивают на колья. 2. *Обл.* Попереч-ная балка, служащая связью между стенами из-бы, сарая, овина и т.п. 3. *Обл.* Занос, сугроб, на-метенный ветром поперек дороги. [МАС, 3 – 106]. Камчадалы-рыболовы употребляют это слово в значении, соотносимом с 1 значением ЛЯ. *Перемёт – это обыкновенные крючки, на-тягиваеца леска и на неё несколько крючкоф; в рёчке на кол крепилась, на берегу – на колышек. Длн. Перемёт – это делаеца леска длинная, и на неё навешивают крючки, а на конец грус и бро-сают туда – гольца августовскова ловили этим. Млк. Перемёты, треску ловили. Здесь гороцкие з блёснами перемёты делают. Опускали перемёт в реку и ловили треску. У.-Б.*

Намного реже диалектоносители употреб-ляют слово **УДА**, что связано с особенностью быта рыбаков, которые привыкли вылавливать рыбу в больших количествах. В ЛЯ слово **УДА** со значением «удочка» имеет помету *устар.* и

³² Кузмищев П.Ф. Собрание особенных или имеющих дру-гое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке // Москвитянин. Ч. 2. 1842, № 3–4. Ч. 6. 1842. № 11.

³³ Старкова Н.К. Ительмены. Материальная культура. М.: Наука, 1976.

³⁴ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 299.

³⁵ Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и соци-альная организация. С.-П. : Наука, 1997. С. 87–88.

обл. [МАС, 4 – 632]. Уда́ – это удочка. Икри́н-
няска на уду́ попалась. Млк. Удили́ удами. Тгл.
[СРКН – 176].

По статистике (уда́ – 3, удо́чка – 9) диалек-
тоносители чаще употребляют словообразова-
тельный вариант **УДОЧКА**. Удо́чки с обыкно-
ве́нной ле́ска, крючо́к и па́лка; че́-нибу́ть или ку-
риное мя́со прикре́пит, они́ же́ любят то́жэ.
Анвг. Ха́риус то́жэ и́дёт на не́рест весной,
лови́ца на удо́чку, попада́еца в запо́ры. На удо́чку
гольца́ лови́ли, хай́рюза, сыру́ю йе́ли. Я в До-
ли́нофку да здесь на Омиа́рик ходи́ла, на удо́чку
лови́ла. Млк. Ку́нжа ри́ба, лови́ли весной, бе́лая
ри́бица, удо́чками ло́вят, мя́хкая она́. Тгл.

Для называния удочки диалектоносители
используют синонимичные лексемы **ЗАКИ-**
ДУ́ШКА = ДЁРГАЛКА. Закиду́шка, дёргалка –
это удочка такая. Млк. В ЛЯ они не зафиксиро-
ваны, следовательно, являются диалектными.
Мы предполагаем, что данные слова мотивиро-
ваны по функциональному признаку: **ЗАКИ-**
ДУ́ШКА – от глагола ЗАКИ́НУТЬ – бросить,
метнуть куда-н. или далеко³⁶; **ДЁРГАЛКА** – от
глагола ДЁРГА́ТЬ (в 1 значении: тянуть, тащить
резким, отрывистым движением)³⁷.

Итак, разнообразие основных орудий лова,
сохранившихся с конца XVIII в., с помощью ко-
торых можно было обеспечить пропитанием и
свою семью, и собак, которых содержали в боль-
шом количестве, подтверждают большую значи-
мость рыболовства в жизни камчадалов. Именно с
этим связано то многообразие лексем, которые
составляют достаточно объемную группу «На-
звания орудий лова», представленную 63 едини-
цами и состоящую, главным образом, из диалект-
ных вариантов и синонимов общерусских наиме-
нований (27 – общерусских, 36 – диалектных), что
дает понять, что диалектные и общерусские слова
сосуществуют в говорах, то заменяя друг друга,
то заполняя каждое свою «нишу».

Как неоднократно отмечалось диалектоло-
гами, одной из ярких черт народных говоров яв-
ляется синонимия и вариантность. В описывае-
мой группе в достаточном количестве представ-
лены различные типы вариантов: акцентные, фо-
нематические, словообразовательные, номина-
тивные, комбинированные. Их появление объяс-
няется интенсивностью активно действующих
языковых процессов в говорах.

³⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского
языка. Москва, 1999. С. 198.

³⁷ Там же. С. 164.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ КМ 218.003.04 ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

(Председатель – д-р психол. наук, проф. К.И. Воробьева;
ученый секретарь – канд. психол. наук, доцент М.В. Сокольская)

1. Полетаева А.В. Психологические механизмы переживания жизненного события, имеющего травматический характер. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 07 декабря 2005 г.)

Объект исследования – переживание жизненного события, имеющего травматический характер.

Цель работы – выявить психологические механизмы переживания травматического события и дать им психологическую характеристику.

Предмет исследования – психологические механизмы переживания травматического события.

Методы исследования – анализ психологической литературы, анкетный и тестовый опросы, методы математической статистики (корреляционный анализ, критерий Стьюдента, критерий Ливена, однофакторный дисперсионный анализ, кластерный анализ), качественный анализ и содержательная интерпретация результатов исследования.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Предпринята попытка выхода за пределы клинического подхода и рассмотрения проблемы переживания травматических событий с позиций общей психологии и психологии личности. Показана роль актуального смыслового состояния в переживании травматического события, на основании чего дана новая интерпретация смысловой составляющей механизмов переживания. Полученные данные позволят оптимизировать качество психодиагностической и реабилитационной работы с лицами, пережившими травматическое событие. Материалы исследования могут быть использованы при построении учебных курсов для студентов-психологов и социальных работников, а также слушателей института повышения квалификации.

Степень и эффективность внедрения. Материалы исследования нашли отражение в разработке учебных курсов «Методы работы с посттравматическим стрессовым расстройством» и «Психологические основы социальной работы».

Область применения – психодиагностика и психопрофилактика посттравматических стрессовых состояний, психологическое консультирование и психотерапия.

2. Панченков Е.Ю. Динамика мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 07 декабря 2005 г.)

Объект исследования – мотивационная сфера личности сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов.

Цель работы – теоретическое и эмпирическое обоснование зависимости изменений мотивационной сферы личности от характера оперативно-служебной деятельности и стажа профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Предмет исследования: динамика мотивационной сферы оперативных сотрудников правоохранительных органов в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности.

Методы исследования – анализ психологической литературы, интервью, тестирование. Методы математической статистики (критерий Фишера-ф, критерий Стьюдента, коэффициента корреляции Кендалла-т), качественный анализ и содержательная интерпретация результатов исследования. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft EXCEL XP и пакета статистического анализа Statistica v.6.0.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Обоснована взаимосвязь характера профессиональной деятельности и динамики мотивационной сферы личности; выявлены и описаны изменения мотивационных профилей в структуре мотивационной сферы личности в зависимости от характера оперативно-служебной деятельности, стажа оперативной работы сотрудников оперативных подразделений ФСКН России; доказано доминирующее влияние мотива власти на изменения в структуре мотивационного профиля личности сотрудников правоохранительных органов.

Результаты данного исследования могут быть использованы руководителями подразделений для прогноза профессиональной успешности сотрудников правоохранительных органов, определения профессиональных возможностей, направленности и способности к мобилизации личностных ресурсов. Они позволяют углубить содержание диагностической и консультативной работы в процессе психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использованы в преподавании дисциплин: «Основы психологии оперативно-служебной деятельности» и в системе «внешкольной» подготовки. Методики изучения мотивационной сферы личности используются в работе учебных подразделений ДВИПК ФСКН России.

Область применения – управленческая и оперативно-служебная деятельность, подбор и расстановка кадров подразделений ФСКН России.

3. Шабурова И.К. Сравнительный анализ семантического пространства национального сознания (на примере нанайского и русского этносов). Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 07 декабря 2005 г.)

Цель работы – выявить исторически сложившиеся, закреплённые в языковой культуре особенности национального сознания нанайцев и русских в сравнительном аспекте, представленных на семантическом уровне. Объектом нашего исследования является национальное сознание.

Предмет исследования – семантическое пространство национального сознания. Гипотеза – утрата национального языка ведет к нарушению традиционного семантического пространства, в результате чего меняется и этническая картина мира.

Методы исследования – «исследование ценностных ориентаций», ассоциативный эксперимент, «семантический дифференциал» Ч. Осгуда, «личностный дифференциал»; частный семантический дифференциал, адаптированный к исследованию особенностей восприятия своего народа представителями нанайского этноса; проективная рисуночная методика на этнозначимые стимулы.

Статистическая обработка данных с привлечением аппарата вариативной статистики и многомерных исследовательских методов в среде пакета Статистика 6.0 и SPSS 12.0.

Выводы исследования – Картины мира русского и нанайского этносов отличаются по ряду ключевых позиций: восприятие представителями этноса его количественных и качественных характеристик, исторической роли, оценки его «энергетического» состояния, прогноза дальнейшего развития этноса в будущем.

Результаты исследования: позволяют осуществлять прогнозирование социально-культурного развития этноса; могут быть использованы при разработке социальных проектов, направленных на сохранение и развитие нанайского этноса; легли в основу авторского спецкурса по этнопсихологии «Психосемантика национального сознания» для студентов Института педагогики и психологии Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

4. Волкова В.В. Психологические особенности отношения к материнству матерей-подростков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 08 декабря 2005 г.)

Цель работы – изучение психологических особенностей отношения к материнству матерей-подростков.

Объект исследования – отношение к материнству как психологический феномен.

Предмет исследования – психологические особенности отношения к материнству матерей-подростков.

Методы и методики исследования – теоретический анализ источников по теме исследования, теоретическое моделирование, опрос, тестирование (опросник материнского отношения, рисуночный тест «Мой будущий ребенок», модифицированный Г. Г. Филипповой, тест «Родительское сочинение» В. В. Столина, методика выстраивания смысловых конструкторов, модифи-

цированный вариант репертуарной личностной решетки Дж. Келли, Опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева; методика измерения родительских установок и реакций PARI, адаптированная Т. В. Нещерет).

Методы статистической обработки данных – определение достоверности различий средних величин по t-критерию Стьюдента, критерий условного преобразования Фишера; корреляционный анализ; факторный анализ; контент-анализ; качественный анализ и содержательная интерпретация результатов. Расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windows v 13.0.

Теоретическая значимость. Проведенный в диссертации анализ формирования субъективного отношения к материнству позволяет расширить существующие в общей психологии, психологии личности и психологии развития представления о формировании и развитии субъективного отношения к материнству, об особенностях ювенильного материнства и перспективах родительско-детского взаимодействия матерей-подростков; разработана авторская психологическая модель ювенильного материнства, для которой характерна дефицитарность базового уровня и/или недосформированность производного и высшего уровней отношения; определено, что общая личностная незрелость матери-подростка осложняет процесс становления материнского отношения и формирование привязанности к ребенку, определяет стиль последующих взаимоотношений с ребенком, характеризующийся излишней эмоциональной дистанцией, приводит к деформации родительско-детского взаимодействия; данные исследования могут лечь в основу концепции адаптации матерей-подростков к новой социальной роли, эффективного материнства и развития личности женщины-подростка и ее ребенка.

Практическая значимость. Разработан и внедрен в психологическую практику психодиагностический инструментальный, ориентированный на выявление уровней сформированности отношения к материнству девочек-подростков; разработана комплексная программа «Маленькая мама», направленная на помощь матери-подростку в период идентификации беременности и ранней неонатальной адаптации, способствующая преодолению негативных последствий преждевременного материнства несовершеннолетних; полу-

чены экспериментальные данные которые могут быть использованы для дифференциации зрелых и незрелых стратегий поведения несовершеннолетних матерей, построения различных тактик клиничко-психологической и психосоциальной помощи матерям-подросткам в системе высшего профессионального образования, в системе повышения квалификации и переподготовки психологических кадров, в системе клиничко-психологической и психосоциальной служб.

5. Бурик В.Н. Образ браконьера и причины неэкологических поступков в семантике различных групп населения. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – психология труда, инженерная психология, эргономика (защита состоялась 08 декабря 2005 г.)

Цель работы – выявить представления жителей районов активного природопользования о браконьере как личности и браконьерстве как социальном явлении.

Объект исследования – категориальные структуры сознания, отражающие образ браконьера и представления о причинах неэкологических поступков у различных групп населения.

Предмет исследования – представления о браконьере и причинах неэкологических поступков у различных групп населения.

Методы исследования – анализ психологической литературы, опрос, беседа, проективный метод. Метод семантического дифференциала, метод математической статистики (факторный анализ), опросник УСК, проективный рисунок, качественный анализ и содержательная интерпретация результатов исследования. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных SYSTAT V5 for WINDOWS.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Впервые описаны особенности образа браконьера и представлений о причинах неэкологических поступков у различных групп населения; описана специфика категориальных структур сознания, отражающих образ браконьера и представления о причинах неэкологических поступков у исследуемых групп; разработан и апробирован инструментальный исследования групповых экологических представлений. Результаты данного исследования помогут расширить современные представления о групповом и индивидуальном экологическом сознании и методах его исследования, а также помогут в выра-

ботке средств, методов и стратегий экологической пропаганды, экологического образования и природоохранной деятельности.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использованы в подготовке итогового отчёта 2001 г. отдела экопросвещения заповедника «Бастак» по природоохранному проекту “Заслон” (грант RXO-1100, WWF, АФГИР), а также включены в ряд мероприятий, проведённых отделом экопросвещения заповедника «Бастак»: пресс-конференция на ТВ, газетные публикации, разработка средств наглядной экологической агитации.

Область применения – исследование групповых и индивидуальных экологических представлений, экологическая пропаганда, экологическое образование, природоохранная деятельность.

6. Буряк Л.Г. Разноплановая деятельность как психологическое условие развития зрелой личности. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (защита состоялась 08 декабря 2005 г.)

Цель работы – изучение разноплановой деятельности (РД) как психологического условия развития зрелой личности.

Объект исследования – развитие зрелой личности.

Предмет исследования – разноплановая деятельность как психологическое условие развития зрелой личности.

Методы и методики исследования – теоретический анализ психологической литературы по теме исследования и теоретическое моделирование, тестирование («Самоактуализационный тест» Э. Шостром, адаптированный Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозманом и др., «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина, «Уровень субъективного контроля» Д. Роттера, адаптированный Е. Ф. Бажиным), анкетирование (блок методик по анкете «Изучение и развитие мотивации профессионального самосовершенствования сотрудников» А. А. Деркача., методики «Хронометрическая структура РД» и «Потребностная структура РД»).

Методы статистической обработки данных – определение достоверности различий средних величин по t-критерию Стьюдента, критерий условного преобразования Фишера; корреляционный анализ, контент-анализ, качественный анализ и содержательная интерпретация результатов. Расчёты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft

Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windos 10.

Теоретическая значимость: проведенное исследование позволяет расширить представление о роли разноплановой деятельности в развитии зрелой личности, а также о ее содержательных и структурных особенностях: рассмотрена мотивационная основа разноплановой деятельности, ее структурные и содержательные характеристики; определена и описана структура ресурсного обеспечения развития зрелой личности (личностный ресурс, профессиональный ресурс, собственно деятельностьный ресурс); показана роль разноплановой деятельности в актуализации ресурсного обеспечения развития личности.

Практическая значимость исследования в том, что 1) разработан и внедрен в учебный процесс вуза спецкурс «Психология зрелости»; 2) материалы исследования включены в программы и учебно-методические комплексы курсов «Психология развития», «Психологическое консультирование личности»; 3) подготовлены практические рекомендации в помощь психологу-консультанту для работы со зрелой личностью; 4) результаты исследования могут быть использованы в системе высшего профессионального образования, системе повышения квалификации и переподготовки психологических кадров, в консультативной практике психологов.

6. Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин. Диссертация на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 09 декабря 2005 г.)

Объект исследования – структура этнического сознания.

Предмет исследования – мифологическое в структуре сознания персистентного этноса.

Цель исследования – выявить в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин элементы мифологического сознания и на этой основе определить специфику их взаимодействия с окружающим миром.

Методы исследования – методика предельных смыслов (МПС), разработанная Д. А. Леонтьевым; психологический анализ продуктов деятельности на основе методологии диагностики мифологического: изделия из меха, бисера, дерева, национальный орнамент. Котерапевтическая компьютерная система «Келли-98» В.М. Воробьева, Н.Л. Коноваловой.

Достоверность и надежность результатов. Соответствие эмпирических результатов общепринятым научным критериям валидности и надежности достигалось использованием апробированных методик, а также путем привлечения достаточно максимальных выборок испытуемых.

Научная новизна и теоретическая значимость. Впервые исследованы особенности мифологического сознания и показано, что мифологическое сознание качественно отличается от религиозного и научного сознания; выявлена роль мифологического в структуре сознания коренных народов о. Сахалин, что проявляется в способах взаимодействия с природной и социальной средой; описаны особенности этнического сознания персистентных этносов; показана специфика структуры этнического сознания, в частности проявление в нем мифологического; внесен определенный вклад в развитие общей

теории сознания; показаны диагностические возможности психологического анализа продуктов деятельности (декоративно-прикладного творчества).

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования были использованы в процессе разработки грантового проекта «Исследование трансформации системы ценностей у представителей малочисленных народов Севера в связи с социально-экономическими изменениями на территории их традиционного природопользования», 2002 (грантовый проект по договору № 01-21 от 1 декабря 2002 г. между СО МАНПО и администрацией Сахалинской области). Полученные результаты могут быть использованы при составлении социальных проектов, направленных на сохранение и развитие нивхского этноса.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02
ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ**

(Председатель – д-р филос. наук, проф. Ю.М. Сердюков;
ученый секретарь – канд. социол. наук, доцент С.Е. Туркулец)

1. Давыдов В.В. Психофизическая проблема в методологии когнитивизма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 15 декабря 2005 г.).

Объект исследования – психофизическая проблема.

Предмет исследования – психофизическая проблема в методологии когнитивизма.

Методологическая основа исследования – феноменологический метод, понимаемый в широком смысле, герменевтическая методология, метод концептуального анализа. Проанализирована специфика постановки психофизической проблемы в контексте парадигмы когнитивизма; показано, что в рамках методологии когнитивизма в настоящий момент не найдено корректного решения психофизической проблемы; исследованы проблемные аспекты методологических установок материалистических направлений в аналитической философии сознания, препятствующие ожидаемому в условиях «когнитивной революции» союзу наук о мозге и философии сознания; обоснована необходимость пересмотра логико-лингвистических оснований для пред-

ставления редуктивных или нередуктивных интерпретаций отношений сознания и мозга.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они открывают перспективы дальнейшей разработки методологии изучения сознания и его субстрата. Итоги диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных курсов.

2. Дементьева Л.С. Социально-политические идеи С.Л. Франка в контексте его метафизической системы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии (защита состоялась 15 декабря 2005 г.).

Объект исследования – философская система С.Л. Франка.

Предмет исследования – философско-методологическое обоснование социально-политических идей С.Л. Франка.

Методологическая основа исследования – логико-контекстуальная реконструкция историко-философского материала, системный и философско-исторический подходы. Проанализиро-

ваны социально-политические идеи С. Л. Франка в ракурсе его методологии и религиозно-антропологических воззрений. Обосновано концептуальное единство социального учения С. Л. Франка. Определено место социально-политических идей С. Л. Франка в его метафизической системе.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы в качестве теоретической основы для новых научных исследований философии

С. Л. Франка, историко-философской и социально-философской проблематики, при рассмотрении методологических вопросов анализа историко-философского, социополитического и социокультурного материала. Материалы диссертационного исследования могут быть задействованы при подготовке учебных курсов и учебных пособий по истории русской философии, социальной философии, истории и философии науки, религиозной и социальной антропологии.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ. 212.056.04 ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1. Романова Г. Р. Философско-эстетическая система Владимира Набокова и ее художественная реализация: период американской эмиграции. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Научный консультант – д-р филол. наук, проф. ДВГУ Н. И. Великая.

Целью диссертационного исследования является анализ американского периода творчества В. Набокова (1940–1977), рассматриваемого целостным идейно-эстетическим комплексом. Автор работы анализирует теоретические источники, положенные в основу художественно-эстетической парадигмы писателя, определившие концептосферу его творчества. Концепция человека в творчестве Набокова представлена как концепция сознания ее носителя и рассмотрена в связи с субъектной организацией произведений американского периода. Эстетические взгляды Набокова, описанные в работе, показаны в их преломлении в художественном сознании писателя. В результате автор диссертации делает вывод об особенностях поэтики поздних романов Набокова и соотносит концептуальные аспекты творчества писателя с основными культурологическими тенденциями XX столетия.

2. Миланчук Н. С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Научный руководитель – канд. филол. наук, проф. ДВГУ Н. П. Харченко.

Диссертация посвящена исследованию и описанию системы разноуровневых языковых средств выражения категории некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка. В работе: 1) выделены и представлены экстралингвистические основания некатегоричности научного изложения; 2) выдвинуто и обосновано определение некатегоричности высказывания как лингвопрагматической категории; 3) определены критерии высказываний, которые могут подвергаться операции снижения категоричности; 4) выработан методика семантического представления языковых средств выражения некатегоричности; 5) выделены основные модификации лингвопрагматического значения некатегоричности; 6) осуществлено описание системы языковых средств выражения данного значения по полемому принципу.

КОНФЕРЕНЦИЯ ASIA TEFL В ПЕКИНЕ

С 4 по 7 ноября 2005г. в Пекине проходила международная конференция, посвященная проблемам преподавания английского языка в Азиатском регионе.

Это уже третья конференция, проведенная под эгидой Международной ассоциации преподавателей английского языка в Азии – Asia TEFL, инициатива создания которой принадлежит южно-корейским ученым и преподавателям, организовавшим первые две конференции: в Пусане и Сеуле.

Несмотря на то, что Asia TEFL была создана относительно недавно, в марте 2003 г., она уже насчитывает свыше 5000 членов, представляющих 34 региона Азии и 16 стран – за ее пределами. Цель ассоциации развивать и совершенствовать преподавание английского языка в Азиатском регионе, организуя совместные проекты, конференции, публикации журналов и книг. С Дальнего Востока России 174 преподавателя английского языка являются членами Asia TEFL.

Следует отметить, что в Азиатском регионе растет интерес к российской науке и методике преподавания английского языка, в частности. На каждую конференцию Asia TEFL приглашались с малыми пленарными докладами специалисты из Института иностранных языков (ИИЯ) ДВГУ: в Пусане (ноябрь 2003 г.) выступила с докладом доцент ИИЯ ДВГУ, вице-президент Дальневосточной ассоциации преподавателей английского языка М. Н. Рассоха, в Сеуле (ноябрь 2004 г) доктор филол. наук З.Г. Прошина, в Пекин была приглашена доцент ИИЯ ДВГУ, президент Дальневосточной ассоциации преподавателей английского языка Г. Н. Ловцевич.

“TEFL for Asia: Unity within Diversity” (Преподавание английского языка как иностранного: единство в разнообразии) под таким девизом прошла конференция в Пекине. Ее отличал высокий уровень, обеспеченный поддержкой Министерства образования КНР, Издательского дома «Высшая школа» (Higher Education Press of China) и других организаций. 18 больших и малых пленарных заседаний, 546 докладчиков и 485 участников из 31 страны мира, 465 параллельных сессий в течение трех дней – таков размах конференции. Более 50 газет, журналов, ТВ и радио станций, в том числе: Beijing Radio International (программы для 23 стран) освещали ра-

боту конференции.

Представляется важным отметить одну из сильных сторон конференций Asia TEFL – яркие пленарные выступления. Их успех обеспечивается участием авторов книг, ученых с мировой известностью и в то же время «открытием» исследователей из крупнейших университетов Азии. Так, в Пекине прозвучали выступления Клэр Крамш (США) «From Communicative Competence to Intercultural Literacy»; Майкла Маккарти (Великобритания) «From Corpus to Coursebook»; Бернарда Сполски (Израиль) «Towards a Common Asian Framework of Reference for English Learning, Teaching and Assessment»; Питера Медьеша (Венгрия) «Always Look on the Bright Side – Being a Non-Native Teacher»; Дэвида Нунана (Гонконг) «Reinventing Language Teaching» и др. Особенности региональной ситуации в области преподавания английского языка нашли отражение в пленарных выступлениях Ху Чжуанлинь (КНР) «China’s English Education Reform: Trends and Issues» и Ян Хуэйчжун (КНР) «Chinese Learner English Corpus and EFL in China».

Каждый день, помимо трех больших пленарных заседаний, участники конференции имели возможность прослушать малые пленарные доклады – выступления исследователей, представляющих науку разных регионов Азии, а также выбрать интересующие темы из 150–160 докладов, организованных в виде параллельно идущих сессий. Среди них прозвучали и шесть докладов, подготовленных российскими учеными и преподавателями. Тематика докладов отразила разнообразную проблематику и дала представление о некоторых методических и лингвистических вопросах, которыми занимаются российские исследователи.

Т. М. Власова (ДВГУ, Владивосток) рассмотрела проблему использования родного языка на уроках иностранного, остановившись на результатах проведенного ею исследования отношения российских студентов к употреблению русского языка на занятиях по английскому языку. Выступление Г. Л. Димовой (ДВО РАН, Владивосток) было посвящено кросскультурным аспектам разработки языковой программы для специалистов, участвующих в совместных международных экологических и других проектах. В своем докладе В. Г. Мазур (Морской госуни-

верситет, Владивосток) остановилась на особенностях обучения вокабуляру студентов морских специальностей, для которых корректное употребление языка напрямую связано с безопасностью работы в море в интернациональных экипажах. З. Г. Прошина (ДВГУ, Владивосток) подняла ряд очень важных лингвистических и лингводидактических вопросов в докладе на тему «Русский английский: статус, отношение, проблемы». М. Н. Рассоха (ДВГУ, Владивосток) обратилась к проблеме языковой и культурной идентичности и затронула прикладные аспекты этой проблемы при обучении иностранным языкам. Доклад В. И. Тузлуковой (Ростовский педагогический госуниверситет) был посвящен использованию Интернет ресурсов, в том числе созданных в ростовском госпедуниверситете, для обучения разным видам и жанрам письма.

Кроме того, российский дальневосточный регион был представлен участниками конференции из Хабаровска, Биробиджана и Комсомольска-на-Амуре.

Следует также указать на прекрасную техническую оснащенность конференции в Пекине. Каждая из 20 одновременно идущих сессий была обеспечена ноутбуком с проектором, и большинство докладов сопровождалось презентацией в мультимедийном формате.

Следующая конференция Asia TEFL будет проходить в Японии 18–20 августа 2006 г. Принимает конференцию Seinan Gakuin University (Фукуока). Ассоциация Asia TEFL выделяет 40 грантов для международных участников. Срок подачи заявок до 28 февраля 2006 г.

Более подробную информацию об ассоциации, условиях членства, конференциях и т.п. можно найти на сайте ассоциации www.asiatefl.org или обратиться к региональному представителю Asia TEFL по российскому Дальнему Востоку М.Н. Рассоха (Rassokha@ifl.hb.dvgu.ru).

М.Н. Рассоха, Владивосток

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Т.Л. Рыбальченко, А.С. Янушкевич

Рыбальченко Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX в. Томского государственного университета.

Янушкевич Александр Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Томского государственного университета.

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*

В.А. Жуковский

I

Н.В. Гоголь, говоря о поэзии Н.М. Языкова, заметил: «Имя Языков пришлось ему недаром. Владеет он языком, как араб конем диким своим...». Нередко фамилия человека действительно становится его визитной карточкой и выражением сущности. В ней – зерно его индивидуальности. В этом смысле Нина Ивановна Великая вполне оправдывала свою фамилию. Тихий океан был не только ее географическим пространством и местом прописки. Это была ее стихия: прекрасная пловчиха, она чувствовала себя в нем как рыба в воде. Но и ее научные интересы – постоянное внимание к эпическим формам сознания, к масштабным явлениям культурного процесса, связанным со словом эпох, литературой русской эмиграции, – отвечали масштабу ее личности. Сама ее внешность, царственная осанка, жизненная энергия вызвали в памяти образ Екатерины Великой. Именно поэтому естественным приложением к ней стало бытовавшее в литературоведческой среде определение: «Великая с Тихого...»

Поздняя осень 2004 г. в Томске была поистине «очей очарованьем». Синь небес, «в багрец и золото одетые леса», струящийся в высоте уже чуть-чуть прохладный и чистый воздух, задумчивое течение Томи, какое-то особое возвышенное состояние души вечно студенческого города – все это навевало воспоминания о молодости, о том, что уже прошло и стало мило. Нина Ивановна приехала в Томск на научную конференцию, и мы бродили с ней по старому городу, радуясь его новому облику. Прошло 50 лет, как она после защиты кандидатской диссертации покинула Томск, и, хотя за эти годы ей удавалось два раза вырваться на денек-другой в город своей молодости, только сейчас она ощущала свою со-

причастность к нему, чувствовала отзвуки того далекого-близкого времени. Она вспоминала как приехала в аспирантуру Томского университета, как ее поразила в те страшные времена (начало 50-х!) атмосфера доброжелательности, научной требовательности, царившая на тогда еще историко-филологическом факультете. Имена Н. Ф. Бабушкина, Н. А. Гуляева, Э. Ф. Молиной, Ф. З. Кануновой, А. А. Ачатовой, Н. Н. Киселева, В. В. Палагиной стали для нее символами подлинной науки, а научные и человеческие связи продлятся: Ф. З. Канунова и Н. Н. Киселев будут приезжать в Дальневосточный университет председателями ГЭК, переписка с томичами, встречи на конференциях в разных городах станут потребностью и радостью.

Нина Ивановна была очаровательна в те дни поздней осени 2004 г. На банкете по случаю завершения конференции она сказала, что Дальневосточный университет ее alma mater, Томский – духовная родина, а новая встреча с Томском – праздник, который будет с нею всегда. Все знали о ее предстоящем юбилее через год, но никто не мог поверить, что ей будет 80 лет, и уж, конечно, никому не могло прийти в голову, что через несколько месяцев ее не станет, и юбилей пройдет без нее...

Все, кто знал Нину Ивановну в разные моменты ее жизни, единодушны в мнении о силе ее характера, о требовательности к себе и другим, но и о доброжелательности, хлебосольстве и гостеприимстве. Застолья в доме Великой были праздниками, ибо собирали коллег, друзей, единомышленников. Веселье чередовалось с серьезными профессиональными разговорами, воспоминаниями, обсуждением происходящего в мире, озорными тостами, шутками, песнями. В этом чередовании была внутренняя логика, как умелый режиссер, Нина Ивановна делала застолья

частью жизни, которая не бывает однообразной. Прекрасная хозяйка, она и здесь была «великой с Тихого...». Встречи с Владивостоком пронизаны мелодикой прогулок по городу с Ниной Ивановной, застолий у Нины Ивановны...

Дальневосточный университет, филологический факультет стали ее судьбой. Детищем последних лет ее жизни стал диссертационный совет, бессменным председателем которого она была и которому она отдавала много времени и энергии. Необходимо было «пробить» его через все инстанции, собрать его членов, в том числе иногородних, объединить лингвистов и литературоведов, произвести тщательный отбор работ для первых, да и последующих заседаний, чтобы защиты были регулярны и качественны. «Совет нужен, конечно же, не только для Дальневосточного университета. Он является насущной потребностью для всего региона, так как удаленность от научных центров и финансовые сложности не позволяют талантливой молодежи защищать вовремя свои кандидатские работы, а зрелым ученым ощущать реальность своих планов по подготовке докторских. Не секрет, что, уехав в аспирантуру в столицы, молодые талантливые ученые просто не возвращаются. Совет позволит активизировать работу собственной аспирантуры» – эти слова из письма Нины Ивановны передают ее озабоченность подготовкой филологических кадров на Дальнем Востоке, стратегию Совета.

Благодаря усилиям Нины Ивановны и ее коллег из Дальневосточного университета Совет состоялся, стал лабораторией развития филологического образования в регионе. Участие в его работе ведущих специалистов из Москвы, Петербурга, Томска, Барнаула и других городов России придавало обсуждению филологических проблем масштабный характер. Нина Ивановна старалась создать атмосферу свободной дискуссии, требовательности и доброжелательности. И лингвисты, и литературоведы здесь были едины в стремлении дойти до сути, внести в обсуждение свой профессиональный и человеческий опыт. Я с удовольствием вспоминаю, как на защите диссертации о песенной поэзии Александра Вертинского лингвист Алла Федоровна Прияткина рассказала о своем впечатлении от концерта певца после его возвращения из эмиграции (на этом концерте Алла Федоровна была вместе с Ниной Ивановной, своим многолетним и верным другом). Мемуарное выступление поставило акценты в понимании эволюции песенной поэтики

Вертинского, своеобразии его лиризма и иронии. Сама Нина Ивановна тоже участвовала в обсуждении лингвистических работ, задавая точные и острые вопросы. «Мне кажется, – писала она, – совместные защиты литературоведческих и лингвистических работ нас взаимообогащают, создают единое филологическое пространство, где неразделимы слово и образ, литература и язык». В успешной работе Совета особое значение имеет ученый секретарь, от его профессионализма, во многом зависит атмосфера происходящего действия и прохождение работ через ВАК. За время работы Совета у Нины Ивановны было два ученых секретаря: лингвист Галина Николаевна Сергеева и литературовед Елена Александровна Первушина. Удивительна их общность, проявляющаяся в культуре общения, в создании рабочей атмосферы, лишённой суеты и излишней экзальтации.

Создание диссертационного Совета в Дальневосточном университете – закономерное и естественное звено в становлении и развитии научной школы Н. И. Великой. Мне [А.Я.] приходилось несколько раз оппонировать работы ее учеников, и это всегда было удовольствием, потому что в диссертациях всегда ощущалось биение живой мысли, поиск своего слова. Чувствовалась твердая рука учителя, но не было скованности собственной мысли автора диссертации; был полёт научной идеи при выверенности аргументов и анализа; способность учеников свободно писать и говорить свидетельствовала о научной школе. Защита докторской диссертации Г. Р. Романовой об американском (англоязычном) периоде творчества В. В. Набокова в день юбилея Нины Ивановны стала залогом памяти об основоположнике, продемонстрировала лучшие черты этой школы. Монографии И. В. Григорай о характероложении в русской драматургии 1950–1970-х гг. и И. Г. Новоселовой о дневниковой прозе М. Пришвина – свидетельство жизненности научной школы Великой.

II

Научные интересы самой Нины Ивановны Великой определились в дооттепелевское время, когда в 1955 г. под руководством Николая Фёдоровича Бабушкина, основателя кафедры русской литературы в Томском университете, была защищена её диссертация, посвящённая творческой эволюции Вс. Иванова. Хотя диссертация

была обращена к канонизированному советской культурой художественному материалу – повести и пьесе «Бронепоезд 14-69», – в выборе материала и аспекта исследования (эволюция художественного сознания писателя) проявился интерес к магистральным, но не официозным тенденциям литературного процесса.

Молодой филолог исследовал прозу, воссоздававшую мир после социального разлома и ещё не оскопленный тоталитарной культурой, она исследовала оригинального писателя, что не оспаривается и современной критикой, наконец, исследовала эволюцию сознания писателя под воздействием менявшихся социальных условий.

И в последующих своих работах Н. И. Великая умела открывать не ангажированность советской литературы, не радикализм, а продолжение и обновление традиции русской литературы в постижении народного сознания, то, что Л. Толстым было сформулировано как способность видеть от «ста миллионов крестьянства», о чём Великая писала в своей монографии 1975 г. «Формирование художественного сознания в советской прозе 20-х гг.». Эпическое мышление столь остро и долго было центром филологических изысканий, поскольку было альтернативой идеологизированного официального сознания, равнодушного к народному мнению. Этическая основа поиска форм эпического – это уважение к другому мнению и поиск целого, а не частного, не эгоистического суждения о действительности.

В работах Нины Ивановны народное сознание открывалось не как окончательное, не как владеющее истиной, а как ищущее эту истину во всей полноте жизни, во всех многообразных правдах. Поэтому, исследуя прозу 1920-х гг., она воссоздавала «образ мира, взметнувшегося к новой жизни», видела не только картины социальной истории, а прорыв к всеобщему бытию, возникший в ситуации социального пограничья. Молодая советская проза была чутка не только к открывшимся возможностям, но и к открывшимся противоречиям человека и народа, она была готова дать разные голоса, разные проявления жизни, однако,веряла их критериями целого, не одной только социальной идеей. Интерес к полноте народной и национальной жизни в литературоведении 1960-70-х гг. был «шестидесятической» формой «сохранения лица», способом сохранения научной и духовной независимости перед властью, выдвигая ценностным центром народное сознание, не монологическое, а хорошее мышление о жизни, не идеологию, а этику

многообразной живой жизни. Эпическое сознание, воссоздаваемое молодой русской литературой, исследовалось Н. И. Великой как художественно продуктивное, она искала в художественных творениях не «идею», а «художественное сознание», способное выйти от узнаваемой реальности к бытийным основам жизни.

Этим объясняется её интерес к поэтике, он был свидетельством не ухода от содержания, а напротив, погружения в глубину содержания, в «содержательность формы». В работах Н. И. Великой художественное пространство трактовалось как «поэтика всеобщих связей», время – как бытийная сила, побуждающая человека становиться субъектом истории. Но наиболее выпукло в монографиях Н. И. Великой представлено языковое мышление писателей послереволюционной России: А. Малышкина, Вс. Иванова, Б. Лавренёва, И. Бабеля, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Платонова. Открывалась «система голосов» в прозе этих писателей, собиравших и воспроизводивших разные сознания, разные мнения о бытии в поисках ценностного центра. Открывался стиль высказывания о мире и персонажей, и авторов этой прозы как этическое самовыражение, неповторимость их мышления, а «стилевой синтез как выражение этического синтеза». Открывалась и динамика, изменение стиля и сознания под воздействием меняющейся реальности (историзм был противодействием мифологизации эпических ценностей, позволял видеть и развитие, и остановку в развитии эпического сознания).

Естественным в научном движении самой Н. И. Великой был поворот к изучению жанровых форм русской литературы XX в., прежде всего к синтетической форме романа-эпопеи (от А. Толстого и М. Шолохова к В. Гроссману). Очевидно, что жанр позволял преодолеть описательность и каталогизацию поэтики эпического, выстроить законы художественных структур, художественный код, позволяющий прочесть в образе конкретных событий картину мира. Роман-эпопея давала возможность обнаружить генетическую память в современном художественном мышлении, архаику эпических ценностей воспринять как актуальную, т. е. хранящую нерелятивные критерии. «Тихий Дон» М. Шолохова прочитывается Н. И. Великой как «жанровый и стилевой синтез» (название её монографии 1983 г.), а значит, синтез современного и вечного. Примеча-

телен подход Н. И. Великой к жанровым законам как законам, регулируемым «художественным сознанием» автора, «степенью проникновения в сущностные начала бытия», «мерой художественного обобщения», как она пишет в этой монографии. Подобные формулировки дают основание полагать, что как филолог Великая понимала тенденцию к нарушению «меры художественного обобщения» в литературе советского периода, однако её установка – выявить органичные явления в русской литературе XX в., как бы ни различной была высота таланта художника.

В постсоветский период, оставаясь верной изначально избранной литературе, Великая обращается к литературе раскола, к литературе первой русской эмиграции. Это не дань времени, а потребность в поиске целостного суждения об эпохе, необходимость выявить другие аргументы, другие ценностные подходы к реальности, заглушённые господствующей идеологией. Не смена ориентации, а расширение круга интерпретации произошла в её работах и работах её учеников о писателях первой русской эмиграции, например, в небольшой книге «Воскреснуть, вернуться в Россию...» (1996). И снова Великая пытается сопрягать разные суждения о мире с «другого берега»: И. Бунин, Д. Мережковский, И. Шмелёв, М. Осоргин, В. Ходасевич, В. Набоков... Вместе с тем очевидно смещение интереса к личностному сознанию, не к хору, а к одинокому голосу.

Видимо, осознание деформации народного сознания, превратившегося в массовое сознание, следующее стереотипам, извне привнесённым и добровольно принятым, привело Н. И. Великую к исследованию персонального художественного сознания, ориентированного не на манифестацию ценностей, а на их проверку, на художественный эксперимент, на демифологизацию сознания. Та же причина лежит в том, что Н. И. Великая в последние десятилетия всё чаще обращалась к интерпретации современной литературы (в том числе и прозы третьей русской эмиграции). Она чутко уловила смену художественного сознания, о чём размышляла всегда. Именно соединение устойчивых, выверенных подходов к литературе и новых, требуемых изменившимся кодом художественности, позволило Н. И. Великой высказывать несуетное суждение о литературе, которая рождалась на глазах, которая менялась прихотливо, не считаясь с филологическими концепциями и проверяя эти концепции. Нужно было внутреннее мужество открывать смыслы не завершённой, а становящейся литературы, и Нина Ивановна Великая достойно исполняла миссию толкователя рождающихся слов.

P.S. В ту томскую осень 2004 г., проходя по университетской роще мимо белокаменного главного корпуса, мимо величественного здания научной библиотеки, Нина Ивановна очень просто заметила: «Как это прекрасно и это переживет нас!» Вряд ли она тогда думала, насколько эти слова станут пророческими. Судьба жестока, но благодарна память. «Великая с Тихого», оставаясь живым воспоминанием, продолжается в своих учениках, становясь уже немного мифом...

ПАМЯТИ С.Ф. КРИВШЕНКО

Сергей Филиппович Крившенко – Учитель, Ученый, доктор филологических наук, профессор Дальневосточного государственного университета, заведующий кафедрой, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей России, член Общества изучения Амурского края.

Книги С. Ф. Крившенко отразили ту тему, которая стала главной в его жизни и научной деятельности, – литература Дальнего Востока, землепроходчество россиян и проблема русского национального характера. В поле его обозрения попадала литература от Ломоносова и Пушкина, отозвавшихся о Дальнем Востоке, о землепроходцах и мореходах, до Пржевальского, Арсеньева и писателей наших дней. С полным правом можно сказать, что именно С. Ф. Крившенко открыл богатейший мир документальной маринистики, очерково-мемуарной и художественной литературы, посвященной освоению дальневосточных земель, начиная с самых ранних литературных свидетельств – летописей о походе Ермака и описаний продвижения первых русских землепроходцев к берегам Тихого океана. Изучению дальневосточной литературы профессор С. Ф. Крившенко посвятил всю свою научную деятельность.

В 1992 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького им была защищена докторская диссертация «Типология народного характера и жанровые искания в русской советской прозе, посвященной истории Дальнего Востока». В разное время С. Ф. Крившенко издано много книг, среди которых, в первую очередь, необходимо назвать монографии «Утверждение мужества» (Хабаровск, 1974), «Дорогами землепроходцев» (Хабаровск, 1984), «Героика освоения и социалистического преобразования Дальнего Востока в русской и советской литературе» (Владивосток, 1985), «Берег Отечества» (Москва, 1988, удостоена премии Союза писателей России). Сергей Филиппович также автор и других интересных книг: «История русской литературы Дальнего Востока» (Владивосток, 1994), «Русское дальневосточное литературное зарубежье» (Владивосток, 1995), «Герои и антигерои. Героическое и трагическое в романе А. Фадеева «Разгром»» (Владивосток, 2002), научно-популярной книги «Плывать по морю необходимо. Русские мореплаватели в жизни и литературе» (Владивосток, 2001). Сергей Филиппович был составителем таких очень нужных книг, как «Хрестоматия по истории Дальнего Востока», антология «Сто

лет поэзии Приморья». Последней книгой Сергея Филипповича стала энциклопедия «Писатели Приморья», которая сейчас находится в издательстве.

В течение многих лет Сергей Филиппович возглавлял кафедру истории русской литературы XX в. и теории литературы в ДВГУ. Под его руководством на кафедре начались фундаментальные разработки нового научного направления – литературы русского дальневосточного зарубежья, восточной ветви русской эмиграции. Молодые дальневосточные литературоведы, работавшие под руководством С.Ф. Крившенко, внесли значительный вклад в изучение этого удивительного «материка русской культуры» в Китае. Это диссертации, посвященные творчеству Арсения Несмелова, Николая Байкова, Вс.Н. Иванова. И сейчас мы с полным правом можем говорить о **научной школе**, созданной С. Ф. Крившенко. Сергей Филиппович поддерживал исследования молодых ученых, передавал им накопленный колоссальный опыт и поистине энциклопедические знания в области русской истории, литературы и литературной критики. Его ученики сегодня успешно работают не только в России, но и за рубежом, продолжают вести научные исследования в области региональной литературы, тем самым доказывая ее значимость и уникальность, а вместе с тем – ориентацию на глубинные традиции русской классической литературы.

С. Ф. Крившенко был связан тесными научными контактами со специалистами из других вузов страны, с учеными-литературоведами Азиатско-Тихоокеанского региона. Он был удивительным человеком, совмещавшим «классическую» научную деятельность с «живым» писательским творчеством. Сергей Филиппович писал стихи, басни, пел и переводил украинские песни, планировал написать пьесу. А своими статьями он воспитал не одно поколение поэтов, прозаиков, критиков! Удивительны были работоспособность и широта научных интересов ученого, имевшего более 400 публикаций.

Подвижник, энтузиаст своего дела, С. Ф. Крившенко всеми своими поступками и делами содействовал нравственному воспитанию не одного поколения учеников. Он был могучим, жизнерадостным, талантливым и добрым.

Сергей Крившенко – поэт, патриот, гуманист, человек большой души и открытого щедрого сердца. В этом году у него юбилей – 6 октября ему исполнилось бы 75 лет...

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Философская общественность России понесла тяжелую скорбную утрату: 26 октября 2005 г. ушел из жизни Кохановский Валерий Павлович – крупный специалист в области философских исследований проблем познания, научной методологии, диалектики, доктор философских наук, профессор.

В. П. Кохановский родился в Ростове-на-Дону 4 мая 1939 г. Его творческая биография была связана в большей степени с Северо-Кавказским регионом. Он известен как организатор и активный участник многих философских и научных форумов. Под его научным руководством осуществлялись многие проекты в области теоретических философских исследований, а также в направлении популяризации философского знания. В свою очередь, педагогическая и наставническая деятельность В.П. Кохановского не ограничивалась рамками какого-либо региона нашей страны. Его многочисленные ученики и последователи трудятся в различных вузах и научно-исследовательских коллективах далеко за пределами юга России, творчески развивая идеи своего учителя.

Формирование и становление В. П. Кохановского как философа и ученого происходило в ведущем вузе юга России – Ростовском государственном университете, который он окончил в 1961 г. В 1968 г. после обучения в аспирантуре на кафедре философии Ростовского инженерно-строительного института В.П. Кохановский успешно защитил кандидатскую диссертацию «Категория возникновения» (научный руководитель доктор философских наук, профессор А. М. Минасян – авторитетнейший специалист в области диалектической логики). Свои научные интересы тогда еще молодой ученый формулирует и отстаивает, используя отнюдь не партийно-идеологические и «официально принятые» аргументы (что в силу общеизвестных обстоятельств было весьма распространено в те годы), но на широком фоне историко-философских достижений российских и зарубежных мыслителей.

Дальнейшее развитие творческого научного потенциала В.П. Кохановского отражено в исследованиях методологических проблем диалектической логики. Докторская диссертация – «Историзм как принцип диалектической логики» – была защищена им в 1980 г. Историзм рассматривался автором работы не столько как принцип так называемого «внешнего анализа» различных

предметных областей объективной и субъективной реальности, но как основание самокритики диалектической логики, фундаментом ее антидогматического развития. Для восьмидесятых годов прошлого столетия данное положение могло обернуться концом профессиональной карьеры выдвинувшего его автора. Однако это не послужило автору диссертационного исследования поводом для отказа от честного и открытого обсуждения своих идей среди философской и научной общественности.

С 1973 года В.П. Кохановский связывает свою профессиональную деятельность с кафедрой диалектики и методологии философского факультета РГУ. В 1984 г. он становится заведующим кафедрой, в должности которого проработал более 20 лет. В течение пяти лет (1984–1989) В.П. Кохановский был деканом философского факультета РГУ. Демократизм, компетентность в профессиональных вопросах организации учебного процесса, принципиальность, порядочность, уважительное отношение к коллегам и студентам, требовательность и коллегиальность в управлении были неотъемлемыми признаками стиля его руководства. Лекции декана о диалектической логике, о методологии познания были весьма далеки от сухого академизма официально одобренных положений и суммы общеизвестных цитат классиков марксизма-ленинизма. Это был диалог с аудиторией в высоком философском стиле, это был поиск и исследование законов самого разума, влекущих его за собственные пределы, это был открытый и честный разговор о жизни, о судьбах страны и творческой личности.

В последнее десятилетие своего творчества В. П. Кохановский осуществлял широкую организационно-редакторскую работу по выпуску учебников и учебных пособий по философским дисциплинам. В этом отношении стоит упомянуть следующие издания, широко известные в вузовских кругах: «Философия. Учебник для вузов» (Ростов-на-Дону, 1995, 1997); «Диалектика Владимира Соловьева. Рациональное содержание и актуальный смысл» (Ростов-на-Дону, 1995); «Философия и методология науки. Учебник для вузов» (Ростов-на-Дону, 1999); «Герменевтика и диалектика» (Ростов-на-Дону, 2002); «Социально-гуманитарная методология Макса Вебера» (Ростов-на-Дону, 2003); «Основы философии

науки: Учебное пособие для аспирантов» (Ростов-на-Дону, 2004); «Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания)» (Ростов-на-Дону, 2005).

В своих трудах В. П. Кохановский последовательно и полно разрабатывал принципы диалектики, всесторонне исследовал проблемы взаимосвязи уровней философской и научной методологий, специфики познания социальных явлений. Одна из центральных идей автора заключалась в том, что все элементы диалектики являются универсальными нормами, всеобщими регулятивами всех форм деятельности людей, а не только познания. Материалистическая диалектика рассматривалась им как система регулятивных требований всеобщего уровня, направляющих ход практики, логику социального творчества.

Личность В.П. Кохановского словно олицетворяла собой диалектические положения и принципы. Яркий, полемический, зачастую чрезмерно острый для собеседника способ излагать свои мысли был весьма характерен для него. Он называл вещи своими именами. Несмотря на то, что его оппоненты нередко занимали высокое положение или руководящие должности, бездарность он называл бездарностью, а глупость – глупостью. Открытость и прямота суждений, безусловно, не каждому приходились по душе. С присущей ему рациональной критикой и иронией относился он и к собственным философским исканиям.

Память об этом удивительном человеке, выдающемся ученом, оригинальном мыслителе останется в сердцах его многочисленных учеников. Творческое наследие Валерия Павловича Кохановского займет достойное место в современной отечественной философии.

*Доктор философских наук А.В. Туркулец,
кандидат социологических наук С.Е. Туркулец*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п.л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п.л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п.л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5" и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом.

Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются. Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания должны быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовков, подписей под рисунками, формул и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т.д.) должна иметь одинаковое начертание.

Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210 × 297 мм); шрифт – «Times New Roman» №14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6-10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3235. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение Кассир	<u>Дальневосточный государственный университет путей сообщения</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158</u> № <u>40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) <u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> (наименование банка получателя платежа) <u>БИК 040813001</u> № <u>06022339920</u> (номер Л/кс) № <u>272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на <u>Дальнем Востоке» на 2006 год</u> (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция Кассир	<u>Дальневосточный государственный университет путей сообщения</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158</u> № <u>40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) <u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> (наименование банка получателя платежа) <u>БИК 040813001</u> № <u>06022339920</u> (номер Л/кс) № <u>272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на <u>Дальнем Востоке» на 2006 год</u> (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1(9) 2006

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2006 г. Поз. 11.1. ИД № 05247 от 2.07.2001 г.
Сдано в набор 31.02.2006 г. Подписано в печать 27.03.2006 г.
Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 21,3. Зак. 40. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.